

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

6

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

6

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

6

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т78

Издание основано в 1997 году

Редакционная коллегия:

А.Н. Сахаров (ответственный редактор),
Г.Б. Куликова, Е.Н. Рудая

Научно-техническая работа выполнена

И.А. Головань

Рецензенты:

доктор исторических наук *И.Б. Орлов*,
кандидат исторических наук *А.В. Голубев*

Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. – М. : Наука, 1997– .

Вып. 6 / [отв. ред. А.Н. Сахаров]. – 2006. – 329 с. – ISBN 5-02-035063-X (в пер.).

Выпуск продолжает традицию публикации прочитанных на заседаниях Ученого совета Института и его секций научных докладов, которые сопровождаются материалами дискуссий по актуальным проблемам отечественной истории. В настоящей книге затронуты такие темы, как роль науки в объединяющейся Европе, истоки российской государственности, аграрная история России в 1930–1980-х годах, в том числе в Центральном Черноземье в 1930 г. (использованы рассекреченные документы Центрального архива ФСБ РФ и архивов Курской области), международное положение СССР в послевоенный период и др. Вызывает интерес доклад “Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа” в свете русско-украинских отношений в последние годы.

Для историков, преподавателей и студентов вузов.

Темплан 2006-II-336

ISBN 5-02-035063-X

© Институт российской истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Труды Института российской истории” (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Хенрик Самсонович</i> Наука в объединяющейся Европе	8
---	---

ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

<i>М.Е. Бычкова</i> Николай Петрович Лихачев (12(24).04.1862–14.04.1936)	18
---	----

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

<i>А.П. Богданов</i> Кто построил Русское государство	34
<i>Г.А. Санин</i> Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа	65

ИСТОРИЯ РОССИИ. XIX ВЕК

<i>В.М. Хевролина</i> Российский дипломат граф Н.П. Игнатъев: личность, программа, тактика	99
---	----

ИСТОРИЯ РОССИИ. XX ВЕК

<i>Г.В. Мелихов</i> Русская “Нечаевская дивизия” в армии северных китайских милитаристов. (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы	120
<i>О.В. Будницкий</i> Колчаковское золото: конец легенды	140
<i>М.А. Безнин, Т.М. Димони</i> Аграрный строй России в 1930–1980-е годы	161

<i>В.И. Михеев</i>	
Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 году	188
<i>Л.Н. Денисова</i>	
Сельские женщины России во второй половине XX века	219
<i>А.А. Иголкин</i>	
Символы исторической памяти на страницах советских газет в 1925–1939 гг.	238
<i>К.Е. Черевко</i>	
Территориальная проблема в российско-японских отношениях	258
<i>Н.Е. Быстрова</i>	
Формирование военно-блокового противостояния в Европе (1949–1955 гг.)	276
<i>Ф.И. Новик</i>	
СССР и события в ГДР в июне 1953 г.	305
Сведения об авторах	327

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт российской истории РАН публикует шестой выпуск своих трудов¹. Он знакомит читателя с рядом последних научных разработок по различным проблемам отечественной истории, которые были освещены в докладах на заседаниях Ученого совета института и его секций, а также в дискуссиях, развернувшихся в ходе их обсуждения. Как и в предыдущих выпусках, в сборнике трудов раскрываются прежде всего малоизученные и спорные проблемы, охватывающие широкий срез истории России – от глубокой древности до второй половины XX в.

В публикуемом сборнике шире, чем ранее, представлены доклады специалистов из других стран и научных центров страны, тематика докладов, переработанных авторами в статьи, также стала более разнообразной.

В предыдущих выпусках почти не встречались статьи по историографии. В настоящем выпуске публикуется статья доктора исторических наук М.Е. Бычковой о крупнейшем историографе и источниковеве конца XIX – начала XX в. Н.П. Лихачеве.

Выдающийся польский ученый, профессор, председатель Отделения общественных наук Польской академии наук, академик Хенрик Самсонович выступил с докладом “Наука в объединяющейся Европе”, обратив главное внимание на организацию сотрудничества на уровне академий разных стран и индивидуальных контактов ученых при изучении истории своей страны и отдельных регионов.

Статья доктора исторических наук А.П. Богданова посвящена начальному этапу истории строительства русского государства княгиней Ольгой.

Взаимоотношения России и Украины через впервые вовлекаемые в научный оборот российские и украинские источники, раскрывающие биографии Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы, показаны в статье доктора исторических наук Г.А. Санина.

Доктор исторических наук В.М. Хевролина рассматривает личность, программу, тактику, т.е. основные аспекты действий

в сфере внешней политики крупнейшего дипломата XIX в. – графа Н.И. Игнатьева.

Большая часть докладов посвящена истории России XX века. Доктор исторических наук Г.В. Мелихов разработал интересную тему об участии русских эмигрантов в вооруженных действиях китайских милитаристов в 1920-е годы. Речь идет о “Нечаевской дивизии”, сформированной из русских военных, отступивших в октябре–ноябре 1922 г. из Приморья на территорию Китая. Автор остановился на наиболее неизученных вопросах формирования рядового и командного состава этого подразделения.

Доктор исторических наук О.В. Будницкий представил интересный материал о той части золотого запаса Российской империи, которая оказалась под контролем правительства А.В. Колчака. Аргументированный доклад, основанный на архивных источниках, кладет конец досужим вымыслам о возможности разыскать и использовать этот “клад”.

Оживленную и острую дискуссию вызвал доклад коллег из Вологодского государственного педагогического университета – доктора исторических наук, проректора по научной работе, заведующего кафедрой истории России М.А. Безнина и докторантки университета Т.М. Димони, связанный с аграрным строем России в 1930–1980-е годы. В стенограмме обсуждения отражены различные, иногда спорные оценки идей, высказанных авторами доклада.

Докторант института, кандидат исторических наук, сотрудник Академии Федеральной службы Безопасности Российской Федерации В.И. Михеев остановился на истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья в 1930 г., показав не только особенности работы ОГПУ в тот период, но и сложные аграрные и социальные отношения в первые годы коллективизации.

Продолжая разработку аграрно-демографической тематики, в сборнике публикуется статья доктора исторических наук Л.Н. Денисовой “Сельские женщины России во второй половине XX века”.

Подлинно новаторскую тему избрал для доклада доктор исторических наук А.А. Иголкин “Символы исторической памяти на страницах советских газет в 1925–1939 гг.”, в котором приведены доказательные параллели с западными средствами массовой информации.

Три статьи связаны с раскрытием внешнеполитических проблем XX в. Известный специалист по Японии доктор исторических наук К.Е. Черевко проанализировал территориальные проблемы в российско-японских отношениях второй половины XX в. Кандидат исторических наук Н.Е. Быстрова, опираясь на архив-

ные, до сих пор недоступные историкам источники, раскрыла сложную многоплановую тему “Формирование военно-блокового противостояния в Европе (1949–1955 гг.)”, связанную с образованием НАТО и Варшавского договора. Доктор исторических наук Ф.И. Новик избрала для статьи тему “СССР и события в ГДР в июне 1953 г.”.

¹ Предыдущие выпуски выходили: Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996 г. М.: ИРИ РАН, 1997. Вып. первый; Труды Института российской истории РАН. 1997–1998. М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. второй; Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. третий. Труды Института российской истории. М.: Наука, 2004. Вып. четвертый. Труды Института российской истории. М.: Наука, 2005. Вып. пятый.

Хенрик Самсонович

НАУКА В ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ*

В начале второго тысячелетия нашей эры, когда крепла цивилизация старого континента – Европы, соединившая с иудео-греко-римским субстратом германские, славянские, угро-финские, балтийские народы, был сформулирован столь же оптимистический, сколь и неверный взгляд, согласно которому существуют три власти, правящие миром – это духовные лица, светские правители и интеллектуалы. Триада, охватывавшая сферу духа, общества и ума, должна была обеспечить строительство созданного в мечтах, желанного, идеального государства.

Реальная история Европы, как известно, прошла совсем иначе. Христианское сообщество подверглось расколу первоначально на две главные части – католическую и православную, потом на много других конфессий; идея универсальной империи, опирающаяся на миф древнего Рима (в восточном или западном исполнении), с самого начала сотрясавшаяся войнами и внутренними сумятицами в разных странах, окончательно пришла в упадок в Новое время и была заменена соперничающими друг с другом политическими укладами. Идеологии, вместо того, чтобы стать мостом согласия, становились фактором, разделяющим государства, общества, народы. Даже универсальный язык искусства, вплоть до XX в. не признававший границ, иногда по политическим причинам скорее разделял, чем объединял людей. (Частичным достойным похвалы исключением была Восточная Европа, которая на территориях Речи Посполитой Обоих Народов сумела соединить готику с византийскими фресками, а в России – итальянское барокко с традиционным русским искусством).

Не стоит создавать очередной миф о том, что сохранилось только сообщество людей науки, ибо оно никогда не было монолитом; имманентной чертой ученых кругов, без которой они не могли бы эффективно развивать науку, является плюрализм, гарантирующий развитие все новых областей знаний. Разнообразие исследовательских позиций, как ни парадоксально, составля-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 ноября 2003 г.

ет в то же время связь, соединяющую ищущих истину о мире, опираясь на проверяемые и верифицируемые (по крайней мере, в представлении современников) методы деятельности. Тех, кто хотя бы в теории исходит из того, что истина познаваема.

Знания, передаваемые людьми Церкви в ранний период формирования политического порядка Европы, – независимо от их установок и достижений – составляли единую, понятную по крайней мере для тогдашних элит систему знаков и набор истин, основанных на признанных аксиомах. Раскол в Церкви поделил ученых, но – что имеет много аналогий и в недавние времена – помимо различий в официальных взглядах, – взаимный опыт был не только известен, но и использовался в теориях и отразился в эффектах практических действий. Формы организации научной жизни также были сходными, хотя на Востоке они по-прежнему связывались прежде всего с монастырскими сообществами, а на Западе стали появляться новые, иногда светские учреждения – университеты. Цель их деятельности бывала четко определенной в документах, издаваемых в связи с созданием этих институтов: они должны были служить различным потребностям тогдашних обществ, т.е. они должны были обучать духовенство, юристов, врачей, дипломатов, готовить все более широкие круги чиновников старых и новых государств, но, как все, связанное с кругами людей – умственных работников, почти с самого начала были центрами, – как бы мы сегодня сказали, – также фундаментальных исследований. В рамках свободных искусств, представляющих вступление к изучению философии, появлялись все новые познаваемые и описываемые области знаний: астрономия, математика, физика, история, география и, наконец, – *last but not least* – рассуждения о сущности мира, философские концепции, подчас актуальные по сей день. Теоретически те университеты, которые подчинялись церковной власти, должны были служить людям, жившим на определенной территории: государства, епархии, провинции. В действительности обмен идеями и мыслями, перемещение людей с места на место происходило на всей территории, которая первоначально простиралась от Лериды до Кракова и от Оксфорда до Пешта. Интересно, что карта самых старых университетов показывает, может, случайно, географический охват самоуправленческих городов, сословных собраний, зачатков гражданского общества. А также показывает территорию, на которой возникла и развивалась капиталистическая экономика. Чистая ли это случайность или же следствие интеллектуального тренинга “яйцеголовых” университетских кругов?

Любознательность ученых вела к познанию достижений науки вне пределов европейской культуры. Достаточно упомянуть

здесь известные в Европе труды арабских или еврейских ученых. Использование результатов научных размышлений в масштабе многих культур, конфронтация взглядов и не раз острая полемика – все эти явления переходили из одного центра в другой через многочисленные границы, иногда разделяющие враждебные друг другу государства. Впервые в таком масштабе в Европе рождалось культурное сообщество, характеризующееся тем, что оно не могло быть определено линейной границей.

В XVII в., как полагают многие исследователи прошлого, образовалась вторая после проектов восстановления Римской империи объединенная Европа, *Republique des Lettres*, *Republica Literaria*, географически еще нечетко определенная. Она была не только сообществом людей, стоящих над политическими и религиозными разделами, но также отходила от монополии университетских кругов. Разумеется, некоторые высшие учебные заведения сохранили свою ведущую роль во многих областях знаний, но создавались и развивались также новые, а изобретательская теория и практика, творческие мысли, формирующие новые взгляды, возникали также вне университетской среды.

Причинами этих процессов, по-видимому, были: отход от жестких схем мышления, открытость к восприятию новых идей и новых общественных потребностей, широкий доступ к тогдашним средствам массовой информации и – что следует подчеркнуть особо – растущий уровень начального образования. Обмен мнениями, исследовательскими предложениями происходил между интеллектуальными центрами в Санкт-Петербурге, Вене, Берлине, Париже, Лондоне, между все более многочисленными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, осуществлявшими новые, технически все более важные внедрения. Этот обмен создавал общий язык науки, формировал однородные или схожие рабочие места, давал возможность большего сближения между людьми, чем десятки межгосударственных договоров, династических связей или мирных договоров.

Эти известные события стоит вызывать в памяти потому, что они позволяют сделать более широкие выводы относительно будущего. Без сомнения, одной из опор объединяющейся Европы является научное сообщество. Конечно, это возможно при условии, что в соответствии с древней докторской присягой члены сообщества будут заботиться о том, чтобы “действовать не для тщеславной выгоды, но чтобы гласить больше правды и разносить ее свет”. В эту несколько наивную формулировку вмещается идея осуществления общего блага. Общего не только для многих ученых, но и для всего рода человеческого.

Такие задачи, независимо от возможности их осуществления, необходимы при образовании межчеловеческих сообществ, в том числе тех, которые современная Европа, как представляется, в состоянии реализовать. Договоры, заключенные в Болонье, предусматривают создание единой системы присвоения ученых степеней научными советами разных стран, поддерживающими определенные процедуры продвижения, тесное сотрудничество исследовательских единиц, возможность обмена кадрами, передвижение студентов между высшими учебными заведениями. Есть шанс создать великую республику обучающихся и учащихся.

Ибо не подлежит сомнению, что в эпоху рождающейся глобальной цивилизации и особенно в точных, экспериментальных, технических исследованиях наука едина и неделима. Конечно, такой взгляд не означает, что ограничены возможности создания разных исследовательских школ, разных методологий, авторских способов ведения поисков и обучения адептов знаний. Широкая дискуссия, возможная с помощью современных средств информации, является условием развития науки. Знание многих методов, всеобщее верифицируемых и обсуждаемых, облегчит выбор очередных обогащающих знания действий. В то же время это позволит сделать своего рода рейтинг и различных научно-исследовательских центров, и результатов, получаемых в разных центрах. Может быть, на первый взгляд, несколько иначе обстоит дело в гуманистических областях. И в них также “сквозь зернышко риса можно усмотреть глобальные проблемы”, как сформулировал это Фернан Бродель, один из выдающихся теоретиков современной гуманистики. Однако эти науки предъявляют к исследователям несколько иные требования. Они реализуют не только познавательные потребности, учат несколько иному типу мышления, но и отвечают на требования сообщества, для которого функционируют. Для членов государственных, религиозных, национальных сообществ они являются основой их идентификации, определения их тождественности, обеспечивают сохранение коллективной памяти. Благодаря им, благодаря этой памяти, дают место во времени и пространстве, учат о многообразии и разнообразии нынешнего мира. Если ценностью сегодняшней культуры является ее разнообразие, необходимый элемент понимания человека, то, благодаря именно гуманитарным наукам, эта ценность обеспечена и лучше познаваема.

Это, конечно, не означает, что достижения в гуманитарных областях знаний в конкретных обществах не могут быть сравнимыми с достижениями во всеобщем масштабе, что специалисты по национальной или даже локальной истории не будут участвовать во всеобщем научном сообществе. Хорошо изученный и

проанализированный конкретный опыт истории, культуры, искусства, не говоря уже об экономике, является достижением, которое, даже если не сможет быть примененным или использованным в других обществах, может великолепно расширять и исследовательские поля, и применяемые методы познания. Не говоря уже о том, что успехи последних десятилетий – археологии в познании древнейшей истории человечества, психологии и социологии – в анализе коллективных способов поведения, определенно представляют важный вклад во всеобщие знания. Очевидно также, что всякого рода изучение контактов между обществами – в масштабе племен, государств, континентов – облегчает политические действия, познание хозяйственных отношений, общественных настроений и самого разнообразного, исторически обусловленного коллективного недовольства. Хороший политик знает, что всегда должен принимать эти выводы во внимание, так же, как в эпоху современной экономики должен учитывать определения экономических наук.

Для объединяющегося нынешнего мира особое значение имеют исследования, посвященные широко понимаемой культуре. Нет необходимости говорить здесь о роли музыки – и серьезной, и популярной – в формировании платформы согласия между людьми всех поколений. Художественная литература не только является одним из столпов, на которые опирается национальное сообщество, ведь без нее не были бы возможны общие или расходящиеся, но всегда дискутируемые человеческие ощущения. Правда, после короткого перерыва, вызванного изобретением Гутенберга, мы возвращаемся, кажется, к передаче информации в картинках, но, во-первых, это очень важный предмет исследований, касающихся пропаганды, общественных настроений, способа передачи многообразного содержания, а, во-вторых, искусство всегда являлось одним из важнейших факторов создания сообществ. Благодаря искусству, люди научились переживать красоту, получали общий ее канон.

Эти, возможно, не новаторские замечания, должны быть подтверждением генерального тезиса. В мире, терзаемом, к сожалению, конфликтами, все время ищущем общую цель, не всегда достижимую, общий язык, объединяющий людей, цель, которая не всегда может быть достигнута политическими или хозяйственными действиями, ближе всего к объединению, как представляется, находится мир науки. Уже сейчас он весьма однороден, уже сейчас так же, как это имело место в ограниченном масштабе в прошлом, он образует в действительности сообщество, существующее над государственными делениями. Наверно, мир науки не может быть третьей силой, правящей миром. Но несомненно он

должен быть одной из опор, на которых строится единство человеческого сообщества. Впрочем, декларации на эту тему формулировались издавна. Они с наибольшим вниманием должны учитываться при планировании развития объединяющейся Европы, а особенно при организации – добавим, и финансировании – исследований. При этом должен приниматься во внимание голос тех, кто познание мира считает своей миссией.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.Н. Сахаров. Мы заслушали выдающегося польского ученого, профессора, председателя Отделения общественных наук Польской академии наук, академика Хенрика Самсоновича, который любезно согласился выступить с докладом “Наука в объединяющейся Европе”.

Х. Самсонович – один из выдающихся польских ученых XX и начала XXI в., профессор Варшавского университета, академик Польской академии наук и академик Польской академии знания. Он является членом многих иностранных научных обществ и исследовательских институтов. Среди основных работ академика Самсоновича назову несколько, для того чтобы дать возможность понять ареал исследований этого ученого: “Золотая осень польского средневековья”, “Наследие средневековья”, “Место Польши в Европе” и ряд других работ, касающихся в основном общеевропейских цивилизационных проблем, места Польши и других стран в развитии европейского сообщества в период Средневековья и в другие века, истории России, Польши и Европы.

В.Д. Есаков. Профессор Самсонович, Вы упомянули про Болонские договоры. Они составлялись, как Вы сказали, представителями государств, входящих в объединяющуюся Европу. В таком случае почему в последнее время совершенно не слышно о Союзе мировых академий и о Международном союзе научных обществ, принимали ли они в этом участие? Ведь в течение всего XX в. они играли чрезвычайно большую роль в объединении мировой научной общественности.

Г.Д. Алексеева. Не является ли Ваша концепция о науке в объединяющейся Европе возвращением к европоцентризму, к концепции, которую в последнее время разрушали американцы. Эта концепция не несет в себе элементы отрицания. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Вы перечисляли науки, которые могут включиться в разрешение очень важных и сложных проблем нашего объединения, науки и сообщества. А почему Вы не назвали евро-

пейскую философскую мысль? Она ведь самая богатая по своим возможностям объединения, и она играет колоссальную воссоединительную роль.

Д.В. Лисейцев. Как известно, заниматься историей Смуты начала XVII в., как и многими другими вопросами, невозможно без соприкосновения с источниками. Мы хорошо представляем себе современное состояние польской историографии по истории Смуты. Возможно ли какое-то концептуальное сближение в исследовании проблематики Смутного времени, которое изучается и в России, и в Польше? Ведь очень долгое время позиции российских и польских ученых по этой достаточно большой теме были диаметрально противоположными.

Х. Самсонович. Что касается сотрудничества академий, я думаю, что здесь есть три возможных уровня, о которых можно говорить.

Во-первых, существуют научные учреждения, главной задачей которых является именно организация сотрудничества. Это связано с государственной политикой, поэтому многие замечания и некоторые фрагменты своего доклада я обращал именно к политикам, которые должны предоставить материальные средства, а также и другие возможности для того, чтобы научные учреждения могли реализовать практически то сотрудничество, которое им необходимо для развития науки. Наибольших результатов удается достигнуть, когда ученые берут в свои руки решение этих проблем, и иллюстрацией этого является договор, подписанный научным сообществом в Болонье в 2003 г. Он касался универсальности оценок, универсальности научных степеней по признаваемости, и это можно было бы реализовать.

Болонский договор касается довольно многих стран. В этих странах будут созданы так называемые аккредитационные комиссии, которые будут определять уровень научных знаний, уровень обучения в различных учебных заведениях.

Наконец, еще один уровень контактов – это индивидуальные контакты. Личные контакты, личное знакомство также дают очень хорошие результаты в науке, как и результаты договоров, подписанных на самых высоких уровнях.

Вопрос Г.Д. Алексеевой касается определенной методологической дискуссии. Эта концепция была выдвинута ученым из Чикаго Валлерштайном, она получила свое развитие в области истории как концепция различных центров и периферии. В ней есть и рациональное зерно, и иррациональное зерно.

Рациональное зерно касается в основном того времени, когда существовали объединения (их не всегда можно назвать государствами), в которых отдельное хозяйство, отдельная экономика

представляли замкнутые образования. Что касается Европы, то, по моему глубокому убеждению, начиная с XIII в. эта концепция не отвечает реальности, поскольку на многих стыках образовывались именно такие центры культуры.

Помню, как я сам, будучи еще бедным студентом во Франции, из Парижа приехал в какую-то альпийскую деревню. И вот хозяин, у которого я остановился, чтобы понять, где находится Польша, начал ее искать в энциклопедии через иллюстрации. И не нашел ее. Но это была периферия, которая находилась просто рядом с центром.

Так что я думаю, здесь тоже можно было бы найти подобные примеры. И поэтому с этой теорией Валлерштайна я был бы очень осторожен.

Что касается польских студентов, то около 300 тыс. студентов в настоящее время обучаются за пределами Польши.

Теперь вопрос, касающийся того, возможна ли выработка какой-то общей концепции в исследовании исторических событий во время “Смуты”. У меня нет никаких сомнений, что это возможно. Проблемы отношений между поляками и немцами во многих случаях гораздо сложнее, чем проблемы взаимоотношений русских и поляков, и поверьте мне, по большинству вопросов нет таких непреодолимых противоречий в области психологической, эмоциональной, идеологической и даже политической. Если речь идет о противоречиях XVI–XVII вв., то многие исторические события XIX и XX вв. уже не являются такой сложной проблемой. Разумеется, есть люди, для которых переживания определенных исторических событий были очень важными в их жизни, определяли их дальнейшую жизнь. И здесь нужно сказать, что в течение 150 лет история заменяла полякам те функции, которые выполняют государство, армия, образование и т.д., и отсюда долго живущие мифы, которые формировали сознание широких масс.

Речь идет о том, чтобы государства развивались нормально. Примером могут служить Франция и Германия, где можно совершенно в спокойном тоне говорить о Седане и об убиенных. Только французы утверждают, что англичане какие-то странные, потому что во Франции ставят памятники победителям Аустерлиц, Маренго, а в Англии неизвестно почему ставят памятники проигравшим битву, например, Трафальгару.

А.Н. Сахаров. Нам было очень интересно заслушать доклад академика Самсоновича о роли науки в объединяющейся Европе. Это очень важно для нас потому, что мы узнали точку зрения и тенденции элиты современной польской науки. Академик Самсонович является лидером общественных наук в Польше. И мы

чувствуем, каковы подходы сегодня в этом элитарном слое, очень влиятельном, определяющем тенденции науки и преподавания в Польше.

Я думаю, что это очень важно еще в связи с тем, что мир сегодня находится в довольно странной ситуации, когда все меньше и меньше людей озабочены единством мира, когда говорят о борьбе мусульманского пояса против христианского севера, когда терроризм развивает свою деятельность во всех частях земного шара, когда тлеют и возгораются пожары новых войн.

На рубеже веков, в начале XXI в. все больше и больше крепнет тенденция среди цивилизованного мира к единству, к интеграции, к общей Европе. В этих условиях очень важно понимать те тенденции, которые сегодня главенствуют, доминируют в интеллектуальных, научных сферах европейских стран, в том числе и в Польской академии наук.

Академик Самсонович очень хорошо подчеркнул роль науки на различных этапах истории в объединении европейского мира. Но одновременно он произнес фразу, с моей точки зрения, абсолютно правильную, но очень рискованную для догматиков. Он сказал, что развитие знаний и объединяющая роль знаний всегда соседствуют с непризнанием аксиом и поиском плюрализма.

Наука характеризуется, как правило, непризнанием устоявшихся догм, но порой, к сожалению, и непризнанием плюрализма. Я думаю, что настоящая наука, – это та, что не признает аксиом, но признает плюрализм. Неоднократно мы говорили о том, что историческая наука, если она является объективной, честной, нередко действует раздражающе.

Я выскажу, профессор Самсонович, может быть, крамольную мысль. Если какие-то научные выводы не устраивают ни правых, ни левых политиков, ни центр, никого не устраивают из современных общественных структур, это именно то, что надо для настоящей науки. Настоящий ученый-историк не может быть поддержан ни одной политической партией. Ни одной! Если какая-то политическая сила склоняется в сторону какой-то концепции, руководствуется какой-то идеологией – ищите изъяны! Может быть, это парадокс, но я думаю, что в этом парадоксе есть какая-то доля истины.

Вы сказали, что хороший политик всецело считается с выводами историков. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь из сидящих в зале назвал в мировой истории хоть одного хорошего политика, который бы руководствовался историческими ценностями, объективными ценностями. Мне кажется, политик, достигающий высот власти в разделенном обществе, зачастую как раз престу-

пает научные выводы и рецепты, которыми его снабжает наука. Если он начинает действовать по рецептам науки, то становится бескомпромиссным человеком и кончается как политик. Это второй, может быть спорный, парадокс, который нам необходимо иметь в виду, когда мы обсуждаем эти вопросы. Но его надо иметь в виду.

Вы много и правильно говорили о роли литературы и искусства как определенной ипостаси общественного сознания, которые наряду с наукой объединяют прошлый мир и современный мир. Это, конечно, так. Но мы знаем, что бывают такие периоды в истории, когда литература и искусство определенных стран и народов не только объединяли Европу или мир, но воспитывали такую ненависть в своем народе к окружающему миру, к Европе, в частности к Западной Европе и к странам Восточной Европы, что это трудно себе представить. Вот эту диалектику надо иметь в виду, учитывая и искусство, и литературу, и в том числе общественные науки, о которых мы говорили.

И последнее. Мне представляется, что оправдан Ваш прогноз относительно того, что нынешние поколения польских и российских историков доживут до того времени, когда они не будут ставить памятники своим Маренго, Аустерлицам и Трафальгарам, договорятся по поводу “смуты” и т.д., и т.д. В последние годы мы решаем с поляками такие вопросы, как 1939 г., как проблема Катыни, другие вопросы, как, например, Варшавское восстание. Мы садимся за общий стол и говорим как ученые на основе исторических факторов, на основе объективных данных, и у нас нет никаких личных противоречий, никаких других проблем. Хотя есть тенденция со стороны ряда функционеров и политиков, которые говорят: зачем вы это делаете? Зачем нужно поднимать эти вопросы? Не надо этого делать. Давайте лучше займемся дружбой Пушкина и Мицкевича... Я думаю, одно другому не противоречит. Конечно, дружба и общие проблемы – это одна часть истории, а катаклизмы и катастрофы – это другая часть истории.

Ученым нужно заниматься и тем, и другим. И то, что мы этим занимаемся открыто, честно, спокойно, за одним столом, как раз вызывает упреки со стороны тех идеологизированных функционеров, которые чего-то боятся. А чего бояться в науке вообще, я не знаю. В науке, по-моему, бояться нечего. Если мы чего-то боимся в науке, нам надо из науки уходить.

Я думаю, что Ваш доклад все эти вопросы очень правильно поставил. Спасибо Вам!

М.Е. Бычкова

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ЛИХАЧЕВ

12(24).04.1862–14.04.1936*

Я привык, что со мной все происходит не по шаблону.

Из письма Н.П. Лихачева С.Ф. Платонову

Еще пятьдесят лет назад отечественная историография относилась Н.П. Лихачева к тем буржуазным историкам, чьи исследования отличаются мелкотемьем, хотя уже при жизни Николая Петровича о его исследовательской манере писал А.А. Шахматов, полагая, что каждая статья Н.П. Лихачева ясно отражает не только обширнейшие знания автора, но также неудержимое стремление к стройной их систематизации.

Сегодня авторы многих работ, посвященных анализу творческого научного наследия Н.П. Лихачева, не скупятся на эпитеты. “Крупнейший историк, в трудах которого источниковедение достигло высшего для буржуазной историографии предела” (В.Л. Янин); “разносторонность интересов ученого была обусловлена его пониманием исторического источниковедения, единства письменного источника и вещественного...” (Л.Н. Простоволосова); «историк по образованию, владелец музея стал крупнейшим в России специалистом в области вспомогательных исторических дисциплин... то, что он начинал, теперь называется “комплексным источниковедением”» (М.Л. Свойский)¹.

Такое же разнообразие оценок деятельности Н.П. Лихачева было и при его жизни. Еще двадцатилетним, начинающим ученым он понял, что главное для него – “всепоглощающая страсть к архивным и кабинетным разысканиям” при полном отвращении “к административной деятельности” и “хладнокровное отношение к педагогической” деятельности. Поэтому Н.П. Лихачев так и не сделал чиновничьей карьеры, хотя какое-то время работал в Публичной библиотеке в С.-Петербурге, не стал популярным лектором, хотя преподавал в Петербургском археологическом институте.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 4 апреля 2002 г.

Разносторонняя критика развернулась и вокруг его докторской защиты (1891 г.); докторский диспут длился шесть с половиной часов, а затем продолжался на страницах газет. Н.П. Лихачева обвиняли в узости темы, увлечении фактами, его сочинение “Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве” сравнивалось с библиотечным каталогом. Однако любому, когда-либо обратившемуся к его работам, видно, что они написаны с истинным увлечением и любовью к источнику, к затронутой теме.

О Лихачеве мало вспоминают как об активном организаторе науки, а ведь он не только состоял почти во всех исторических обществах России, он сам был одним из основателей Русского генеалогического общества в С.-Петербурге, издал четыре тома “Известий РГО”, был в числе тех, кто возобновил деятельность РГО в 1919 г. В одном из протоколов заседания общества было записано, что Лихачев подарил все свои записи об истории родословных книг Ю.В. Татищеву, который собирался изучать историю создания этих рукописей.

* * *

Николай Петрович Лихачев принадлежал к старинной дворянской семье, упоминания о деятельности его предков восходят к XV в. Сам Лихачев блестяще охарактеризовал положение своей семьи в русской истории, дав обобщающую характеристику формирования административного аппарата России XVII в.: “В Московской Руси довольно ясно различались два слоя служилых людей – люди родословные и неродословные... Люди родословные обыкновенно своих юных сочленов устраивали на службу не ниже московского дворянства, а многие стольниками с малых лет. Для таких фамилий деловая, приказная служба была редким исключением. Неродословное дворянство, чтобы выбиться из рядовых детей боярских, получить положение и почести, наоборот, выдвигало лучших своих представителей именно путем службы в приказах”².

Не доверяя пышной родословной легенде Лихачевых, Николай Петрович полагал, что его предки принадлежали к тем детям боярским, которых Иван III “испоместил” на Новгородских землях после присоединения Новгорода к Москве³. Тогда и появляется впервые Алексей Лихач, от которого пошли Лихачевы. Наибольшего расцвета (“хвостовство”, как определил это сам Н.П. Лихачев) семья достигает в XVII в., когда Лихачевы “дотянулись до околичества, и нет сомнения, что проживи царь Федор Алексеевич еще несколько лет, они попали бы в бояре”.

В одном источнике XVII в. о Лихачеве Иване есть запись: “Отечеством добр, а собою обышний”. Предком Н.П. Лихачева был один из известнейших политических деятелей XVII в. Федор Лихачев – автор биографии царя Федора Алексеевича (этот труд был известен В.Н. Татищеву); к этому же времени восходит начало комплектования семейной библиотеки, сохранившейся до конца XIX в.

Николай Петрович родился и вырос в Казани, закончил там университет, защитил магистерскую (1889 г.) и докторскую (1891 г.) диссертации, но вся его дальнейшая судьба была связана с С.-Петербургом⁵.

В 1888 г. была опубликована его первая монография “Разрядные дьяки XVI века”, в которой автор в процессе исследования истории государственного учреждения впервые предложил свою теорию происхождения родословных книг в России, доказал существование и состав Государева родословца, составленного около 1555 г. дьяком Елизаром Циплятевым. Эта теория стала отправным пунктом дальнейшего исследования родословных книг, она сохранила свое значение и в наши дни⁶. Для исследователя, занимающегося русской историей XVI в., книга “Разрядные дьяки XVI века” является своеобразной энциклопедией, настолько она насыщена разнообразными фактами и текстами источников.

Как-то в раннем списке родословных книг автор этого доклада обнаружила неизвестную в науке легенду-памфлет о роде князей Глинских, которая отличается от других родословий именно редкостью своей формы – памфлет. Готовя текст к изданию, автор нашла очень близкий вариант этой легенды в сносках книги “Разрядные дьяки”. Мне повезло: у Лихачева была дефектная рукопись, в которой отсутствовали именно “памфлетные” фразы⁷. Однако он оценил необычность самой легенды и опубликовал ее.

Чем всегда поражает Н.П. Лихачев, так это своей многогранностью. В основном он известен как один из крупнейших специалистов по истории русского средневековья, но он с одинаковым интересом и изяществом изучал историю рукописей, рукописной книги и почерка; составил картотеку грамотности XVI–XVII вв. по автографам на русских грамотах, в которой собран большой палеографический материал, образцы почерка исторических деятелей. Как специалист по почерку Лихачев делал комментарии об уровне образованности этих людей. Он автор одного из известных справочников по филиграням, знакам печатей и монет (русских, европейских, византийских); он же был одним из ведущих специалистов по русской генеалогии, дипломатике, истории искусства. Для Николая Петровича Лихачева характерно умение

работать и с письменными, и с вещественными памятниками. Его понятие “дипломатики” включает кроме истории текста актов историю письма во всем его объеме: бумага, водяные знаки, почерк, печати, их эмблематика и способ скрепления⁸. При этом сопоставляются документы разных стран и эпох, получается яркая картина грамотности и складывается история оформления документа, ведущая к истокам государственности, когда создание письменного документа появилось как потребность зафиксировать юридические нормы, а само письменное оформление свидетельствовало о возросшем уровне общественного сознания.

Эрудицию и талант Н.П. Лихачева высоко ценили старшие современники. С В.О. Ключевским он беседовал о местничестве и сословиях и поражался его блестящей памяти. Д.Ф. Кобеко взял Н.П. Лихачева на работу в Публичную библиотеку, оценив его страсть к библиографической работе, знания по истории книги.

Список работ Н.П. Лихачева включает немногим более двухсот названий, куда входят и опубликованные посмертно. К его работам вполне можно применить слова самого Николая Петровича: “С каждым годом материал не стареет, а уясняется”. Именно то, что внимание автора часто привлекали конкретные сюжеты, которые он тщательно прорабатывал, сегодня стало толчком к новым открытиям. В 1913 г. он опубликовал статью “Генеалогия рода Корсаковых”, в которой изложил историю создания редкого для XVII в. труда – генеалогии с экскурсами в античные времена, со стихами и гербами, составленной Корсаковыми. Затем эта рукопись надолго исчезла из поля зрения историков и вновь была найдена и опубликована А.П. Богдановым⁹.

Заметки Н.П. Лихачева по генеалогии, родственным связям XVI в. до сих пор используются генеалогами, а работы о происхождении личных прозвищ, фамилий – не только положили начало русской антропонимике, но имеют большое значение при изучении истории сословий.

Об одном вкладе Лихачева в представления о роли генеалогии в историческом исследовании, сделанном в 20-е годы XX в., мне также рассказал С.Н. Валк, когда он редактировал мою статью, написанную для “Вспомогательных исторических дисциплин”. Мы говорили об оценке очерка о генеалогии в книге А.М. Большакова (1924 г.). Валк считал, что моя оценка идей Большакова слишком высока, и вдруг сказал, что все, что написал Большаков о генеалогии – это взгляды Н.П. Лихачева. А.М. Большаков был партийным историком, ему поручили написать пособие по всем видам вспомогательных исторических дисциплин. Он ничего не знал о генеалогии, как и большинство мо-

лодых историков. Поэтому Большаков обратился к Лихачеву, и тот рассказал ему о генеалогии. Этот рассказ и стал частью пособия, которое затем многие годы приводило читателей в восторг¹⁰.

Кроме исследований по вспомогательным историческим дисциплинам, истории средневековья Николай Петрович занимался историей русского спорта, сам был тяжелоатлетом международного класса и участвовал в соревнованиях. Сохранился его портрет в спортивном трико, украшенном медалями, с лентой через плечо. Уже будучи магистром русской истории, он побеждал на международных соревнованиях по тяжелой атлетике. Н.П. Лихачев был чемпионом Европы, что тогда приравнивалось к званию чемпиона мира.

Но как сознавался сам Н.П. Лихачев, его “всепоглощающей страстью” было коллекционирование. Н.П. Лихачев коллекционировал исторические источники: письменные – от египетских папирусов и клинописи Двуречья до “летучек” (листовок) Французской революции XVIII в., книги – от древних рукописей до редких русских провинциальных изданий XIX в.; материальные – монеты, печати, мебель, иконы и живопись, и многие другие.

Коллекционером был не только Николай Петрович, но и другие Лихачевы. Их семейная библиотека также была коллекцией, собиравшейся несколько веков и включавшей рукописные книги¹¹. В семье была коллекция монет. А свою личную коллекцию произведений искусства дядя Николая Петровича – А.Ф. Лихачев подарил вместе с особняком городу Казани, и она стала основой Казанского музея.

Коллекционирование исторических источников роднило Лихачева с такими известными собирателями древностей, какими были его современники – братья Щукины, Третьяков, Бахрушин; только предмет коллекционирования у Николая Петровича был связан с его профессиональной работой. В его коллекции, несмотря на громадный хронологический охват памятников и их разнообразие, не было фальсификатов. Коллекция собиралась профессиональным историком по принципу: единый критический подход к историческим источникам и необходимость как можно более широкого их сопоставления и взаимной проверки¹². Музей был, скорее, не отражением состояния исторической науки того времени, а своеобразным порывом к новой цели и отражал предчувствия историков многих стран в том, что необходим поиск новых путей исторического исследования.

Н.П. Лихачев был хорошо известен на европейских аукционах, иногда сам выступал как эксперт. За консультациями к нему

обращались и в 20-е годы XX в., когда он уже не мог выезжать из Ленинграда.

А от некоторых своих собраний он избавлялся: когда изменились его интересы коллекционера, он подарил Русскому музею 1497 икон. Эта коллекция составила около половины собрания икон Русского музея.

Среди петербургских историков ходило много легенд о Лихачеве-коллекционере: как он почти контрабандно вывозил в Россию документы, купленные за рубежом, и о том, как в голодные 20-е годы деньги, выделенные на хозяйство, тратил на раритеты, замеченные на толкучке. Зимой 1917 г., спасаясь от грабежей, семья подпирала входную дверь дома на Петрозаводской ул. тяжеленным подлинным египетским саркофагом.

Для себя и своей коллекции Н.П. Лихачев построил дом, а после революции организовал в нем Палеографический кабинет. В этом доме часть мебели и обстановки также представляла историческую ценность. Екатерина Николаевна Кушева, в дальнейшем крупный специалист по истории Кавказа, рассказывала: когда она в первой половине 20-х годов молоденькой девушкой приехала из Саратова в Петербург для занятий наукой, у нее были рекомендательные письма к петербургским ученым, в том числе к Николаю Петровичу. Ее довольно прохладно встретил С.Ф. Платонов, а о работе в Палеографическом кабинете она вспоминала с восторгом. Н.П. Лихачев, уже тогда маститый ученый, помогал ей советами, сам приносил необходимые рукописи и даже поил ее чаем с сахаром, что в те годы было невиданной роскошью.

Активная научная, издательская, общественная жизнь Н.П. Лихачева была бы невозможна без поддержки семьи. Он был женат на Наталии Геннадиевне Карповой, дочери известного историка Г.Ф. Карпова; по материнской линии Наталия Геннадиевна была внучкой самой богатой женщины России – А.Т. Морозовой. Поговаривали, что бабушка обещала бесприданнице-внучке по пятьдесят тысяч за каждого ребенка. Лихачевы воспитали девять детей.

В 1901 г. Н.П. Лихачев был избран членом-корреспондентом Академии наук, а в 1925 г. – действительным членом.

Война, начавшаяся в 1914 г., многое изменила в привычной жизни; стали невозможными поездки на европейские аукционы и пополнение обширной коллекции.

В 20-е годы Лихачев все силы отдавал своему Палеографическому кабинету, как он назвал свою коллекцию. Поняв, что ее можно сохранить, только передав авторитетной научной организации, Н.П. Лихачев по совету ученых в 1925 г. передал коллек-

цию Академии наук, в ее составе она стала называться Музей палеографии, а Николай Петрович был назначен директором музея. Как видно из переписки, он очень переживал свою утрату.

Музей палеографии был открыт для посетителей и занятий и скоро стал научной лабораторией для молодых ленинградских медиевистов. Сам Лихачев продолжал научную работу: в последние годы он занимался исследованием византийских монет, в основном по своему собранию, и готовил работу к печати. После ареста рукопись была конфискована вместе с его личным архивом и затем бесследно исчезла.

В январе 1930 г. он был арестован по так называемому Академическому делу, в 1931 г. сослан в Астрахань. Лихачева волновала судьба Музея, о чем он писал непременно секретарю Академии наук, но больше всего его тяготила невозможность профессиональной работы в Астрахани. В письмах из Астрахани звучит отчаяние: работу найти невозможно, значит, нет ни денег, ни продовольственной карточки, без которой не купишь продукты. Однажды он предложил помощь сотрудникам местного архива, которые не могли прочитать древние рукописи, но это предложение было отклонено. Позже ему разрешили помочь местному музею систематизировать коллекцию древних монет, которые стояли неразобранными в ведрах. Во время разборки пару раз мимо Лихачева проходили партийные работники и с сочувствием обращались к нему: “Что, старичок, все копаешься? Небось есть там и древние монеты, столетние?”

Наталья Геннадиевна неоднократно просила, чтобы ей разрешили уехать в Астрахань к мужу. В 1933 г. супруга Николая Петровича добилась его возвращения в Ленинград, где Николай Петрович провел последние годы жизни, которые были достаточно тяжелыми: Лихачев добивался, чтобы ему вернули конфискованные рукописи научных трудов. Особенно для него была важна работа по исследованию византийских монет. Он писал в Правительство В.В. Куйбышеву, ссылаясь на то, что в приговоре суда не было пункта о конфискации имущества. Рукопись так и не была возвращена; свой экземпляр корректуры Лихачеву передал А.В. Орешников. Завершить эту книгу Н.П. Лихачев не успел.

В 1962 г., когда исполнилось 100 лет со дня рождения Н.П. Лихачева, в Ленинграде прошла специальная конференция, была опубликована юбилейная статья В.Л. Янина в журнале “Советская археология”; на доме, в котором жил Н.П. Лихачев, установлена мемориальная доска; сам Н.П. Лихачев посмертно восстановлен в звании академика; наконец, позднее была организована выставка материалов из коллекции Лихачева, где были

представлены хранящиеся в различных музеях вещи из его собрания. Постепенно переиздаются его труды, и становится ясно, что мы потеряли историка громадного масштаба и таланта, который профессионально работал с вещественными и письменными источниками, разрабатывая новые методы их исследования.

- ¹ Янин В.Л. К столетию со дня рождения Н.П. Лихачева // Советская археология. 1962. № 1; Простоволосова Л.Н. Н.П. Лихачев: судьба и книги: Библиографический указатель. М., 1992.
- ² Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки. СПб., 1913. С. 8–9.
- ³ Там же. С. 9–10.
- ⁴ Там же. С. 11, 18–19, 22.
- ⁵ Простоволосова Л.Н. Указ. соч. С. 4–12.
- ⁶ Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 69.
- ⁷ Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. М., 1977. Вып. 38. С. 111–112.
- ⁸ Лихачев Н.П. Дипломатика: Лекции. СПб., 1899.
- ⁹ Лихачев Н.П. Генеалогия рода Корсаковых // Сборник статей в честь Д.Ф. Кобеко. СПб., 1913.
- ¹⁰ Большаков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины. Пг., 1924.
- ¹¹ Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки.
- ¹² Из коллекций Н.П. Лихачева: Каталог выставки. СПб., 1993.
- ¹³ Простоволосова Л.Н. Указ. соч. С. 4–12.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Я.Н. Шапов. Кому принадлежит характеристика Лихачева, который якобы занимался мелкотемьем? Она идет из официальных, академических кругов или из отзывов в прессе?

М.Е. Бычкова. На это жаловался сам Н.П. Лихачев. Это произошло при присуждении ему докторской степени. В 1891 г. он защищал исследование “Бумажные мельницы в России” как докторскую диссертацию. На диспуте, который продолжался 6 часов, его упрекали в наборе фактов без анализа, и это выплеснулось в печать. Но в то же время есть самые высокие оценки его творчества, например, у В.О. Ключевского. А.А. Шахматов великолепно отзывался о его работах, А.В. Орешников прекрасно отзывался о его нумизматических исследованиях. Работа с источниками требует очень большой описательной работы. Это ставилось ему в вину, может быть, именно потому, что метод своей работы он основывал на таких источниках, как печати, монеты. Хотя его курс лекций по дипломатике – это действительно синтез. Это не содержание акта как такового, это все составляющие: бумага, на которой документ написан, водяные знаки, почерк, способ при-

крепления печати и сама печать, потому что акт – это уже письменный источник, и понять его можно, изучив во всей совокупности и содержание, и его оформление, а сейчас все то, что входило в его курс лекций по дипломатике, разбито на несколько вспомогательных исторических дисциплин.

Н.М. Рогожин. Маргарита Евгеньевна, очень интересно ваше наблюдение относительно дьяка А. Шевригина. А сохранилась ли грамота, документация посольства Шевригина в Италию, или все это осталось у Лихачева?

М.Е. Бычкова. Поскольку Лихачев часто ездил в Италию и видел документы, в одной из работ о Шевригине он имел возможность сравнить почерки венецианской грамоты и того письма, которое привез в Москву А. Поссевино и которое, как доказывает Лихачев, было написано почерком Шевригина. Он установил, что действительно грамота, которая была передана посольству в Венеции и которая в его время существовала, и письмо, которое привез Поссевино, написаны одним человеком.

Н.М. Рогожин. Где сейчас находятся сами подлинники?

М.Е. Бычкова. Сам Лихачев об этом не пишет, но тесть Лихачева – Г.Ф. Карпов был издателем дипломатических документов, возможно он и указал Лихачеву эти документы.

Я думаю, что найденное письмо сохранилось, во всяком случае Лихачев его видел, держал его в руках, описал европейскую манеру оформления, как письмо было сложено и запечатано, и бумагу, и др.

В.А. Кучкин. Когда вышла работа о прозвищах Ивана?

М.Е. Бычкова. Она вышла в 1897 г. в “Известиях Отделения русского языка и литературы”.

Ю.А. Тихонов. В каких архивах и хранилищах имеются рукописные работы Николая Петровича?

М.Е. Бычкова. Он работал в основном в Петербурге. Если говорить о родословных книгах и о генеалогических источниках, то он практически не работал с московскими архивами. Когда в молодости он писал “Разрядные дьяки”, то работал в Москве, потому что у него есть ссылки на московские книги. Но в Петербурге он знал очень хорошо и библиотеку Академии наук, и Публичную библиотеку, где он работал долгое время. Так что в основном это Петербург и его собственная коллекция.

Ю.А. Тихонов. А в библиотеке он в штате работал?

М.Е. Бычкова. Да, он работал в штате Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, правда, не очень долго.

Ю.А. Тихонов. Как конкретно вы представляете возрождение этой методики, синтеза исследования вспомогательных исторических дисциплин? Сейчас возможно это? Палеография, сфра-

гистика, дипломатика разработаны настолько углубленно, что одному исследователю физически невозможно претворить это в синтез в своих работах. Ведь столько времени прошло после Лихачева.

М.Е. Бычкова. Я бы не сказала, что все это сейчас разработано гораздо более широко и глубоко, потому что вспомогательными историческими дисциплинами как таковыми до середины XX в. не занимались. Только в 40-е годы был открыт отдел нумизматики Исторического музея, который стоял опечатанным со всей его громадной коллекцией монет. И, скажем еще, рукописи читали палеографы тоже старшего поколения. Марфа Вячеславовна Щепкина была лучшим палеографом в мое время, а новых не готовили. В 60-е годы оказалось, что у нас нет людей, способных читать средневековые французские тексты из наших коллекций, а Лихачев читал все средневековые рукописи – итальянские, французские и латинские.

Мне кажется, сейчас это гораздо проще, потому что сейчас достаточно ввести данные в компьютер, а потом, имея базу данных и хорошую компьютерную программу, можно великолепно объединять какую-то эмблематику, символику монет и печатей. Для генеалогии такая база данных и такие программы существуют, и это дает большие возможности для исследований, потому что к родословиям присоединяются гербы, печати, портреты. Весь материал можно вывести по разным срезам: офицеры полков, чиновники учреждений за большой период и т.д. Часть работы можно сделать на компьютере – то, на что раньше генеалоги тратили годы и десятилетия. То есть в историю возвращается человек. У Лихачева всегда присутствуют люди, если какой-то человек встретился на его страницах, о нем появляются все сведения, которые можно собрать. Когда будет разработана методика исследований, к чему еще в 1960-е годы призывали Л.В. Черепнин и А.А. Зимин, а также другие историки, у нас будут более профессиональные и более яркие книги. Люди должны читать книги по своей истории, а наши монографии могут читать, в основном, только специалисты и уж очень большие любители истории. Работы Николая Петровича Лихачева интересно читать всем, я в этом абсолютно убеждена. Он любит свой источник, он им любит, он строит даже детективные истории на основании обычных дипломатических документов.

А.И. Аксенов. А преподавательской деятельностью Н.П. Лихачев занимался? Читал ли он лекции по генеалогии?

М.Е. Бычкова. Он преподавал в Петербургском археологическом институте. Там он читал специальные курсы по сфрагистике, дипломатике, историографии. По генеалогии он никогда лекций не читал.

А.И. Аксенов. Эти лекции сохранились?

М.Е. Бычкова. Они уже опубликованы репринтом. Вышли его великолепные лекции по дипломатике. Их издала московская Историческая библиотека.

Н.А. Соболева. Наследие Н.П. Лихачева используется. Я, например, 40 лет читаю Н.П. Лихачева. Я занимаюсь исследованием сфрагистики, в частности, геральдики, и все время нахожу что-то новое.

Почему дисциплины дробятся сейчас? Не потому, что люди не знают, как работать с теми дисциплинами, которые используют комплексно, а потому что так развивается наука и вспомогательные исторические дисциплины. Прежде всего развивается методика исследования. И вряд ли можно соединить теперь, предположим, униформистику с геральдикой или со стилологией. Невозможно, потому что разная методика исследования. Поэтому и наблюдается такое дробление. Оно не искусственное.

Лихачев был разносторонним человеком, но он все-таки был основоположником прежде всего отечественной сфрагистики. И основные его труды, большие работы о дьяках, о филигранях, материалы к истории русской византийской сфрагистики – это колоссальный труд. До сих пор все западноевропейские исследователи, которые имеют возможность ездить и смотреть в хранилищах эти многочисленные византийские печати, все равно обращаются к Лихачеву.

Свои исследования он в основном основывал на той коллекции, которая у него была. Он описал ее. Если только кто-то будет заниматься печатями так, как я это делала, ему не обойтись без таких важнейших постулатов его рукописи, которая очень долго хранилась в Петербурге и в архиве Института археологии. Эта рукопись опубликована, но мало известен второй том материалов по истории русской византийской сфрагистики.

Мне хочется немного остановиться на том, какой был Николай Петрович человек. Он был образцом ученого для всех нас. Он не был подвержен конъюнктуре. Какой факт говорит об этом прежде всего? В 1915 г. в “Биржевых ведомостях” он опубликовал статью об истории российской государственной печати. Там он говорит, что эта печать Ивана III была введена в 1489 г. и что этому послужили контакты с венгерским домом Габсбургов. Когда шла первая мировая война, написать такую вещь в “Биржевых ведомостях”, которые все читали, было небезопасно. Ни в одной его работе нет ни малейшей фальши, ни малейшей натяжки.

И второй момент. Когда он был в Астрахани, он все время в письмах спрашивал о том, как печатается его работа по сфраги-

стике. Первый том этой работы был посвящен истории русской византийской сфрагистики. Это – основополагающий труд, он содержит атрибуции, фон, распределение типов. А второй том не вышел. И он из Астрахани едва ли не в каждом письме писал: “Ну как там моя работа, идет?” Спрашивал: “Идет? Идет?” А она была разобрана. И ему писали, и жена в том числе: “Да, да, не беспокойся, она идет”. Но в результате, когда он вернулся, этой работы не было. Это была интереснейшая работа по знакам. А потом 50 экземпляров ее нашли в хранилище Казанского собора.

Р.А. Киреева. Одна сторона деятельности Н.П. Лихачева оказалась неосвещенной. Речь идет об Институте книги, документа и письма. Это музей, о котором было упомянуто в докладе (Музей палеографии). Дело в том, что Николай Петрович вообще много сделал и для того, что сейчас называется пропагандой исторических знаний. Это был музей, куда приводили, например, работников типографий, которые имели дело с изданием книг. Там были развернуты экспозиции от создания книг до всяких технических усовершенствований. Потом у них случилось несчастье: все их рукописи были залиты водой. Они их спасали, выносили их на солнце, чтобы высушить, и т.д. В общем, у музея была очень драматическая судьба, и эти сотрудники, конечно, проявляли и энтузиазм, и любовь, и сами были вообще знатоками.

Я хочу сказать только о двух людях, которые были сотрудниками этого музея. Ученым секретарем была Зинаида Шамунина – жена С.Ф. Платонова, который, может быть, помог ей работать в этом учреждении. Среди сотрудников этого музея начинал работу и приобретал свои первые навыки Сигизмунд Натанович Валк. Он тоже вышел из этого института и был учеником Лихачева.

Ю.А. Тихонов. Этот музей возник до революции или после?

Р.А. Киреева. После революции, для того чтобы спасти его коллекцию, был построен музей. Потом коллекция разрасталась, и он вынужден был часть ее передать в другие музеи, в другие учреждения, Несколько этапов истории. Это было уже в первые советские годы, и он таким образом спасал свои коллекции. Есть много воспоминаний о том, как и матросы, и рабочие приходили, как на этих экспонатах их знакомили с историей и т.д. В общем, там занимались пропагандой исторических знаний и тем самым спасали свои драгоценные коллекции, которые им удалось сохранить.

Н.В. Сеницына. Раиса Александровна напомнила об Институте книги, который в комплексе занимался всеми теми проблемами, которые мы, в частности, определяем как вспомога-

ные исторические дисциплины. И я всячески хочу поддержать предложение о том, что нам нужно этими так называемыми вспомогательными историческими дисциплинами заниматься. Хотя они уже давно перестали быть вспомогательными и даже специальными, а просто являются органической составной частью нашей науки, необходимой частью. И нам, конечно, нужно активизировать все эти работы.

Я хотела сказать в связи с деятельностью Н.П. Лихачева об одном из направлений его работы и, главное, о развитии его методики и о том, как она актуальна в настоящее время. Он не называл это филиграноведением. Его альбом называется “Палеографическое значение бумажных водяных знаков”. Это действительно фундаментальная работа, которая актуальна и современна вот уже вторую сотню лет. Она оказала значительное влияние и на развитие западной науки о водяных знаках. Фундаментальный труд Брикe, которым мы пользуемся, тоже в значительной степени построен с учетом данных Лихачева. Брикe просматривал все, что было сделано Лихачевым, и постоянно дает на него ссылки, сопоставления и аналогии. Конечно, он сделал шаг вперед (я имею в виду Брикe) по сравнению с Лихачевым, но ведь до Лихачева ничего подобного в нашей науке не было. Во всяком случае мы знаем два альбома того времени – Лихачева и Брикe. И о том, насколько важен альбом Лихачева, свидетельствует работа, которая примерно два десятилетия тому назад была проведена в отделе рукописей Публичной библиотеки в Петербурге одним из сотрудников, В. Загребиним, который сейчас заведует отделом рукописей.

В альбоме Лихачева знаки были расположены не по алфавиту (например, агнец”, “бык”, “ворота”), как у Брикe, а по рукописям. Правда, в отдельном томе были специальные указатели, но все-таки ими было трудно пользоваться.

Так вот в настоящее время в Петербурге подготовлены пять томов, где все знаки альбома Лихачева перефотографированы, перераспределены по алфавиту. Если бы эти работы по вспомогательным дисциплинам были активизированы, то переиздать эту работу было бы очень важно и полезно.

И конечно, имя Лихачева стало уже нарицательным. В наших археографических обзорах мы пишем: “Лихачев, номер такой-то и такой-то”. Лихачев заложил очень прочные традиции. Я считаю, что работы Т.А. Диановой – это тоже продолжение школы Лихачева. Ее работы, то, что она делала в самые застойные времена – это тоже традиция Лихачева, тоже его методика, получившая международное признание. Сейчас издаются альбомы Пикара, их уже около двух десятков, может быть, даже больше. Эти альбомы или, по крайней мере, первокласснейшие фотокопии

с них издатели презентовали ГИМУ в знак признания заслуг российской науки в изучении филигрании. Точно так же и в БАН имеются эти альбомы, причем даже те тома, которых нет у нас. Однако в этой сфере благодаря трудам Н.П. Лихачева наша наука была если не впереди, то, во всяком случае, вполне на мировом уровне.

В.А. Кучкин. Я, конечно, понимаю, что такое Николай Петрович Лихачев не только в истории русской науки, но и вообще мировой науки, потому что это был человек, который широко интересовался историей, собирал документы.

Конечно, вклад Николая Петровича в разные области науки велик – и в филиграноведение, и в дипломатику, и в открытие новых источников. Необходимо выделить хотя бы “Рогожский летописец”. Там есть статья, которая относится по хронологии уже ко времени после кончины Ивана Калиты, но совершенно определенно можно сказать, что так его называли его младшие современники. Это бесспорно. Это не прозвище XVI в.

Что касается прозвища Ивана III – “Грозный судья” или “Правдосудец”, то надо иметь в виду, что при Иване III составлен Судебник, а затем все спорные дела, которые поднимались на высоком уровне, должны были решаться в Москве, и решал их сам Иван III. Никаких судов на местах, например, в Новгороде, где какие-то споры решались, не было. Если споры переносились в более высокие инстанции, вершителем был Иван III. Поэтому можно связывать его прозвище с его функциями.

Помимо Николая Петровича Лихачева существовали такие видные представители нашей науки, как А.С. Лаппо-Данилевский, и в изучении дипломатики, по-моему, очень серьезные исследования были предприняты им. Что касается Сигизмунда Натановича Валка, то он являлся выходцем из сотрудников музея, который был организован на основе коллекции Н.П. Лихачева, кружка, в который входил Лаппо-Данилевский. Затем чрезвычайно серьезно изучалась генеалогия. Николай Петрович Лихачев действительно один из столпов этой науки, но в конце XIX – начале XX в. в Москве действовал С.Н. Булгаков, который потом издал (правда уже в Риме) свои обобщающие труды.

Мне немножко непонятно, почему же наша наука 1920–1930-х годов и даже более позднего времени якобы забыла о Лихачеве. Вспомните о трудах С.Б. Веселовского.

Это очень тщательное исследование по генеалогии, в известной степени дополнение, продолжение и новые разработки, которые он предлагал, это все имело место. Также имело место, например, издание актов, которое началось с 1950 г. Там генеалогия тоже очень тщательно представлена, и в этом тоже большая заслуга Веселовского. Дипломатика нашла очень хорошее

отражение в книге Сергея Михайловича Капштанова, в трехтомной работе В.Л. Янина “Актовые печати Древней Руси”.

Это подчеркивает то, что работы Николая Петровича Лихачева дали толчок таким исследованиям.

М.Е. Бычкова. Оценить труд Н.П. Лихачева окончательно может в настоящее время только коллектив ученых.

Мне очень приятно это услышать, потому что я тоже была поражена, слушая лекции по историографии, где говорилось, что это буржуазная история с мелкотемьем и что это не создало никакого направления и вообще работы Н.П. Лихачева теряют свою ценность и т.д., хотя он писал, что со временем его материалы не теряют значения, а отлеживаются и приобретают новое значение.

Когда я познакомилась с архивом Лихачева, то была очень рада, что нигде никогда не употребляла определения о мелкотемье. Написав свою первую книгу, которая тоже является продолжением трудов Николая Петровича Лихачева, потому что она посвящена родословным книгам, в 1975 г. я посвятила свою работу его памяти, чем вызвала большой отзвук в семье Николая Петровича: тогда были еще живы его дочери. Для меня было самой большой наградой отношение семьи именно к тому, что имя Лихачева не забыто, что он нужен, что историки его знают.

И поскольку я генеалог, то мне приятно сказать, что внучка Николая Петровича Лихачева – Ольга Петровна – последняя представительница этой известной семьи в России (есть только его потомки за рубежом) – историк, она византинолог, кандидат наук, работала в Национальной библиотеке Петербурга, там, где когда-то работал ее дедушка. Я многим обязана ей в том, что я знаю об этой семье, о ее традициях и о ее истории.

Мне хочется сказать о Музее книги. В последнее время, в 90-е годы, вышло много работ о Лихачеве, причем в самых разных аспектах. Мне об истории Музея палеографии очень много рассказывал С.Н. Валк, когда он редактировал мою статью о генеалогии и вспомогательных исторических дисциплинах.

В 1920-е люди хранили историческое наследие. У Лихачева был Музей палеографии. Он сразу понял, что его надо передать какой-то общественной научной структуре, потому что он сам как частное лицо и владелец коллекции не сможет ее удержать, и она будет уничтожена. И он создал Музей палеографии. Примерно то же самое делал В.К. Лукомский. Он возглавлял фонд Герольдии в петербургских архивах. До 1930-х годов, пока не пришла та архивная система, которая создала нынешнюю схему архивов, он не передавал материалы Герольдии в состав государственного фонда. До 1926 г. он вообще не выпускал их из своих рук, а потом создал Палеографический кабинет, где хранил доку-

менты Герольдии. С одной стороны, это было вроде бы при общественных организациях, а с другой – это была самостоятельная структура, где люди, понимающие значение документов, связанных с дворянством, великолепно их обработали: в 1920-е годы это делали те, кто работал в Герольдии до 1917 г. Я убеждена, что если бы этого не было, мы бы сейчас просто не имели собрания Герольдии, как мы не имеем губернских дворянских собраний в областных архивах, где чистка персональных дел была потрясающая. Там все уничтожали. Так что мы действительно должны быть благодарны людям, которые сохранили для нас источники.

Что касается Музея палеографии, то, по рассказам петербургских исследователей о наследии Лихачева, по современным работам, он был Музеем палеографии при Лихачеве. Когда Лихачева арестовали, он принадлежал Академии наук. Но было уже Академическое дело, Лихачев был арестован по этому делу, и вот тогда его музей стал преобразовываться в Музей книги. Возглавил его А.С. Орлов – известный специалист по эпиграфике, ученик Лихачева, и существуют воспоминания о том, как он разваливал это учреждение, как он сужал его задачи, сужал и названия и, так сказать, излишки все уходили. Практически это был последний шаг в развале наследия Лихачева, кроме тех вещественных коллекций, которые перешли в состав крупнейших музеев Петербурга и, соответственно, там сохранились. Вот об этом тоже не надо забывать.

Что касается возрождения вспомогательных дисциплин, то, готовясь к докладу, я пересмотрела кое-какие даты. Великолепное издание ЛОИИ “Вспомогательные исторические дисциплины”, в котором печатались прекрасные статьи, начало выходить в 1968 г. Это сделал Сигизмунд Натанович Валк.

Н.В. Сеницына. А когда оно кончилось?

М.Е. Бычкова. Не кончилось. Они сейчас меньше издают, но издают.

Это издание началось с круга теоретических работ о важности вспомогательных дисциплин. Не надо забывать, что люди, которые писали для него статьи, до того работали на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института, где практически уже в годы войны стало восстанавливаться изучение вспомогательных исторических дисциплин, но теоретическая основа стала возрождаться с 60-х годов XX в.

Ю.А. Тихонов. Благодаря докладу Маргариты Евгеньевны и очень содержательным выступлениям в прениях нам удалось воссоздать облик большого ученого-универсала, Николая Петровича Лихачева, и наметить его роль и значение в исторической науке, в ее развитии.

А.П. Богданов

КТО ПОСТРОИЛ РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО*

На вопрос, кто же построил Древнерусское государство, историки до сих пор ясного ответа не дали. Одни ссылаются на варяжского князя Рюрика, якобы приглашенного в Новгород “из-за моря”, чтобы обеспечить гражданам третейский суд и защиту от набегов викингов. “Норманисты” и “антинорманисты” три столетия яростно спорят о его происхождении, видя в нем ответ на вопрос, способны ли были славяне основать государство, хотя Рюрик 17 лет просидел на севере и ничего достойного упоминания, кроме своего “призвания”, не свершил. Другие склонны видеть главное действующее лицо в Вещем Олеге – воеводе Рюрика и воспитателе его сына Игоря. Олег, если верить Повести временных лет, мечом и хитростью объединил часть племен вдоль великого пути “из варяг в греки” для большого разбоя и в 907 г. якобы ограбил Константинополь, чего византийцы не заметили. После этого, по той же летописи, он погиб в степи, а по Новгородской I и Устюжской летописям был “уклюнут” змеем на пути к Новгороду или “за море” (с награбленным, так что поклонение наших властей легендарной могиле Олега в Ладоге обретает злобный оттенок).

Назвать Русь при Рюрике и Олеге *государством* трудно, да и то, что они сделали, иностранными источниками не подтверждается, а в русских описано крайне противоречиво. Правда, византийцы знали о походе на Царьград Игоря, которого Олег оставил в Киеве. Имя вождя стаи сожженных имперским флотом однодерёвок заинтересовало византийцев, когда вдова Игоря, Ольга, построила мощное государство и заслужила уважение соседей. Они вспомнили, что этого “Ингваря”, у которого, по русской летописи, дружина сидела буквально без “портов”, кто-то разорвал, привязав к согнутым деревьям. По летописи, это были соседи Киева, древляне, которых Игорь грабил, а Ольга включила в состав строившегося ею государства. Казалось бы, все ясно.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 5 февраля 2004 г.

Древнейшее сказание начинает историю Руси с Ольги. Император Константин Багрянородный лично описал ее прием в Константинополе. Хроника германского императора Оттона I знает ее как королеву. Русской Православной Церковью она канонизирована как “равноапостольная”. Все русские и иностранные источники о ней введены в научный оборот и цитируются уже двести лет. О деятельности Ольги знают все, читавшие хотя бы школьный учебник; вернее думают, что знают¹. Оценка личности и роли княгини в истории неудовлетворительна как в научном, так и в нравственном смысле. Эта оценка не учитывает добытых наукой знаний о происхождении летописных источников. Безнадёжно устарело и лежащее в ее основе понимание роли женщины. Кто же она такая, святая благоверная княгиня Ольга?

Концепция происхождения Русского государства складывалась в XVIII и XIX вв., когда главный источник по ранней истории Руси – летописные своды – еще не подвергся объективному изучению. Великие историки XIX в., начиная с Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, писали о деятельности древнерусских князей, упоминая Ольгу лишь в качестве верной жены князя Игоря и заботливой матери князя Святослава², а не правительницы построенного ею Древнерусского государства. Писали так, будто не знали Софийской I летописи или Степенной книги, где киноварью выделены главы: “Княжение Ольгино”³. Так, как будто хотели перечеркнуть прошлое столетие великих императриц и поставить женщину на место, которое полагали “природным”. Особо свойственное буржуазной культуре высокомерное отношение к женщине в период создания фундамента нашей науки все более слепило глаза историков. В конце XIX в. оно нашло высшее выражение в сочинениях и афоризмах В.О. Ключевского⁴. Уничтожение женщины, несмотря на изменение социально-политического строя, было свойственно и крупным историкам советского времени. Эта особенность европейской историографии XIX–XX вв., объяснимая лишь с помощью гендерного подхода, хорошо раскрывается источниками.

Все необходимые материалы для оценки государственной роли княгини историки могли почерпнуть в Повести временных лет (ПВЛ), составленной в начале XII в., минимум через 165 лет после начала “устроения” Руси княгиней Ольгой⁵. Великие историки, во многом сформировавшие наше представление о “начале Руси”, не могли опираться на текст Начального свода (НС) конца XI в.⁶ Ее текст лишь в конце XIX в. установил⁷ и научно издал академик А.А. Шахматов⁸. Он доказывал, что этой сводной летописи предшествовал Древнейший свод конца 1030-х годов⁹, представления о котором существенно изменил к середине XX в. ака-

демик Л.В. Черепнин (отнес создание Древнейшего свода к 997 г.)¹⁰. Д.С. Лихачев, не сомневаясь в датировке произведения второй четвертью XI в., доказывал, что это было еще не летописное, не разбитое по годам сказание¹¹. М.Н. Тихомиров примирил обе точки зрения¹², детально рассмотрев состав и содержание не разделенного на годы “Сказания о русских князьях X в.”: наиболее раннего источника последующего русского летописания. Этот “древнейший памятник славянской историографии”, который мы назовем Древнейшим сказанием (ДС), был написан, когда была весьма свежа память о временах княгини Ольги (после ее смерти прошло от 11 до 48 лет)¹³.

Построение Тихомирова, завершившее в древней части принятую в фундаментальной науке концепцию Шахматова, основано на столь твердом материале, что доселе не вызывает возражений¹⁴.

Рассказ о княгине Ольге входит в ДС как его начальная, наиболее драматическая и захватывающая часть. Что нового дает историкам знание, добытое летописеводами? Очень многое, если обратить внимание, чего в окружающем Ольгу историческом контексте в ДС *нет*. Например, там нет разбивки по годам от Сотворения мира и попытки “натянуть” их на византийскую хронологию. В результате княгиня Ольга не вынуждена рожать своего единственного сына Святослава почти через 30 лет после выхода замуж за Игоря, подгадав момент, когда мужу исполнилось “примерно 80 лет” (странность, смущавшая даже патриархального академика Тихомирова!). В 879 г. (смерть Рюрика по ПВЛ) Игорь был ребенком, т.е. в год убийства, 945 г., ему было не менее 66 лет.

Еще интересней посмотреть, в какой последовательности привычный нам исторический контекст формировался вокруг Ольги. Примерно в конце X в. было составлено ДС о строительстве Русского государства княгиней Ольгой, подвигах ее сына Святослава и приходе к власти внука Владимира. Из предшествующей княжению Ольги истории ДС включало только рассказ о непутевом князе Игоре, побужденном своей сидевшей без портов дружиной идти за данью к древлянам и убитом ими. Оставшаяся без мужа и дружины, но с маленьким сыном княгиня подавила восстание древлян, установила в стране единые законы, ввела налоги, обустроила пути сообщения, съездила в Царьград, приняла христианство и мирно наладила отношения с Византией, перехитрил императора.

Несоответствие этих достижений ничтожным средствам, которыми располагала княгиня Ольга, потрясло автора ДС. В дружинной среде Владимира Красное Солнце, к которой принадле-

жал сказитель, к женщинам относились не без уважения, и даже в рассказе о княгине есть следы богатырских шуток. Тем более что она приняла христианство, а подросток Святослав вынужден был отбиваться от уговоров матери, чтобы остаться в одной вере с дружиной. Однако сказитель не ограничился рассказом об образцовой мести Ольги за мужа и не просто описал ее подвиги – он начал с них историю Русского государства.

Здесь уместно вспомнить, что не Игорь, а его жена Ольга была первой из русских правителей, чье имя стало известно за рубежом настолько, чтобы его стоило упоминать. Император Константин VII Багрянородный в книге “О церемониях византийского двора” описал беспрецедентно почетные в ромейской дипломатической практике приемы в своем дворце “Эльги, архонтиссы России”¹⁵, о ее муже и крещении не упоминая. В XI в. византийский хронист Иоанн Скилица поправил оба “упущения” лично принимавшего Ольгу императора: “Супруга государя Руси, некогда приводившего флот против ромеев, по имени Эльга, по смерти своего мужа прибыла в Константинополь. Крестившись... она была почтена по достоинству”¹⁶.

Бурно обсуждаемая в литературе проблема крещения Ольги нас не волнует: описанное в ДС крещение в Константинополе от императора подтверждено византийцами¹⁷. Константин не считал нужным упоминать о муже княгини, хотя о существовании его в прошлом знал. В принятом им посольстве с Ольгой были представители ее сына Святослава, а способ прокормления русских “архонтов”, описанный Константином в трактате “Об управлении империей”, соответствует рассказу ДС о княжении Игоря¹⁸.

В Византии эти “архонты” торговали или пытались грабить. О таком грабеже и вспомнил в 971 г. император Иоанн Цимисхий, воюя на Дунае с подростком сыном Ольги и Игоря Святославом. «Полагаю, – написал он князю, согласно “Истории” Льва Дьякона, – что ты не забыл о поражении отца твоего Игоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды. Не упоминаю я уж о его жалкой судьбе, – продолжал злобствовать напуганный Святославом император, – когда, отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое»¹⁹.

Плачевно окончившийся поход Игоря на Византию в 941 г. был хорошо известен грекам²⁰. Имя вождя варваров-россов, который заключил и нарушил с империей “клятвенный договор”, упоминалось в Константинополе (хотя хазары, описавшие политическую подоплеку похода, были убеждены, что флотом в 941 г.

командовал “Хлгу”, Олег, который в 943–944 г. ходил в Закавказье и там умер²¹). Но императоров имена русских вождей не интересовали до тех пор, пока в Константинополь не явилась Ольга, а затем не понадобилось урезонивать неудачливостью Игоря его буйного сына Святослава²².

В середине X в. княгиня Ольга-Елена была первым правителем Руси (“архонтессой” или “королевой”), имя которой считали достойным упоминать при дворах византийского императора и германского короля (вскоре тоже ставшего императором). Во второй половине X в. вместе со вскоре потерпевшим поражение сыном Ольги Святославом в Византии вспомнили бесславный конец ее мужа Игоря, потопление флота которого автор ДС в конце века предпочел не упоминать.

Тенденцией НС, а затем ПВЛ является удревнение хронологии легендарных князей-рюриковичей, больно затронувшее Ольгу. В НС Игорь сам “привел себе жену от Плескова, именем Ольгу, и была мудра и смышлена, от нее же родился сын Святослав” (сказано в статье без даты перед описанием похода на Царьград, ошибочно датированного 920 г.). В ПВЛ этот текст помещен под 903 г. и переделан в пользу введенного в летописный рассказ “княжения” Олега: “Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу” (а “княжить” он начал через 10 лет, в 913 г.). А поход Игоря на Царьград, перед которым была описана его женитьба на Ольге, был правильно (по византийской хронике) перенесен в ПВЛ на 941 г. Однако монах-летописец в ПВЛ не подумал изменить текст НС о том, что в 945 г. Святослав был “детеск” и в 946 г. едва смог перекинуть копьё между ушами коня, что естественно, если свадьба Ольги и Игоря состоялась перед походом 941 г.

То, что летописца не трогали страдания княгини, вынужденной по его воле рожать в преклонном возрасте от старичка-мужа, понять можно. Он сам объяснил, что руководствовался в хронологии высшими соображениями, ведя отсчет от 852 г., когда “стала называться Русская земля. Узнали мы об этом потому, – рассказывает ПВЛ, – что при этом царе (Михаиле) приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим”.

В XXI в. логично задать вопрос: почему летописцы вообще не вычеркнули княгиню Ольгу? Они не были столь циничны, верили в убедительность своей легенды и считали достаточными для умаления роли княгини проставленные в НС заглавия: “Начало земли русской” и “Начало княжения Святославова” (от похода мальчика с Ольгой на Коростень). К тому же рассказ об Ольге решал проблему государственного строительства: не столь важ-

ную на фоне дружинных подвигов и самую туманную в деяниях князей-разбойников. В НС “Игорь начал города ставить и установил дань давать” – но не князю, а варягам, чтобы не грабили! Засим “сидел в Киеве, княжа и воюя с древлянами и уличами”; уличей не покорил, а дань с древлян отдал воеводе Свенельду. В ПВЛ уже “Олег начал строить города и установил дани”. Добавлено, что он “властвовал над полянами и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал”. Те, кто не платил варягам, давали ему дань, “как раньше хазарам давали”. Дань эту не возили в Киев. Просто некоторые из союзов племен не сопротивлялись, когда зимой князь приезжал к ним брать дань (“полюдь”), охотиться (“ловы деять”) и кормиться (“гощение”). Но могли и отказаться. Так, радимичи, которых, по ПВЛ, Олег заставил платить себе, а не хазарам, Игорю и Святославу уже не платили, их покорил Владимир. Какие Игорь или Олег строили города – неведомо. Армии, налогов, законов и путей сообщения их “государство” не имело. Историков это не волнует, летописцев больше трогала военная добыча и торговые договоры, но они-то жили в государстве, где все это уже было создано! Выбросить из истории Ольгу значило – специально сочинять, откуда эти блага цивилизации взялись. Думаю, и сегодня многие предпочли бы столь полезную женщину из текста не выбрасывать.

Смысл переделок и значительного расширения рассказов о ранней истории Руси в XI и XII вв. с точки зрения летописевода совершенно ясен. Первоначально история начиналась Ольгой. Год ее прихода к власти – первый в собственно русской истории, соответствующий мировой хронологии. Она – первый правитель Руси, названный по имени при византийском и германском дворах. В конце X в. автор ДС описал жадность и смерть Игоря, чтобы показать, в каких условиях начала действовать Ольга. Только в конце XI в. в НС попали князья Аскольд и Дир, Рюрик и Олег. Подвиги Игоря и особенно произведенного в князья Вещего Олега были ярко расписаны ПВЛ в начале XII в. Княгиню оттеснили на второй план, но из истории государства не вычеркнули (это много позже сделали историки). Более того, живописные рассказы о князьях и вставленные в текст ПВЛ договоры с греками были прямым откликом на совершенное Ольгой в Царьграде, явной попыткой уподобить легендарных князей-разбойников реальной великой правительнице.

Древнейшее сказание конца X в. начинало историю Руси с Ольги не потому, что его составитель не слышал легенд о более древних владыках. И не только потому, что был потрясен ее образцовой местью за мужа. От первого подвига Ольги его отделяло полвека, в преданиях дружины Владимира Святого наверняка

накопилось много подвигов чести. Прародитель русской историографии рассказывал историю государства, а в ней он, подобно писавшим затем мниху [монаху] Иакову²³ и митрополиту Илариону, просто не видел иного “начала Руси”, кроме мести Ольги за непутевого, но законного мужа Игоря.

Теперь, опираясь на ДС и привлекая все известные источники, посмотрим, что и в каких условиях совершила сама княгиня.

ИСПОЛНЯЮЩАЯ ОБЯЗАННОСТИ МУЖЧИНЫ

Весной 945 г. к берегу Днепра под Биричевым взвозом пристала средних размеров ладья. Княгиня хлопотала по хозяйству на своем дворе вне укреплений града Киева. Она сразу послала слуг узнать, кто пожаловал: ведь мужа Игоря дома не было. Ей сказали, что пришли древляне – 20 лучших мужей соседнего союза племен, с которого Игорь собирал дань. Вероятно, княгиня догадалась, что случилось неладное. Ратники воеводы Свенельда, которому Игорь отдал право брать дань с древлян, вернулись еще осенью²⁴. Именно тогда дружина заявила князю: “Дал ты одному мужу много; отроки Свенельда изоделись оружием и портами, а мы наги; пойдя, княже, с нами на дань, и ты добудешь, и мы”. Но и эта дружина уже вернулась в Киев, добыв себе “порты” и похваляясь сотворенным древлянам насилем.

А от князя вестей не было. Дружина рассказывала, что на обратном пути в Киев он “размышлял”. В полюдь по землям союзных славянских племен, где киевские дружины могли “кормиться” с ноября по апрель, Игорь выезжал редко и далеко от дома старался не забираться²⁵. Раз уж вышел за владения племенного союза полян на среднем Днепре и зашел по снежному пути в леса на западе, – то решил вернуться с малой дружиной и взять побольше. С тех пор только его и видели. Ольга с тревогой ожидала, что скажут приглашенные ею в каменный терем²⁶ древляне.

“Добрые пришли гости, – сказала она. – Говорите, чего ради пришли”. “Послала нас Деревская земля, – сказали послы, – передать: Мужа твоего убили, потому что он, как волк, расхищал и грабил. А наши князья добры, расплодили землю нашу. Пойди замуж за князя нашего Мала”.

Древнейший киевский сказитель был весьма осведомлен о судьбе князя и его малой дружины в земле древлян. Полагать, что из компании “волка” кто-то спасся, нет никаких оснований. Скорее всего, описание гибели Игоря восходит к речи, которую добрые древляне сказали потрясенной вдове. Послушаем их.

«Услышав, что Игорь идет опять, советовались древляне с князем своим Малом: “Если повадится волк к овцам, то вынесет

все стадо, коли не убьют его. Так и этот, если не убьем, всех нас погубит!”. Решив так, древляне послали людей навстречу Игорю: “Почто идешь опять? Взял уже всю дань!”. Князь не послушал увещаний и двинулся дальше. Когда он достиг их столицы Коростеня, древляне вышли за стены, убили Игоря и дружину его, и там же, около города, погребли.

Маловероятно, что степенные послы сообщили княгине детали расправы над “волком”. Византийский император Иоанн Цимисхий говорил позже сыну Игоря и Ольги князю Святославу, что отец его “был взят в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое”. Подобная расправа над серыми хищниками, идущая от языческих времен, была распространена среди крестьян и много веков спустя.

Все летописцы были восхищены тем, что Ольга никак не выдала своего горя. Справившись с внезапным и страшным потрясением, она мгновенно приняла единственно верное решение, последствия которого мы ощущаем через тысячелетие.

“Люба мне речь ваша, – сказала княгиня. – Уже мне мужа моего не воскресить. Но хочу вас почитать наутро перед людьми моими. А ныне идите в ладью свою и ложитесь в ладье, величаясь. Я утром пошлю за вами, вы же, величаясь, скажите: не пойдём на конях, не пешими не пойдём, но несите нас в ладье, – и понесут вас в ладье”.

“И отпустила их в ладью”, – говорит ДС. О происшедшем далее все знают, поэтому самое время задуматься, в каком положении оказалась княгиня. При жизни князя она была не только хозяйкой его двора, но и первой дамой Руси. Если судить по договору Руси с греками 944 г.²⁷, посол Ольги в Цареграде занимал третье место после послов ее мужа и сына, выше послов от игоревых племянников, еще от некоей Предславы и “жены Улеба”. С любой точки зрения в этом не было ничего удивительного.

У славян женщина почиталась исконно, и Родина до сих пор остается Матерью. У скандинавов, к которым ряд историков относит Игоря и Ольгу (по бытованию на севере Европы имен Ингвар и Хельга), женщина имела довольно много прав, а матерая (детная) вдова, как и на Руси, была полноправна. В Византии, в отличие от полудикой тогда Западной Европы, императрица даже венчалась на царство перед тем, как выйти замуж за императора, и в случае его смерти определяла судьбу трона²⁸.

Ольга имела право, хотя и не была обязана, отомстить за мужа и удержать власть, чтобы передать ее сыну Святославу. На это летописец обращает особое внимание: “Вот, убили князя русско-го, – говорят между собой древляне, отправляя послов в Киев, – возьмем жену его Ольгу за князя своего Мала, и Святослава

возьмем, и сотворим ему, что захотим”. То есть Ольга выступала носителем власти в отсутствие мужа (по точной аналогии с Византией), а Святослав – законным наследником княжения Русского.

Ребенка Ольги могли убить. Что бы мать ни сделала желающим этого, было и остается ее святым правом. Списывать поступок Ольги с послами древлян на историческую “жестокость нравов” не только неправильно, – это вредно для истины. Я придерживаюсь прямых указаний летописи, что Святослав был еще ребенком (“бе бо детеск”), хотя достиг 5-летнего возраста, поскольку находился в руках своего “кормильца Асмунда”, а не “мамок”. Если бы Святослав был взрослым, как полагают некоторые историки, авторам еще 1000 лет назад пришлось бы отвечать, что поделявал отважный воин, чьи подвиги ими тщательно описаны, когда мать осталась одна против всего мира.

Где же были мужи рода Игоря, которым полагалось мстить? По договору с греками, у него были племянники Игорь и Акун, был некий Улеб и еще немалый список “мужей”. Они или погибли с князем, или потеряли лицо и справедливо не упоминаются в летописи. Важно, что боеспособной дружины Ольга не имела. Недавно “беспорточные” младшие дружинники могли оставить Игоря с “малой дружиной” родичей и советников лишь в том случае, если не присягали собственно князю, а объединялись под его началом в походах.

В этом и была суть системы “призванной” власти: князь приходил “на стол” (кормление) в город со своей воинской “шайкой” (по выражению С.М. Соловьева) как третейский судья обеспечивал местному союзу племен внутренний мир, а профессиональной полиэтничной группе его воинов²⁹ – поживу от зимнего полюдя по землям княжеских “пактиатов” – союзников по договору. “Пакт” дружинно-княжеской верхушки союзов племен ильменских словен, кривичей, дреговичей и северян с князем в Киеве преследовал две цели: обеспечить безопасность важнейшего торгового пути “из варяг в греки” и временами объединять силы для большого грабительского похода.

Но победительные воинства не собирались со всего “пути из варяг в греки” уже столетие; поход Игоря в 941 г. провалился, а в 944 г. не состоялся; обеспеченная договорами торговля лучше окупалась. Профессиональные дружины были, но Ольге они не подчинялись. Игорь личную дружину потерял, а вернувшиеся домой киевляне не были надежной опорой даже его кровным родичам (если они остались живы), не то что вдове-псковитянке, из союза племен кривичей.

О родных Ольги из Пскова мы ничего не знаем, хотя уже ДС связывает ее с этим городом³⁰, а НС указывает на него настойчи-

во. Взятая оттуда в жены Игорем (по ПВЛ – приведенная ему оттуда), она могла получить прозвание в знак вступления в род (неизвестного нам происхождения), где имя “Ольг” (безразлично, славянское Вольга или скандинавское Helga³¹) было дано ей при вступлении. Возможно и обратное: летописцы назвали своего героя “Ольгом” в честь княгини Древнейшего сказания. Как бы то ни было, в кривичском роде княгини сомневаться не приходится: сына она назвала Святославом, а внуков – Ярополком, Олегом и Владимиром. Из четырех имен лишь одно можно соотнести со скандинавским: то, что напоминает о “Вещем Ольге”. Объяснить, почему у наследников основательницы Русского государства именно славянские (даже не христианские) имена, с точки зрения “норманской” теории невозможно. Эта традиция закрепилась: все исторические князья носили славянские и христианские имена, т.е. очевидно не связывали свой род со Скандинавией.

Для полян, державших Игоря на “столе” в Киеве, после его смерти кривичка Ольга была никем. Воевода Свенельд, чьи подвиги при Игоре были расписаны в летописях, согласно этим рассказам везде брал дань себе, т.е. не подчинялся князю, а действовал как его союзник. Силы у него были, но за Игоря он не мстил и Ольге не помогал. Сын ее Святослав, если верить условной датировке сообщения Константина Багрянородного, в 944 г. номинально княжил в Новгороде (как это делал ребенок, мы знаем по детству внука Ольги Владимира). Но новгородцы, по признанию всех летописей, давали во времена Олега и Игоря дань варягам (300 гривен серебра в год!). В числе всех северных племен – словен, варягов, кривичей и мери – они платили “ради мира”, предпочитали откупаться, а не держать на те же деньги собственное войско (оно действительно бывало опаснее врага) и тем более не платили князю из чужого города.

У Ольги оставалась единственная сила – собственный ум (недаром НС делает ей необычный комплимент: еще выходя за Игоря она “была мудра и смыслена”). Решение, мотивы которого мы объясняли столь долго, она приняла мгновенно, во время рассказа послы о смерти мужа. Хорошо приняв гостей и отправив их почивать, она велела оставшимся с хозяйкой верным слугам вырыть среди княжьего двора большую и глубокую яму. Летописец дважды подчеркивает, что ее каменный терем стоял “вне города”, и яма была выкопана “на дворе теремном вне города”. Киевляне из города Ольге не помогли.

Наутро Ольга, сидя в тереме, послала за гостями: “Зовет вас Ольга на честь великую”. “Не пойдем ни на конях, ни на возах, – сказали послы, – но несите нас в ладье”. “Неволя нам, – ответили слуги, – князь наш был убит, а княгиня наша хочет за вашего кня-

зя”. И понесли их в ладье. Древляне сидели и гордились. Их пронесли на двор Ольги и скинули в яму прямо с ладьей. Ольга, сойдя к ним из терема и наклонившись, сказала: “Вы послы Деревской земли и пришли к нам от своего князя Мала. Добра ли вам честь?” – “Хуже нам Игоревою смерти!” Княгиня велела засыпать их живыми. Их тут и засыпали.

Тогда же Ольга послала к древлянам сказать: “Если меня правда просите, то пришлите мужей нарочитых, да с великой честью пойду за вашего князя, потому что ведь так не пустят меня люди киевские”.

Знавшим о мести намек был ясен. Ольга сказала киевлянам, что древляне – их старинные враги, и она сражается за Киев не хуже получившего “стол” князя. Древляне же, не зная о мести, прислали людей нарочитых, которые держали Деревскую землю, т.е. уже не просто знать, а правителей племен. Ольга приняла их с честью и велела натопить баню: “вымывшись, придите ко мне”. Баню заперли, причем предусмотрительная Ольга велела зажечь ее от дверей. Сгорели все.

Просто схватить и перебить небольшое посольство у княгини сил не было. Но двойная месть очень подняла ее в глазах дружинников. Недаром сказитель с восторгом описал ее действия, а летописцы были настолько ими довольны, что ничего в тексте не меняли. Когда Ольга пошла в Деревскую землю, “мало дружины” у нее появилось.

“Вот уже иду к вам, – послала гонца Ольга, – приготовьте мне много меда у города, где убили моего мужа, да поплачу над гробом его и сотворю тризну”. Древляне свезли и сварили меда “зело много”. Если бы просочился слух о судьбе двух посольств, Ольга была обречена. Она пришла налегке и великим плачем плакала над могилой. По ее приказу “люди” насыпали большой холм и справили тризну. Во время пира, когда отроки Ольги обносили древлян питьем, кто-то спросил в последнем проблеске трезвости: “где дружина наша, которую послали за тобой?” “Идут за мной с дружиной мужа моего”, – ответила Ольга. Как видим, киевской дружины Игоря при ней не было.

Когда древляне упились, княгиня отдала странный приказ: “велела отрокам пить за них”. Она отошла в сторону, а дружинники перерезали пьяных. Их число достигло в глазах сказителя 5 тысяч, но важно не количество: это были знатнейшие люди, способные поднять землю против князя в Киеве. Приказ Ольги объясняется тем, что она с кучкой людей находилась в сердце вражеских владений, у столицы, где был убит и похоронен ее муж. Изображая “продолжение банкета”, она оттянула начало преследования и добралась в Киев живой.

Ольга выполнила все то, что должен был сделать преемник Русского князя, если бы титул был тогда не номинальным. Показав дружинникам, что умная и решительная женщина может вполне обойтись без них, Ольга на следующий год “с сыном своим Святославом собрала воинов многих и храбрых”. Дружинники, ходившие прежде с Игорем, воины Свенельда и, видимо, разнообразных удалыцы, были привлечены Ольгиной “удачей”, но пойти на службу непосредственно к женщине не помышляли. Матери пришлось взять с собой сына, которому дружине уместно было служить, и рисковать им на поле брани. Она не могла иначе покончить с древлянской опасностью, хотя подвергала себя новой: после победоносного похода старшая дружина и воеводы вроде Свенельда непременно захотели бы взять власть от имени юного князя.

Против вторгшегося в Деревскую землю сборного войска вышли дезорганизованные потерей военной верхушки древляне. Святослав сидел на коне, символично зажатый с двух сторон Асмундом и Свенельдом, который с этих пор не выпускал князя из-под своего влияния. Мальчик метнул копьё, и оно пролетело только между ушей коня, ведь он был очень мал. “Князь уже потрудился! – крикнули кормилец и воевода. – Потягнем, дружина, и мы по князе!”

Древлян победили и возложили на них тяжкую дань, причем две ее части шли в Киев, а одна – в Вышгород Ольге: “был ведь Вышгород Ольгин град”, – уточнил древнейший летописец. Княжеский двор у стен Киева, раз Святослав смог начать битву, матери его уже не принадлежал. Распределение дани отражало представление дружины о вкладе в победу: оценка роли княгини в треть была очень высока. Но наивны были те, кто полагал, что Ольга удовлетворится состоянием страны, ставящим дань в зависимость от лихости воинов.

ЖЕНСКАЯ ПОЛИТИКА

Уже в походе на древлян выяснилось, что власть разбойных князей и дружинников Ольгу не устраивает. После распределения дани “пошла Ольга по Деревской земле с сыном своим и дружиной своей” – своей, а не киевской. Она устанавливала уставы и уроки, устраивала становища и ловища, которые и ныне **есть**, подчеркнул древний сказитель, а много позже повторили летописцы.

Уставы – это единые княжеские законы, о которых Русь до той поры не ведала. Уроки – ставки налогов и повинностей, отменяющие произвол дружинного грабежа. Становища – опорные

пункты княжеской власти, в которых население получало, наконец, княжий суд и могло заплатить налоги. Ловища – устраивавшиеся тогда по всей Европе заповедники, знакомые нам по Шервудскому лесу в Англии.

Сакраментальная фраза “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, пойдите к нам княжить и владеть нами”, напрасно была обращена летописцами XI–XII вв. к варягам. Ни о каком “порядке” на Руси до Ольги речи не было. Несмотря на то, что составителю НС минимум через 128 лет после начала трудов княгини очень хотелось связать установленный ею “порядок” с призыванием вовсе не упомянутых в ДС князей.

Еще позже составитель ПВЛ добавил в рассказ о походе 946 г. на древлян безобидную, на первый взгляд, легенду о долгой осаде Коростеня, сожженного хитроумной княгиней с помощью птиц. Смысл перелицовки старой притчи о птицах, возвращающихся на свои гнезда, под события на Руси раскрывался в финале: город был уничтожен, старейшин Ольга забрала в плен, “а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных заставила платить дань”.

Летописец начала XII в. хотел видеть итогом похода погром и военную добычу, Ольга же – установление мира и правовой системы, в которой основную роль должна играть впервые создаваемая ею княжеская администрация. Мы еще могли бы поверить версии ПВЛ, если бы княгиня ограничилась устройством своего рода оккупационной власти в Деревской земле. Но административно-правовая деятельность княгини охватила все подвластные ей земли Руси.

С чисто женским стремлением начать с главных беспорядков в “доме”, Ольга двинулась на фактически бесконтрольный Север, плативший при Игоре (по ПВЛ – и при Олеге) дань варягам. С.М. Соловьев очень точно объяснил общий для летописания краткий текст о многолетнем землеустроительном походе княгини: “По всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты”. Первым делом она привела в порядок Новгород, затем ходила на Мсту, Ловать, во Псков, по Днепру и Десне. Фактически независимый Новгород и неопределенной принадлежности Псков представляли, видимо, большие проблемы с точки зрения их отношений с центральной властью и разбойниками-варягами. Мста со своими берегами составляла крайний северо-восток владений княгини, Луга – северо-запад, Десна – запад, русский бассейн Днепра тянулся на юг до порогов³².

Везде Ольга строила “места” и “погосты”: пункты, где чиновники давали суд и собирали твердо установленные дани, – т.е. уже

налоги. Местное население обеспечивало их деятельность оброками: фиксация их размера была принципиальна для спокойствия государства. Разбросанные по всей стране села Ольги – первые устроенные государством населенные пункты.

Не меньшее значение имели “перевесища”: речные переправы, без устройства которых было невозможно сухопутное сообщение. Русь была связана исключительно водными путями, годными для сезонной торговли или набега на крупные города, но не обеспечения постоянной защиты и порядка в государстве. Задачей Ольги было так расставить погосты с проложенными к ним мощеными дорогами от крупных водных путей, чтобы они были в любое время доступны для чиновников и военных³³.

В лаконичном рассказе о строительстве Ольгой государства на месте прежней деятельности князей-разбойников и варягов есть очень любопытный момент: при всей любви сказителя и летописцев к дружинным подвигам, они вскоре после событий не помнили, а позже не придумали никаких вооруженных конфликтов! Установить единую княжескую власть и рассадить своих тиунов на огромной территории так, чтобы народ потом с гордостью указывал на сохранившиеся сани Ольги во Пскове или село Олжино на Десне – не просто подвиг. Ольга совершила невозможное, сформировав гражданскую администрацию и сохранив за ней ту треть доходов, которую ее резиденция Вышгород получал уже не только с древлян, но со всей Руси.

Сказитель и летописцы особо восторгаются дипломатическими способностями Ольги. Мирно установить власть и порядок по всей стране она могла, только убедив влиятельных лиц на местах в выгоде такой организации. Наиболее очевидной выгодой для тех, кого не удовлетворяли плоды натурального хозяйства, было удобство внешней торговли, а самым привлекательным партнером – легко доступная по воде Византия. Туда Ольга и направилась.

Русский рассказ о ее посольстве в Константинополь подтвержден византийскими источниками. Принятая на уровне мелких варварских правителей, княгиня покорно заняла свое место – и осталась стоять, когда все они пали ниц перед императрицей Еленой. Описавший прием в своем трактате “О церемониях” император Константин понял ошибку, лично принял Ольгу и усадил за стол со своим семейством. На парадном обеде лучшие церковные певчие “исполняли императорские гимны, также были играны и всякие театральные игры”.

Император скрупулезно записал расходы на содержание русского посольства, которые точно оценивают относительное значение его участников. Младшими были люди Святослава, полу-

чившие на посольское держание по 5 серебряных монет. Прибывший с Ольгой священник Григорий и восемнадцать ее служанок получили по 8, два переводчика, сорок три стряпчих (от разных городов и корпораций) и двадцать послов русских князей – по 12 монет, переводчик самой княгини – 15, ее люди (в том числе “родственницы”) – по 20, племянник – 30.

Они обедали в отдельной зале. Княгиня села за стол с Константином, Еленой и их порфирородными детьми: видимо будущим императором Романом и его молодой женой Феофаной, впоследствии определявшей судьбу трона. Она получила “на золотом украшенном каменьями блюде” 500 монет. Для греков ситуация была очевидной: княгиня единовластно правила Русью, ее люди были выше послов тамошних князей, которые оценивались на одном уровне с городскими стряпчими; Святослав был сыном своей матери, вряд ли дееспособным. Константинополь вел активную торговлю с Русью, и внимательный к церемониям император, тщательно наводивший справки перед приемом Ольги за столом, сравнивал вес русских властей не на глазок.

Такая расстановка сил объясняет, почему сказитель, весьма польщенный вниманием императора к Ольге, основал описание ее посольства на довольно ехидной дружинной байке, популярной в кругу буйных богатырей князя Владимира. Автор знал, что княгиня долго ждала приема у императора и обсуждала с ним серьезные военные и экономические темы, но удержаться просто не мог. Цесарь, по его словам, сразу позвал Ольгу к себе, а она “пошла к нему, немало не медля”. “И увидел ее цесарь весьма красивую лицом и смыслящую в премудрости. Удивился цесарь разуму ее” и после краткой беседы распалился настолько, что предложил выйти за него замуж. Ольга его намерения “уразумела” и потребовала, чтобы он лично ее крестил.

Цесарь выступил восприемником княгини, крещенной патриархом Полиевктом под именем Елена³⁴. И немедля продолжил свои домогательства: “Хочу взять тебя в жены”. – “Как ты хочешь взять меня, – заметила Ольга, – окрестив меня сам и назвав своей дочерью? У христиан нет такого закона”. Придя в себя, цесарь сказал вельможам: “Перемудрила меня Ольга словами своими!” И богато одарив княгиню, отпустил восвояси, назвав дочерью.

Ольга обманула императора в Царьграде, а вернувшись в Киев – не выполнила обещаний о посылке военной помощи, рабов, меда и воска. Княгиня якобы сказала византийскому послу, что император получит все, когда простоят на Почайне столько, сколько она ждала приема в Золотом Роге. Византия желала видеть Русь своим вассалом, обязанным службой и данью, считая

распространение своей веры надежным рычагом воздействия на “варваров”. Ольга намекнула послам, что это не так.

Летописи не упоминают, что, отказав в вассальной службе императору Византии, “русская королева Елена” отправила послов к германскому королю Оттону I с просьбой прислать своего епископа. Позже она его не приняла, но самостоятельность Руси на международной арене, в том числе в вопросах веры, продемонстрировала ясно.

ДС, однако, сводит всю историю отношений княгини с императором к женской хитрости. Сказаний о страшной силе женского владения словом немало было на Руси³⁵. Сказитель этот ужас разделял и, хотя украсил рассказ благочестивым рассуждением, суть его сохранил. Общий смысл байки прост и актуален: “Знаем, чем баба его взяла!” Такое объяснение устраивало язычников, с которыми по возвращении на Русь у крещеной княгини возник конфликт. В ДС он описан как спор матери со Святославом, который в ответ на христианские увещания отвечал: “Как захочу иной закон принять один? Дружина смеяться начнет!”. “Если крестишься, все то же сотворят!”, – мудро говорила мать. Но князь, выросший среди ратников, ее советы презрел. Дружина долго не принимала христианства. Сказитель предпочел забыть, что с христианством Ольга была знакома до поездки в Царьград. Несмотря на красивые слова о вере, фактически он продолжал отрицать, что княгиня крестилась по убеждению, а не для спасения от сластолюбия царя (в реальности – на редкость примерного семьянина).

Как бы то ни было, отношения Руси с Византией были успешно налажены княгиней, а христианство получило существенную государственную поддержку. Видимо, к совершеннолетию Святослава созданная Ольгой гражданская администрация и в вере разошлась с военщиной, получавшей две трети умноженных княгиней доходов.

На Руси, как и на всем пространстве Евразии и Северной Африки, в те времена торжествовала сила. Редкие островки права и разума захлестывались ею; всюду господство принадлежало грубым мужам с мечами у пояса. Ольга ничего не могла сделать против дружинной среды, отнявшей у нее сына. Саму княгиню терпели лишь постольку, поскольку ее многолетняя деятельность по “устроению Руси” была удобна дружинникам. Они богатели, сбор налогов больше не напоминал военные операции. Зимой можно было пировать, а не искать себе “порты” в полюдь. Выгодный сбыт “за морем” собранной дани позволял лучше вооружаться и расширять число воинов.

Выросший среди них Святослав стал настоящим барсом, а собранные матерью средства позволили ему сформировать боль-

шую высокопрофессиональную дружину. Это были уже не “шайки” самозванных князей, кормившиеся разбоем и служившие ядром ополчений всей Ильменско-Днепровской водной системы для “масштабного грабежа” на Черном и Каспийском морях. Святослав получил мобильную армию, способную самостоятельно решать стратегические задачи. Потеряв сына как единомышленника, Ольга по крайней мере могла под его командой направить дружинную энергию на благие цели. Как государственный деятель она просто вынуждена была использовать сына в качестве барса. Дружина должна была воевать против внешних врагов, иначе стала бы искать “чести и славы” на Руси.

До Ольги князей-разбойников не волновало, что значительная часть восточных славян (в том числе регион нынешней Москвы) не входит в их сферу влияния. Жившие по Оке до самой Волги вятичи подчинялись Хазарскому каганату. Ходить туда в полюдье было неудобно, да и ссориться с хазарами, державшими выход на ценный для грабежа Каспий, князьям было не с руки. С хазарами они договаривались³⁶.

Государственная система Ольги делала присоединение земли вятичей выгодным, тем более что выше по Волге славяне успешно колонизировали земли союзных им племен муромы и мери со столицами в Муроме и Ростове. Еще выше по Шексне и Мологе лежали владения новгородских славян, через которые проходил водный путь в Балтику, на Север, который князей-разбойников тоже не занимал: он был отдан на откуп варягам, видевшим значение великого Волжского пути с точки зрения грабежа. Книжнику этот путь интересовал с точки зрения транзитной торговли, едва ли не более выгодной, чем вывоз товаров в Византию. Увы, для мирных караванов он был перекрыт трижды. В среднем течении великой реки Волжская Булгария требовала с купцов пошлины, а часто их грабила. В Поволжье и Донских степях гнезвился Хазарский каганат. В Прикаспии, помимо старых воинственных племен, появились всадники под зеленым знаменем Пророка.

Сказитель показал, насколько Святослав и его дружинники были далеки от проблем геополитики. “Возмужав”, князь попросту рассылал вызовы «в страны, говоря так: “Хочу на вас идти”». Желающих померяться силами не нашлось, но князь не унывал. Придя в 964 г. на Оку и Волгу, он “нашел вятичей”. И сказал вятичем: “Кому дань даете?” “Хазарам дань даем, по шелягу от рала”, – ответили вятичи. И Святослав в следующем году пошел на хазар. Каган с прославленной конницей вышел супротив князя, и на этом история Хазарии кончилась. Святослав взял построенную византийским инженером крепость Саркел на Дону и сделал

русской Белой Вежей. Заодно победил союзных хазарам ясов и касогов “и привел в Киев” славных кавказских богатырей. А на другой год “победил вятичей и дань на них возложил”.

Восточные авторы отметили, что в 968 г. руссы на 500 ладьях взяли и сожгли столицу Волжской Булгарии, победили мордву, спустились по Волге и взяли хазарские города Итиль и Хазаран, а заодно – мусульманский Семендер. Тогда же произошло подчинение русскому князю Германассы (Тмутаракани) на Таманском полуострове и взятие Керчи. Возможно, в это время в Русское государство вошли радимичи, жившие вдоль Сожа – левого притока Днепра: предполагают, что они заключили со Святославом союз³⁷. То, что их г. Любеч у Днепра не входил во владения князей-разбойников, еще раз говорит нам, что никакого “единого Русского государства” при них не было.

А теперь у княгини Ольги оно было. Причем твердо владело двумя мировыми водными путями, и еще региональными: 1) по Онеге в Белое море и Сухоне до Северной Двины, а там и Печоры; 2) по Северскому Донцу и Дону в Азовское море и через Керченский пролив в Черное, с донским волоком в Волгу; 3) по Западной Двине в Балтику; 4) по древлянской Припяти к Бугу. Объединение под единым управлением такой территории и господство над такими путями сообщения позволило бы величайшему в мире государю почивать на лаврах.

Тут Ольгу и настигло в общем-то предвиденное несчастье. Святослав возомнил себя стратегом и был обманом вовлечен византийцами в войну на Дунае. Раздираемых распрями болгар одолел, но решил, что центр земли его здесь. “Здесь середина земли моей, – говорил князь, – сюда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, драгоценные камни, вина и разные плоды; из Чехии и Венгрии – серебро и кони; с Руси же – меха и воск, мед и рабы”. Для дружинника на Дунае было раздолье; большая, даже в торговом отношении, ценность Руси Святослава не волновала. Ольга понимала, что закрепления ее сына на Дунае Византия допустить не сможет, но ничего поделать не могла. Подкупленные греками кочевники-печенеги осадили княгиню в оставленном без войск Киеве. Воевода Претич с малой дружиной спешил к столице, чтобы спасти княгиню и ее внуков; к счастью, печенеги приняли его за передовой отряд Святослава и заключили мир.

Пристыженный старой матерью барс вернулся в Киев, разогнал кочевников, доделал работу на Волге и рвался обратно на Дунай. “Не люблю мне сидеть в Киеве”, – твердил он. “Видишь, я больна, куда хочешь уйти от меня?” – говорила мать. Святослав не унимался. Ольге становилось все хуже. “Погреби меня и иди, куда захочешь”, – сказала она и скончалась три дня спустя, 11 ию-

ля 962 г. У гроба ее плакали сын и три внука: Ярополк, Олег и Владимир, рожденный ключницей княгини Малушей из Любеча. Похоронив блаженную по христианскому обычаю, князь-язычник разделил созданное Ольгой единое государство между сыновьями, заложив основу будущих усобиц. Они начались сразу после смерти славного воина в 972 г., но раздрать созданное Ольгой государство на уделы князьям не удавалось 100 лет. Память о ее единой Руси осталась на века.

Построенное Ольгой государство освободила от ордынского ига София Палеолог, спасла от усобицы Елена Глинская, вывела из мятежного времени Софья Алексеевна, привела к процветанию впервые в мире отменившая смертную казнь Елизавета Петровна и поставила во главе великих держав Екатерина II.

- ¹ Разделы “Княгиня Ольга”, “Правление княгини Ольги” лишь недавно введены в учебники: *Богданов А.Л.* История России до петровских времен. М., 1996 и сл.; *Сахаров А.Н.* История России с древнейших времен до конца XVI века. М., 2001 и сл.
- ² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. I. (М., 1988 или др. изд.); *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 1, т. I (или др. изд.).
- ³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1994. Т. 39 (ср. ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V; переизд.: Л., 1926; ранее изд.: Софийский временник / П. Строев. М., 1820. Ч. 1); СПб., 1908. ПСРЛ. Т. 21, ч. I (ранее изд.: Книга Степенная царского родословия / Г.Ф. Миллер. М., 1775. Ч. 1).
- ⁴ Ср.: *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. М., 1987, 1990. Т. I, IX.
- ⁵ ПВЛ вошла начальной частью почти во все русские летописные своды, хотя обычно читается по летописям Лаврентьевской (ПСРЛ. Л., 1926. Т. I, вып. 1; переизд.: М., 1962) и Ипатьевской (ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2; переизд.: М., 1962). Текст с рус. переводом Д.С. Лихачева печатается по Лаврентьевскому списку: *Повесть временных лет.* М.; Л., 1950 (см. также: Памятники литературы древней Руси: XI – 1-я половина XII в. М., 1978. С. 22–277, 418–451; *Повести Древней Руси XI–XII вв.* Л., 1983. С. 23–227, 524–548).
- ⁶ “Начальная летопись” даже у Ключевского – просто другое название ПВЛ (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам): *Ключевский В.О.* Указ. соч. Т. I. С. 980 и сл.
- ⁷ На основе Новгородской I летописи: ПСРЛ. М., 2000. Т. III (ранее: Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / А.Н. Насонов. М.; Л., 1950). М.Н. Тихомиров (см. ниже) дополнительно привлек к реконструкции: Устюжский летописный свод / К.Н. Сербина. М.; Л., 1950.
- ⁸ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I: (Вводная часть. Текст. Примечания.). – Это издание авторитетно и наиболее наглядно представляет соотношение текстов НС и ПВЛ (текст НС выделен шрифтом). Единственный перевод: *Начальная летопись / С.В. Алексеев.* М., 1999.
- ⁹ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Он же.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938; *Он же.* Киевский начальный свод 1095 г. // *Шахматов А.А.* Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947; и др.
- ¹⁰ Включая в его состав “Похвалу Владимиру” под 996 г. (далее в тексте идут разрозненные мелкие статьи). *Черепнин Л.В.* “Повесть временных лет”, ее

- редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. М., 1949. Т. 25. С. 293–333. “Сводом” в расширительном понимании автора можно было бы назвать любую охватывающую значительный период летопись.
- 11 *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 35–172; *Он же.* Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. 2-е изд. М., 1979. С. 46–140; и др.
  - 12 *Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 57–66 (ранее: Вопросы истории. 1960. № 5).
  - 13 После вокняжения Владимира в Киеве 11 июня 978 г., до перенесения мощей Ольги в Десятинную церковь в 1007 г. (*Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 63–64).
  - 14 См.: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; *Насонов А.Н.* История русского летописания X – начала XVII в. М., 1964; *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975; *Он же.* Повесть временных лет и Начальный свод: (Текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы ИМЛИ (ГОДРЛ). Л., 1974. Т. 28. С. 99–119; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; и др. Сомнения в существовании НС как предшествующего ПВЛ высказывали только В.М. Истрин в 1920-х и А.Г. Кузьмин в 1960–1970-х годах.
  - 15 *Литаврин Г.Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // Византийский временник. 1981. Т. 42. С. 42–44.
  - 16 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 114. Это сообщение повторил в XII в. хронист Иоанн Зонара. См.: *Бибииков М.В.* Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 118 и сл.
  - 17 Обзор источников и историографии см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. С. 260–292.
  - 18 “Когда наступает ноябрь месяц, – рассказывает знавший толк в поборах император, – тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полудия (греч. буквами по-славянски), что именуется кружением, а именно: в Словении верваианов, друговитов (дреговичей), кривичей, севернев и прочих славян, которые являются пактиатами росов (союзниками по договору). Кормясь там в течение всей зимы, они снова начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киев. Потом, взяв свои моносылы (лодки-однодеревки), они оснащают (их) и отправляются в Романию”. (Константин Багрянородный об управлении империей. М., 1991. С. 44, 45 (текст и перевод)).
  - 19 *Лев Дьякон.* История. М., 1988. С. 57.
  - 20 См.: *Назаренко А.В.* Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 291–292.
  - 21 *Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 134–142 (текст Кембриджского документа).
  - 22 Он потребовал от ромеев либо дать дань и выкуп, либо “покинуть Европу, на которую они не имеют права, и убраться в Азию”: несомненный домысел византийского историка, поскольку Святослав не знал ни Европы, ни Азии. См.: *Лев Дьякон.* История. С. 56.
  - 23 “Память и похвала мнха Иакова”: *Срезневский В.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 года. СПб., 1893.
  - 24 *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 57.

- 25 Представление о регулярности “кружения”, идущее от трактата Константина Багрянородного, отражает византийский государственный, а не княжеский разбойный подход, хорошо показанный в ДС.
- 26 “А сперва так был вне города двор другой, – сообщает НС, – ведь тут терем каменный... И Ольга же повелела выкопать яму... на дворе теремном вне города... И... сидя в тереме, послала за гостями”. “Над горою был теремной двор – был там каменный терем”, – добавляет ПВЛ.
- 27 Договор включен в ПВЛ в начале XII в. (его не было в ДС и НС конца X и XI вв.). Заключение договоров Руси с греками, в соответствии с ромейской практикой, не вызывает сомнений: о них говорят многие византийские авторы. Но по греческим данным, существовали не только помещенные в ПВЛ договоры, и их нельзя связывать лишь с военными походами.
- 28 См.: *Диль, Шарль*. Византийские портреты. М., 1994.
- 29 Эта профессиональная полиэтническая группа очень слабо прослеживается на Руси по могильникам с конца IX – начала X в., а в основном в середине X в., и сходит на нет к началу XI в. (когда трупосожжение постепенно заменяется труположением) в связи с Крещением. См.: *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 551–563.
- 30 См. рассказ о сохранных во Пскове санях княгини.
- 31 Спор об этом см.: *Гедеонов С.А.* Варяги и Русь. М., 2004. С. 190–184 и др.
- 32 *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 148 и сл., примеч. 212. Интересно отметить, что автор привлек и почти все известные сегодня иностранные источники.
- 33 Чтение одной из летописей – “помосты” (дорожное покрытие) – было отмечено еще С.М. Соловьевым, но не изучено, хотя уже в Правде Ярослава появился “Урок мостникам” – древнейший государственный тариф дорожным строителям, профессии которых на Руси скоро исполнится 1000 лет.
- 34 В честь матери Константина Великого, о чем прямо говорит ДС (*Сахаров А.Н.* Дипломатия древней Руси. С. 279).
- 35 Выраженный в них ужас мужчин перед женской мудростью выявлен: *Демин А.С.* Ужасное и саркастическое: Женские загадки в русской литературе XI–XIV вв. // Чтения по истории русской культуры. М., 2002. С. 83–89.
- 36 *Коновалова И.Г.* Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2000. С. 221–225; *Голб Н., Прицак О.* Указ. соч.
- 37 Подробно см.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. 2-е изд. дополн. М., 1991.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Н.А. Соболева. Доклад сделан очень эмоционально. Не могли бы Вы расставить национальные акценты: кто, по-Вашему, была Ольга, кто “князя-разбойники” и кто “варяги”?

В.А. Кучкин. Была ли апробация этого доклада? Аккуратно перечислите источники, которыми Вы пользовались. Основной летописный источник об Ольге – это “Повесть временных лет” или Начальный свод? “Повесть временных лет” содержит дополнительные сведения об Ольге или ничего не содержит? Являются ли непреложными фактами летописная статья или некие сказания, которые обильно цитировались?

Как соотносится известие Константина Багрянородного о пребывании Святослава в Новгороде с сообщением о том, что при мщении Ольги маленький Святослав сидел на коне и пустил копьё, только не “между шеей”, а между ушей? С какого возраста посылали в качестве посадника в это время (можно говорить о наместниках, о князьях-посадниках), с какого времени посылали посадничать князей в города?

А.К. Аверьянов. Когда, по-Вашему, родилась княгиня Ольга?

А.А. Горский. Каковы Ваши выводы о том, чего нет в историографии?

А.В. Малов. Вы говорили о том, что дружина пошла в поход и вернулась из похода. Кому подчинялась дружина, как это соотносилось с городом, с князьями?

По поводу хронологии. Не могли бы Вы еще раз прокомментировать с точки зрения хронологии тот период, который Вы рассматриваете.

Если я правильно понял, то администрация разошлась с военной. Что представляла собой администрация применительно к Руси IX в., периода образования первых государств на Руси и в других странах? Какие примеры чисто гражданской администрации Вам известны?

А.П. Богданов. Я осторожно отношусь к проблеме национальности князей-разбойников, ибо на сей счет ведут ожесточенный спор норманисты и антинорманисты. Княгиня Ольга определенно славянского, кривичского рода. В летописи сказано только, что она из Пскова, но по именам сына и внуков можно четко заключить, что она славянка.

Основным нашим русским источником является не “Повесть временных лет” и не “Начальный свод”, а та общая часть, которая в них вошла; в иных ранних известиях “Начальный свод” и “Повесть временных лет” довольно сильно различаются почти везде. Небольшие отличия в рассказе об Ольге, которые в них есть, я отмечаю.

Наше представление о соотношении летописных сводов сформировал Шахматов, потом я оговаривал, что свои добавления сделали Черепнин и Лихачев. Тихомиров блестяще все эти гипотезы свел в своей статье “Начало русской историографии” в “Вопросах истории” за 1960 г. Поскольку его точка зрения абсолютно обоснована, я просто отсылаю к Тихомирову.

Известие Константина Багрянородного о княжении Святослава в Новгороде, которое условно датируется 944 г., это одна из спорных проблем в историографии – проблема возраста Святослава. Есть версия, что он остался после смерти отца уже взрослым князем. Константин Багрянородный явно обобщает –

ведь у него и полюдыя описаны как совершенно регулярный поход, сбор дани, – поэтому датировка очень условна. А если “передельывать” возраст Святослава, то мы должны практически выбросить всю нашу летопись, все рассказы о Святославе. Почему? Потому что после смерти отца у нас он остается маленьким, он возмужал только через 19 лет после смерти отца. Но если ему, как считают некоторые исследователи, было чуть ли не 15 лет в 945 г., то сколько же лет ему было еще через 19? (В.А. Кучкин: 34). Я предпочитаю опираться на те факты, которые с точки зрения летописеведческой парадигмы не вызывают никаких сомнений.

Кому подчинялась дружинная организация? Дружина подчинялась лично князю, но вообще система отношений была такая. Дружина присягала личности, но масштабный грабеж, который воины (не только викинги) пытались осуществлять в Европе, был возможен только когда к этим дружинникам присоединялись очень значительные силы союзных племен – ополчения. У них была своя дружинная организация. Сейчас вышел второй том “Истории славян” С.В. Алексева, который посвящен рассуждению о воинских братствах. Если они не присягали непосредственно князю, если это была не его собственная команда, то они и перед княгиней никаких обязательств не имели.

Гражданская администрация – это не та гражданская администрация, которая существует в позднейшее время. Я провожу различие между дружиной, которая идет и демонстрирует свое вооружение: грабит, собирает дань. Дань отличается от грабежа тем, что к этому грабежу привыкли: в прошлом году приходили, в этом году приходили. Гражданский администратор собирает установленные налоги и дает суд в определенное время в определенном месте. Он не грозит оружием, хотя имеет его.

Когда родилась Ольга, я не знаю. Я считаю наиболее вероятной дату ее замужества, ее свадьбы с Игорем за год до похода Игоря на Царьград – 940 г. В это время, по брачным обычаям Руси и Северной Европы, ей должно было исполниться не менее 13 лет.

В.А. Кучкин. Иван III, например, впервые женился 12-ти лет.

А.П. Богданов. Я говорю, что Вы найдете у славян и варягов, а Вы мне говорите про XV в.

Наконец, как восстанавливается Начальный свод. А зачем его восстанавливать, если он хорошо сохранился в Новгородской I летописи и издан Шахматовым? В его издании “Повести временных лет” шрифтом выделен текст Начального свода, и все ведущие летописеведы были с этим согласны. Что касается различных уточнений по времени возникновения тех или иных ста-

тей или обстоятельств, то на это тоже существует историография, и я абсолютно не выхожу за рамки работ летописцев.

В.А. Кучкин. Для меня несколько странно, что Вы, поименовав себя специалистом XVII в., так легко перешли в древнейший период нашей истории.

Вы заявили, что пользуетесь приемами анализа летописных текстов, которые приняты в науке. Очень хорошо, но я должен заметить следующее. Во-первых, когда Вы имеете дело с древнейшим пластом, то имеете дело не с летописью, а со сказанием. Это другая история, это другое отношение к тому, что там написано. Это примерно то же самое, что говорят скандинавские саги или, например, Сокровенное сказание.

Замечу, что Шахматов, издавая “Повесть временных лет”, выделил крупным шрифтом те места, которые восходят к начальной истории, к составу “Повести временных лет”. “Начальный свод” надо восстанавливать с помощью “Повести временных лет”, но надо привлекать и другие источники.

Получается картина, наполненная разными эмоциональными восклицаниями, пояснениями и т.д., но аналитического характера доклад не представляет. Нет серьезного научного анализа, разбора того, о чем Вы говорите. Вы цитируете большие куски сказания, которое отразилось в летописи, и считаете, что все, что там написано, это – правда. Хотя совершенно ясно, что это сказания. Это совсем разные вещи.

Необходим очень тщательный анализ. Вы национальность определяете таким образом: имена сыновей Святослав и т.д. – это чисто славянские имена. А почему? А может быть, это звучало как Свендослав? Почему Вы думаете, что “я” не было носовым и не передавало, например, скандинавское имя?

Как мы Вас поняли, Вы все очень просто переносите в прошлое – и делаете разные выводы. Ольга, например, мстит за мужа. Об Ольге есть десятки летописных русских сведений. Но есть достаточно подробные рассказы о ее мести. Пошла с малой дружиной под самый главный город древлян, вызвала там всю знать, пять тысяч человек, напоила их, перебила. Это же все легенды. А Вы эти легенды принимаете за серьезные вещи и начинаете делать выводы уже как историк. Эти выводы крайне легки. Вы полагаете, что Ольга расставила всякие погосты, ловища, перевесища и т.д. Почему Вы думаете, что “перевесище” – это переправа через реку? Что такое “перевес”? Перевес Вы можете увидеть в наше время, например, на Куршской косе. Это громадные сети для ловли птиц. И реформаторская деятельность Ольги заключалась в том, что она действительно определяла места, где должна собираться дань.

Очень жаль, что Вы, изучая сначала XVII в., а потом X в., не знаете то, что происходило с XI по XVI в., иначе бы Вы, например, определили, как собирался налог и что означают эти “повосты”, “погосты”, что там было. Там не надо было иметь чиновников. А Вы говорите, что там был гражданский человек с мечом. Это население должно было в определенное время свозить полагающуюся дань, потом туда приезжали представители более высокой власти и забирали эту дань. Суть заключалась в том, что не надо было и нельзя было сборщикам дани приезжать в каждый дом, в каждый двор. В разных жалованных грамотах, например, XV в. говорилось: “...а на пиры (тем и тем-то) не приезжать ни-почто”, потому что с таких радивых чиновников брались штрафы, а если там случалось убийство и т.п., то люди, сделавшие это, не отвечали перед судом. Реформы Ольги Вы оцениваете совершенно неверно.

“Перевесищи” и “ловищи”. Вы правы, когда говорите, что это такие заповедники – места для княжеской охоты. И если бы Вы немножко дальше заглянули в летописи, то увидели бы например, как Ярополк убил Олега (древлянского) и почему возник разрыв между ними. Потому что Свенельдич охотился в лесу, который принадлежал Олегу. А Свенельдич был дружинником Ярополка. Вот там были эти заповедные территории, причем и для ловли зверя, и для ловли птиц перевесища.

Существовала норма, согласно которой нельзя было князю бить зверей, в частности, кабанов, ловить зайцев и т.д. ближе 50 верст от Новгорода. Об этом говорят более поздние известия.

Вот это надо обсуждать и это надо связывать с летописными данными, с некоторыми данными грамот более позднего времени и с данными подъёмных и жалованных грамот XV столетия. У Вас это все пропускается.

Вы, писатель или публицист, трактуете о князьях-разбойниках. А что же такое Ольга, которая, как Вы цитировали, ладью с послами бросила в яму, и люди погибли, заживо засыпанные землей. Это христианский шаг?

А.П. Богданов. В тех условиях совершенно справедливый шаг, моральный.

В.А. Кучкин. Совершенно справедливый и даже моральный? Значит, у нас с Вами совершенно разное отношение к морали. Я, например, считаю, если оценивать на эмоциональных уровнях, то Ольга – самая настоящая душегубица.

Разбойники, это те, которые отнимают у людей все последнее – одежду, еду и т.д. А она просто душегубица. Она душит людей. А у Вас она, получается, главная устроительница государства. Вот такие оценки.

Необходимо серьезное аналитическое исследование. А у Вас получаются в основном лозунги. Вы считаете совершенно правильным, что сожгли город. Причем пострадали люди, которые явно не участвовали в убиении и т.д. Посольство заживо было закопано. Вы считаете, что это тоже правильно. Тогда о чем же тут рассуждать?

А есть вещи вполне серьезные. Есть, во-первых, проблема реформ Ольги. Это не усиление, как Вы выражаетесь, вертикали власти. Во время Ольги никаких новых чиновников не появляется. Она опирается на тех же самых дружинников, на тех же самых предводителей, на Свенельда, Осмольда и т.д. Мы видим ту же самую картину и после Ольги. У Вас это абстракция, которая не подтверждается никаким конкретным материалом. Но реформа была. Это очень существенная вещь – сбор дани.

Второй момент – это момент крещения Ольги.

Несмотря на все ее действия, она крестилась. С ней связано начало распространения христианства. Причем здесь многое стало ясно, благодаря исследованиям А.В. Назаренко, Г.Г. Литаврина и др.

Вопрос сложный – когда Ольга крестилась в Константинополе? Вы говорили о крещении, но год не называли. Дата крещения или 946 г. или 957 г., это 13 лет. Если там были представители Святослава, то в 13 лет это уже достаточно, по средневековым меркам, взрослый человек.

Возникает много проблем. Вы не рассматриваете проблему защиты Ольгой территории, которая находилась под ее господством. Имеется известие об осаде Киева при Ольге печенегами и помощи кривичей. Вы этот вопрос совершенно не разбираете, просто говорите, что такое было. Речь идет не о дате, а о последовательности рассказа. Сначала говорится о смерти Олега, а потом – о приходе печенегов. Время прихода печенегов в черноморские степи определяется на основе археологических данных.

Этот момент Вы совершенно упускаете, и это для Вас не существует. Но, тем не менее, это вопрос о том, как защищались владения при Ольге. Та картина, которую Вы рисуете, относительно владений Ольги, – фантастическая, потому что некоторые восточнославянские племена должен был покорять после Ольги Владимир.

Вы нам сказали, что Москва была вятичской территорией, и вятичская территория была совершенно независимой от Киева. Территории Москвы были кривичские, и они зависели от Киева. Ну что же, вятичи не подчинялись, а кривичи подчинялись?

А.П. Богданов. До Ольги не подчинялись.

В.А. Кучкин. Хорошо, до Ольги. А во времена Ольги? Вы же говорите, что вятичи не подчинялись. С этим еще можно согласиться.

И вся ваша картина вертикали власти, усиления власти Ольги, ее функций, чиновничества, которое существовало, все это – недоказанные вещи.

А.А. Горский. Помимо красочного рассказа о деятельности Ольги в докладе затронуты две серьезные проблемы.

Первая – это достоверность летописных известий о ранних князьях. Совершенно справедливо, что эти известия во второй половине IX, в первой половине X в., по мере развития русского летописания подвергались серьезной редакционной обработке именно в сторону удревнения. Об этом в историографии немало написано.

Мне представляется, что автор слишком доверяет фактам, которые относятся именно ко второй половине X в., и его уверенность в правоте гипотезы М.Н. Тихомирова о раннем появлении текста, повествующего об Ольге, Святославе и Владимире, мало оправданна.

Об этом писали и после Тихомирова, писали помимо тех авторов, которых Вы упоминаете, у которых методика не шахматовская, но писали и авторы, пользовавшиеся вполне шахматовской методикой – это Орестовский, Лурье, Блок. И в тексте, повествующем об Ольге, Святославе и Владимире, есть совершенно явные черты, которые показывают, что это было написано не ранее XI в. Это ссылки на современную киевскую топонимику, которая появилась только во второй половине XI в., а не раньше. Поэтому тут нужно осторожнее говорить о степени достоверности этих текстов. В том виде, в каком они дошли до нас, они записаны как минимум спустя столетие после этих событий, и можно только рассуждать о том, насколько достоверно были переданы легендарные известия, дошедшие в устной традиции. Гипотеза, которая основана на сопоставлении летописных текстов реальных, которая может быть признана, это гипотеза о начальном своде конца XI в. Все, что говорилось Шахматовым и позднее другими исследователями о более ранних этапах развития летописания, это гипотезы, ни одна из которых серьезной поддержки в науке, в общем-то, не встретила.

Вторая крупная проблема, поставленная докладчиком – это роль Ольги в создании Древнерусского государства. Справедливо, что это был определенный этап в государствообразующей деятельности, и об этом в историографии писалось довольно много, но думаю, что в докладе роль этого этапа в значительной мере преувеличена. Почему? Во-первых, потому что преобразования

Ольги происходили только на части восточнославянской территории. Территория, на которой они велись, это не Русь, как она изображается на картах по отношению к эпохе Владимира и Ярослава. Это земля полян, часть Левобережья Днепра, средняя – северян. Это узкая полоса, ведущая к верховьям Днепра, и Северная Русь – будущие Новгородская и Псковская земли. Ни упоминавшиеся вятичи, ни радимичи, ни волян, ни приднестровские хорваты, ни полоцкие кривичи непосредственно под властью киевских князей не были. Они были обязаны данью, отношения с ними строились на данническосоюзнической основе, и там сохранялись собственные князья. До Ольги они были у древлян, но Ольга ликвидировала местное княжение. Остальные же местные княжения были ликвидированы только при Владимире, когда имел место следующий этап государственного строительства. Что было под властью Киева непосредственно при Ольге, видно из распределения столов между сыновьями Святослава. Это Киев, древлянская земля и Новгород, т.е. это достаточно узкая полоса в центре восточнославянской территории.

Подчеркивая роль Ольги, автор слишком уничижительно относится к предшественникам, называя их “разбойниками”, которые совершенно не думали о государстве, а Ольга якобы начала это строительство. Но есть договор Олега с Византией, где император не с “разбойником” договаривается, а с главой государства. То же самое – с Игорем. И дань, которую собирали предшественники Ольги, вовсе не была какой-то грабительской и неограниченной, она была фиксированная. Об этом есть прямые известия. Игорь пострадал именно потому, что эту норму нарушил, и древляне считали, что они правы. Поэтому они затаились в своих крепостях, ожидая кары.

Ряд конкретных положений требует корректировки.

Относительно дружины. Конечно, некоторое смятение могло возникнуть после гибели Игоря – кому должна подчиняться дружинная знать, но надо иметь в виду, что княгиня имела собственную дружину, с которой она и пошла в первый поход на древлян. Из других сведений известно, что у киевских княгинь такие собственные отряды были.

Прозвучало, что Ольга не приняла немецкого епископа. Вероятнее (и в историографии об этом писалось), что не приняли этого епископа Святослав и его окружение, и в начале 60-х годов и возник конфликт между Святославом и матерью по этому поводу.

Разделение гражданской администрации и военщины неправомерно. Такого разделения функций не было. И позже конца X в. прослеживается появление особых чиновников, мечников и

других. Это те же представители дружинной братии, и такого водораздела между ними и теми, кто занимается чисто военным делом, не было ни в XI, ни в XII в.

Уточнения нужны и в отношении географии. Мурома не жила по Волге выше вятичей, она жила на нижней Оке. Вятичи вообще не жили на Волге. Более того, не жили и на нижней Оке. Даже в X в. они только проникали на среднюю, а существовали к этому времени только на верхней Оке. Соответственно указание, что Святослав пошел на Оку и на Волгу, требует особого внимания. Скорее всего дальше следовал поход на хазар.

А.В. Малов. Хотелось бы добавить по поводу доклада то, что несколько смущает. Докладчик говорит о князьях и дружинниках: “дружинники хотели”, “дружинники не хотели”, “дружинники не доверяли”.

Возникает вопрос – как соотносились князья и дружинники, особенно ландскнехты, которые хотели – пошли, хотели – не пошли, пошли к тому, кто больше заплатит или к более популярному вождю ландскнехтов?

В связи с этим возникает другой вопрос, как решается проблема с норманнскими корнями, с династиями и т.д., как соотносились, например, с княжескими столами, с княжением на Руси такие скандинавские городища, где присутствие скандинавов нельзя отрицать, такие городища, как Рюриково, Ладожское, как городище возле Ростова, скандинавское городище возле Чернигова, как они соотносились с княжением, с дружинами? Была ли дружина без князя, был ли князь без дружины? Если князь без дружины не был, то могла ли быть княгиня без дружины? Это неизбежные вопросы, которые возникают по поводу доклада.

Кроме тех замечаний, которые сделал В.А. Кучкин, я могу заметить, что из более поздних времен есть примеры, когда люди носили два имени. Одно было главным, и его не афишировали, а другое было обиходным именем. И какое имя имел Святослав, кто это, чей он сын, это вопрос темный, и боюсь, что на него трудно ответить.

Мне несколько странно, что Вы не процитировали скандинавские источники, такие как саги, где есть немало упоминаний о службе, в том числе и у князей русских, о том, что служили у Вольдемара Старого, у Владимира Святого. В летописи сказано, что Гарольд собирал дань и, в общем-то, держался чисто скандинавских традиций.

“Князья-разбойники” представляется, безусловно, термином некорректным, и если даже люди имеют разные представления о морали, то соотносить их следует с нормами того времени, когда они “разбойниками” не признавались.

А.П. Богданов. Вы удачно закончили на проблемах морали. Но именно статьи о сожжении Ольгой Коростеня нет в Начальном своде – она добавлена позже в ПВЛ, и Тихомиров объяснил, почему. Эта вставка отражает дружинную психологию, именно ту, с которой разошлась в своей деятельности княгиня Ольга.

Я обожаю исландские саги и представляю себе возможности, которые можно было бы оттуда извлечь для умозрительной реконструкции отношений внутри дружины, но намеренно не использую в работе эти источники.

Есть ли еще летописные источники о княгине Ольге? Такие источники есть. Шахматов восстановил Начальный свод по Новгородской I летописи (В.А. Кучкин: нет), сравнив Новгородскую I летопись с ПВЛ (В.А. Кучкин: неправильно!). Можно взять издание Новгородской I летописи, двухтомник Шахматова, недавно переизданный Клоссом, и посмотреть.

Кроме Новгородской I летописи и Архангелогородского летописца, которые со времен Тихомирова все используют, никаких различий в рассказе об Ольге больше Вы не найдете. Можно использовать фантастические источники XVI–XVII вв., но я не думаю, что это было бы оправданно, если у нас такое огромное расхождение в источниках даже между X, XI и XII вв. А.А. Горский совершенно справедливо уловил эту тонкость – самое слабое место моей конструкции состоит именно в том, что я полностью опираюсь на концепцию Тихомирова. Но эта концепция не висит в воздухе. Важно, что Алешковский и Клосс в этой части ее никак не поправили. Но, понимая гипотетичность летописеведческих рассуждений, я построил текст таким образом, что очень легко снимаются те мои добавления, которые связаны с предположением о существовании до Начального свода этого Древнейшего сказания.

А основная проблема – это сопоставление “Начального свода”, который абсолютно несомненен, со столь же ясным текстом ПВЛ.

В.А. Кучкин. По-моему, Вы ошибаетесь.

А.П. Богданов. Владимир Андреевич, не надо пытаться ввести в заблуждение аудиторию, которая имеет представление об историографии.

Существует предположение о том, что могло быть до Начального свода. Лихачев и Тихомиров вынесли версию, что это было древнейшее, не разбитое по годам сказание. Ни одна из этих гипотез не получила общего признания. Получается так, что у каждого есть предположение о существовании какого-то определенного предшествующего текста, но самого его нет. В руках мы держим, как справедливо отмечено Горским, Начальный свод и ПВЛ.

Я постарался построить повествование так, чтобы предположения о Древнейшем сказании шли как дополнительные. Вся работа посвящена сопоставлению Начального свода и ПВЛ. А Шахматов просто в одном издании так их и напечатал.

Ю.А. Тихонов. Мы заслушали интересный доклад. Давно наша секция не слушала доклада по древней русской истории. В этом плане доклад мне кажется очень своевременным. Докладчик убедительно оттенил основные этапы деятельности княгини Ольги как владетельницы и властительницы, ее реформаторскую деятельность. Против этого никто не выступал, и это будет принято в нашей литературе.

В то же время очень хорошо развернулись прения по докладу. Докладчики убедительно призвали автора к осторожности в ряде мест. Необходимо подчеркивать и выделять некоторые предположения, которые носят несколько гипотетический характер. Необходимо усилить источниковедческую и историографическую насыщенность текста доклада для того, чтобы не сложилось впечатление, что здесь нам все ясно, что исследовательская работа закончилась.

Прения были довольно поучительны для автора, для того, чтобы сделать текст еще более привлекательным в научном плане, тем более, что чувствуется увлеченность автора своей героиней. Все-таки это первая женщина – властительница на Руси. Но то, что она расправилась с посольством, это точно. А как она расправлялась – в землю их живыми закапывая или еще как-то, то здесь нужно делать скидку на некоторую легендарность этих известий.

В целом выступление и прения носили творческий характер.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ И ИВАН МАЗЕПА*

Формулируя тему, я намеревался проследить и сопоставить жизнь, личные качества и политические взгляды этих двух украинских гетманов, двух антиподов украинской истории: Зиновия Богдана Михайловича Хмельницкого и Ивана Степановича Мазепы, которые выросли, казалось бы, из одного истока, из одного социального корня, чтобы к последней своей жизненной черте подойти с совершенно разными результатами. Один как народный герой, воспетый в думах вождь, полководец и политик. Другой закончил свой жизненный путь с клеймом предателя, само имя которого стало на Украине знаком презрения, бранным словом.

В процессе работы пришлось пересмотреть свои планы, ибо величины оказались совершенно несопоставимы. У одного из них отчетливо прослеживается поистине государственный ум, политическое мышление, собственная концепция развития страны, итоги его государственной деятельности на столетия определили жизнь Украины и России. Другого отличала абсолютная беспринципность, бездарные политические комбинации и авантюры, состряпанные им наскоро, из-за преувеличенных опасений потерять личную власть и благополучие. Он умер на чужбине, проклятый и ненавидимый народом.

Трудами одного из них была создана и в составе России укрепена украинская государственность, авантюризм и интриганство другого положили начало упадку этой государственности.

Оценка личностей Богдана Хмельницкого и Ивана Мазепы всегда была политизирована, и я не намерен отходить от этой политизации, ибо речь идет о принципиально важном вопросе всей истории России и Украины – о благотворном влиянии воссоединения на исторические судьбы этих народов, о процессе превращения России в великую европейскую державу, о роли России в исторических судьбах народов Европы и Азии. Как писал еще в 1831 г. А.С. Пушкин в стихотворении “Бородинская годовщина”:

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 1 апреля 2004 г. Доклад подготовлен по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН. Проект “Россия и Украина в европейской системе международных отношений второй половины XVII в.”.

“Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии;
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли рос
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права
От нас отколется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?¹

Оценки историками личности и политики Богдана Хмельницкого хорошо известны, и в настоящем небольшом очерке нет нужды специально останавливаться на них. Что же касается Мазепы, то представляется совершенно верным наблюдение Т.Г. Яковлевой: «О Мазепе слышали все – даже те, кто очень далек от проблем Гетманщины. При этом в России о нем знают в основном по поэме А.С. Пушкина (боюсь, что даже многие историки), а в Украине – по купюрам “гривен”. “Изменник” или “герой” – других красок, кроме черной и белой, для Мазепы обычно не используют, а в детали и подробности вникают очень редко»².

С этим мнением Т.Г. Яковлевой можно в целом согласиться, разве что дополнив: в Украине поэму Пушкина, как и оперу П.И. Чайковского, знают не хуже, чем в России. Следует признать справедливость утверждения, что “серьезных научных работ, посвященных Мазепе, очень мало”³. Действительно, можно назвать монографию Н.И. Костомарова, считавшего Мазепу интриганом, ради своих личных выгод готовым на любую подлость и вовсе не ставившим целью независимость Украины⁴, несколько статей и глав об И.С. Мазепе в коллективных работах и отдельные страницы об измене Мазепы в работах о Петре I и Северной войне.

Если не принимать во внимание заведомо не научных, явно тенденциозных публицистических статей в прессе, написанных в подчеркнуто антирусском духе, то для современной украинской историографии характерны призывы дать “правдивый, объективный, взвешенный, основанный на фактах, а не на эмоциях”⁵,

анализ деятельности этого гетмана, которого априорно называют “великим гетманом”⁶. Причину измены Мазепы и его перехода под протекторат Швеции объясняют тем, что Москва не выполнила условий Мартовских статей Богдана Хмельницкого, не защитила Украину от посягательств внешних врагов и не поддержала планов объединить Левобережную и Правобережную Украину под его булавой⁷. Аналогичные призывы к “научной объективности”, а фактически к оправданию измены Мазепы и к созданию из предателя украинского и русского народов борца за “нэзалэжну” Украину призывает и Санкт-Петербургский историк Т.Г. Яковлева в цитированной выше работе⁸.

Полемика вокруг личности Хмельницкого и Мазепы идет главным образом по вопросу украинской государственности. Вопрос о формировании и эволюции украинской государственности в настоящее время исследуется весьма активно и, надо сказать, весьма тенденциозно. Долгое время он был запретной темой и до конца 1980-х годов фактически не исследовался. В Тезисах ЦК КПСС по поводу 300-летия воссоединения Украины с Россией лишь констатировалось, что в годы Освободительной войны 1648–1654 гг. шел процесс складывания государственности. “Богдан Хмельницкий ...правильно понимая ее задачи и перспективы, видел невозможность спасения украинского народа без его объединения с великим русским народом, настойчиво добивался воссоединения Украины с Россией”⁹. В это же время утвердилось мнение о том, что к 1654 г. сложились лишь *элементы* украинской государственности. Один из ведущих историков Украины XVII в., А.И. Баранович писал: “Создание в ходе освободительной войны военных и административно-судебных органов на освобожденных украинских землях было в то же время и процессом складывания элементов украинской государственности, однако в тот период этот процесс не мог завершиться созданием суверенного украинского государства. В тех исторических условиях Украине угрожало поглощение или шляхетской Польшей, или султанской Турцией, и единственно правильным путем, обеспечивающим прогрессивное развитие украинского народа, было воссоединение с русским народом в едином Русском государстве. Богдан Хмельницкий, выдающийся государственный деятель и полководец, именно в этом направлении и проводил свою политику. Это является одной из его исторических заслуг”¹⁰. Аналогичные оценки сохранились и в историографии 60–70-х годов XX в., правда, уточнялось, что эти элементы проявились уже “в предшествующие столетия” в украинском казачестве, и подчеркивалась весьма развитая система высших и местных органов власти в Украине¹¹.

Начало активного исследования проблем формирования украинского государства было положено статьей А.И. Гуржия и В.А. Смолия “Становление украинской феодальной государственности”, написанной в 1990 г., в которой авторы утверждают, что постепенное возрождение украинской государственности началось на базе казачества, ибо после того как в XIV–XV вв. земли Украины (sic !) оказались под властью Литвы, а затем и Речи Посполитой, прежняя феодальная элита общества утрачивала национальные черты, ополячивалась и принимала католицизм. В ходе Освободительной войны в Украине сложились не элементы государственности, а полностью сформировалось государство в основных своих функциях”¹². Такой вывод представляется вполне обоснованным, учитывая как развитость структуры всех ветвей власти в Украине, так и ее контакты с сопредельными странами, а прежде всего условия пребывания Украины в составе России, зафиксированные Мартовскими статьями Богдана Хмельницкого.

Вместе с тем, в украинской историографии уже в 1993 г. применительно к Освободительной войне утверждается термин “национальная революция”¹³. Содержание этого термина авторы определяют следующим образом: “а) создание независимого государства в этнических границах Украины, а также и благоприятных условий для развития украинской нации; б) утверждение нового социально-экономического строя, в основе которого лежала бы мелкая (фермерского типа) собственность на землю”¹⁴.

Употребление термина “революция” в данном случае представляется совершенно не правомерным. Революция есть не только изменение социально-экономического строя, но переход от ~~изжившей~~ себя *общественно-экономической формации* к более прогрессивной, переворот во всей социально-экономической структуре общества. Национально-освободительная революция тоже предполагает смену общественно-экономической формации, чего в Украине в середине XVII в. не произошло, и сами упомянутые выше авторы называют сложившееся в Украине государство феодальным. Кстати, о казацкой буржуазно-демократической революции середины XVII в. писал М.Н. Покровский в свете теории “торгового капитализма”, как социальную революцию, приведшую к падению феодального строя в Украине, рассматривал войну 1648–1654 гг. В.А. Мякотин¹⁵.

Ошибочность таких построений доказана блестящими работами 1960–1970-х годов Е.И. Стецюк, В.А. Маркиной и других авторов, которые убедительно показали, что в ходе Освободительной войны не был ликвидирован феодальный порядок, а произошло изменение формы феодальных отношений и формы

землевладения: исчезло магнатское и шляхетское землевладение с крепостным правом, барщиной и оброком, верховным собственником земли стало государство (“Войско Запорожское”), реально земля находилась в пользовании мелких крестьянских и казацких хозяйств. Сохранилось крупное церковное и монастырское землевладение и стало формироваться так называемое “ранговое” землевладение (села и мельницы закреплялись за определенными должностями в “Войске Запорожском”).

Специально подчеркнем, что никакого “фермерского типа” мелких крестьянских и казацких хозяйств, как пишет В.С. Степанков, в Украине не сложилось, ибо земля не находилась в их собственности.

Постепенно, по мере нобилитации казацкой старшины на отошедшем к России левом берегу Днепра и восстановления власти магнатов на Правобережье, восстанавливались прежние формы феодальных отношений¹⁶.

Изучение проблем становления украинского государства важно и для понимания российской истории XVII в. Вспомним полемику, которая возникла в рамках различных дискуссий: речь идет о последствиях и результатах народных восстаний и крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. Перед нами уникальный пример победы казацко-крестьянской войны, когда восставшие смогли реализовать свои социальные требования. Мы видим, что победа в этой войне привела лишь к смягчению форм феодальных отношений, к исчезновению крупного землевладения светских феодалов.

На примере Хмельницкого и Мазепы мы можем видеть, как у двух политических деятелей, вышедших корнями из одной социальной среды, формируется разный склад характера, разные жизненные ценности, разное понятие о соотношении личной выгоды и долга перед страной и народом. В каких же условиях начали формироваться характеры Ивана Степановича Мазепы и Богдана Михайловича Хмельницкого? Скудные сведения, сообщаемые источниками, позволяют, тем не менее, сказать несколько слов о годах их детства и юности.

Зиновий-Богдан Михайлович Хмельницкий родился в декабре 1595 г. в небольшом украинском городке Чигирин. Дом Хмельницких стоял у самого подножия крутой и высокой Замковой горы, на вершине которой еще и сегодня видны руины замка, построенного в XVI в. и ставшего надежной опорой украинских казаков и русских ратных людей в смутное для Украины время второй половины XVII в. Внизу протекала узкая речка Тясмин.

Городок стоял у самой южной границы Украины, на краю ничейного Дикого Поля, в необозримых степных просторах кото-

рого проложили свои страшные “шляхи” отряды крымских, ногайских, бюджетских и других татарских орд. В этом опасном для жизни месте вырастали и формировались сильные характеры степных витязей-казаков.

Сведения о роде Хмельницких скудны и противоречивы. Наиболее вероятно, что Хмельницкие вышли из Перемышльской земли, где некий шляхтич Станислав Хмельницкий владел селом Германовка под Львовом. Польский историк XVII в. В. Ковховский и казацкий летописец XVIII в. С. Величко писали, что отец Богдана вышел из Литвы или из Мазовецкой земли, что мало вероятно, ибо Михаил Хмельницкий был православным. В начале XVII в. Михаил был служилым шляхтичем при дворе коронного гетмана Речи Посполитой С. Жолкевского, а позднее перешел на службу к корсуньско-чигиринскому старосте Я. Даниловичу и получил должность подстаросты в г. Чигирине, где примерно с 1570-х годов владел хутором Суботов и выселками Новосельцы¹⁷.

Должность подстаросты была довольно высокой, ибо староста Я. Данилович редко бывал в своей округе и Михаилу Хмельницкому приходилось заниматься всеми делами – от занятий хозяйством до суда и командования войсками. Высокая административная должность и придворные связи со знатными магнатскими фамилиями доказывают ошибочность утверждения украинских историков о том, что Хмельницкий был “мелким шляхтичем”¹⁸.

В “привилее”, выданном королем Владиславом IV Богдану Хмельницкому в 1646 г., подтверждалось, что Суботовым и Новосельцами Хмельницкие владеют не менее 70 лет “с матерним лесом и с бором, сенокосы, с прудами и мельницы, и со всем, в лицах описанным, с приналежностями ... содержать имеет”¹⁹. Позднее сам Хмельницкий на переговорах с польскими властями вспоминал, что до разорения хутора шляхтичем Чаплинским в 1646 г., у него было 40 кип хлеба урожая еще предшествующих лет, табуны коней, стада коров и волов, множество овец, четыре пруда, несколько мельниц, пасеки, шинки с медом и водкой. Все это стоило 2000 злотых²⁰. Возможно, Хмельницкий сильно преувеличил стоимость разграбленного и уничтоженного добра, но все равно перед нами яркая картина устоявшегося (с 1571 г.!), процветающего, богатого хозяйства, а не мелкого, полунищего шляхетского маетка!

Сведений о роде И.С. Мазепы еще меньше. Неизвестна даже более или менее точная дата рождения. Н.И. Костомаров называет и 1629, и 1644 гг., отмечая, что обе эти цифры “не вполне точны”²¹. 1639 г. называют Т.Г. Яковлева и О. Субтельный

(Т.Г. Яковлева даже называет точную дату: 20 марта, правда, не аргументируя ее). Вероятно, правильнее осторожно датировать рождение Мазепы “около 1640 г.”, как это делает В.А. Смолий²².

Польский король Сигизмунд-Август в 1572 г. пожаловал предку Ивана Степановича, шляхтичу Мазепе-Калединскому село Мазепинцы на Волыни (любопытное совпадение: примерно в это же время М. Хмельницкий получил Суботов), за что и должен был нести какую-то королевскую службу по Белоцерковскому староству²³. Как и род Хмельницких, Мазепы принадлежали к известному православному шляхетскому роду, возможно, более знатному, чем Хмельницкие, ибо имели родовой герб “бонч” и связи при королевском дворе²⁴. Сведений о хозяйстве села Мазепинцы мы не имеем, но судя по дальнейшей судьбе И. Мазепы, оно было немалым.

И Б. Хмельницкий, и И. Мазепа получили традиционное для богатых и знатных украинских шляхтичей образование. Богдан Хмельницкий начал учебу в Киевской православной школе.

Около 1608 г. отец Богдана, используя связи со знатными магнатскими фамилиями Речи Посполитой, устроил своего сына в недавно основанный иезуитами львовский коллегиум. За семь лет юноша прошел полный курс наук, изучив грамматику, латинский язык, риторику, поэтику, философию, богословие. Кроме того, Богдан хорошо владел немецким и французским языками, о чем свидетельствовал хорошо знавший молодого Хмельницкого французский посол в Варшаве Де Брежи.

Иван Мазепа учился в Киево-Могилянской коллегии (которая позднее стала Академией). Коллегия была создана в 1632 г. киевским митрополитом Петром Могилой, объединившим “гимназиум” Киево-Печерской лавры (открыт П. Могилой в 1631 г.) и Братскую Киевскую православную школу, существовавшую с 1615 г.²⁵, в основе которой лежала, вероятно, та самая более ранняя школа, в которой учился до 1608 г. Богдан Хмельницкий. Можно предположить, что эти люди, жизненный путь которых в последующем разошелся столь радикально, начинали его в одной альма-матер.

Точные годы обучения Мазепы в Киево-Могилянской коллегии не известны, но их можно примерно определить путем “обратного отсчета времени”. В 1659 г. Мазепа был направлен с королевским поручением к гетману Ивану Выговскому, а до этого он перебрался из Киева в Варшаву и три года путешествовал по Европе, обучаясь в университетах Голландии, Италии, Германии и Франции. Следовательно, закончить обучение в коллегии он мог около 1656 г.

Когда же Мазепа поступил в коллегию? Весь курс обучения длился в коллегии 12 лет, но Мазепа, скорее всего, учился 6 лет,

так как завершающие курс наук философию и теологию он слушал не в Киево-Могилянской коллегии (которую он покинул, перебравшись ко двору короля Яна Казимира, оттуда в Европу), а в европейских университетах. В Киево-Могилянской коллегии эти науки изучали в старших седьмом и восьмом классах в течение 6 лет. Следовательно, Мазепа учился только 6 лет, в первых шести классах, и поступил он в коллегию около 1650 г.

Итак, оба юноши были из знатных украинских шляхетских семей, оба в начале своего жизненного пути получили весьма приличное образование, оба имели хорошие связи в высших кругах, а значит и хорошую основу для придворной карьеры. Однако дальнейшие судьбы Хмельницкого и Мазепы диаметрально противоположны.

Неся опасную службу на границе с Диким Полем, отец Богдана, Михаил Хмельницкий, водил дружбу с казаками, пользовался у них уважением как опытный и смелый военачальник, и когда в 1615 г. Богдан окончил львовский коллегиум, оставил сына при себе, чтобы тот вдобавок к книжной премудрости набрался жизненного опыта, научился владеть конем и саблей, постиг казацкую науку.

А наука была весьма серьезной. За 29 лет (с 1615 по 1644 г.) татары 33 раза обрушивались на земли Украины и Польши с крупными вторжениями, не считая заурядных ежегодных мелких набегов²⁶. Создается впечатление, что Хмельницкий под командой отца, погибшего в неудачной битве под Цецорой в 1620 г., не покидал седла, громя вместе с казаками проходившие мимо татарские отряды и отбивая полон. В Цецорской битве Богдан сам попал в турецкий плен, из которого был выкуплен матерью и казаками. Через два года он записался в реестровые казаки Чигиринского полка, окончательно связав свою судьбу с казачеством. Около 1630 г. он женился на дочери своего друга Якима Сомко Анне и в 1632 г. у них родился первенец – Тимофей. Казаки избрали Богдана Чигиринским сотником.

Как это ни покажется парадоксальным, но уже в эти годы проявилась такая черта характера Хмельницкого, как верность данному слову и присяге (в отличие от Мазепы), что позволило ему со временем стать выдающимся политическим деятелем своего времени: политик только тогда достигает успеха в главных своих целях, когда сохраняет верность заключенному с союзниками договору. Мелочная интрига несовместима с серьезной политикой. “Кредит потерять, – говорил Петр I, – все потерять”.

В Хмельницком, как и во всем украинском народе, конечно же, зрело недовольство политикой национального, социального и религиозного угнетения, проводимой Речью Посполитой на

Украине, но вплоть до 1637 г. он не участвовал в восстаниях казаков и крестьян, хотя и сочувствовал им. Тем более он не разделял возникавших уже тогда планов перехода Украины в подданство российского царя, к чему призывал глава православной церкви киевский митрополит Иов Борецкий. В челобитной царю Михаилу Федоровичу Иов просил в 1624 г. защитить православных на Украине, некогда отторгнутых “от твоея державы”²⁷. Прибывшие в Москву посланцы от Борецкого прямо говорили, что восставшие казаки просят принять Украину в российское подданство²⁸.

Когда в 1632–1634 гг. Россия попыталась вернуть захваченный Польшей в ходе Смутного времени Смоленск, Хмельницкий оказался в числе тех нескольких тысяч казаков, которые пришли в армию короля Владислава IV. Чигиринский сотник отличился особой храбростью и умением, за что был представлен королю и получил из рук Владислава IV саблю.

21 год спустя, в 1655 г., в разговоре с русскими дипломатами Хмельницкий сожалел об этом. Он говорил царским посланцам, что его отец Михаил Хмель не раз заповедовал сыну никогда не поднимать оружия против России, а напротив, соединиться с ней и верно служить русскому царю. Тогда, в 1634 г., он нарушил отцовскую заповедь, и “сабля сия порочит Богдана”²⁹.

В восстаниях казаков 1637–1638 гг. Хмельницкий хотя и участвовал, но вел себя весьма осторожно, не выдвигался на первые роли и уж тем более не изменял королю и Речи Посполитой, не ставил цели разорвать с ними³⁰.

К 1637 г. это был уже вполне зрелый, сорокадвухлетний казак, уважаемый воин и администратор, к тому же весьма образованный человек, почему и выбрали его реестровые казаки генеральным войсковым писарем, вторым после гетмана должностным лицом, ведавшим войсковой канцелярией, внутренними делами казаков. Рост недовольства и внутреннего протеста у Хмельницкого скорее всего начался после введения в Украине так называемой “Ординации” 1638 г., которая ограничивала численность реестровых казаков 2000 и ликвидировала право выбирать войсковую администрацию (выбирать разрешалось не выше сотника). Это был удар и лично по Хмельницкому: из генерального войскового писаря он вновь становился Чигиринским сотником.

Тем не менее, Хмельницкий сохранял верность присяге и продолжал честно служить королю. Не только на Украине был известен этот казак. Его хорошо знали в Варшаве и несколько раз принимал сам король. (Владислав IV планировал тайно от Сената и Сейма организовать казацкий поход на Турцию и спровоци-

ровать султана на объявление войны Польше. Война нужна была королю для подавления своеволия магнатов.) Хмельницкий был принят у канцлера Е. Оссолинского, у Радзейёвских, Даниловичей, Хмелецких, Жолкевских, его личными врагами были магнаты С. Калиновский и С. Потоцкий. Богдан был близко знаком с французским послом Де Брежи, на вербовал для Франции казацкий отряд и 19 апреля 1645 г. имел аудиенцию у принца Конде в Фонтенбло. Набранный Хмельницким отряд участвовал в осаде Дюнкерка, а сам он позднее не без гордости называл Конде “своим старым вождем”³¹.

Готовить восстание казаков и крестьян Хмельницкий стал только после того, как в 1646 г. с ведома и при поддержке коронного гетмана С. Конецпольского чигиринский подстароста С. Чаплинский напал и разорил родовое владение Хмельницкого, хутор Суботов, заперол насмерть его младшего сына и забрал к себе невенчаную жену Хмельницкого. Хмельницкий безуспешно пытался вызвать Чаплинского на поединок, но тот не принял вызова. Сейм решил спор в пользу Чаплинского.

В поисках справедливости Богдан обратился к королю. На аудиенции состоялся любопытный разговор, который позволяет предположить, что начавшееся в декабре 1647 г. казацкое восстание произошло если и не по “подсказке” Владислава IV, то, во всяком случае, с его ведома. “Силе следует противопоставить силу, – говорил король. – Ты также воин. Если Чаплинский смог найти себе приятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю я и об утеснениях казаков, но помочь вам не в силах. Пора бы, кажется, всем вам вспомнить, что вы воины; у вас есть сабли: кто вам запрещает постоять за себя? Я же со своей стороны всегда буду вашим благодетелем”³².

“Такой откровенности, – писал Н.И. Костомаров, – было достаточно, чтобы показать Хмельницкому что он может и что должен делать ... Хмельницкий выехал из Варшавы без удовлетворения, осмеянный, но с твердой решимостью освободить Украину от власти панства и, может быть, сделать казаков орудием преобразования Речи Посполитой”³³. Таким образом, уже начиная восстание в декабре 1647 г., Хмельницкий не изменял ни королю, ни Речи Посполитой: его целью была ликвидация Ординации 1638 г., восстановление привилегии казачества и обуздание своевольтва магнатов-“королевят”, усиление королевской власти.

Иное дело Мазепа. О жизни Мазепы после окончания (примерно в 1655 г.) Киево-Могилянского коллегиума и до появления его в 1663 г. у гетмана Правобережной Украины Павла Тетери известны лишь 2–3 факта, но факты эти позволяют сделать оп-

ределенные предположения. Как писал позднее в Малороссийский приказ сам Иван Степанович, по окончании коллегіума он был направлен “на воспитание ко двору Яна Казимира, где он был покоевым”³⁴. Возникает вопрос: каким образом юный 15–16-летний Мазепа, несмотря на войну России и Украины против Речи Посполитой, мог добраться до Варшавы и стать придворным короля? Ответ может быть только один: изменив сражающейся Украине и России и перейдя на сторону ее врагов, а, возможно, и первый раз в своей жизни изменив присяге, которую он вместе со всеми киевлянами, скорее всего, принес в 1654 г. царю Алексею Михайловичу перед российским послом В.В. Бутурлиным.

Как видим, с самого начала карьера Мазепы была направлена на разрыв с народом, со сражающейся Украиной и на сближение с Речью Посполитой. Таким образом, если Хмельницкий начал службу со сближения с народом, с органического срастания с ним, как патриот Украины и одновременно как верный воин и подданный короля, то служба Мазепы началась с измены своему народу, с разрыва с ним и перехода в лагерь его противников. Несомненно, юноша не мог предпринять этого шага без поддержки отца, Степана Мазепы, шляхтича пропольской ориентации, сторонника Ивана Выговского.

Вскоре король отправил Ивана Мазепу и еще двух молодых шляхтичей за границу для обучения на три года, и Мазепа изучал философию в университетах Нидерландов, Италии, Германии и Франции³⁵. Первая “служба” Мазепы документально зафиксирована в 1659 г., когда по возвращении из-за рубежа он был направлен к тогдашнему гетману Ивану Выговскому³⁶. Речь шла о ратификации заключенного И. Выговским Гадячского договора.

Род Мазеп принял весьма деятельное участие в возвращении Украины под власть польского короля на условиях Гадячского договора. Его отец, Степан Мазепа, был в составе гетманской делегации, направленной в Варшаву для рассмотрения договора на Сейме. Сейм отказался ратифицировать договор. Тем не менее, участвовавшая в посольстве казацкая старшина и украинская шляхта в накладе не осталась: 34 человека были нобилитованы и получили земельные владения, а 7 человек, уже имевших шляхетское достоинство, получили новые имения. Среди них оказался и некий Адам Мазепа, которому было дано село Каменица в Киевском воеводстве³⁷.

Затем вновь как королевский посланец Иван Мазепа был в 1660 г. у гетмана Юрия Хмельницкого и приложил руку к переходу Юрия на сторону Речи Посполитой. Действовавшая вместе с Юрием Хмельницким русская армия В.Б. Шереметева была вы-

дана крымским татарам. 1 января 1663 г. гетманом на захваченной Польшей Правобережной Украине был избран Павел Тетеря. Вскоре вместе с королем новый гетман предпринял попытку захватить Левобережную Украину, в походе короля участвовал и Иван Мазепа. В марте Мазепу направили к Павлу Тетери для вручения гетману знаков власти: булавы, королевского знамени, печати, а также договориться о времени и месте принесения присяги королю. Однако Тетеря, оскорбленный низким статусом Мазепы (тот был всего лишь королевским “покоевым”), отказался принять знаки власти из его рук³⁸. Так в 1663 г. Мазепа окончательно перебрался на Украину.

Впрочем, обстоятельства его появления в родных краях источники освещают противоречиво. В мемуарах личного врага Мазепы, королевского придворного Христофора Паска, сообщается романтическая сплетня о том, что Мазепа находился в интимной связи с женой некоего магната, пана Фальбовского, и, уличенный мужем, был схвачен, обмазан с ног до головы дегтем, обсыпан пухом, усажен задом на перед на полудикую лошадь, потом у лошади над ухом выстрелили из пистолета и та умчала несчастного на Украину³⁹.

Изложенная выше версия об участии И. Мазепы в королевском походе, безусловно, более вероятна. Эта версия отражена в польских источниках, использованных Т.В. Чухлибом, и в украинской летописи С. Величко. Величко пишет, что Мазепа покинул войско короля и остался при своем старом отце в Мазепинцах (вероятно, после неудачной миссии у Павла Тетери. – Г.С.)⁴⁰.

После поражения короля от левобережных казаков и от русских войск под г. Глуховым и на реке Десне, после его отступления, в 1666 г. на Правобережье поднялось новое антипольское восстание казаков и крестьян, и гетманом вместо бежавшего в Польшу Павла Тетери избрали Петра Дорошенко. Мазепа покинул короля и перешел на службу к новому гетману.

Так в трудный для Яна Казимира час поражений и неудач Мазепа изменил своему покровителю и переметнулся на сторону его врага, весьма популярного тогда среди восставших украинцев гетмана Петра Дорошенко.

Итак, Богдан Хмельницкий 32 года верой и правдой служил королю и даже, вынужденный поднять восстание за права украинского народа, стремился вначале добиться этих прав, сохранив верность присяге и единство с Речью Посполитой. Мазепа, не прослужив и четырех лет, ради личной карьеры и выгоды примкнул к восставшим и изменил своему королю.

Деятельность Богдана Хмельницкого по созданию украинского государства в годы Освободительной войны, эволюция

идеи воссоединения с Россией как единственной возможности сохранения сформировавшегося украинского государства, положение Украины в составе России – все эти вопросы рассматривались в подготовленном Н.М. Рогожиным и мной докладе, зачитанном в январе 2004 г. на российско-украинской конференции по поводу 350-летия Переяславской рады, проходившей в Институте российской истории РАН (материалы конференции опубликованы). Украина в составе России полностью сохраняла свой государственный строй, свою систему высших и местных органов власти, свои финансы, налоги, свое войско, гетман вел самостоятельную внешнюю политику, которая вполне органично сплеталась с политикой России.

Ко времени избрания гетманом И.С. Мазепы (25 июля 1687 г.) государственный строй и положение Левобережной Украины в составе России практически не изменились. Изменения сводились к тому, что при избрании гетманом Юрия Хмельницкого в 1659 г. было отменено право каких бы то ни было внешнеполитических контактов. Кроме того, гетман не мог своей властью назначать и смещать полковников – вопрос этот решался только на полковой раде⁴¹. Изменения эти явились ответной реакцией московского правительства на попытку И. Выговского вернуть Украину в состав Речи Посполитой. Тем не менее, в реальной жизни эти права гетманов сохранились. Те же И. Самойлович и И. Мазепа поддерживали самостоятельные контакты и с Речью Посполитой, и с Крымским ханством.

Что же касается внутренней политики российского правительства в Украине, она почти не изменилась. Правда, увеличилось по сравнению с 1654 г. количество русских гарнизонов и воевод в украинских городах, но в этом никакой особой национальной политики не было, просто на левобережье переместились боевые действия против Речи Посполитой и ее сторонников среди казачества, а в 1670–1690-х гг. против Османской империи.

В 1665–1666 гг. была неудачная попытка ввести подворное обложение с поступлением денег в московскую казну и провести в Украине перепись. Гетман И.М. Брюховецкий, прибыв в Москву, бил челом государю “всеми городами малороссийскими”, но из этого ничего не получилось: на Левобережье началось восстание казаков и крестьян, и перепись немедленно прекратили⁴². Больше всего население Левобережной Украины было недовольно вмешательством российских воевод в местные дела (в условиях войны дело совершенно заурядное). Поэтому нужно было четче ограничить компетенцию воевод. В статьях, принятых при избрании Юрия Хмельницкого и Д. Многогрешного, воевода предстает только как военачальник российского вооруженного

отряда, который не имеет права вмешиваться в дела гетманской и полковой администрации, не может судить население, самовольно ставить своих солдат на постой. Гарнизон содержится только за счет московской казны⁴³.

Если Богдан Хмельницкий ради достижения высоких политических целей использовал в первую очередь методы честной и открытой дипломатии и войны, то единственной целью Мазепы была личная власть, а методами достижения этой цели были беспринципность, предательство своих покровителей и интрига, которые соединялись с умением обольстить и понравиться любому, от кого зависела судьба. Своих взглядов на важнейшие политические проблемы Мазепа либо не имел, либо менял их моментально в угоду новому покровителю.

Изменив в 1663–1666 гг. Яну Казимиру и гетману Павлу Тетере, он перешел на сторону гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко, сумел своими способностями, знаниями и ловкостью быстро дослужиться до чина войскового писаря. В 1674 г. был направлен послом в Турцию, но по пути был схвачен запорожцами и передан врагу Дорошенко – гетману Левобережной Украины Самойловичу, а тот переслал его в Москву. Мазепа изменяет Дорошенко и вскоре, уже при Самойловиче, достигает чина генерального есаула – второго после гетмана человека в войске.

В 1686 г. Мазепа вместе с сыном Самойловича Григорием прибыли послами от Самойловича. В Москве в это время В.В. Голицын и Софья готовились к переговорам о Вечном мире с Речью Посполитой на условиях признания за Россией прав на Левобережную Украину, Киев, Запорожье и Смоленск, за Польшей оставалось Правобережье Днепра. Россия должна была вступить в новую войну против Османской империи. Планы Самойловича были другие: в союзе с Османской империей начать войну против Речи Посполитой и присоединить Правобережную Украину. Иван Самойлович хотел стать гетманом на обоих берегах Днепра, объединить Украину под своей булавой. В Москве у гетмана были, хотя и не многочисленные, сторонники, тот же князь Г.Г. Ромодановский, вместе с которым они нанесли дважды поражение туркам под Чигирином и победоносно завершили войну 1672–1681 гг. Убедить Голицына не разрывать мира с Турцией, но в союзе с ней начать новую войну против Речи Посполитой, должны были Григорий Самойлович и Иван Мазепа. Следовательно, Мазепа и сам поддерживал планы гетмана.

В инструкции, составленной скорее всего самим Мазепой, утверждалось, что верить полякам нельзя, ибо “мир тот польская сторона наибардзе хочет мети для союзу или для случения сил в

войну с собою против Турции ... и тое чинитимут лукаво, не по истине, хотячи царство Российское отшукати и звалити на него военного тяжару бремя”. Кроме того польская рада – крайне ненадежный союзник: “не всякие присяги свои сохраняет, и в какой бы присяге оказался бы им непожиток, тую ломают и разоряют, что и показали они спокон веков”⁴⁴. Мазепа убеждал посольских дьяков и В.В. Голицына в опасности войны против Турции и Крыма. Удар на Крым – говорил он, – потребует “великого и особого приготовления”, марш через безводную степь большими силами очень труден и долог, да и в Крыму “безводные суть места, войскам великим распростираема нельзе”⁴⁵. Если даже удастся захватить Крым, то удержать его будет крайне сложно из-за трудности снабжения войска, да и “Крым завоеванием не звоются все орды, поневаж с Крыму есть еще им куды от войны, или от так явней ухилитися”, да и татары, “оголоженные войной”, лишь усилят набеги⁴⁶. Аргументация, надо сказать, заслуживающая внимания: все эти трудности российская армия испытала в полной мере во время русско-турецких войн XVII и XVIII вв.

Переубедить фаворита царевны Софьи Самойловичу не удалось, и в 1686 г. был заключен Вечный мир и антиосманский союз России с Речью Посполитой. Летом следующего года состоялся неудачный поход В.В. Голицына и И. Самойловича на Крым.

Точка зрения Мазепы на проблемы внешней политики меняется моментально и круто, когда при поддержке В.В. Голицына появилась возможность сбросить И. Самойловича и самому стать гетманом. Обычно расправу с Самойловичем объясняют двумя причинами: 1) В.В. Голицыну нужен был “козел отпущения”, виновник неудачи первого крымского похода (термин “поражение” здесь вряд ли подходит, ибо не было военных действий). 2) Старшина была недовольна жесткой и самовластной политикой гетмана, нарушавшего ее права и привилегии, самовольно каравшего и миловавшего и явно стремившегося сделать гетманскую власть совершенно неограниченной, если не наследственной.

По-видимому, ни то, ни другое не было главным. Неудача похода на Крым была, скорее всего, поводом к смещению Самойловича, а не причиной: Голицын не стал расследовать обоснованность ходивших среди русских ратных людей слухов о том, что степь у Перекопа подожгли не татары, а казаки по приказанию гетмана⁴⁷. Приказа гетмана о поджоге степи скорее всего не было: Если бы Самойлович отдал такой приказ, даже устный, об этом, скорее всего, знал бы генеральный есаул Мазепа, которого гетман считал безоговорочно верным сподвижником. Между тем в доносе старшины, составленном Мазепой и Кочубеем, высказывается лишь предположение, что степь подожжена по приказу гетмана⁴⁸.

В Москве, конечно же, были недовольны попытками гетмана утвердить в Украине неограниченную гетманскую власть и передать свою булаву по наследству старшему сыну. В доносе старшина обвиняла Самойловича, “что он, гетман, самовольно владеет и хочет владеть Малою Россиею... К царствующему граду Москве не токмо мирским, но и духовным людям ездить запрещает и города государские малороссийские не государскими, но своими именует, и людем войсковым приказывает, чтобы ему, а не монархам верно служили”⁴⁹.

Главная причина падения Самойловича состояла в том, что он и после начала новой войны с Османской империей продолжал доказывать и московским властям, и украинской старшине ошибочность внешнеполитического курса В.В. Голицына. “Купила ныне Москва себе лиха за свои деньги, полякам данные... Жалели малой дачи татарам давать, а будут большую казну давать, какую татары похотят. И после того бывал смутен и сердит, и таковы ж слова в случаях речей поновлял, а за тот мир, учиненный между монархами, не велел и молебствовать по церквам”⁵⁰. С такой позицией украинского гетмана Голицын и Софья примириться не могли, Мазепа же немедленно подстроился под их настроения. 25 июля 1687 г. на берегу реки Коломак состоялась рада, избравшая гетманом Мазепу. Самойлович был обвинен в измене, сослан в Сибирь, где и умер.

Получив булаву, Мазепа действует энергично, но скорее в своих властных интересах, чем ради отчизны. Он старается на всякий случай избавиться от многочисленной родни Самойловича и его сторонников. Гетман постоянно выдвигал обвинения против племянника Самойловича, гадяцкого полковника М.В. Галицкого и, наконец, лишил его полковничей булавы; тайно слал доносы на переяславского полковника Леонтия Полуботка, обвиняя его в связях с ханом; враждовал с митрополитом Гедеоном Четвертинским, сын которого Юрий был помолвлен с дочерью Самойловича; успешно чернил бывших своих сообщников по доносу на Самойловича.

Мазепа никогда не отличался (в противоположность Хмельницкому) военными талантами, хотя имел достаточный боевой опыт. Его успехи на поле брани зависели от вышестоящего командования. Так было и во время второго крымского похода В.В. Голицына в 1689 г., когда с большими трудами дошли до Перекопа и после трехдневной осады 21 мая отступили от города.

В Москве неудачу превратили в триумф, устроили празднество, дабы укрепить влияние Софьи и ее фаворита, 10 августа на празднество прибыл И.С. Мазепа в сопровождении 304 казаков из числа знатнейших в Войске Запорожском старшин и попал,

что называется, “как кур в ощип” – в самый эпицентр борьбы за престол между Софьей и юным Петром, между кланами Милославских и Нарышкиных. Можно было вместе с гетманской булавой потерять и собственную голову с казацким оселедцем и шляхетским гонором. В ночь с 7 на 8 августа Петр укрылся за стенами Троице-Сергиева монастыря. Следом за ним потянулись и бояре.

Трон под Софьей зашатался, а поэтому Мазепу, которого считали верным и преданным всей душой Голицыну и Софье, имеющим под рукой многочисленное войско и обширные земли, встречали как влиятельного иноземного государя: полк рейтар в почетном карауле, золотая царская карета, был в Грановитой палате “у руки” Иоанна Алексеевича, а потом “у руки” патриарха Иоакима.

Мазепа, конечно же, знал ситуацию в Москве, но в день его приезда еще было не ясно, чья сторона возьмет верх, и целый месяц Мазепа выжидал, сидя без дела на Посольском дворе в Зарядье. Лишь 7 сентября, когда последние сторонники покинули Софью и Голицына и победа Петра стала очевидна, Мазепа отправился в Троице-Сергиев монастырь.

В свите Мазепы уже готовились прямо в Москве собрать “раду” и выбрать нового гетмана, но прием у молодого Петра оказался неожиданно торжественным и даже помпезным. Гетман вручил царю богатые подарки: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, саблю в дорогой оправе, ценой в 2000 рублей, 10 аршин золотого аксамита для царской матери Натальи Кирилловны и золотые ожерелья с бриллиантами для царицы Евдокии.

Гетману сказали милостивое слово за поход с Голицыным на Крым. В ответ Мазепа говорил, что он, как старик, не может похвалиться здоровьем, но клянется служить царю верно, до пролития последней капли крови, и просил государя “держатъ его всегда в своей милости со всем народом малороссийским”⁵¹.

Изменив В.В. Голицыну и Софье, Мазепа не мог отказать себе в удовольствии лягнуть поверженного льва. Он тут же, на аудиенции у Петра, подал челобитную, обвинявшую Голицына в лихоимстве, в том, что тот при избрании гетманом вынудил Мазепу дать ему взятку не менее чем на 21 тысячу рублей⁵².

Внешнеполитическая и внутренняя деятельность гетмана до его присоединения к армии Карла XII в октябре 1708 г. представляется вполне успешной. В 1696–1698 гг. вместе с российскими войсками он предпринимает удачные походы в низовье Днепра, которые привели к взятию крепостей Тавань, Шелкермень и Казикермень. Украинские казаки участвовали во взятии Азова и, по более чем смелому мнению Т.Г. Яковлевой, 19 июля 1696 г. имен-

но “казаки Мазепы во главе с черниговским полковником Я. Лизогубом взяли Азов. Мечта Петра осуществилась”⁵³. Успехи военных действий в низовьях Днепра Петр пытался использовать во время Великого Посольства 1697–1698 гг. для активизации действий союзников по Священной Лиге против Османской империи⁵⁴.

После того, как по условиям Константинопольского мира 1700 г. Россия отказалась поддерживать официальные дипломатические отношения с крымским ханом (как с вассалом султана), отношения эти были передоверены Мазепе, вплоть до весьма важных вопросов, таких как демаркация границы в 1705 г. Мазепа вел дипломатическую переписку и с польскими магнатами, и с королем Августом II.

Самостоятельность Мазепы в вопросах внешней политики выросла в условиях Северной войны, когда Петру нужен был своеобразный “буфер” на юге. Стабильность на Украине и сильная гетманская власть обеспечивали ему спокойный тыл. Именно с этих позиций следует рассматривать и награждение Мазепы орденом Святого Апостола Андрея Первозванного 8 февраля 1700 г. Мазепа стал вторым по счету кавалером главного российского ордена⁵⁵.

В 1701 г. во время свидания Петра и Августа II в Брижах, когда был официально оформлен союзный договор между ними, представители Речи Посполитой на переговорах потребовали вернуть часть земель вблизи Киева, отошедших к России по Вечному миру. Петр ответил, что этот вопрос будет решать гетман Мазепа и для совещания с ним направил в гетманскую резиденцию Батурин дьяка Бориса Михайлова. Мазепа категорически отказался передавать эти земли, сославшись на то, что Август II не выполнил своих союзнических обязательств и вывел свои войска из Прибалтики осенью 1700 г., что и стало причиной поражения под Нарвой. Борис Михайлов прямо говорил в Батурине: “Великий государь о всяких принадлежностях, что належат к малороссийскому краю, без совета своего верного подданного гетмана и кавалера ничего чинить не изволит, и для того обнадеживания я, Борис, сюда и прислан нарочно”⁵⁶.

Мазепа последовательно и не безуспешно пытался распространить свою власть и на Правобережье, действуя порой вопреки воли Петра. Когда в 1704 г. на правом берегу началось восстание казаков под предводительством С. Палия, Палий просил Мазепу взять восставших под свою защиту. Петр, напротив, обещал своими силами усмирить восставших. Тогда Мазепа, не желая упустить Правобережье, решил действовать не считаясь с волей Петра. Благоприятный случай представился летом 1704 г., когда

Петр приказал Мазепе идти на запад от Днепра и разорить имения тех магнатов, которые придерживались шведской ориентации. Мазепа воспользовался этим и завладел Правобережьем. (По мнению В.А. Артамонова, взял под контроль.)⁵⁷ “Это был, – писал М.С. Грушевский, – первый случай, где он осмелился так резко разойтись с царской волей, но на первых порах это расхождение не вызвало осложнений. Мазепа оправдывался. Пока в Польше в силе остается шведская партия, не следует отдавать полякам правобережных земель. – И царь принял это объяснение... Однако, в конце концов, в 1707 г. царь велел Мазепе передать правобережные земли полякам. Мазепа не повиновался и под различными предлогами продолжал удерживать правобережную территорию в своих руках, так как очень дорожил ею и надеялся все-таки сохранить ее для Гетманщины”⁵⁸.

Осенью 1705 – весной 1706 г. на театре военных действий сложилась весьма неблагоприятная ситуация для России и Саксонии. Август II был изгнан из Польши, а главные силы русской армии блокированы в г. Гродно, и над ними нависла угроза уничтожения либо капитуляции.

Это был критический момент Северной войны. Энергичными мерами блокированным войскам в марте 1706 г. удалось прорваться, чему в немалой степени способствовали полупартизанские действия украинских казаков во фланг и тыл осаждавшим шведам. Обычно в литературе эти бои казаков под Слуцком, Несвижем и Ляховичами характеризуют как неудачные: казаки потеряли несколько сотен человек, был убит стародубский полковник Миклашевский, а полтавского полковника И. Мировича осадили в Ляховичах, он попал в плен и в плену умер⁵⁹. В действительности казаки под Несвижем потеряли около 200 человек пленными и убитыми, а 5800 казаков Мировича притянули к себе 12 000 шведов, что не позволило Карлу XII жестко заблокировать Гродно, и гарнизон, бросив всю артиллерию, сумел в полководье выйти из крепости и оторваться от неприятеля. Это был несомненный успех⁶⁰, в достижении которого сыграли свою роль казаки.

Совершенно самостоятельно гетман проводил и внутреннюю социальную политику, элементы которой зародились еще при Хмельницком. Но если при Хмельницком лишь начинался процесс “одворянивания”, нобилитации казацкой старшины, то при Мазепе уже речь шла о введении крепостного права.

Когда в сентябре 1689 г. Мазепа изменил В.В. Голицыну и был на приеме у Петра в Троице-Сергиевом монастыре, гетман предложил (по примеру И.М. Брюховецкого) провести в Украине перепись населения, “чтоб отделить настоящих казаков от

своевольных мужиков... и строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались в казачество”⁶¹. Стараниями гетмана в Украину стали все заметнее проникать крепостнические тенденции. “Впервые после освободительной войны он издал универсал, который узаконивал двухдневную барщину крестьян Нежинского полка. Над крестьянами Левобережья нависла реальная угроза закрепощения”⁶².

Уже в первые годы гетманства Мазепы идет особенно широкая раздача сел, мельниц и городов в собственность казацкой верхушки. Так называемое “ранговое землевладение” все больше заменяется персональными земельными пожалованиями.

Особенно велика была раздача во время визита гетмана в Троице-Сергиеву лавру. В один день, 14 сентября 1689 г., кроме общей жалованной грамоты “всему малороссийскому народу” на прежние земельные владения царь отдал 48 казакам 67 сел. Н.И. Костомаров считал, что “в этот приезд гетмана в Москву... можно сказать более, чем в прежние времена положен был фундамент частного землевладения в Малороссии и начало будущего малороссийского дворянства”⁶³.

Несколько странно выглядит утверждение В.А. Смолия о том, что Мазепа как прозорливый политик намеревался регламентировать раздачу ранговых земель и пытался внести изменения в систему аренд⁶⁴. Что касается ранговых местностей, то Мазепа вовсе не пытался регламентировать их раздачу, а всего лишь взял это дело под свой личный контроль. В 1689 г., будучи у Петра в Троице-Сергиевом монастыре, он жаловался, что Москва дает ранговые земли без его ведома, а это ведет к “трудностям и надлежащей докуке”. Гетману отвечали, что впредь не будут давать земли без его универсалов⁶⁵.

Сложившееся положение Украины в составе России и его личное положение на Украине вполне устраивало Мазепу примерно до сентября 1705 – марта 1706 г., когда сложилась отмеченная выше критическая ситуация под Гродно. После прорыва русской армии из блокады, Карл XII повернул в Саксонию. В результате в 1706 г. Август II подписал в Альтранштадте капитуляцию. Россия осталась в одиночестве. В 1707 г. Карл XII, выйдя из Саксонии, направился к границам России, чтоб нанести удар своему последнему противнику. В этих условиях и произошла измена Мазепы.

До сих пор исследователи пытаются уточнить, когда же Мазепа изменил: в 1706 г., когда русские полки были блокированы в Гродно, а потом ожидали немедленного марша Карла XII на Волынь и на Киев; в 1707 г., когда после капитуляции Августа II в Жолкве обсуждались планы ведения военных действий в Литве

и на Украине; либо в 1708 г., когда после неудачи под Добрым Карл XII повернул на Украину.

Чтобы ответить на вопрос, когда изменил гетман, нужно попытаться понять, почему он изменил. По мнению В.А. Смолия, «о причинах перехода (Смолий избегает термина “измена”. – Г.С.) Ивана Мазепы на сторону шведского короля вряд ли можно говорить однозначно». Тем не менее, на первое место он ставит “общественные и моральные позиции гетмана”, его воззрения, и уже затем изменения в европейской ситуации, когда военная фортуна все более склонялась к Карлу XII. Эти же причины выдвигает на первый план М.С. Грушевский⁶⁶.

Что касается “общественных и моральных позиций”, то их можно просто исключить из причин измены гетмана по причине отсутствия таковых качеств в характере и сознании Мазепы. Единственной причиной измены было желание сохранить свою власть на Украине и личное благополучие. Ради этого Мазепа не смог трезво оценить “изменения в европейской ситуации”, приняв временные военные успехи Карла XII за постоянно действующий фактор. Он не смог даже правильно оценить соотношение сил России и Швеции, хотя после сражения под Добрым (и особенно под Лесной) усомниться в звезде Карла XII были все основания.

Я полагаю, что Мазепа по своей человеческой сущности был всегда готов к измене и предавал своих покровителей немедленно, как только чувствовал, что фортуна отворачивается от них. Петру он изменил уже в середине октября 1705 г., когда к нему в лагерь под Замостье прибыл первый посланец от ставленника Швеции Станислава Лещинского иезуит Франтишек Вольский с предложением перейти на сторону Карла XII. Мазепа арестовал и якобы пытал Вольского, расспросные речи его отослал Петру, самого же иезуита задержал у себя под предлогом, что его в пути могут отбить⁶⁷. Объяснение более чем странное: для благополучной доставки достаточно было дать соответствующий конвой. Скорее всего, Мазепа оставил его в своем стане для каких-то своих целей. Полтора года спустя, в июле 1708 г., когда уже всюду шли переговоры Мазепы и Лещинского, Вольский все еще был при гетмане, и Мазепа отказывался отпустить его назад, объясняя литовскому гетману Сиявскому, что “он достоин виселицы”⁶⁸.

С марта 1706 г. начинается переписка Мазепы с княгиней Анной Дольской, склонявшей его к переходу на сторону Швеции. Сподвижник Мазепы, генеральный писарь Филипп Орлик прямо считал, что именно с этого времени гетман стал готовить измену Петру: “...княгиня Дольская прелестями своими ему оную выперсвадовала, о том сам един Бог весть. Однако от большей части разсуждаю, что тая прелестница мела его обязуметь”⁶⁹.

Итак, переговоры с Лещинским Мазепа вел, вероятно, с осени 1705 г. и несомненно с марта 1706 г., а продолжались они до ноября 1708 г. Сейчас в работах не только украинских историков, но и у Т.Г. Яковлевой Мазепа именуется не иначе как великим политическим деятелем, искусным дипломатом. Каковы же оказались итоги переговоров этого “дипломата”?

В инструкции Ф. Вольскому и в письмах княгини Дольской содержатся лишь самые общие обещания “всяких вольностей” и военной помощи от Карла XII. Инструкция С. Лещинского иезуиту Вольскому предлагала обещать “всякую вольность, которая ему от маестата и Речи Посполитой дана будет, освобождение из-под владения тиранского, впоследствии награждение, какое сам себе желать будет”. Вольский обещал “столько войска, сколько будет потребно господину Мазепе” и просил гетмана “подать способы, которые ему для интересу Речи Посполитой, короля и себя самого полезны быти покажутся”⁷⁰. Понятно, что это были весьма предварительные и туманные обещания.

В мае 1706 г. в очередном письме от Анны Дольской передавалась сплетня о том, что А.Д. Меншиков сам намерен стать украинским гетманом, Дольская писала, что Карл XII лично гарантирует вооруженную помощь Мазепе. Т.Г. Яковлева охотно верит, в угоду своей концепции, этой сплетне о гетманских планах Меншикова⁷¹.

Сам Карл XII до отправления в поход к границам России вообще отказывался устанавливать какие-либо контакты с Мазепой. Лишь в начале 1708 г. был заключен союз Карла XII, С. Лещинского и Мазепы. Что касается взаимоотношений Украины и Швеции – они касались только военных вопросов, политические вопросы не рассматривались⁷².

Да и договора со Станиславом Лещинским тоже не было. Просто Мазепа на протяжении 1707 и 1708 гг. предлагал в письмах к Лещинскому принять Украину “как наследие свое”⁷³. Кроме того, Мазепе был направлен королевский привелей (не договор!) и частные письма канцлера Яблоновского и подканцлера литовского Щуки, согласившихся принять Украину под власть польского короля на правах Великого Княжества Литовского, а Мазепа получал в личное владение Витебское и Полоцкое княжение⁷⁴.

Расценивать эти личные письма и “привелей”, данный персонально Мазепе, как договор, конечно же, нельзя, хотя дело шло к этому, но слишком медленно.

Таким образом, этот “великий политик” за три года переговоров так и не подготовил свой переход к Карлу XII ни в военном, ни в политическом отношении. Обеспечив только свои личные интересы, он 25 октября 1708 г. соединился с Карлом XII,

приведа с собой часть казацкой старшины и около 3000 казаков, в основном кампанейских полков. Впрочем, в современной украинской историографии принято акт измены называть “восстанием Мазепы”⁷⁵. Между тем, восстания на Украине начались *против Мазепы после его измены*.

Авантюризм и мелкое интриганство Мазепы отчетливо видны в последней его измене – на этот раз Карлу XII. Не прошло и месяца после присоединения гетмана к шведскому королю, как в конце ноября 1708 г. в ставку русской армии в Сорочинцах прибыл посланец предателя, миргородский полковник Данило Апостол с просьбой гетмана о прощении и обещанием захватить в плен и выдать царю Карла XII и его главных военачальников⁷⁶. Впрочем, в эти же дни Мазепа пишет верноподданнические письма С. Лещинскому и составляет от имени Карла XII манифест к украинскому народу, в котором шведский король призывает подниматься против угнетателя-царя, изгонять русские войска и снабжать провиантом шведов. За все это король обещал свою благосклонность и защиту⁷⁷.

¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в шести томах. М., 1949. Т. 2. С. 147–148.

² Яковлева Т.Г. Мазепа-гетман: В поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 45.

³ Там же.

⁴ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6, т. XVI: Мазепа.

⁵ Смолий В.А. Иван Мазепа // Володарі гетьманської булави: Історичні портрети, Київ, 1994. С. 385.

⁶ Там же.

⁷ Чухліб Т.В. Гетьмани і монархи: Українська держава в міжнародних відносинах 1648–1714 рр. Київ; Нью-Йорк, 2003. С. 308.

⁸ Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 45.

⁹ Тезисы ЦК КПСС о трехсотлетию воссоединения Украины с Россией (1654–1954 гг.). Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза // Материалы о 300-летию воссоединения Украины с Россией. Симферополь, 1954. С. 18.

¹⁰ Баранович А.И. Освободительная война 1648–1654 гг. и воссоединение Украины с Россией // Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 680.

¹¹ Касимменко А.К. Освободительная война украинского народа 1648–1654 гг. и воссоединение Украины с Россией // История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1969. Т. III. С. 43; Історія Української РСР. К., 1979. Т. 2. С. 58–59, 71.

¹² Смолий В.А., Гуржий О.І. Становлення української феодальної державності и Український історичний журнал. 1990. № 10; *Они же*. Як і коли почала формуватися українська нація. К., 1991. С. 53–54.

¹³ Степанков В.С. Українська держава у середині XVII століття: проблеми становлення й боротьби за незалежність (1648–1657 роки): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. К., 1993; Смолий В.А., Степанков В.С. Українська національна революція середини XVII ст. К., 1999.

- ¹⁴ Степанков В.С. Указ. соч. С. 23.
- ¹⁵ Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1: Русская история с древнейших времен. Т. 2. С. 488–495; Мякотин В.А. Очерки социальной истории Малороссии: (Восстание Богдана Хмельницкого и его последствия) // “Русское богатство”. 1912. № 8–10; 1913. № 9–12.
- ¹⁶ Стецюк К.І. Народни рухі на Лівобережній і Слобідській Україні в 50–70 роках XVII ст. К., 1960; Маркина В.А. Крестьяне Правобережной Украины, конец XVII – 60-е годы XVIII ст. К., 1971.
- ¹⁷ Крипьякевич І.П. Богдан Хмельницький. К., 1954. С. 64–69.
- ¹⁸ Історія Української РСР. К., 1979. Т. 2. С. 24; Смолий В.А. Великий гетман: (Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницький) // Котляр Н.Ф., Смолий В.А. Історія в жизнеописах. К., 1990. С. 196.
- ¹⁹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. (Далее: АЮЗР). СПб., 1878. Т. 10. С. 457. (1650 марта 11. – Выписка из книг градских Киевского воеводства за 1646 г.)
- ²⁰ Крипьякевич І.П. Назв. твір. С. 81.
- ²¹ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 386.
- ²² Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 45; Смолий В.А. Иван Мазепа... С. 385; Субтельний О. Україна: Історія. К., 1993. С. 204.
- ²³ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 386.
- ²⁴ Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 386; Субтельний О. Назв. твір. С. 204.
- ²⁵ Історія Української РСР. К., 1973. Т. 1, кн. 2. С. 19.
- ²⁶ Horn M. Chronologia i zasięg najazdow tatarskich na ziemi Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600–1647 // Studia i materially do historii wojskowosci. Warszawa, 1962. Т. 8, cz. 1. S. 70.
- ²⁷ Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. (Далее: ВУСР). М., 1953. Т. 1: 1620–1647 годы. С. 47 (1624 августа 24. Челобитная И. Борецкого царю Михаилу Федоровичу). С. 300, 301 (Примеч.).
- ²⁸ Там же. С. 87 (1630 августа 9 – отписка путивльских воевод А. Литвина-Мосальского и И. Уварова о прибытии сына И. Борецкого – Андрея и племянника Павла).
- ²⁹ Костомаров Н.И. Богдан Хмельницький. М., 1994. С. 86.
- ³⁰ Смолий В.А. Великий гетман... С. 170; Крипьякевич І.П. Назв. твір. С. 73.
- ³¹ Крипьякевич І.П. Назв. твір. С. 76.
- ³² Костомаров Н.И. Богдан Хмельницький. С. 173.
- ³³ Там же. С. 174.
- ³⁴ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 386.
- ³⁵ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 386; Яковлева Т.Г. Указ. соч. С. 46.
- ³⁶ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 387.
- ³⁷ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 387–389; Чухліб Т. Гетьмани і монархи... С. 83; АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. С. 214–219 (1659 июнь. – Грамоты на шляхетство и земельные владения украинской старшине и шляхте, данные королем Яном П. Казимиром).
- ³⁸ Чухліб Т. Назв. твір. С. 153.
- ³⁹ Костомаров Н.И. Мазепа. С. 387–388.
- ⁴⁰ Там же. С. 389.
- ⁴¹ АЮЗР. Т. 4. С. 265 (Статейный список А.Н. Трубецкого. Запись о раде 19 октября 1659 г.).
- ⁴² Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Кн. 6, т. XV: Руина. Гетманство Бруховецкого, Многогрешного, Самойловича. СПб., 1905. С. 72–79.

- 43 АЮЗР. Т. 4. С. 265 (Статейный список А.Н. Трубецкого. Запись о раде 19 октября 1659 г.); Там же. СПб., 1875. Т. 8. С. 94–97 (Статейный список Г.Г. Ромодановского. Запись о раде 6 марта 1669 г.); Там же. СПб., 1877. Т. 9 (Статейный список Г.Г. Ромодановского. Запись о раде 15 июня 1672 г.).
- 44 Источники малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским. М., 1858. Ч. 1. С. 289 (1686 января 24. Инструкция послам Г. Самойловичу и И. Мазепе).
- 45 Там же. С. 292.
- 46 Там же. С. 291.
- 47 *Костомаров Н.И.* Руина. С. 356.
- 48 Источники малороссийской... С. 299 (1687 июля 7 – Челобитная генеральной старшины на гетмана И. Самойловича).
- 49 Там же. С. 300.
- 50 *Костомаров Н.И.* Руина. С. 344–345; Источники малороссийской... С. 298 (1687 июля 7. Челобитная генеральной старшины на гетмана И. Самойловича).
- 51 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 406.
- 52 Там же.
- 53 *Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 50.
- 54 *Санин Г.А.* Пётр I – дипломат: Великое Посольство и Ништадский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 35–38.
- 55 *Бантыш-Каменский Д.Н.* Историческое собрание российских кавалеров чetyрех российских императорских орденов. М., 1814. С. 59–60.
- 56 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 520–521.
- 57 *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. Б/м. Б/г. С. 375; *Артамонов В.А.* Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990. С. 27.
- 58 *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 376.
- 59 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 544; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 65; *Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 55.
- 60 *Павленко Н.И.* Петр I. М., 1978. С. 117.
- 61 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 77.
- 62 *Смолий В.А.* Назв. твір. С. 390.
- 63 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 407–408.
- 64 *Смолий В.А.* Назв. твір. С. 390.
- 65 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 408.
- 66 *Смолий В.А.* Назв. твір. С. 390; *Грушевский М.С.* Указ. соч. С. 376–379.
- 67 Источники малороссийской... Ч. 2. С. 49 (1705 октября 18. Лист Мазепы к Петру I).
- 68 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 589.
- 69 Там же. С. 547–548.
- 70 Источники малороссийской... С. 50 (1705 сентября 23. Инструкция Ф. Вольскому).
- 71 *Яковлева Т.Г.* Указ. соч. С. 55; *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 549.
- 72 *Андрусак Н.* Зв'язки Мазепи з Станіславом Лещинським і Карлом XII // Записки наукового товариства ім. Т.Г. Шевченка. Львів., 1933. Т. СЛІІ. С. 3.
- 73 Источники малороссийской... Ч. 2. С. 196 (1708 декабря 5. Лист Мазепы С. Лещинскому).
- 74 Там же. С. 214 (1708 декабрь. Допрос Д. Апостола в ставке Петра).
- 75 *Кравченко В.* Концепції Переслава в українській історіографії // Переяславська Рада 1654: (Історіографія і дослідження). К., 2003. С. 470.
- 76 *Костомаров Н.И.* Мазепа. С. 653.

77 Источники малороссийской... Ч. 2. С. 196 (1708 декабря 5. Лист И. Мазепы к С. Лещинскому); Там же. С. 206–212 (1708 ноября 7. Манифест Карла XII к украинскому народу. Составлен И. Мазепой).

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Тихонов. Какие имеются вопросы к докладчику?

А.И. Аксенов. Геннадий Александрович, можно ли утверждать, что именно личностный фактор сыграл отрицательную роль в становлении украинского государства, или, может быть, у него вообще не было альтернативы ввиду объективных внешне-политических факторов?

Г.А. Санин. Что касается личностного фактора в установлении украинской государственности, я, может быть, сейчас сделал акцент на этом, ибо говорил именно о личности Хмельницкого и Мазепы. А вообще и в докладе на конференции* мы с Н.М. Рогожиным говорили о том, что решение о воссоединении было объективным и неизбежным шагом, направленным на защиту украинской государственности, что здесь объективное развитие событий сыграло решающую роль, конечно, плюс личный фактор Хмельницкого.

В.Я. Гросул. Я согласен, что Мазепа – это индивидуально-психологический тип. А вот как быть с мазепинством? Почему оно возрождалось несколько раз, в том числе в конце XX в. Это первый вопрос.

И второе. У Богдана Хмельницкого была очень сильная команда преданных сторонников, которые самоотверженно сражались в течение многих лет.

Команда Мазепы. Вы упоминали Филиппа Орлика, Даниила Апостола. Команда как таковая, что она из себя представляла?

Г.А. Санин. Чем был вызван расцвет “мазепинства” в конце XIX столетия?

Я бы сказал не “расцвет мазепинства”, а расцвет идеи украинской культурно-национальной автономии.

В.Я. Гросул. Я имею в виду не XIX, а XX столетие.

Г.А. Санин. XX столетие? Мое мнение здесь такое.

Во-первых, здесь сработал закон маятника. На протяжении 50-х–60-х, до 80-х годов не давали возможности украинским историкам заниматься теми социально-политическими событиями,

---

* Конференция “350 лет воссоединения Украины с Россией” состоялась в январе 2004 г. в ИРИ РАН. См.: *Рогожин Н.М., Санин Г.А.* Россия и Украина в XVI–XVIII вв. // История русско-украинских отношений в XVI–XVIII вв.: (К 350-летию Переяславской рады). М., 2006.

которые произошли на Украине после воссоединения. А теперь, когда дали возможность изучать их, отпустили маятник, этот маятник резко пошел в другую сторону – известный перехлест. Но пора уже ему качаться с нормальной амплитудой. Главное, чтобы он только не остановился посередине, не замер. Тогда это будет совсем плохо, это был бы конец науке. Здесь сказывается личный момент.

Кроме того, сказалось западное влияние, западный нажим на украинских историков, многие из которых стажировались на западе, например в Гарвардском университете, а книга того же Т. Чухлиба вышла не только в Киеве, но и в Нью-Йорке.

Поскольку зашла речь об историографии, я бы хотел отметить очень интересное наблюдение историка Ореста Субтельного – канадца украинского происхождения. Он предлагает рассматривать Мазепу и появление мазепинцев в XVIII в. как следствие той политической борьбы, которая проходила по всей Европе, когда имел место необыкновенный синхронный всплеск революционных выступлений народов (отмеченный еще Б.Ф. Поршневым. – Г.С.) в годы Тридцатилетней войны и после нее. Субтельный говорит о том, что первой осознала необходимость борьбы за национальную самобытность украинская элита. По-моему, на рубеже XVII и XVIII вв., в годы Мазепы шел процесс противоположный. Украинская элита уже отказывалась от борьбы за национальную самобытность. Но это одна из наиболее сдержанных оценок, попытка Субтельного дать объективную, хотя и спорную, оценку политики Мазепы.

Была ли команда у Мазепы? – Нет не было. Это показывает, насколько он был не подготовлен и не умел действовать политически. Ведь Хмельницкий накануне восстания создал свою команду. Его эмиссары загодя были отправлены в разные области Украины и готовили восстание. Я в своей статье рассматриваю, как постепенно Мазепа пытался создать свою команду. Но он боялся старшины. Того же самого Филиппа Орлика он около года водил за нос, прежде чем открыто сказал, что он готовит измену. Как Мазепа пытался создать свою команду? Вот известный эпизод, который произошел в 1706 г. в Киеве. Как раз тогда Меншиков и Петр прибыли в город для строительства укреплений. Тогда они ожидали удара Карла XII из Гродно на Вольнь.

И вот Меншиков в Киеве в крепком подпитии стал говорить Мазепе, что “надо было всех твоих старшин перебить”. “Это враги наши”, – говорил Меншиков. “Давай-ка убери их, и мы с тобой поговорим об этом”. Мазепа махнул рукой, сказал: “Ничего. Пусть сидят. Ничего не услышат”. А те услышали. Мазепа понимал, что они слышали, как Меншиков стал говорить, что надо

было бы этих врагов “к ногтю”. Когда Меншиков отбыл с пира, Мазепа сказал: “Ну вот, слышали сами, что хотят русские? И вот такое, – говорил Мазепа, – я слышу каждый день”.

Вот такие реплики он бросал. И я проследил, он не пресекал такие разговоры, а поощрял их. Он поощрял жалобы полковников на притеснение, на то, что у казаков где-то лошадей отобрали, где-то поставили на черные работы и т.д. Он все это раздувал, но открыто боялся говорить о заговоре. Почему? Потому что, изменив и готовя измену, он на всякий случай сохранял возможность возврата к Петру, что видно из эпизода с Даниилом Апостолом, который передал письмо гетмана Петру с обещанием захватить Карла XII. Я тоже вслед за Н.И. Костомаровым склонен считать, что это было последней изменой, и это была характерная для Мазепы попытка – быть и там, и там.

Ю.А. Тихонов. Каково Ваше мнение, Мазепа знал о настроении части украинской шляхты, которой нравились больше польские порядки нежели русские? Или он одиночка?

Г.А. Санин. Во-первых, я считаю, что левобережная шляхта к Польше особенно не тянулась. Мазепу поддержали трое или четверо из генеральных старшин, а остальные все перешли к Петру.

Знал ли Мазепа об этих настроениях? По тем документам и по тем работам, которые мне пришлось видеть, у меня сложилось впечатление, что он особенно этими настроениями не интересовался. Его интересовала его личная судьба.

В.М. Хевролина. Скажите четко, в чем заключаются личные интересы Мазепы?

Г.А. Санин. Дело в том, что в сохранившихся документах о контактах гетмана с врагами России, Мазепа ни свои личные интересы, ни интересы Украины не формулировал. Никаких официальных договоров Мазепы с Лещинским, или тем более с Карлом XII не существовало. Были только привилегии С. Лещинского И. Мазепе о его владениях и статусе. Здесь я больше стою на точке зрения Н.И. Костомарова, что желания Мазепы состояли в том, чтобы получить себе могилевское и полоцкое княжение. Судьба Украины его не интересовала.

Ю.А. Тихонов. Вы сказали, что маятник качнулся. Но это относится и к профессиональной академической украинской историографии, потому что вы назвали Яковлеву и еще одного историка, или все-таки в основном украинские историки и сейчас подходят довольно взвешенно и пытаются объективно оценить и Хмельницкого, и Мазепу?

Г.А. Санин. Что касается объективной оценки Хмельницкого, то, по-моему, здесь между российскими и украинскими исто-

риками принципиальных разногласий нет. Что касается Мазепы, то я назвал фамилии его апологетов. Можно этот список расширить. Украинские историки декларируют объективный и взвешенный подход к деятельности Мазепы – нужно-де отметить и положительные, и отрицательные стороны правления Мазепы, что ему удалось, что ему не удалось. Я считаю, что в оценке политической деятельности такой личности, как Мазепа, в объективной оценке его личности, нужно исходить из того, что для него не существовало каких-то других мотивов, кроме мотивов личного его интереса и личной его борьбы за власть. Тезис о патриотизме Мазепы просто не имеет права на существование. Он основан только на словах самого гетмана перед старшиной, на его универсалах к народу, написанных после измены, и на его песнях о бедах Украины. Реальные дела противоречат этим словам. Я еще раз подчеркиваю, что я против подобного подхода, я сторонник достаточно политизированной оценки личности Мазепы, я считаю такую оценку единственно объективной.

Ю.А. Тихонов. В чем политизированность?

Г.А. Санин. Политизированность в том, что он беспринципный изменник, действующий только в своих личных интересах.

Ю.А. Тихонов. Нужно его квалифицировать как изменника?

Г.А. Санин. Да, нужно его квалифицировать как изменника. И вот что еще, вероятно, надо было бы сказать, что в оценке результативности действий Мазепы и украинские, и российские историки в общем однозначны и дают отрицательную оценку. Скажем, тот же М.С. Грушевский считает, что хотя Мазепа пытался бороться за независимую Украину, за высокие идеалы, за свободную Украину, тем не менее на ход Северной войны измена Мазепы не оказала почти никакого влияния. Той же позиции придерживаются и Н.И. Костомаров, и Т.Г. Яковлева. Чухлиб избегает давать свою оценку.

Мне не хватает в полной мере историографического материала, потому что мы оторваны сейчас от Украины. Я использовал все последние работы, имеющиеся в московских библиотеках, но у нас лишь совершеннейшие крохи и работы, в лучшем случае вышедшие до начала 1990-х годов.

Поэтому я надеюсь, что поездка на Украину обогатит мой историографический багаж и, возможно, проявятся новые оттенки и нюансы в историографии.

Ю.А. Тихонов. Перейдем к выступлениям.

А.В. Виноградов. Я хотел сделать одну ремарку.

Докладчик очень хорошо говорил, что Богдан Хмельницкий вроде бы как рыцарь без страха и упрека. Я позволю себе усомниться в этой оценке.

Дело в том, что подходить к нему с такой точки зрения (при противопоставлении Мазепе), исключительно с моралистических позиций вряд ли целесообразно.

Простой пример. Как известно, король, о верности Хмельницкого которому так хорошо говорилось в докладе, открыл Хмельницкому план крупномасштабной войны против Турции и Крыма. Этот план был личным секретом короля и чуть ли не стоил ему престола. Короля обвиняли даже в измене Речи Посполитой. Хмельницкий открыл этот план хану Ислам Гирею IV, предъявив документацию. Сделал это гетман для того, чтобы заключить союз с Крымом против Польши, который Хмельницкому тогда был необходим (начиналась Освободительная война).

Вопрос о том, в какой степени Хмельницкий информировал Москву о своих переговорах в Стокгольме, с Дьёрдем Ракоци, наконец, с той же самой Варшавой, до сих пор в исторической литературе остается открытым.

Докладчик считает, что Хмельницкий информировал достаточно подробно. А у меня этот вопрос вызывает очень большие сомнения. Я считаю, что Хмельницкий здесь играл в свою игру, у него были собственные цели и интересы.

И тот факт, что они во многом совпадали с объективными надеждами украинского народа, тот факт, что это было серьезное движение в сторону (осторожно скажем) союза с Москвой, это не установленный факт для истории.

Конечно, как личность Хмельницкий намного превосходит Выговского, Брюховецкого, да кого угодно. Но тем не менее, если мы внимательно посмотрим на всех украинских гетманов, то мы увидим, что в их политике есть определенная лживость, тенденция к политическому маневру, стремление сидеть одновременно на нескольких стульях, и конец большинства из этих персонажей, этих гетманов известен, за исключением Хмельницкого... Хотя у меня есть мысль о том, что Хмельницкий вовремя умер, участь его могла стать достаточно незавидной. Это мое личное мнение.

Мы с вами за деревьями не видим леса и не решаемся ответить на основной вопрос: А было ли вообще возможно Украинское государство в какой-либо форме и почему оно потерпело крах? И смотреть мы на это должны не с точки зрения личностной оценки Мазепы, Выговского, Брюховского, а несколько с другой стороны. Может быть, нам стоит посмотреть таким образом: есть незаурядные политики, есть мелкотравчатые интриганы, есть человек средних способностей, но финал практически у всех руководителей Украины почему-то один и тот же. Ну почему? Почему вся их политика потерпела в конечном итоге крах и

привела к очень серьезным недоразумениям? Почему самые успешные периоды их деятельности связаны с периодом, когда они идут в фарватере Москвы и выполняют ее указания? Поэтому я предлагаю посмотреть на события с такой точки зрения.

Ю.А. Тихонов. Мне представляется, что мы заслушали доклад очень интересный, в некоторой степени эмоциональный, и докладчик сразу же заявил, на чьей он стороне при сопоставлении двух гетманов, и, наверное, в итоге, принципиальных оценках и Хмельницкого, и Мазепы докладчик прав. На что хотелось бы обратить внимание?

В основном уклон был на внешнеполитический фактор, на ситуацию внешнеполитическую. А она действительно была очень сложной – настолько сложной, что запутаться легко даже историкам по прошествии стольких лет. Но стоило бы больше обратить внимания на внутривнутриполитическую обстановку. Мне представляется, что гетман не может быть не связан с украинской старшиной, со шляхтой, т.е. с теми, на кого он прежде всего и опирался, через верхушку городов с высшим духовенством. Вот три слоя, которые в известной степени могли формировать гетманскую политику.

Может быть, я не прав, но, возможно, хотя бы на Левобережной Украине к середине XVII в. сложилась такая обстановка, что шляхта не могла не сочувствовать устремлениям Хмельницкого против Польши, хотя этот курс тоже таил в себе очень много опасностей. Еще вопрос, кто больший враг украинского населения – Польша или Крымское ханство. Хмельницкий вынужден был пойти на союз с ханом. Наверное, здесь говорить об абсолютной правильности этого хода не следует. Во всяком случае, стремление формирующейся, новой украинской старшины и шляхты совпадает со стремлением высшего православного духовенства украинских городов. Здесь Хмельницкому было, наверное, легче, потому что ему была обеспечена поддержка значительной части украинского населения. В начале XVIII в. складывается иная ситуация. За полвека украинское население почувствовало жесткую руку русских воевод, чиновников, и у части казацкой старшины могло проснуться, может быть, подспудное и не очень отчетливое стремление не подпасть снова под власть Польши, но заполучить польские порядки и права польской шляхты, которые не могли их не привлекать.

Мы здесь совершенно не коснулись дела Кочубея. Оно ведь тоже показательно.

Если говорить объективно, к измене Мазепу, конечно, подтолкнула абсолютно нелепая позиция Петра и его окружения, которые отдали Кочубея на растерзание тому, на кого он жало-

вался. Тут оригинальности нет, но все-таки Палию, отправив в Сибирь, сохранили жизнь. Могли бы и Кочубея тоже в Сибирь отправить и признать снова после измены Мазепы. Здесь о дальновидности Петра вряд ли можно говорить. Н.И. Павленко писал и в разговоре со мной сказал, что даже следственной комиссии не было создано и не учинено расследование по доносу Кочубея. Решили: нет, он враг России, а Мазепа – друг и союзник. Тут только руками можно развести.

Поэтому мне кажется, что сложность внешнеполитической обстановки была и у Хмельницкого, и у Мазепы. Но Хмельницкий как-то сумел разобраться и взять правильный курс, а вот этот деятель запутался настолько, что уже уверовал, что Карл XII непобедим, хотя целый ряд обстоятельств, конечно, говорил о другом, о том, что российская армия и флот усиливались на глазах, улучшалось их военное искусство и т.д. И тут он запутался, как и целый ряд политиков ХХ в., чем вверг себя и свое окружение в такое положение, что не знал, как из этого выбраться.

Здесь поднимался очень важный вопрос – процесс становления украинской государственности.

Может быть, я не оригинален, но возможно, что действия Мазепы отрицательно повлияли на этот процесс, в том смысле, что в результате перехода Мазепы у формирующейся тогда российской бюрократии за редким исключением возникло и усиливалось недоверие к украинской шляхте, к украинским гетманам. И это привело к ликвидации Гетманской Украины.

В целом доклад очень интересный и вызывает большие раздумия.

Г.А. Санин. Я благодарен выступавшим и задававшим вопросы. Я обязательно буду их обдумывать.

Да, я согласен, что в моем изложении сейчас Богдан Хмельницкий получился рыцарем без страха и упрека.

Но я объясняю это задачей, которая передо мной стояла: сопоставить именно личные качества Зиновия-Богдана Михайловича Хмельницкого и Ивана Степановича Мазепы. И невольно получалось так, что я несколько приподнял личные качества Хмельницкого и противопоставил их личным качествам Ивана Степановича Мазепы.

Я хотел выбрать те моменты в поведении и в политике Хмельницкого, которые мне представляются ведущими, главными моментами. Да, конечно, он выдал планы похода Владислава IV на Крым и Турцию, и благодаря этому гетману удалось заключить союз против Речи Посполитой с ханом Ислам-Гиреем. Впрочем, может быть, и не совсем благодаря этому. У Ислам-Гирея были планы создания своего независимого государства в

Крым и возможного овладения Украиной, и ему нужен был союз с Хмельницким для ослабления Польши, но это уже другая тема.

Конечно, Хмельницкий как политик вынужден был прибегать к лавированию. Это несомненно. Ряд историков утверждают, что еще неизвестно, как бы себя повел Хмельницкий, если бы он дольше. Это, конечно, намек на отношения Хмельницкого со Швецией. Еще в работах Г.Ф. Карпова в XIX в. утверждалось, что Хмельницкий примерно с 1655 г. готовился передать Украину под протекторат Швеции. Но это только предположение, а конкретные документы утверждают обратное: Хмельницкий не ставил своей целью отказ от подданства России, и доказывают это, во-первых, инструкции шведским дипломатам, где ясно и четко говорилось чтобы они даже и не пробовали поднимать перед Хмельницким вопрос о переходе Украины под протекторат шведов. Наоборот, Швеция хотела через Хмельницкого ускорить заключение русско-шведского союза против Речи Посполитой и вести совместную войну России и Швеции. Документы доказывают, что Хмельницкий действительно информировал Москву о ходе своих переговоров с трансильванским князем Дьёрдем II Ракоци достаточно полно.

Основной вопрос в том, была ли возможна украинская государственность и почему она потерпела крах. Это традиционный вопрос, сейчас он исследуется в историографии.

Что касается поддержки населения и поддержки старшины. Мне представляется, что все-таки такой поддержки у Мазепы не было. Поддержки населения не было по вполне понятным причинам: из-за его социальной политики. В тексте я показываю социальную и внутреннюю политику гетмана, направленную на усиление феодальных порядков на Украине и нобилитацию казацкой старшины.

Что касается старшины, то она тоже была недовольна позицией Мазепы главным образом из-за его тенденции к авторитарной власти. К тому же казацкая старшина была уже достаточно тесно связана с Россией, да и опасалась поднимавшегося на Украине народного движения против шведов и Мазепы. Но тем не менее, старшина с определенной симпатией выслушивала анти-московские выступления гетмана.

Упрек в том, что я не коснулся дела Кочубея. Конечно, надо было бы сказать, что то, что Петр отдал Кочубея на растерзание, свидетельствует о его недалекости и излишней доверчивости.

И в связи с этим – еще один эпизод. Украинские историки – Грушевский, Чухлиб, Смолий, а с ними и Яковлева – дружно заявляют, что одной из причин измены Мазепы было то, что Петр

заявил Мазепе, будто он не будет оказывать гетману никакой военной помощи в 1707 г. И якобы по этой причине Мазепа изменил.

Но это опять традиционный перегиб. Ситуация во время любой войны, как говорится, “штатная”. Командиры на всякий случай требуют себе больше войск. И главнокомандующий резко и жестко отвечает: “Обходитесь своими силами! Мне они нужны в другом месте”. Это совершенно традиционная позиция, и усматривать в этих словах нежелание Петра оборонять Украину просто нелепо. К тому же Петр в 1707–1708 гг. много сделал для усиления обороны Украины.

Вот все, на что я хотел возразить.

В.М. Хевролина

РОССИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ ГРАФ Н.П. ИГНАТЬЕВ: ЛИЧНОСТЬ, ПРОГРАММА, ТАКТИКА*

Осенью 2002 г. отмечалось 200-летие создания в России центральных органов исполнительной власти – министерств. Среди первых восьми министерств, учрежденных Александром I, было и Министерство иностранных дел, в обязанности которого входило осуществление внешней политики государства. Изданный к юбилею МИД России трехтомный капитальный труд¹ был посвящен истории создания и деятельности дипломатической службы в России, начиная с IX в. и кончая современностью. В отдельном томе представлены биографические очерки всех руководителей внешнеполитического ведомства в XIX–XX вв. Издание вызвало широкий интерес в научных и общественных кругах и показало необходимость дальнейшего исследования различных аспектов истории российской дипломатии, в том числе деятельности российских дипломатов прошлого, среди которых было немало талантливых людей, горячо любивших Россию и отстаивавших ее интересы на международной арене.

К их числу относился и граф Н.П. Игнатъев, занимавший особое место среди российских дипломатов второй половины XIX в. По своим личным и деловым качествам он заметно выделялся в дипломатической среде и привлекал к себе пристальное внимание отечественных и зарубежных политических кругов и прессы.

Историкам внешней политики России Игнатъев известен главным образом как автор Сан-Стефанского прелиминарного русско-турецкого договора, заключенного 3 марта 1878 г. Согласно ему, на карте Балкан должны были появиться три независимых государства – Румыния, Сербия и Черногория, а также автономное Болгарское княжество в границах от Черного до Эгейского морей, включал Фракию и Македонию. Решением Берлинского конгресса 1878 г. территория Болгарии была значительно сокращена, но Сан-Стефанская Болгария до сих пор остается мечтой болгар, а Игнатъев пользуется в Болгарии исключи-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 6 марта 2003 г.

тельной популярностью. В Варне ему поставлен памятник, в Софии его именем названа одна из центральных улиц, есть большое село Игнатьево. Происшедшие в 90-х годах XX в. в Болгарии перемены не коснулись имени Игнатьева. Там публикуются его мемуары, статьи о нем в научных изданиях и прессе. В России дипломатическая деятельность Игнатьева известна меньше. Долгое время он рассматривался отечественными историками как “проводник экспансионистской политики царизма” и реакционный министр внутренних дел. Подобным же образом представляли Игнатьева и западные историки, которые, надо отдать им должное, гораздо больше внимания уделяли этой сложной и неординарной фигуре, чем его соотечественники. В последнее время представление о роли Игнатьева в истории русской внешней политики и дипломатии начинает меняться. Однако его взгляды и действия изучены далеко не в полной мере.

Игнатьев принадлежал к категории дипломатов, вышедших из военной среды, что не было характерно для второй половины XIX в. В первой половине века их было немало. Командующие армиями вели мирные переговоры и заключали договоры, генерал-губернаторы российских окраинных земель имели прямые сношения с соседними государствами. Примерами военных-дипломатов могут служить М.И. Кутузов, А.П. Ермолов, А.Ф. Орлов, Н.Н. Муравьев-Амурский, адмиралы Ф.Ф. Ушаков, Е.В. Путятин и другие. В отличие от них Игнатьев стал кадровым дипломатом, но он воспринял некоторые традиции и приемы военной дипломатии, практиковавшиеся, в основном, в Азии и на Дальнем Востоке. Именно там началась его дипломатическая карьера, продолжившаяся затем в Османской империи.

Дед и отец Игнатьева были военными. Отец – П.Н. Игнатьев – участвовал в заграничном походе русской армии 1814 г. Во время событий 14 декабря 1825 г. в Петербурге он первым со своей ротой явился по зову Николая I на Сенатскую площадь и этим заслужил благодарность царя. Наследник крестил впоследствии его старшего сына Николая. В 40–60-х годах П.Н. Игнатьев занимал высокие военные и административные должности, а в 70-х – являлся председателем Комитета министров. Мать – М.И. Игнатьева – была сестрой известного владельца гусь-хрустальных заводов Мальцева. В семье Игнатьевых царили строгие патриархальные нравы: любовь к царю и отечеству, уважение к религии, культ родителей. До самой своей кончины отец оставался ближайшим другом и советчиком сына и состоял с ним в регулярной переписке. Свой графский титул Н.П. Игнатьев унаследовал от отца, которому он был присвоен в декабре 1877 г.

Игнатъев с блеском окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба, во время Крымской войны служил в гвардейском корпусе в Прибалтике. В 1856 г. он был послан военным агентом в Лондон. Его донесения содержали ценнейшую информацию о новейших английских видах оружия и о состоянии британской армии, в них давался также блестящий анализ политики Англии в Индии и Персии. Александр II, обеспокоенный пройсками англичан в Средней Азии, обратил на это особое внимание. Разделявший, как и многие военные деятели того времени, идею о возможности нанести Англии удар в Азии, Игнатъев предложил царю направить в Персию, Афганистан и среднеазиатские ханства военно-разведывательные экспедиции, преследующие также и научные цели. Предложение было одобрено. В 1858 г. в Среднюю Азию, Афганистан и Кашгар были направлены три экспедиции. Одну из них – в Хиву и Бухару – возглавлял Игнатъев. Ему удалось совершить благополучно переход по пустыне, исследовать устье и течение Амударьи до Чарджоу (около 700 км) на предмет возможного плавания русских судов и заключить выгодное для России торговое соглашение с Бухарой.

Сразу же по возвращении Игнатъева направляют в Пекин с целью добиться от китайцев ратификации русско-китайского Айгунского договора, заключенного в 1858 г. иркутским генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым-Амурским. По этому договору к России отходило левобережье Амура, а Уссурийский край оставался в совместном владении России и Китая. После 11-месячных безуспешных переговоров в Пекине Игнатъеву удается заключить новый договор, по которому Россия получила не только Приамурье, но и все Приморье до границы с Кореей. История этих переговоров представляет образец невероятной настойчивости, осторожности, терпения и хитрости Игнатъева, который сумел использовать противоречия между китайцами, с одной стороны, и англичанами и французами – с другой (в 1856–1860 гг. Англия и Франция воевали с Китаем), и заключил исключительно выгодный для России Пекинский договор (ноябрь 1860 г.), сохранив при этом хорошие отношения со всеми. По ходатайству французского посланника в Пекине Наполеон III наградил Игнатъева орденом Почетного легиона.

Экспедиции в Азию и Китай создали Игнатъеву славу удачливого дипломата. Он получил генеральский чин, ордена и как знаток Азии был назначен директором Азиатского департамента МИД, сменив на этом посту Ег.П. Ковалевского. Игнатъеву в это время было всего 29 лет (он родился в 1832 г.). В департаменте он прослужил 3 года (1861–1864 гг.). Работа в министерстве не приносила ему удовлетворения. Игнатъев был человеком действия и

ненавидел бюрократическую рутину. Однако именно в это время сформировалась его внешнеполитическая программа, которая оставалась практически неизменной до конца его жизни.

Одной из причин ухода Игнатъева из Азиатского департамента явилось расхождение по ряду позиций с министром иностранных дел А.М. Горчаковым. Последний, как известно, был сторонником осторожной внешней политики, создающей благоприятные условия для проведения внутренних реформ. Горчаков всегда стремился избегать ситуаций, могущих втянуть Россию в военные конфликты, и предпочитал действовать в составе “европейского концерта”. Глубоко уязвленная крымским поражением часть политической элиты России, так называемая “народная партия”, составляла оппозицию курсу Горчакова, требуя самостоятельных и активных внешнеполитических действий России. Игнатъев разделял взгляды этих кругов. Ему казалось, что только таким образом можно быстро восстановить былую роль России в Европе, подтвердить ее великодержавный статус. “Великодержавие” Игнатъева не следует понимать в отрицательном смысле и отождествлять со стремлением к экспансии. Он считал, что Россия имела право на этот статус, обладая громадной территорией, людскими ресурсами, природными богатствами, и несмотря на недавнее поражение, могла играть значительную роль в международных отношениях в Европе и Азии.

В основе “великодержавия” Игнатъева, как нам представляется, лежало чувство патриотизма, а также противостояние Европе, стремящейся ослабить внешнеполитические позиции России, не допустить ее усиления на Балканах, в Азии и на Дальнем Востоке. Игнатъев разделял воззрения Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, И.С. Аксакова, утверждавших противоположность Европы и России, и всю жизнь оставался противником европейских политических институтов. Будучи в течение 12 лет посланником, а затем, с 1867 г., послом в Константинополе, он постоянно сталкивался с противодействием российским инициативам со стороны европейских представителей, и это усиливало его убежденность во враждебности Европы к России. Игнатъев писал: “Всякий раз, когда нам приходилось отстаивать правое дело, если только в нем были прямо или косвенно замешаны интересы России, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы”². Поэтому Игнатъев не разделял веры Горчакова в “европейский концерт” и его эффективность для решения восточного вопроса.

Внешнеполитическая программа Игнатъева сложилась в том числе и под влиянием взглядов Ег.П. Ковалевского, выступавшего за активность политики России в Азии и на Балканах. Кова-

левский также способствовал сближению Игнатьева со славянофилами через своего брата – министра народного просвещения Евг.П. Ковалевского.

Игнатьев видел главную задачу азиатской политики России в наступлении в глубь Средней Азии и вытеснении там влияния англичан, эмиссары которых уже действовали в среднеазиатских ханствах. Он придавал большое значение завоеванию Средней Азии, считая, что “в Азии – вся будущность России – политическая, торговая и промышленная”. Однако главным фактором, по его мнению, был политико-стратегический – сдерживание английского проникновения в регион и оказание давления на Англию в балканских делах. По мысли Игнатьева, присутствие России в Средней Азии будет “несравненно большими ручательствами сохранения мира, нежели содержание самой многочисленной армии в Европейской России и союз с европейскими государствами”. В случае же войны “только в Азии мы можем вступить в борьбу с Англией с некоторою вероятностью успеха и повредить существованию Турции”³. Игнатьев тесно связывал европейскую и азиатскую политику России и считал, что Горчаков недооценивает значения действий России в Азии и их влияния на ситуацию в Европе.

До начала 60-х годов Россия воздерживалась от активных действий в Средней Азии. Как известно, демарш Англии, Франции и Австрии, в 1863 г. требовавших от России введения в Польшу конституций и созыва европейской конференции по польскому вопросу, возродил у некоторых российских военных деятелей старую идею, высказываемую еще в 1856 г., о создании угрозы Индии. Игнатьев, разделявший эту идею, предложил план укрепления России сначала в Восточном Туркестане, а затем поход в сторону Индии с тем, чтобы держать Англию “на поводке”. Этому плану сочувствовал и военный министр Д.А. Милютин, который предложил Горчакову хотя бы распустить слухи о походе, но Горчаков, опасаясь осложнений с Лондоном, отказался⁴. Планы похода в Индию граничили с авантюризмом. Но появление соответствующих проектов в российской прессе сделало, как нам кажется, свое дело. Британский посол в Петербурге лорд Нэпир неофициальным образом дал знать Горчакову и министру внутренних дел П.А. Валуеву о том, что Англия не рвется воевать⁵. Тогда Горчаков решительно отклонил ультиматум Европы по польским делам, что принесло ему громадную популярность в России. Эта акция возвела российского министра иностранных дел в ранг одного из первых дипломатов Европы. Планы же наступления в Среднюю Азию начали реализовываться с лета 1864 г., когда Игнатьев был уже назначен посланником в турец-

кую столицу. Удаление его из центрального аппарата МИД было не только его собственным желанием, но и желанием Горчакова, опасавшегося активности и инициатив энергичного директора Азиатского департамента. В Константинополе же требовался дипломат, способный справиться со множеством сложных проблем русско-турецких отношений и хорошо знакомый с обстановкой на Балканах.

Игнатьевская программа действий России на Дальнем Востоке определялась тремя моментами: скорейшим разграничением с Китаем, развитием русско-китайской торговли и освоением вновь приобретенных земель. Если особых затруднений с реализацией первых двух задач не было (разграничение в Приморье было завершено в 1861 г., а торговля развивалась быстрыми темпами), то освоение края шло с трудом. Игнатьев предложил правительству широкий план переселения крестьян, из Центральной России в особенности, в Приморскую полосу с предоставлением им безвозмездно земель в общинную и частную собственность и освобождением на 20 лет от податей. Заселенная территория должна была, согласно его проекту, получить внутреннее общественное самоуправление. Идея внутреннего самоуправления рассматривалась Игнатьевым впоследствии как возможное решение национального вопроса на Балканах. Однако правительство почти ничего не сделало в этом отношении. Заселение края осуществлялось крайне медленно. Игнатьев в конце 90-х годов отмечал с горечью, что естественные богатства края эксплуатируются иностранцами, немногие бывшие там переселенцы вымирают, а их место занимают китайцы и корейцы. Железная дорога, которую хотели провести на свои средства сибирские купцы, не построена⁶. Невнимание правительства к освоению края, как известно, сыграло свою роль в позорном поражении России в русско-японской войне и потере позиций на Дальнем Востоке, приобретенных усилиями многих русских деятелей, среди которых имя Игнатьева занимало не последнее место.

Игнатьевская программа балканской политики России исходила, в основном, из общих задач внешней политики в этом регионе. Большое влияние на нее оказало развитие ситуации на Балканах и рост национально-освободительного движения балканских народов, а также взгляды славянофилов. Основные положения программы сводились к следующему:

1. Отмена нейтрализации Черного моря, возвращение Южной Бессарабии, Измаила и устья Дуная, прекращение “коллективной опеки” европейских держав над Турцией; скорейшее строительство черноморского флота и заключение с Турцией соглашения о благоприятном для России режиме проливов.

2. Создание административных национальных автономий на месте христианских провинций Османской империи (Болгария, Румелия, Македония, Босния с Герцеговиной и др.), которые вместе с автономными государствами – Сербией и Румынией, а также с независимой де факто Черногорией создадут сильную опору России на Балканах и средство давления на Турцию. Создание впоследствии славянской федерации под эгидой России.

Для реализации этой программы Игнатъев считал необходимым положить в основу балканской политики России национальный фактор: “Нам надо отстранить вопрос о различии вероисповеданий и упираться на единство национальностей”, – заявил он Горчакову⁷. Министр был согласен. Это была принципиально новая постановка вопроса, отличавшаяся от принятого ранее принципа опоры на православие как главного связующего звена балканских народов и России.

Игнатъев был сторонником освобождения турецких христиан силами самих народов, но при активной поддержке России, которая должна была, по его мысли, содействовать их объединению и сплочению, оказывать им финансовую и материальную помощь, в том числе вооружением и военными инструкторами. Под нажимом “народной партии” такая помощь, правда, в небольших размерах, оказывалась, особенно в период восточного кризиса 70-х годов, когда для сербов и болгар закупалось в Европе оружие, русские офицеры направлялись в сербскую армию и др. Делалось это под прикрытием славянских комитетов, благотворительных общественных организаций помощи славянам, созданных в России в 50–60-х годах.

Балканская программа Игнатъева дала основание западным политикам, журналистам, а затем и историкам обвинять его в панславизме. Он был панславистом, но в основе его панславизма лежала не наступательная, а оборонительная идея. Славянские народы должны были обороняться от угрозы культурного и политического поглощения как Западом, так и мусульманским миром. С середины 60-х годов усилилась австрийская экспансия на Балканы, в это же время Турция разработала и начала реализовывать программу османизации всех народов империи, поддерживаемую Францией. В этих условиях Игнатъев считал объединение славян якорем спасения их от поглощения и утраты национальной самобытности.

Программа Игнатъева безусловно отвечала национальным задачам балканских народов в части требования их освобождения от османского угнетения и германизации. Однако Игнатъев всегда ставил на первое место интересы России, как он их понимал, и полагал, что освобождение славян не может являться са-

моцелью российской политики, иначе они легко станут добычей Запада. Он писал: “Удовлетворяться собственным гуманитарным успехом безрассудно и предосудительно”⁸. Его усилия были направлены на то, чтобы крепче связать славян с Россией, не допустить их сближения с Западом. Отсюда его постоянно обращаемые к Горчакову требования оказания действенной поддержки славянскому освобождению и собственные усилия в этом направлении.

Слабым местом программы Игнатьева являлась надежда на урегулирование в интересах России проблемы проливов, как и на улучшение положения славян с помощью непосредственных русско-турецких переговоров без участия Европы. Между тем Европа была коренным образом заинтересована в том, чтобы обе эти проблемы решались не в пользу славян и России. Европейские державы опасались усиления России в проливах и на Балканах. Зависевшая от них Турция не могла, даже если бы и захотела, самостоятельно действовать в этих вопросах. Это хорошо понимал Горчаков, которому неоднократно приходилось сдерживать инициативы посла. Таким образом, если балканская программа Игнатьева в целом не расходилась с политикой правительства, то разногласия заключались в методах ее реализации.

Усиление политического, экономического и религиозного гнета османов приводило к постоянным локальным восстаниям на Балканах. Не раз возникали кризисные ситуации, как, например, во второй половине 60-х годов, когда восстание греков на Крите повлекло за собой выступления в Албании, Македонии, Эпире, а балканские государства – Сербия, Греция, Черногория и Румыния заключили между собой союз для совместной борьбы с Портой. Горчаков, опасаясь войны на Балканах, требовал от российских дипломатов сдерживания освободительного движения, Игнатьев, наоборот, выступал за его поддержку. Игнатьев и консулы на Балканах находились между молотом и наковальней. Постоянные обращенные к христианам уговоры сдерживаться подрывали престиж России и возбуждали в славянах ожидание помощи от Запада. Наконец, в расчете на “европейский концерт” Горчаков решил предпринять меры в защиту христиан. Весной 1867 г. он обратился к европейским странам с предложением убедить Турцию дать христианским провинциям национальную административную автономию, но получил отказ. Игнатьев, не веря в “европейский концерт”, начал прямые переговоры с Портой о проведении постепенных реформ, облегчающих положение христианского населения Османской империи. Но его инициатива была пресечена министром, не без основания считавшим, что Порта никаких своих обещаний не выполнит. Видя, что диплома-

тическим путем конфликт решить не удастся, Горчаков предложил державам придерживаться “принципа невмешательства” в отношения султана с его христианскими подданными. В результате в 1875 г. на Балканах вновь вспыхнули восстания. Повторилась сходная ситуация: Горчаков предпочел умиротворение славян с помощью давления на Порту Союза трех императоров, а Игнатъев опять начал переговоры с султаном и даже добился от него объявления некоторых реформ, но был снова остановлен. Действительно, его расчеты добиться цели, опираясь на свое влияние в Порте, были сомнительными, так как если бы султан и принял какие-то реформы, то местные османские власти и мусульманское население никогда бы не допустили их реализации. Таким образом, тактика как Горчакова, так и Игнатъева оказалась безуспешной. Порта, поддерживаемая Англией, отклонила демарш союзных держав, что и привело к объявлению Россией войны Турции, как ни старался предотвратить ее Горчаков.

Многие мемуаристы и историки представляют Горчакова миротворцем, а Игнатъева “ястребом”, выступавшим за военное решение балканских проблем. В действительности он не был таким и прекрасно понимал, что Россия не готова к войне. Однако он полагал, что следует предусмотреть и такой исход, ибо непредсказуемая ситуация на Балканах в любой момент могла потребовать применения силы. На этот счет он выдвигал соответствующие предложения (создание на юге России arsenалов, постройка там железных дорог и др.), но все это требовало времени и денег и осуществлялось крайне медленно. Слабой стороной позиций Игнатъева являлось неадекватное представление о силах России. Ее военные возможности оказались слабее, чем он рассчитывал, а сопротивление Европы стремлению России усилить свое влияние на Балканах – гораздо сильнее. Это обстоятельство, как известно, и решило судьбу Сан-Стефанского договора. Александр II и Горчаков, утвердившие проект договора, также могут быть обвинены в подобных просчетах, слишком уж они понадеялись на своих союзников – Австро-Венгрию и Германию.

Пересмотр Сан-Стефанского договора по требованию европейских держав означал конец дипломатической карьеры Игнатъева. Хотя она закончилась таким образом, можно все же утверждать, что он являлся одним из самых ярких и неординарных дипломатов своего времени. Он безусловно был творческой личностью, мыслящим и деятельным человеком и разительно отличался от других послов, подчас весьма индифферентно относившихся к своим обязанностям. Кроме того, Игнатъев находился на таком посту, который требовал постоянного решения сложней-

ших проблем, ибо в Константинополе скрестились интересы многих держав и народов. Напомним, что балканское направление внешней политики России во второй половине XIX в. было едва ли не основным.

Сложно даже перечислить круг проблем, которыми занимался российский посол. Игнатъев сыграл огромную роль в отделении болгарской церкви от Константинопольской патриархии, что явилось первым шагом к созданию болгарской национальной государственности. Он контролировал деятельность русской православной церкви в Палестине. Именно ему мы обязаны тем, что там имеются до сих пор принадлежащие русской церкви земельные участки. Он укрепил русское влияние на Афоне, по его инициативе иноками с Афона был основан Новоафонский монастырь в Абхазии. Игнатъев организовал переселение в Россию болгарских семейств и казаков-некрасовцев из Добруджи. В сфере его внимания были и события в Египте, и сооружение Суэцкого канала, и многое другое, что происходило в Османской империи и имело значение для русской политики. Много сделал посол и для облегчения прохождения русских военных и торговых судов через проливы.

Игнатъев был очень интересной и своеобразной личностью. Он обладал личной храбростью, не терялся в сложных обстоятельствах и умел находить неординарные решения. Например, торопясь быстрее попасть в Пекин в 1859 г., он пересек на санях Байкал во время ледохода и даже провалился в полынью, а зимой 1878 г., спеша в Адрианополь на мирные переговоры с турками, перешел пешком балканские горные перевалы, так как экипаж и лошади завязли в снегу. Неоднократно Игнатъев был на волосок от смерти: в Хиве враждебно настроенный к России хан чуть было не предал его смертной казни, в Константинополе польскими эмигрантами было совершено на него покушение.

Такие личные качества Игнатъева, как энергия, настойчивость, обаяние, умение быстро сходитьсь с людьми, располагать их к себе, подчинять их своему влиянию, играли большую роль в арсенале его дипломатических приемов. Характерным примером является случай, когда во время Константинопольской конференции 1876 г., собравшейся для урегулирования восточного кризиса, Игнатъев сумел убедить своего главного противника, британского представителя лорда Р. Солсбери принять большинство русских предложений, в том числе и создание Болгарии (разделенной на две провинции) в границах от Черного до Эгейского морей. Однако премьер-министр Великобритании Б. Дизраэли дезавуировал согласие Солсбери, и на Берлинском конгрессе Болгарское княжество было ограничено с юга Балканским хребтом.

Одной из главных задач Игнатъева по прибытии в Константинополь было поднятие престижа России, страны, проигравшей войну Турции. Зная психологию людей Востока, придававших значение внешнему блеску, Игнатъев убедил Горчакова выделить крупные суммы на перестройку обветшалых зданий посольства и загородного дома и превратил их в настоящие дворцы. Там еженедельно давались приемы, а по праздникам балы и обеды, на которых присутствовал весь дипломатический корпус, турецкая элита и верхушка христианских общин. Подобные приемы Игнатъев использовал также для встреч с нужными людьми и неофициальных переговоров. Приемы устраивались им на свой счет, ибо посол считал невозможным тратить на развлечения казенные деньги. Он практиковал также пышные выезды в Порту, привлекавшие массы народа, на церковные службы в патриархию являлся вместе с дипломатическими представителями Сербии и Греции, чтобы подчеркнуть единство православных стран. Вскоре Игнатъев приобрел огромную популярность в турецкой столице. Он прославился своей благотворительностью, активно помогал православным и российским подданным, вызволял из тюрем и ссылок лидеров славянского освободительного движения.

Вскоре после приезда в Константинополь Игнатъев создал с помощью православных общин широкую осведомительную сеть, работавшую подчас совершенно бескорыстно. Он прекрасно знал положение в империи, интриги в серале, а также обладал обширным компроматом на турецких министров и чиновников. Как писал в своих воспоминаниях дипломат Ю.С. Карцов, турецкие министры боялись Игнатъева и были у него в руках⁹. Игнатъеву удалось установить дружеские отношения со многими министрами Порты, к нему благоволили султан Абдул Азис и наследник. Это позволяло ему успешно решать многие вопросы, в том числе и конфликты христиан с османскими властями на местах и в столице. Русско-турецкие отношения улучшались, влияние России в Турции росло, что вызывало недовольство как западных стран, так и националистических младотурецких кругов. Европейская пресса демонизировала образ российского посла, получившего прозвище “Мефистофель Востока”. Его представляли ярым глашатаем войны, организатором восстаний христианских народов и т.п. В ответ Игнатъев предпринимал контрмеры – организовывал статьи в европейской прессе, опровергавшие клеветнические измышления в адрес политики России на Востоке, в 1872 г. по его инициативе в Париже была издана брошюра о лжезавещании Петра I.

Игнатъев был хорошим организатором и быстро наладил работу посольства, в котором до него после Крымской войны сме-

нилось уже три посланника. Посольские дипломаты и консулы поголовно были его единомышленниками. Он смело выдвигал на консульские должности способных студентов-практикантов. Среди его выдвинутых можно назвать А.И. Нелидова, А.Н. Церетелева, М.А. Хитрово, К.А. Губастова, К.М. Аргиропуло, А.С. Ионина и других дипломатов, ставших впоследствии послами и видными чиновниками аппарата МИД. В начале XX в. историки внешней политики говорили даже о “школе Игнатьева”.

События восточного кризиса 70-х годов, боязнь того, что Россия использует их в своих целях, заставили как Европу, так и младотурок принять меры. В мае 1876 г. султан был свергнут младотурками и убит. К власти в Турции пришли проанглийские силы. Игнатьев не раз предупреждал султана о сложной ситуации в столице, но тот не предпринимал никаких мер. Абдул Азис был человеком ленивым, не желал заниматься государственными делами, к тому же он возбудил против себя недовольство населения непомерными тратами на постройку дворцов и мечетей. После переворота влияние Игнатьева упало. Вскоре он вернулся в Россию, а с началом русско-турецкой войны его посольская деятельность закончилась.

Характеристика личности Игнатьева будет неполной, если не указать на некоторые черты его характера, сослужившие ему недобрую славу. Он был честолюбив и тщеславен, любил преувеличивать свою роль в тех или иных событиях, несомненно был мастером интриги, некоторые упрекали его в коварстве, но сам он называл это “деловой сметкой”. Политические враги Игнатьева приписывали ему склонность ко лжи, особенно в период, когда он был министром внутренних дел (1881–1882 гг.), доброжелатели яростно это опровергали. Изучение воспоминаний и переписки Игнатьева времени его дипломатической работы свидетельствует об их правдивости. Словом, Игнатьев был человеком со своими достоинствами и недостатками. Можно сказать, что натура его была порой противоречива: с одной стороны, он был увлекающимся мечтателем, с другой – реалистом-прагматиком. Он не всегда соизмерял возможности страны с запросами той части политических кругов, взгляды которых он выражал. Тем не менее он являлся одним из талантливейших дипломатов своего времени.

После окончания русско-турецкой войны Игнатьев рассчитывал на продолжение своей дипломатической деятельности, его даже включили в состав делегации на Берлинский конгресс. Но этому решительно воспротивились Бисмарк и Дизраэли, видя в нем опасного противника. Они же добились от Александра II прекращения дипломатической карьеры Игнатьева, заявив про-

тест против его возвращения в Константинополь и затем против назначения в Рим.

Деятельность Игнатьева на поприще внутренней политики, как известно, не сложилась. Консервативные круги России выступили против его проекта созыва совещательного представительного органа – Земского собора, с помощью которого Игнатьев хотел добиться установления согласия в обществе, “зараженном” революционными и либеральными идеями. Кстати он рассчитывал, что эта реформа помогла бы России приобрести “новый блеск и новую силу в глазах своих единоверцев и славян и сразу отбросила бы плачевные результаты Берлинского конгресса, внушив почтение и боязнь Европе при виде воскресшей нравственной и несокрушимой силы славянской державы”¹⁰. Это было еще одним его заблуждением.

Последние 26 лет своей жизни Игнатьев находился на почетной, но бездеятельной должности члена Государственного совета. Правда, он проявил себя как активный участник ряда общественных организаций, в том числе в Петербургском славянском благотворительном комитете, председателем которого был с 1888 г. Умер Игнатьев в 1908 г. в своем киевском имении. Имя его, казалось, забытое, в преддверии первой мировой войны опять замелькало в прессе. В 1914–1916 гг. вышли в свет его воспоминания. Патриотические круги противопоставляли Игнатьева дипломатам начала XX в., особенно министру А.П. Извольскому, согласившемуся с аннексией Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

Игнатьев сыграл значительную роль в истории российской внешней политики второй половины XIX в. на всех ее основных направлениях, а также в истории Балкан, особенно Болгарии. В наше время проблемы, которые он пытался решить, не утратили своего значения. Историкам, а, может быть, в большей степени и политикам не лишне вспомнить о российском дипломате, отстаивавшем интересы России в Средней Азии, на Дальнем Востоке и на Балканах с такой энергией и самоотдачей.

¹ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В трех томах. М., 2002.

² *Игнатьев Н.П.* Записки // Русская старина. 1915. № 2. С. 298.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730 (Н.П. Игнатьев). Оп. 1. Д. 304. Л. 2–3. Записка Н.П. Игнатьева А.М. Горчакову от сентября 1857 г.

⁴ Там же. Д. 3422. Л. 23–24. Д.А. Милютин Н.П. Игнатьеву от 19 июня 1863 г.

⁵ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. 1. С. 230.

⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 563. Л. 6–11. Н.П. Игнатьев. Записка о выполнении Пекинского договора.

⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 507. Л. 18.

⁸ *Игнатъев Н.П.* Записки // Исторический вестник. 1914. № 1. С. 54.

⁹ *Карцов Ю.С.* За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. № 1. С. 90–91.

¹⁰ *Игнатъев Н.П.* Земский собор. СПб.; Кишинев, 2000. С. 106.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Ю.А. Тихонов. Вы не занимались финансовой стороной деятельности Игнатъева в посольстве в Константинополе, где он устраивал приемы, подкупал многих турецких министров? Каковы примерные годовые суммы расхода? Больше, чем в других посольствах?

В.М. Хевролина. Все российские послы получали одинаковое жалование независимо от того, находились ли они в Европе или в Азии. Это 36 тыс. рублей в год, а после 1875 г. – 50 тыс.

Бюджет же посольства зависел от количества штатов. Посольство в Константинополе было самое большое. Там насчитывалось 17 человек, не считая церковного причта. В Европе в посольствах было 4–5 человек.

Почему так много? Потому что специфика региона этого требовала. Во-первых, там было 5 драгоманов (переводчики), первый, вторые и третьи секретари. Имелись студенты, как правило, кончившие Учебное отделение восточных языков, которые стажировались по году в посольстве, потом их переводили на должность секретарей консульств и т.д.

Ю.А. Тихонов. А оплата приемов?

В.М. Хевролина. Посол делал это за свой счет. Он сам говорил: “Я не могу на это тратить казенные деньги”. Дополнительные средства он получал на другие цели. Когда началась газетная кампания против России и против Игнатъева, он предложил Горчакову, чтобы тот выделял посольству ежегодно 30 тыс. рублей дополнительно на контрпропаганду в прессе. Но тот поскупился, он был человек экономный, и стал выделять только по 20 тысяч. Игнатъев добился того, чтобы эти деньги использовались эффективно. Он заказывал статьи корреспондентам европейских газет в Константинополе, которые уже в Европе публиковали статьи в интересах России. Все развлечения: любительские спектакли, балы и вечера проводились за его счет.

Н.Н. Лисовой. Когда был приобретен русскими участок для храма святителя Николая Мирликийского, на какие деньги это было сделано?

Второй более общий вопрос. Вы мельком сказали о церковных сюжетах. Понятно, что в православном посольстве диплома-

тическая деятельность была неотделима от деятельности церковно-дипломатической.

В.М. Хевролина. За неимением времени я не могла сказать не только о церковных, но и других сюжетах деятельности Игнатъева, в частности, связанных с Египтом.

Деньги, на которые покупались земельные участки, не были личными, они выделялись из казны.

В.Я. Гросул. Игнатъев – фигура хорошо известная. Им занимались и специалисты по внутривосточной истории, и особенно те, кто занимался международными отношениями. Очень активно использовались его личные архивы, особенно знаменитый фонд из Государственного архива Российской Федерации, где “паслись” историки многих стран. Несмотря на то, что об Игнатъеве писали в очень многих работах, у нас не было специального исследования об этой крупной фигуре. Книги о Н.П. Игнатъеве выходили в Германии, в Америке, в Болгарии, у нас же такой книги не было, и наконец мы получаем такое исследование, подготовленное В.М. Хевролиной.

У нас в основном писали о Горчакове. Я не умаляю заслуг Горчакова, но всегда возникали вопросы: почему не обращается внимания на других русских дипломатов, даже более талантливых, таких как Кутузов. Я могу перечислить ряд других дипломатов, которые достойны уважения и не одной монографии. Игнатъев, несомненно, принадлежит к их числу. Это не был дипломат-белоручка, сидевший в кабинете. Это был человек-подвижник, который совершил ряд крупных географических экспедиций. В Китае Игнатъев заключил просто удивительный договор: он стал по-существу арбитром между великими державами и китайским императором, хозяином в Китае на определенное время! Нечто подобное было и во время его поездки в Бухару. Это была тоже очень трудная экспедиция, но он ее завершил с блеском.

А начиналось все с Англии, где Игнатъев был разведчиком в полном смысле этого слова, где он очень много собрал информации об английских вооружениях, что показало его способности. Считалось, что в МИДе ведется борьба двух направлений – игнатъевского и горчаковского. Горчаков слыл в МИДе фабианцем, он долгое время умел выжидать, это был терпеливый дипломат, а Игнатъев был дипломатом совсем другого склада.

Но Горчаков был еще и умелым регулятором настроений в верхах русского общества, он умело “подставлял” Игнатъева, создавая о нем часто не очень хорошее впечатление. Так его “подставили” после Сан-Стефано. Его обвинили в том, что он авантюрист. Он не без авантюризма, конечно. А настоящий политический деятель иногда должен уметь идти на риск, и Игнатъев

шел на риск, как правило, оправданный. После Сан-Стефано его обвинили в том, что он не учел реальную ситуацию и дал Болгарии больше, чем она заслуживает. Но в докладе правильно замечено, что это было сделано с одобрения того же самого Горчакова и Александра II.

Александр II был крестным отцом Игнатьева. Это придавало последнему определенные силы, и он иногда позволял себе делать больше, чем делали другие. Но в данном случае договор в Сан-Стефано был одобрен верхами. Игнатьева просто отдали на съедение.

То, что Игнатьев был умелым дипломатом, показало его отношение к греко-болгарскому церковному спору. Очень трудный спор, тяжелая ситуация, в которой оказалась Россия после Крымской войны. И с греками, и с болгарам надо было иметь хорошие отношения. Игнатьев здесь показал себя умелым дипломатом: он не перессорился с греками и приобрел поддержку болгар. Это одно из доказательств того, что Игнатьев – величина далеко не ординарная.

По поводу того, что Горчаков был противником войны, я считаю, что восточный кризис в определенной степени был связан с политикой России. Еще М.Н. Покровский нашел документы о том, что Россия предоставила довольно крупные суммы через Вену боснийско-герцеговинскому восстанию. Горчаков делал вид, что он против войны, а в действительности он к ней готовился. Общественное движение, которое имело место в России после 1875 г., в определенной степени им инспирировалось.

Истари считалось, что общественное движение так активно развивалось вопреки правительству, но только было странно, что его пропагандировали соответствующие органы печати и что на Балканы выезжали добровольцы. Выезжали сотни, потом тысячи добровольцев и в Герцеговину, и в Сербию.

Игнатьев заслуживает большего внимания, чем ему раньше уделялось. Есть еще определенные резервы для работы над этой неординарной личностью, не все изучено. Я занимался взаимоотношениями Игнатьева с поляками, с польской эмиграцией и обратил внимание на то, что он сумел и здесь основательно поработать и в определенной степени нейтрализовать польскую эмиграцию на Балканах, где был один из основных очагов этой эмиграции, направленных против России. Они помогали кавказским горцам воевать против России, и Игнатьев смог их нейтрализовать.

Интересен вопрос о финансовых средствах. Действительно, Игнатьев давал личные средства на связи с общественностью на Балканах. У него было за счет чего их брать: он был по линии

матери родственником Мальцовых, владельцев знаменитейших мальцовских заводов. Мальцов – один из богатейших людей России, бывший генерал-лейтенант, который занялся предпринимательством еще в 30-е годы. Это один из редких примеров удачливых дворян, занимавшихся предпринимательской деятельностью.

А.В. Игнатъев. Я с большим интересом выслушал доклад.

Исследование В.М. Хевролиной представляется мне знакомым, знаменующим переход к одному из сравнительно новых, но очень важных аспектов международной проблематики – к истории русской дипломатии. Это тем более важно, что в западной историографии традиционно подвергается искажению не только внешняя политика России, но и русская дипломатия. Русскую дипломатию представляют беспринципной, лицемерной, неконтактной, не уважающей международные договоры и, в общем, не заслуживающей доверия. Сталин в работе «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» обратил внимание на ошибочное утверждение Энгельса, будто русская дипломатия образовывала своего рода новый иезуитский орден, представляла собой шайку авантюристов, которая вербовалась преимущественно из иностранцев, создателем которой была иностранка Екатерина II, и этот “орден” якобы обеспечил России путь к ее величию, а значит – возможности для того, чтобы претендовать на гегемонию в Европе и в мире.

В пятитомнике по истории внешней политики России дан ответ на искаженное толкование истории внешней политики нашей страны, она не приукрашена и оценена объективно.

Сталин в свое время рекомендовал перенести акцент в трактовке русской дипломатии с национального аспекта (засилия иностранцев, балтийских немцев) на социальный. И это, наверное, в принципе верно, хотя национальный аспект тоже заслуживает внимания и объяснения. Нужно проследить, как складывалась русская дипломатическая школа и какие черты ее характеризовали, сравнить русскую дипломатию и современную ей дипломатию других стран – британскую, германскую и другие. Тогда станет ясно, что приемы, которые использовала русская дипломатия, в частности, Игнатъев, не представляли ничего исключительного. Такими методами действовали дипломаты и других стран. А если говорить о лицемерии, то наиболее лицемерной всегда была британская дипломатия. Тут есть поле для сравнения, и этим полем, естественно, надо воспользоваться.

Я не думаю, что история русской дипломатии – это единственное направление, в котором мы сейчас можем работать. Есть и другие направления, тоже достаточно перспективные, например, такое направление, как геостратегическое положение Рос-

сии и ее внешней политики или идеологические основы российской внешней политики.

Но тем не менее, глубокое изучение истории русской дипломатии, конечно, необходимо.

Н.Н. Лисовой. В Центре истории религии и церкви мы занимаемся историей, связанной с церковной проблематикой. Но православный Восток, с которым был в основном связан граф Игнатьев в своей деятельности и на посту начальника Азиатского департамента, и на посту посла в Константинополе, это как бы стыковая зона, где собственно дипломатические моменты неотделимы от моментов церковно-дипломатических, в которых идеологические основы раскрываются в чистом виде. Потому что именно в этом секторе внешнеполитической деятельности Россия наиболее проявляла себя как законная наследница православной империи в поствизантийском пространстве в целом.

Поэтому почти все, что делал Игнатьев, в том числе относительно собственно балканской политики, особенно в области ближневосточной политики, т.е. отношения его с Иерусалимом, с начальниками иерусалимской русской духовной миссии, – это очень важный и серьезный момент, по-новому ставящий вопрос о внутреннем факторе, о внутреннем ресурсе самой русской дипломатии.

Здесь уже упоминалось о национальном и социальном моментах в истории российской дипломатии, которые подчеркивал Сталин. Я бы еще сказал, углубляя Сталина, и о религиозно-политическом моменте, который для деятелей русской дипломатии тоже был крайне важен. С этой точки зрения Н.П. Игнатьев – это идеальная фигура для исследования внутренней структуры русской политики на Востоке. Здесь представляется ряд направлений, о которых можно говорить и которые потребуют дополнительного исследования и размышления. Это, во-первых, идея Игнатьева, которая была очень личной идеей и была связана с архимандритом Антонином Капустиным и созданием в Константинополе апокрисиатства. Это абсолютно византийско-археологический титул, но апокрисиарий Русской церкви должен был появиться в Константинополе и не только при константинопольском патриархе, но и на православном Востоке в целом. И действительно, Игнатьев мог разрабатывать эту идею только под конкретное лицо.

Возникает еще очень интересный момент относительно внутренней религиозно-политической ориентации самого графа Игнатьева – его отношения с церковными иерархами, с Синодом, и, в частности, его отношение к святителю Филарету Дроздову. Оно было совершенно нестандартным: Игнатьев совершенно не

воспринимал позиции Филарета в отношении православного Востока, и в этом он был более прав и более православен, чем святой Филарет. Посол занимал совершенно правильную позицию в отношении патриарха Кирилла Иерусалимского, в отличие от Филарета, который на протяжении четырех лет до самой своей смерти требовал, чтобы иерусалимский патриарх извинялся перед Российским синодом за то, что был убран, например, из Иерусалима архимандрит Леонид Кавелин и т.д. При этом у Игнатъева был очень гибкий подход. Когда на самом деле начальники русской духовной миссии были неправы, а, например, российский консул А.Н. Карцов был прав, Игнатъев был полностью на стороне Карцова, он его поддерживал и был ему благодарен за то, что тот делает на Ближнем Востоке. Но когда именно по инициативе Игнатъева в Иерусалиме оказался Антонин Капустин, позиция Игнатъева полностью определялась поддержкой Антонина и русской духовной миссии против происков своего родного консульства и родного МИДа.

Когда говорилось о расхождении Игнатъева с Горчаковым, с горчаковской школой, с Горчаковым лично, складывается впечатление, что расхождение это было глубже: это расхождение с традициями Петербургского МИДа, потому что на самом деле именно школа Игнатъева более правильно понимала русские национальные интересы и русские религиозные национальные интересы, религиозно-имперские интересы и на Востоке, и в политике в целом. С этой точки зрения большой материал дает переписка Игнатъева. Есть совершенно уникальный источник – переписка Игнатъева с архимандритом Антонином Капустиным, которая охватывает 13 лет (с 1865 до 1878 г.), практически все время, когда Игнатъев был связан непосредственно с восточной политикой. Там даются очень нелицеприятные оценки не только петербургскому Синоду или Московской синодальной конторе митрополита Филарета, но и мидовскому петербургскому чиновничеству. Несмотря на то, что вся деятельность графа Игнатъева в первой половине жизни была связана с МИДом, он себя не ощущал последователем школы Нессельроде, а отчасти и Горчакова. Он во всем был им противоположен, во всех оценках, или, как сказал бы социолог, во всей системе ценностных ориентаций. Его ценностные ориентации были действительно совсем другими, поэтому он легко находил язык не только с султаном, но и с константинопольским, иерусалимским, антиохийским патриархами. То есть, в одном лице русский дипломат мидовской школы одновременно являлся очень тонким православным церковным дипломатом.

В МИДе он всегда был как бы не своим человеком. Он был в министерстве своих дел, своих русских дел. И этим объясняется

то, что ему мы обязаны решением в интересах русской церкви афонского кризиса 1872 г. То, что до сих пор наш монастырь на Афоне принадлежит русской церкви – заслуга графа Игнатьева, который лично неоднократно туда ездил, лично способствовал работе Антонина и иеромонаха Азальдина с древними афонскими актами. И он настоял перед константинопольским патриархом на благоприятном для России и в целом русской церкви решении афонского кризиса.

Игнатьеву мы полностью обязаны тем, что Антонин сумел создать вопреки МИДу, вопреки Синоду, не говоря уже о реальной ситуации на Востоке, русскую Палестину. Первые 13 лет, пока Антонин работал под защитой и с мощной поддержкой Игнатьева, именно в эти годы и были заложены основы той русской Палестины, которая существует и сейчас и является до сих пор главным фактором нашего присутствия в Иерусалиме, в Святой Земле, а отчасти и на Ближнем Востоке в целом. Это тоже игнатьевская заслуга. И упомянутый мною мирликийский вопрос: хотя не удалось все-таки (не все удавалось даже и великому Николаю Павловичу Игнатьеву), “продавить” турецкое правительство и особенно турецкое военное ведомство в вопросе о приобретении земли и в укреплении русских в Мирах Ликийских, но именно с подачи Игнатьева потом Палестинское общество перенесло деятельность по почитанию Святого Николая в Бари. Есть переписка Игнатьева в 1908 г., за несколько месяцев до его смерти, с Михаилом Петровичем Степановым, генералом, помощником председателя Палестинского общества, а председателем была великая княгиня Елизавета Федоровна. Степанов писал: “Хорошо, давайте! Раз уж получилось так, раз мы потеряли из-за каких-то псевдостратегических соображений Турцию, давайте перевезем их в Бари, в Италию!” И Барградское наше подворье, Барградская церковь (она и сейчас принадлежит России) – это тоже дело Игнатьева.

Есть некая тенденция в современной историографии, в современной исторической науке – больше обращать внимание, как несколько лет назад говорили, на “человеческий фактор”. Но человеческий фактор действовал. Был в Константинополе А.Б. Лобанов-Ростовский – это одно, это одна школа и один посол, и совсем иная политика. Был Николай Павлович Игнатьев – и это совсем другое. И такого посла в Константинополе уже не было, хотя и А.И. Нелидов был хорош в связи с Константинопольским русским археологическим институтом и даже со своим концептуальным докладом о проливах в 1896 г. И И.А. Зиновьев тоже был вполне на месте. Но действительно своеобразной вершиной русской внешнеполитической концепции на Востоке был, конечно, Николай Игнатьев.

В.Н. Пономарев. Такая колоритная фигура, как граф Игнатъев, привлекала внимание нашей и зарубежной историографии. Но еще не во всех аспектах деятельность Игнатъева освещена, и здесь поле деятельности для историков еще очень большое.

Монография – очень толстый фолиант, основанный на источниках как наших, так и западных – и опубликованных, и архивных. Маккензи, американский историк, в изданной в 2002 г. солидной монографии, основанной на наших и западных опубликованных и архивных источниках, пишет о всей жизни Игнатъева – о его личности, о его деятельности как дипломата на всех этапах, как о государственном деятеле России на посту министра внутренних дел. Но эта книга носит несколько странное название – “Граф Н.П. Игнатъев. Отец лжи?” Дело в том, что недоброжелателями Игнатъева было дано ему прозвище “лжец” или “отец лжи”. Маккензи берет под защиту своего героя. Он пишет, с одной стороны, о том, что говорить неправду является в общем-то свойством всех дипломатов, это входит в правила дипломатической игры, а с другой – приводит свидетельства коллег и оппонентов Игнатъева в дипломатическом мире, в том числе таких, как Солсбери, когда они, наоборот, подчеркивают такие качества Игнатъева, как правдивость, добросовестность и высокий профессионализм. Возникает вопрос: почему же сам Маккензи вынес именно такой момент в название этой книги? Представляется, что здесь просто сыграли роль соображения рекламы и рынка.

Ю.А. Тихонов. Доклад и выступления коллег в прениях убедили меня в том, что Н.П. Игнатъев – без всякого преувеличения выдающийся русский дипломат. Во-первых, не случайно его не пригласили или воспрепятствовали его появлению на Берлинском конгрессе. Это стало пощечиной российскому монарху, а в какой-то степени и Горчакову.

В.М. Хевролина. Я всех благодарю за положительную оценку моего доклада, за существенные дополнения и за то, что у некоторых изменилось отношение к Игнатъеву.

Что касается денег, то МИД во времена Горчакова очень экономно расходовал деньги и всегда бюджет сводился с большим профицитом, который иногда достигал 200 тыс. рублей. Горчаков был очень экономным человеком в личном плане, и это свое качество он переносил и на подведомственные ему учреждения. Так что русские дипломаты на Балканах были в более трудных условиях по сравнению с западными дипломатами, тем не менее им многое удавалось сделать.

Г.В. Мелихов

РУССКАЯ “НЕЧАЕВСКАЯ ДИВИЗИЯ” В АРМИИ СЕВЕРНЫХ КИТАЙСКИХ МИЛИТАРИСТОВ (Формирование. Состав. Командование) 1924–1928 годы*

В истории так называемой Нечаевской дивизии в армии северных китайских милитаристов научный интерес представляют прежде всего проблемы ее формирования и рядового и командного состава. Разработке этих вопросов, не получивших достаточного освещения в историографии, и посвящается данная статья.

65-я дивизия армии северных китайских милитаристов Чжан Цзолиня и Чжан Цзунчана, крупное русское воинское соединение под командованием генерала К.П. Нечаева, формировалась постепенно, в течение 1924–1928 гг., и выросла из небольшого отряда, пройдя долгий боевой путь. На этом пути были и славные победы, и горькие поражения ее отдельных боевых частей, однако за все годы своих почти непрерывных боев – т.е. в течение около пяти лет – эта русская воинская часть никогда не была побежденной и разбитой, постоянно сохраняла свой основной состав и высокую боеспособность и прекратила свое существование только в результате ухода русских с китайской службы, в завершающий период длительных милитаристских войн в Китае и объединения страны под началом китайской партии Гоминьдан, возглавляемой генералиссимусом Чан Кайши (Цзян Цзешу).

Начало созданию этого военного подразделения положил небольшой отряд, сформированный главой фэнтяньской (мукденской) милитаристской клики Чжан Цзолинем из русских военных, отступивших в октябре–ноябре 1922 г. из Приморья в Три Северо-Восточные провинции Китая (Маньчжурию) после поражения “белых” в гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке. По мнению мукденского маршала, русские должны были помочь ему в борьбе против соседней чжилийской милитаристской группировки, возглавлявшейся генералом У Пэйфу.

За основу формирования отряда его русскими командирами был взят стрелковый батальон бывшей Российской император-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 21 октября 2004 г.

ской армии в составе трех рот, с пулеметной командой, артиллерийской батареей, конной командой разведчиков и саперным отделением¹. Начальником отряда Чжан Цзолинь назначил приглашенного из Харбина кадрового русского военного, генерал-лейтенанта семеновского производства К.П. Нечаева.

Личное дело Константина Петровича Нечаева, хранящееся в Государственном архиве Хабаровского края², ставшее доступным для исследователей лишь недавно, позволяет уточнить ряд данных его биографии. Генерал родился 19 мая 1883 г. в г. Лодзи. Кадровый офицер Российской армии. Окончил 2-й Московский Императора Николая I кадетский корпус (1902) и Елизаветградское кавалерийское училище (1905). Участник первой мировой войны – служил до 1917 г. в Драгунском Курганском полку³. Закончил войну в чине полковника – командира этого соединения. Отличился в боях с немцами, награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а также Анны 4-й степени, Станислава 3-й степени с мечами и бантами, Анны 3-й степени с мечами и бантами, Владимира 3-й степени с мечами и бантами. В гражданскую войну – командир кавалерийской бригады в армии В.О. Каппеля. В одном из боев разбил наголову кавалерийскую часть красных оренбургских казаков под командованием братьев Кашириных. Участник Сибирского Ледяного похода Каппелевской армии.

В августе 1920 г. был назначен командиром 1-й Сводной Маньчжурской имени Атамана Г.М. Семенова дивизии. В Приморье командовал Сводной кавалерийской бригадой и в 1921 г. занимал пост военного начальника Южно-Уссурийского края. С гордостью пишет в своей анкете: “Всю службу провел в строю. Никогда... не занимал штабной или хозяйственной должности. Последний чин – генерал-лейтенант”⁴.

Имел 5 ранений и одну контузию. В китайской войне 1924–1928 гг. лишился правой ноги.

В Китае – командующий 65-й русской дивизией в армии Чжан Цзолиня в чине генерал-майора китайской армии. Награжден китайскими орденами – военным “за храбрость” “Аньгоцзюнь Тучного колоса” 2-й степени со звездой и лентой и гражданским “Тучного колоса”.

Сыграл важную роль в командовании шаньхайгуаньской операцией в 1924 г., в боях под Шанхаем в 1925 г. и в весеннем наступлении на Тяньцзинь и Пекин против войск Фэн Юйсяна 1926 г. Боевой командир, пользовавшийся глубоким уважением русских добровольцев и китайского командования.

Бывший нечаевец П.А. Савич писал П. Балакшину: “... главным героем был Костя Нечаев, не маскировавшийся никакими идеями, а говоривший, что он наемник, а храбрости у него было

больше, чем полагалось, и как-то я писал ему стихи по какому-то случаю:

В полушубке, с палкой, впереди солдат,
Будь то или рота или весь отряд...

и, правда, в своем полушубке, с палкой в руках, которой он сбивал мимоходом кустики или травку, он вел за собой солдат старшей еще школы, у которых не остыл задор и была молодость...”⁵.

Генерала часто видели в боях впереди цепей, в самых опасных местах. Его грубые шутки вызывали смех и поднимали дух солдат, и, конечно, солдаты ему верили и шли за ним...⁶

Нечаев прекрасно понимал свой статус и статус своих бойцов в китайской армии и действительно сам, по свидетельству В.А. Зубца, говорил: “Мы – наемники, ландскнехты. Никаких белых идей!.. Мы знаем, что платим жизнью за своего дубаня в его военных операциях, поэтому – деньги на бочку. И в этом все дело...”

В боях на подступах к Тяньцзиню во второй кампании против Фэн Юйсяна К.П. Нечаев потерял ногу, но остался на своем посту командующего 65-й дивизией.

Выйдя в отставку, жил в Циндао, а с 1929 г. – в Дайрене, пользуясь всеобщим уважением. Главой Объединения российской эмиграции на Дальнем Востоке Д.Л. Хорватом был назначен его уполномоченным представителем в г. Дайрене. С апреля 1943 г. заменил Д.Ф. Семенова на посту начальника Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в этом городе. По мнению людей, знавших его лично, К.П. Нечаев был начитанным и остроумным человеком, но вместе с тем мог быть суровым и беспощадным к подчиненным.

Здесь же, в Дайрене этот 63-летний инвалид был в 1945 г. арестован советской контрразведкой, депортирован в СССР и расстрелян.

Первыми боевыми соратниками Нечаева по Русскому отряду были:

– командующий пехотой подполковник Владимир Алексеевич Чехов, в прошлом представитель Штаба белой Дальневосточной армии на станции Пограничная Китайской Восточной железной дороги для связи с китайскими военными властями в соседней Маньчжурии, ген.-лейтенант китайского производства;

– подполковник Аргентов, под началом которого находилась пулеметная команда, в дальнейшем командир одного из бронепоездов дивизии;

– полковник Иннокентий Александрович Костров, командовавший артиллерией отряда. Он был фактическим создателем

дивизиона бронепоездов Русской группы в армии Чжан Цзунчана, наиболее мощного ее оружия и главной ударной силы.

Глубокие технические знания и личная храбрость Кострова сделали его любимцем китайского командующего, присвоившего ему чин генерал-майора китайской службы и назначившего его командиром всего отряда бронепоездов Русской дивизии. По характеристике Я.Ф. Котлярова, “генерал Костров был блестящим русским офицером, уделял много времени и заботы своим подчиненным. Служба у него считалась много лучше, чем в пехоте, и желающих служить под его командованием всегда находилось достаточно. У каждого бойца было свое место, постель, хорошее обмундирование, весьма приличный стол и дисциплина, построенная на здоровых началах”⁷;

– полковник Павел Дмитриевич Макаренко (родился в 1888 г.) имел под своим командованием саперов. Кадровый офицер Российской армии.

– майор Владимир Александрович Зубец – порученец Штаба Русской Дальневосточной армии. Заведывал военным отделом в составе Иностранного отдела, созданного при штабе Суйнинского военного округа, находившегося под командованием Чжан Цзунчана. В 65-й дивизии – инструктор Шаньдунского военного училища, готовившего смену молодых русских офицеров. Работал в штабе войск русской группы, был начальником комендатуры в г. Тяньцзине. Автор мемуаров “На службе в китайской армии” – рукопись, хранящаяся в Архиве Гуверовского Института войны, революции и мира в Стэнфорде, Калифорния, США⁸.

Эти русские офицеры составили костяк командования будущей дивизии. В процессе ее формирования и расширения боевого состава к их числу добавились и многие другие.

Упомянутый выше Котляров Яков Федорович родился 22 октября 1896 г. На первую мировую войну пошел добровольцем в 1915 г. Кавалер трех боевых орденов и китайского ордена “Тучного колоса” 5-й степени. Солдат Отдельного батальона морских стрелков флотилии адмирала Г.К. Старка. В Русский отряд вступил во время его первой стоянки в г. Тайяне в начале мая 1925 г. Снова был принят только в рядовой состав, но благодаря выдающимся личным качествам, храбрости и находчивости сделал военную карьеру, став полковником китайской службы, командиром бронепоезда “Чандянь”, на котором прошел всю китайскую войну. В последующем проживал в Шанхае. Переехал в США. Автор интересных мемуаров⁹. Суждения и оценки в них, касающиеся рядового и командного состава дивизии, в отличие от подчас общих и суховатых характеристик В.А. Зубца, яркие и конкретные. Это объясняется, во-первых, тем, что они являются

наблюдениями свидетеля и непосредственного участника боевых действий; вторая же причина – “Я, – как пишет Котляров, – позволяю давать не только лично свои выводы, но и тех старших начальников, которые имели с ним (имеется в виду тот или иной военнослужащий. – Г.М.) дело по службе в китайской армии”¹⁰.

Еще не сформировавшийся окончательно Русский отряд был брошен в кампанию против чжилийцев, которую Чжан Цзолин начал уже 15 сентября 1924 г. Его войска выступили по двум направлениям – на Юйгуань, на главные силы чжилийской группировки и на Чаоян, куда были посланы 2-я и 5-я армии, одной из которых с ее Русским отрядом командовал Чжан Цзунчан.

К.П. Нечаев несомненно принимал непосредственное участие в разработке плана наступления, приведшего в провинции Жэхэ к стремительному прорыву фронта У Пэйфу, занятию стратегически важного прохода в Великой Китайской стене – Шаньхайгуаня и выходу в глубокие тылы чжилийских войск, что привело к их быстрому поражению. Про Нечаева в связи с этим в русских военных кругах говорили, что он “повторил известный маневр генерала Реннекампа в русско-японскую войну”¹¹.

Одним из моментов боев был приход русского, наспех сооруженного Костровым, “бронепоезда” (паровоз и открытая железнодорожная платформа с уложенными на ней мешками с песком и установленными пулеметными гнездами), в Шаньхайгуань, где этот поезд, даже сойдя с рельсов, принудил сдать стоявшие здесь три воинских эшелона чжилийских солдат с огромными запасами продовольствия, боеприпасов и всем вооружением¹².

Далее Русский отряд двинулся на Тяньцзинь, который был занят 11 ноября.

После нескольких дней пребывания в Тяньцзине русские в составе основного костяка войск Чжан Цзунчана были передислоцированы на юг, на станцию Цинсянь Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, где после победы над У Пэйфу стали происходить лихорадочные, по выражению В.А. Зубца, переформирования, развертывания отдельных частей в крупные воинские единицы. По приказу главного командования дивизия Чжан Цзунчана развертывалась в 1-ю маньчжурскую армию.

Расширение численности состава коснулось и Русского отряда. Во время двухмесячной стоянки в Цинсяне отряд отдыхал, пополнялся и укомплектовывался, проходил обучение, приняв в результате форму небольшой, но крепкой отдельной воинской части, способной на выполнение самостоятельных военных задач. Не иссякающий приток добровольцев значительно увеличил его численность до 350–400 человек.

Ставки жалования, установленного для русских военнослужащих, были следующие: рядовой получал 12,50 китайских долларов, младший и старший унтер-офицеры – между 12,50 и 20 долл., фельдфебель или вахмистр – 30 долл. (если фельдфебель занимал должность младшего офицера, его ставка не повышалась), подпоручик – 45 долл., поручик – 60 долл., капитан – 90 долл., майор – 160 долл., подполковник – 240 долл., генерал-майор – 500 долл., генерал-лейтенант 600 или 700 долл.¹³ По оценке автора, жалование выплачивалось неаккуратно.

Обмундирование давалось китайское, стол был простой, но сытный, хлеб русский, а часто бывали и китайские пампушки. Походных кухонь не существовало, а применялись котлы, весьма удобные для переноски в боевых условиях.

Срок службы по контракту для русских военнослужащих был продлен до 8 месяцев.

Служба в частях строилась по Воинским уставам Российской армии, с сохранением всех ее традиций. Дисциплина поддерживалась соблюдением Уставов, строгими требованиями командиров, нарушений ее было немного, и каждое сколько-нибудь серьезное находило свое отражение в приказах¹⁴. Боевой дух и боеспособность частей были очень высокими.

В промежутках между боевыми действиями жизнь гарнизонов шла обычным порядком жизни русской боевой части. Утром – строевые и тактические занятия, работа с техникой, обед, небольшой отдых и снова занятия. В субботу занятия проходили до 12 часов дня, воскресенье было днем отдыха.

Ежедневно бойцы назначались в караул, обязанностью которого было поддержание порядка на территории части. Смена караула происходила напротив квартиры ген. Нечаева по всем правилам Устава русской гарнизонной службы.

По свидетельству В.А. Зубца, люди в громадном своем большинстве имели солидный военный опыт, накопленный ими в первой мировой 1914–1918 гг. и в гражданской 1918–1922 гг. войнах. Офицеры, приехавшие служить на положении рядовых солдат, составляли не более десяти процентов всего состава. Было много молодежи, горячо стремившейся на военную службу.

Отряд теперь состоял из трех рот пехоты, сведенных в стрелковый батальон, которым командовал ген.-майор А.Н. Мельников, конного дивизиона и команды бронепоезда (Костров).

1-й эскадрон конного дивизиона был пополнен прибывшей из Харбина молодежью – гимназистами, кадетами, юнкерами Читинского военного училища¹⁵. Командовал им ротмистр Деликторский. 2-й эскадрон был укомплектован казаками Сибирского Казачьего Войска, сражавшимися во время гражданской войны в

отряде Атамана Анненкова¹⁶, а позднее работавшими на Фушуньских угольных копях. Они пришли со своими офицерами, сохраняя воинский порядок. Командовал ими полковник Размазин.

За отсутствием лошадей, вначале оба эскадрона были пешие. Дивизион, позднее развернутый в конный полк, находился под командованием опытного кадрового офицера, неизменно получавшего в ходе последующих военных кампаний высокие оценки, – подполковника Генерального Штаба, офицера 13-го Гусарского Нарвского полка Бартеньева (в документах также – Бартенева¹⁷). “Бартеньева в дивизионе любили и относились к нему внимательно и с большой теплотой, – пишет В.А. Зубец. – Его часть находилась всегда в прекрасном порядке; дисциплина была высокой и крепкой. Он имел наилучше подобранный офицерский состав, приверженный к традициям русских кавалерийских полков доброго старого времени”¹⁸. Котляров добавляет, что полковник Бартенева был женат на дочери профессора генерала А.И. Андогского (в г. Харбине тот занимал должность директора 1-го Русского реального училища). Генерал Андогский приезжал в г. Цзинань, чтобы получить пособие для дочери от маршала Чжан Цзунчана. Генерал Нечаев оказал ему в этом полную поддержку¹⁹.

Начало формирования броневых частей Русского отряда – бронепоездов – уже на официальной основе, с разрешения Чжан Цзунчана, тоже было заложено в Цинсяне. Была сформирована команда для первого такого бронепоезда, который, однако, пока еще недалеко ушел от своего предшественника и отличался только тем, что имел специальный пулеметный вагон. Об этом начальном периоде Котляров пишет: “Броневым дивизион был таковым только по названию: были установлены орудия на железные полувагоны и, чтобы не пробивали пули, стены укрепили мешками с песком; слегка забронировали паровоз; выкрасили в серый цвет, и готово! Собственно говоря, такой бронепоезд мог пугать только несведущих китайцев, которые сдавались тысячами и целыми армиями. Через год китайцы раскусили, что это за штука, и построили у себя такие же”...”²⁰.

Однако последующие бронепоезда, создаваемые уже по расчетам русских военных специалистов – подполковника Сакулинского и его помощника капитана Антонова, в прошлом студента технологического института, – были гораздо более совершенными. Они были сильного типа, с хорошей броней и строились в мастерских Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги. Каждый был вооружен тремя трехдюймовыми орудиями, несколькими пулеметами и минометами, имел полный комплект команды, необхо-

димый технический персонал, фельдшера и одного–двух переводчиков китайского языка. Бронепоезд мог нести десант до 150 штыков. Однако не все бронепоезда могли иметь пехоту.

Были укомплектованы пулеметная и минометная (называвшаяся в то время бомбометной) роты; имелась собственная артиллерия. Создана хозяйственная и санитарная части – с русскими врачами и медсестрами.

Тем временем, положение Чжан Цзунчана в мукденской клике все более упрочивалось. На него была возложена задача присоединения к Чжан Цзолиню ряда провинций Восточного и Южного Китая, и русская 14-я бригада, которой было присвоено название Авангардной, в составе его армий 1 января 1925 г. погрузилась в эшелоны и двинулась по Тяньцзинь–Пукоуской железной дороге на юг, в Пукоу, куда прибыла 16 января. В Пукоу, напротив находящегося на той стороне р. Янцзы Нанкина рельсы этой железной дороги обрывались. Моста не существовало, и переправа войск и техники на противоположный берег осуществлялась на парамах, катерах и китайских джонках.

К этому времени Нанкин был уже взят, и 17 января Чжан Цзунчан был назначен “командующим по борьбе с бандитами (т.е. с прочими милитаристами, – Г.М.) в провинциях Цзянсу, Аньхой и Шаньдун”, т.е. его войска должны были занять и эти южные провинции Китая, столь отдаленные от Чжили, а тем более – от Маньчжурии.

Обойдя г. Чжэньцзян и высадив десант на речных судах, русские части при поддержке своего бронепоезда “Чанчжэнь” быстро овладели этим укрепленным городом и его крепостью.

Нечаев был назначен командующим Южным фронтом. Была поставлена задача – занять город-крепость Цзяннин, г. Уси и Шанхай. На судах русские части были быстро передвинуты вниз по течению Янцзы, под Цзяннин, полная драматических событий осада которой несколько затянулась²¹.

На подступах к Шанхаю Чжан Цзунчан встретил ожесточенное сопротивление противника (войск губернатора провинций Аньхой и Цзянси милитариста генерала Сунь Чуаньфана), но упорные бои закончились в его пользу. Войска Суня стали отступать с линии железной дороги к югу. Костров с бронепоездами прорвался вперед и, починив разрушенный в нескольких местах путь, неожиданно к вечеру донес о занятии им Северного вокзала в Шанхае. Сразу же по приходе русских бронепоездов в Шанхай, сюда были посланы подкрепления, и город был занят войсками Чжан Цзолиня²².

Русское воинское соединение в армии этого китайского милитариста, противостоявшее на юге войскам Северного похода Чан

Кайши, а на севере и северо-западе щедро субсидируемому Советским Союзом Фэн Юйсяну, было действительно высокострое-способным и оказывало большое (в ряде случаев, как мы видим, решающее) влияние на исход войн между китайскими милитаристами.

Идеологией Русской группы был антибольшевизм, причем “большевиками” большинство русских солдат и офицеров считали и Чан Кайши, и Фэн Юйсяна, и других получавших советскую военную помощь, и у которых были советские военные советники. Имели также хождение и прежние белые монархические идеи.

Дипломатических и военных представителей СССР в Китае весьма беспокоило присутствие в этой стране сильной, хорошо организованной и боеспособной, и к тому же резко антикоммунистически настроенной белой части, да еще под командованием кадровых офицеров бывшей Российской армии. Китайским правительствам Севера и Юга направлялись строгие протесты, против нее велась разведка, предпринимались попытки разложения, дискредитации, физического устранения командиров и т.п.

16 января 1925 г. в своем сообщении М.А. Трилиссеру Г.В. Чечерин констатировал, что “этот отряд белых кондотьеров безнаказанно разгуливает по всему Китаю и, пользуясь своей высокой военной квалификацией, одерживает победы... Со своей стороны, мы даем т. Карахану указания на необходимость дипломатического воздействия на предмет ликвидации этого отряда, но, кроме этого, необходимо принятие мер по Вашей линии к разложению и ликвидации этого отряда...”²³.

В пункте 9 специального решения Киткомиссии Политбюро ЦК РКП(б) от 17 апреля 1925 г. говорилось о необходимости “запросить тов. Карахана относительно возможности и целесообразности и методах разложения отряда Нечаева”²⁴. Такие попытки предпринимались многократно, но результатов не принесли.

В Уси русская часть находилась на длительном отдыхе и доукомплектовывалась. Именно сюда из Шанхая стало прибывать пополнение: кадровые офицеры, солдаты и казаки-забайкальцы, попавшие в Шанхай после эвакуации белого Приморья.

В середине апреля бригада выбыла из этого города через Нанкин на север, отправившись на новую назначенную ей постоянную стоянку в г. Тайане.

Сюда бригада прибыла в первых числах мая и провела здесь все лето 1925 г. Все ее военные действия в этот период состояли в нескольких успешных экспедициях против местных хунзузов.

Именно в Тайяне за счет непрерывно прибывавших сюда пополнений из Харбина и Шанхая и произошли расширение и ос-

новное формирование этой русской воинской части, в результате которых в ней появились: технический батальон (командир подполковник Макаренко), в который входили пулеметная, бомбометная (командир майор Абаза) роты и команда службы связи; четырехорудийная батарея (трехдюймовые орудия типа Арисака – командир подполковник Аргентов), юнкерская рота, комендатуры.

Стрелковый батальон отряда вырос до 600 штыков и был переименован в 105-й полк с двумя пехотными батальонами (командиры подполковники Стеклов и Гурулев). Полком стал командовать Чехов, бывший ранее начальником штаба.

Некоторые части и учреждения бригады находились также на соседней станции Давэнькоу и в самой Цзинани.

В Давэнькоу располагался кавалерийский дивизион, насчитывавший теперь до 200 сабель²⁵. О конниках, стоявших в Давэнькоу, и об их командире, подполковнике Генерального штаба Бартеневе Я.Ф. Котляров отзывается очень лестно, отмечая их дисциплину, выправку и поведение. Китайский автор Моу Чжунхэн отмечает также и высокое боевое искусство русских кавалеристов, с которыми китайских, по его собственным словам, “нельзя было и сравнивать”²⁶.

В частях имелись врачи и фельдшера, православные священники и муллы, но ни храмов, ни мечетей не было.

Имелись и духовой оркестр, и фотограф, а в столице провинции Шаньдун Цзинани даже целая киногоруппа, производившая съемки жизни и боевых действий части.

В Цзинани дислоцировались также:

Дивизион четырех бронепоездов под командованием генерал-майора Кострова. Дивизион был выделен из состава бригады Нечаева и перешел в непосредственное подчинение Чжан Цзунчану, с дислокацией в его ставке.

Рядом со стоянкой бронепоездов помещалась инженерная рота (командир подполковник Мещанкин), обязанностью которой был выбор позиции и ее укрепление.

Конвойная казачья сотня, постоянно состоявшая при Чжан Цзунчане, находилась под командованием подполковника русской службы есаула Забайкальского Казачьего Войска Танаева. Это была привилегированная часть, сопровождавшая китайского генерала при всех его разъездах.

Был и авиационный отряд, под командованием китайца, получившего подготовку в Советском Союзе. Аппараты были устаревшего типа. Летали на них белые русские летчики, получавшие приличное жалованье и надбавки за летные часы.

Численность части постепенно возросла до 1,5–2 тыс. человек.

Наконец, в окрестностях Цзинани находился и Русский госпиталь.

Помимо Тайаня и Цзинани, комендатуры Русской группы имелись в Тяньцзине и Циндао, а вербовочные пункты – в Шанхае, Тяньцзине, Мукдене. В Харбине таковых не имелось, но всю необходимую работу осуществлял генерал И.Ф. Шильников²⁷.

Капельмейстером духового оркестра, игравшего на регулярных проводившихся парадах и маршах, был ротмистр Алексеев.

В Цзинани находились также арсенал, фабрика амуниции и гранат и другие коммерческие предприятия старшего советника Чжан Цзунчана Н.Д. Меркулова.

3 сентября произошло переформирование бригады.

Первый и второй батальоны, технический батальон, юнкерская рота и команда связи составили Сводный стрелковый полк. Отдельная горная батарея вошла в его состав как полковая артиллерия. Броневой дивизион был переименован в Особый броневой полк, Конный дивизион – в Отдельный конный дивизион. Комендантская команда осталась в непосредственном распоряжении командира бригады. Командиры всех этих соединений остались прежние.

12 сентября бригада была переименована в Авангардную группу 1-й армии мукденских войск в составе: Броневого полка, 105-го Сводного полка, Отдельного конного дивизиона и комендантской роты.

В 105-м полку была создана отдельная учебная рота, которую с 26 января 1926 г. было приказано именовать Отдельной юнкерской ротой. 18 февраля она была прикомандирована к штабу созданной к этому времени 65-й дивизии.

10 декабря Чжан Цзунчан получил важное назначение генерал-губернатором (дубанем) провинции Шаньдун. После этого он отдал приказ о развертывании Авангардной группы в новую 65-ю дивизию мукденских войск маршала Чжан Цзолия и назначении командующим этой дивизией ген.-лейтенанта Нечаева²⁸. Одновременно старший советник Н.Д. Меркулов создал при своей канцелярии Штаб русской группы войск, поставив во главе его крайне непопулярного среди командиров строевых частей полковника Генерального Штаба контрразведчика Михаила Афанасьевича Михайлова.

Русская пехота была развернута в бригаду (№ 166), состоящую из 105-го и 106-го полков. 106-й полк сложился в основном из пришедших в Русскую группу уфимских татар, во главе с генералом (русской службы полковником) грузином Сидамонидзе, в свое время командиром знаменитого белого Уфимского стрелка, – полка, сплошь состоявшего из этих уфимских татар. Коман-

дование полком осуществлял Сидамонидзе. Командиром 105-го полка был полковник русской службы Тарасов. Командование всей бригадой было поручено ген.-майору Макаренко.

В дивизии одна бригада из двух полков являлась русской, другая – китайской, с насыщением ее русскими офицерами. Кавалерия тоже была развернута в бригаду под командованием генерал-майора Семенова (русской службы полковника).

Численность бойцов была равна составу, принятому в гражданскую войну. Максимальная численность всего соединения в этот период достигала 3 тыс. человек.

Бронепоезда, с постройкой новых, тоже сводились в отдельную часть. Командиром ее одновременно с сохранением занимаемой им должности командира дивизии приказом Чжан Цзунчана был назначен К.П. Нечаев. Помощником командира отряда бронепоездов – с подчинением в боевом, хозяйственном и административном отношении Нечаеву – стал генерал-лейтенант Малакен.

Генерала Малакена Котляров характеризует как отличного боевого офицера, хорошего товарища, с которым было приятно служить. Как командир отряда бронепоездов он всегда подавал личный пример храбрости, оставаясь как при наступлении, так и при отходе назад всегда на наиболее опасном направлении²⁹. После своего отстранения от китайской службы Малакен уехал в Харбин, где после занятия города советскими войсками в августе 1945 г. пользовался доверием властей, поручивших ему заведывание распределением продуктов питания среди русского населения города³⁰. Дальнейшая судьба генерала неизвестна.

Отрядом бронепоездов стал командовать генерал-майор Чехов. Начальником его штаба был назначен Генерального Штаба полковник Б.И. Попов, “обладавший, – как пишет Котляров, – большой энергией и распорядительностью. Вся штабная и административная работа лежала на нем. Своими действиями и распорядительностью он в полной мере являлся действительно хорошим помощником ген. Чехова”³¹.

Русская дивизия в авангарде основных сил Чжан Цзунчана успешно наступала на север, на Тяньцзинь, хотя и несла большие потери, а после его взятия 23 марта выступила на Пекин, куда часть русского подразделения (несколько вагонов) во главе с русским бронепоездом вошла 15 апреля 1926 г.

Трем русским бронепоездам (под командованием Мрачковского, Репчанского и Котлярова, с помощником майором Скрынниковым), сменявшимся посуточно, было поручено контролировать железнодорожный путь, ведущий от Пекина на северо-запад до Нанькоуского прохода в Великой Китайской стене.

Иван Константинович Мрачковский (1896 года рождения) окончил Кадетский корпус в Нижнем Новгороде (1914) и Сергиевское артиллерийское училище (1917), прошел до конца гражданской войну в Сибири и на Дальнем Востоке, эвакуировался из Владивостока в Харбин (1922), генерал китайского производства. “Нужно отдать справедливость, что ген. Мрачковский был отличный боевой офицер, хороший артиллерист и по натуре довольно неглупый человек, – характеризует его Котляров, – но имел и некоторые недостатки, а именно: чрезмерное честолюбие, карьеризм, а порою и нежелание подчиняться высшей русской инстанции, что, безусловно, недостойно понятия о поведении русского офицера... Полковник Мрачковский и полковник Репчанский, оба боевые офицеры, и особенно полковник Репчанский, имели тенденцию выделиться или выйти из подчинения начальнику дивизии броневых поездов ген. Чехову. Лично их взглядов я не разделял”³².

Последний этап службы Мрачковского в Шаньдунской армии описан ниже, и к этому нужно прибавить, что позднее генерал стал командиром одного из бронепоездов Чан Кайши и давал действенный отпор японским войскам во время их военной провокации в Шанхае в 1932 г., затеянной с целью отвлечь внимание международной общественности от захвата Японией Маньчжурии.

Позднее, уже во время войны на Тихом океане, Мрачковский уже входил в состав китайских секретных служб Чан Кайши и оставался в Шанхае. В его распоряжении была подпольная радиостанция для информирования китайского правительства в тогдашней столице Чунцине о передвижениях и численности японских войск, планах японского командования и прочее.

После долгих поисков японской жандармерии удалось обнаружить местонахождение радиостанции, и при появлении жандармов в его доме Мрачковский застрелился³³.

Майор Скрынников – кадровый офицер Российской армии, окончил Михайловское артиллерийское училище. Во время мировой войны служил в Русском экспедиционном корпусе во Франции (в дивизии ген. Лохвицкого). Вернулся в Россию, отступил в Китай и позднее поступил в китайскую армию. Характеризуя его как скромного и знающего офицера, Котляров добавляет, что “наши русские артиллерийские училища, особенно в мирное время, с трехлетним курсом, давали прекрасное военное образование. Офицеры, окончившие артиллерийское училище, прекрасно знали высшую математику и могли преподавать математику в наших средних школах”³⁴.

С присоединением генерала Фэн Юйсяна к стану Чан Кайши основные силы противостоявших ему войск чжилийско-шаньдун-

ской группировки, включая русские бронепоезда, пехоту и конницу, сконцентрировались на Лунхайской ж.д. (Сюйчжоу – Кайфын). В результате панического бегства китайских соединений, прикрывавших с тыла русские бронепоезда, их пришлось оставить; русские части понесли большие потери в живой силе.

Это явилось толчком к оставлению китайской службы теми солдатами и офицерами, у которых оканчивался срок контракта. Покинули службу следующие русские части: пехотная бригада целиком, группа русских инструкторов, 7-й особый полк со смешанным русско-китайским составом, команды нескольких бронепоездов, штаб дивизиона бронепоездов целиком, часть Конной бригады, персонал госпиталей, группа чинов Штаба русских войск. Вышел в отставку и генерал К.П. Нечаев.

Остались: 1-я Отдельная охранная конная бригада в составе 2-го и 4-го конных полков и конно-горной батареи, отряд бронепоездов (шесть), развернутый в дивизию под командованием Чехова (позднее тот разделил ее на два отряда бронепоездов под командованием Макаренко и Мрачковского), конвойная сотня Танаева, Шаньдунская военно-инструкторская школа (в виде учебной роты) и авиационный отряд. Ушло со службы до двух тысяч русских солдат и офицеров, осталось – немногим более 800 человек³⁵. Всем уезжавшим давался воинский литер для бесплатного проезда до Мукдена.

После оставления Чжан Цзунчаном своей столицы в Шаньдуне вся дальнейшая судьба Русской группы зависела уже всецело от командиров бронепоездов.

Генерал Макаренко после переговоров с командующими Чжан Сюеляна, превратившегося из союзника в противника Чжан Цзунчана и преградившего ему путь отступления в Маньчжурию, отдал приказ своему подразделению покинуть бронепоезда и интернироваться. Команды шли до ближайшей железнодорожной станции под артиллерийским обстрелом с бронепоездов генерала Мрачковского. Все они были доставлены в Мукден, получили месячное жалованье и проездные документы к избранному ими месту жительства.

Ввиду невозможности вести далее военные действия (отсутствие продуктов, полное истощение патронов и боеприпасов) эта вторая группа бронепоездов Мрачковского вскоре тоже приняла решение сложить оружие – но перед войсками Чан Кайши.

Через два–три месяца пребывания в плену, условия которого с полным основанием можно назвать почетными³⁶, рядовому составу было предложено подать рапорты об увольнении, а старшему командному составу – поступить на службу к Чан Кайши в качестве военных инструкторов.

Очевидно, что добрые отношения русских военных с мирным китайским населением, их личная храбрость и верность своему воинскому долгу вызвали глубокое уважение к русским солдатам в обоих враждовавших китайских лагерях.

К сентябрю–октябрю 1928 г. эта почти пятилетняя история русской “нечаевской дивизии”, понесшей в своих почти непрерывных военных кампаниях неисчислимы потери, пришла к своему завершению.

Дивизия выросла из небольшого отряда и формировалась постепенно, пройдя несколько четких этапов своего развития.

Основной состав этого русского соединения составили русские военные, отступившие в 1920–1922 гг. в Китай с территории русского Дальнего Востока – казаки Забайкальского и других Казачьих Войск Сибири и Дальнего Востока, капеллевы, многие из которых совершили Сибирский Ледяной поход, бойцы отряда атамана Сибирского Казачьего войска Б.В. Анненкова, отступившие с ним в Северо-Западный Китай, юнкера созданного атаманом Г.М. Семеновым Читинского военного училища, образованная русская молодежь из Харбина и Шанхая; в дивизии было много мусульман – из числа татар, башкир и других жителей бывшей Российской империи, а также представителей других ее немусульманских народов.

В командовании дивизией и ее подразделениями принимали участие многие достойные уважения офицеры Генерального Штаба Российской армии, ее генералы, полковники и майоры и очень большое число чинов младшего офицерского состава.

¹ Николаев И.Н. История возникновения русской группы Мукденских войск: Краткий исторический очерк // ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 2; Краткий исторический очерк и описание боевых действий Русской группы войск маршала Чжан-Зуй-Чана, с приложением 18 схем // ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

² Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 33263.

³ По другим данным, был командиром эскадрона, штаб-ротмистром 5-го Драгунского Каргопольского полка.

⁴ ГА ХК. Ф. 830. Оп. 3. Л. 1–2.

⁵ Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой Эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк, 1959. Т. 1. С. 271, 272.

⁶ Zibets V.A. На службе в китайской армии: Рукопись // Hoover Institution on war, revolution and peace. 1933. 1 ms box. Л. 84 (далее: Зубец В.А.).

⁷ Котляров Я.Ф. На службе у маршала Чжан Цзучана // Русская жизнь. (Калифорния. США) 1968. 3–6, 9–13, 16–18, 24–27 апреля. У А.А. Хисамутдинова вместо даты 16 апреля стоит “15”, а даты 24 и 25 апреля пропущены. См.: Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. Владивосток, 2000. С. 169; Русская жизнь. 1968. 4, 11 апреля.

- ⁸ *Зубец В.А.* Указ. соч. Л. 54.
- ⁹ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 11 апр.
- ¹⁰ Там же. 6 апр.
- ¹¹ *Балакишин П.* Указ. соч. Т. 1. С. 266.
- ¹² ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.
- ¹³ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 4 апр.
- ¹⁴ См.: Приказы по русским частям Шаньдунских войск со дня их образования с 1 января по 30 декабря 1926 г. // ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 3.
- ¹⁵ Луч Азии. Харбин. 1942. № 100/12. С. 4.
- ¹⁶ Анненков Борис Владимирович (1889–1927), окончил Кадетский корпус (1906) и Александровское военное училище в Москве. После поражения в гражданской войне сдался китайским властям. Добровольно перешел на советскую сторону, был судом и приговорен к высшей мере наказания.
- ¹⁷ См., например: *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 25 апр. и ниже.
- ¹⁸ *Зубец В.А.* Указ. соч. Л. 84–85.
- ¹⁹ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 6 апр.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 13.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.
- ²³ Цит. по: *Пескова Г.Н.* Дипломатические отношения между СССР и Китаем в 1924–1929 гг. // *Новая и новейшая история*. 1998. № 1. С. 107.
- ²⁴ ВКП(б). Коминтерн. Т. 1: 1920–1925. С. 548.
- ²⁵ *Зубец В.А.* Указ. соч. Л. 82.
- ²⁶ *Моу Чжунхэн.* Лаомаоцзы дуй (Армия бородатых солдат) // *Туфэй цзюньфа Чжан Цзунчан (Бандит-милитарист Чжан Цзунчан): (Сборник статей).* Пекин, 1991. С. 72 (на кит. яз.).
- ²⁷ Шильников Иван Федорович (1882–1934), участник русско-японской, первой мировой и гражданской войн, генерал-майор семеновского производства.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 49.
- ²⁹ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 6 апр.
- ³⁰ *Балакишин П.* Указ. соч. Т. 2. С. 148.
- ³¹ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 9 апр.
- ³² Там же. 6, 10 апр.
- ³³ *Балакишин П.* Указ. соч. Т. 2. С. 215.
- ³⁴ *Котляров Я.Ф.* Указ. соч. // *Русская жизнь*. 1968. 11 апр.
- ³⁵ Там же. 16 апр.
- ³⁶ Там же. 18 апр. “На стол и отношение к нам, – пишет Я.Ф. Котляров, – нельзя было пожаловаться. Чтобы поддержать дисциплину, утром устраивали поверку, пели молитву, после пили чай, а затем в колонне по отделениям отправлялись на утреннюю прогулку. На прогулке пели военные песни. Впереди обычно шел генерал Мрачковский, а командиры поездов – впереди своих команд”.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. Тема очень любопытная и нестандартная, тем более что Вы охватываете большой период – 1924–1928 годы. С середины 1920-х годов начались очень непростые отношения центрального большевистского руководства с руководящими органами Китая. Начались они постепенно – после установления

дипломатических отношений с центральным китайским правительством в 1924–1925 гг. и с Чан Кайши, которые привели к тому, что в 1927 г. Чан Кайши пошел на фактический разрыв дипломатических отношений с большевистским московским правительством.

Как относились к этой дивизии, которую держал при себе Чжан Цзолинь, к ее роли в соотношении сил китайских милитаристов? Как относилось большевистское руководство, с самого начала и до конца резко отрицательно, или же все-таки были какие-то нюансы, какие-то моменты нового отношения, учитывая, что, как Вы правильно напомнили, уже с 1927 г. резко обострились и даже ухудшились отношения между Москвой и Чан Кайши, Москвой и центральным пекинским правительством? Как московское центральное правительство относилось к этой дивизии?

Г.В. Мелихов. Есть огромное количество фактов. Они показывают, что отношение было крайне отрицательным. Считалось, что это была белая русская часть, которая выступала против ставленников Москвы – Чан Кайши, Фэн Юйсяна и других фигур помельче. А эта воинская часть, как писал Г.В. Чечерин, “безнаказанно разгуливала по всему Китаю и, пользуясь своей высокой военной квалификацией, одерживала победы”. Поэтому было вмешательство, были попытки устранения Нечаева и других командиров. Характерный факт. Китайское руководство захотело учесть всех военнослужащих, которые у него служили, приготовило для них анкеты и фотокарточки.

Сделали это, а через некоторое время все эти материалы оказались в Генеральном консульстве СССР в Харбине и были найдены при налете и обысках. То есть следили всячески и все время шла борьба, все время шли столкновения ставленников Москвы с этой группой и с северным китайским милитаристом Чжан Чжолинем, который был для Советского Союза врагом номер один.

В документальном сборнике “ВКП(б). Коминтерн” очень хорошо представлено, как Москва накачивала туда средства, деньги, поставляла оружие. Столкновения эти шли все время.

Л.Н. Нежинский. Еще, пожалуйста, вопросы.

А.К. Соколов. В судьбе этой дивизии очень большую роль играли идеологические мотивы. Можно ли сказать, что из тех групп китайских милитаристов, которые Вы перечисляли, русские военные выбирали, к кому примкнуть прежде всего по такому критерию: кто выступал против большевиков? Кто из этих китайских генералов выступает против большевиков, к тому самому мы и примкнем. И звучит имя Чжан Цзолиня.

А может быть, армия оказалась за границей, и надо было как-то существовать. Можно ли их рассматривать как первых наемников в международной практике? Может быть, были какие-то материальные соображения? Их все-таки оплачивали.

Г.В. Мелихов. Это на 98 процентов так. Это были наемники, добровольцы-наемники, получавшие регулярно жалование и служившие за него. Нечаев сам признавал: “Какие высокие идеи? Мы наемники, ландскнехты...”.

А.К. Соколов. Теперь у меня вопрос, который вытекает из моего плохого знания ситуации на Дальнем Востоке. К нападению на КВЖД в 1929 г. со стороны китайцев, это соединение имело отношение?

Г.В. Мелихов. Нет, никакого. Они сражались во Внутреннем Китае – в регионе Пекин – Тяньцзинь – Нанкин – Шанхай. Это надо четко представлять себе. Они не имели никакого отношения к этим постоянным советско-китайским конфликтам в Маньчжурии по поводу КВЖД. Кто-то в 1920-х годах приезжал туда к родным, к знакомым в короткий отпуск, и только. Там они не воевали.

П.Н. Зырянов. Каков был кадровый состав этой армии?

Г.В. Мелихов. Состав был очень пестрый. Основу его составляли кадровые офицеры и солдаты всех родов войск русской армии. Были анненковцы, большое число казаков, много башкир и татар; много молодых людей из Харбина и других городов. Многие из них шли в отряд из желания повоевать, испытать себя и т.д.

Л.Н. Нежинский. Это очень интересно. Эта служба привлекала очень многих эмигрантов, которые бедствовали, находились без средств, а в армии они получали крепкое жалование, полное довольствие, обмундирование и т.д. Могу сказать, что это, конечно, были наемники. Но это трагедия людей, которые оказались в эмиграции.

Л.Н. Нежинский. Больше вопросов нет. Спасибо большое, Георгий Васильевич.

Кто хотел бы очень кратко высказаться по поводу услышанного?

А.К. Соколов. Георгий Васильевич очень хорошо осветил неизвестные нам страницы истории, и мы с удовольствием все это выслушали. Качество доклада очень высокое.

Л.Н. Нежинский. Присоединяюсь.

Г.В. Мелихов. Я надеюсь, что вы скоро сможете прочитать все это. Выйдет маленькая книжечка.

Л.Н. Нежинский. Вот это очень важно. Я хотел бы присоединиться к тому, что сказал Андрей Константинович, только чуть-чуть развернуть эту мысль: не только поблагодарить докладчи-

ка, но и обязательно просить его не ослаблять усилий для публикации этого материала и, может быть, с некоторым расширением в плане вопросов, которые я Вам задавал, потому что этот период был очень своеобразный, драматичный с нескольких сторон, и не только со стороны СССР и Китая и китайского руководства, особенно, как вы знаете, после смерти Сунь Ятсена, когда начал менять свою линию Чан Кайши, и со стороны рядом находившейся Внешней Монголии, которая была в очень тесном союзе с московским руководством, где тоже все было очень не просто. И проблема взаимоотношений этих трех стран с Китаем (не только с Внутренней Монголией, но и с центральным правительством) стояла очень остро все эти годы. И, наконец, со стороны советского руководства, которое вело даже не двойственную, а скорее какую-то тройственную линию в отношении Китая, в отношении тех сил, которые поддерживали в это время Чан Кайши, потому что, с одной стороны, все-таки оглядывались – как быть с Монголией, которую не хотели не только потерять, а прямо-таки считали своим оплотом в этом районе Азии и на Дальнем Востоке, примером которому должны, мол, следовать другие страны-соседи. Это первое.

С другой стороны, очень осторожную линию вели и в отношении центрального пекинского правительства, потому что в Северном походе, которому противостояла эта дивизия, СССР все-таки немало и помогал Чан Кайши как главному инициатору этого похода. Помогали и материально, и командирами, и техникой. У нас были специальные постановления Политбюро: срочно организовать особые курсы подготовки китайских военных специалистов в Москве и некоторых других городах, на два-три месяца, с немедленной отправкой их в действующую армию Китая. Вот как реагировали! И такое было.

А с третьей стороны, через Коминтерн не ослабляли внимания по поводу событий в Китае, настойчиво продвигали линию, что в Китае процесс национально-демократической революции заканчивается и пора продвигать китайских коммунистов к подготовке китайской революции в китайских условиях, на китайский манер и т.д. (Об этом уже опубликованы документы.)

И об этом становилось известно. Ведь Чан Кайши в ярость приходил от этого, когда узнавал об этом. И, кстати, это была одна из причин, отчего в 1927 г. фактически он разорвал отношения с советским правительством, а в 1929 г. дело дошло до прямого военного столкновения между китайскими военными отрядами и частями нашей Дальневосточной армии... Вот ведь до чего дело дошло!

И в этом контексте – положение и действия этой дивизии, фактически не только дивизии, а в значительной мере всего слоя

русской эмиграции, которая находилась в Китае. И роль ее была далеко не последней в развитии внутривосточных событий.

Они, между прочим, хорошо поглядывали на позицию Вашингтона, на позицию Парижа, на позицию Лондона в отношении Китая. И даже сегодня появляются документы, особенно в виде переписки зарубежных дипломатов, бывших тогда послами и посланниками, которые уже прямо пишут, что они активно эти страны нацеливали: “Вот вы имейте в виду – да, Чан Кайши хорошо, но надо делать так, чтобы Советская Россия сюда вошла так, что потом никогда не выйдет”. Понимаете? Вот какой тут клубок проблем.

Мы Вас благодарим сердечно за очень непростое выступление на нестандартную тему, желаем всяческих успехов, чтобы эту работу завершить то ли в виде брошюры, то ли в виде статьи. Мы хотим Вам пожелать подготовить такой труд, который с очень большим интересом будет встречен нашей российской научной общественностью.

Г.М. Мелихов. Я хочу в этой книге показать, как на этой русской дивизии переплетались интересы всех заинтересованных сторон. Она была в Шанхае, она была в Тяньцзине, она была в Пекине. И везде там были дипломатические представительства иностранных держав.

Особенно интересна активная роль Японии и Советского Союза, который буквально скрежетал зубами по поводу действий этой дивизии.

О.В. Будницкий

КОЛЧАКОВСКОЕ ЗОЛОТО: КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ*

Судьба так называемого “колчаковского золота”, т.е. части золотого запаса бывшей Российской империи, которая оказалась под контролем Российского правительства А.В. Колчака, являлась до недавнего времени одной из “загадок истории”.

На протяжении десятилетий вопрос о судьбе “колчаковского золота” волновал историков и финансистов, литераторов и кинематографистов, породив обширную литературу на разных языках. Так, английский писатель Брайан Гарфилд выпустил роман “Колчаковское золото”¹, в котором изобразил поиски нацистами якобы спрятанного где-то в шахте в Сибири золота, а затем борьбу ЦРУ и КГБ за колчаковские сокровища. Другой британец – историк Джонатан Смил посвятил проблеме “колчаковского золота” обширную статью под названием “Золото белых: золотой запас Российской империи на антибольшевистском Востоке”, в которой назвал историю колчаковского золота “незавершенной главой” русской гражданской войны².

В 1990-е годы на страницах российской печати появилось множество публикаций о царском и “колчаковском золоте”, которое якобы находится до сих пор в английских и японских банках и при помощи которого Россия сможет погасить свой внешний долг. “Кладоискатели” уже подсчитали, что, учитывая набежавшие проценты, стоимость золота составит круглую сумму в 100 миллиардов долларов³. Еще в 1929 г. парижская газета “Возрождение” писала, что, по слухам, золото, не попавшее в руки большевиков, было разделено на четыре части и где-то в Сибири зарыт клад в 20 млн золотых рублей⁴. Сообщения об экспедициях, время от времени отправляющихся на поиски “золотой шахты” или чего-то подобного, до сих пор появляются на страницах газет.

Разумеется, человеку, мало-мальски знакомому с историей русской гражданской войны и русской эмиграции, на ум сразу приходит несложная мысль о том, что, вероятно, Колчаковское “наследие” было потрачено на поддержку Белого движения (оно ведь продолжалось еще год после падения Колчака) и затем на помощь в расселении беженцев, содержание дипломатических

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 24 февраля 2004 г.

учреждений, деятельность благотворительных организаций за рубежом. Однако одно дело – предполагать, другое – знать.

Чем же объяснялось отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о судьбе колчаковских денег и в печати, и в российских архивах? Дело было в том, что финансовые документы, это “тайное тайных” российской “дипломатии в изгнании”, лица, причастные к хранению и расходованию казенных сумм, передавали в архивы довольно поздно, причем в архивы, находящиеся как можно дальше от Москвы. Ведь деньги, как мы увидим из дальнейшего изложения, тратились на протяжении достаточно долгого времени. В Русский заграничный исторический архив в Праге практически никаких документов, относящихся к деятельности эмигрантских финансистов, передано не было. Да и позднее лица, причастные к хранению и расходованию государственных средств, стремились сохранить их подальше от любопытных глаз.

Документы, отложившиеся в коллекциях (фондах) российских дипломатических учреждений, в личных фондах российских дипломатов и финансистов в Бахметевском и Гуверовском архивах (США) и Русском архиве в Лидсе, позволяют выяснить судьбу средств, полученных в результате продаж “колчаковского золота” и “золотых займов”.

В ряде публикаций, основанных на указанных выше материалах, мы проследили судьбу “колчаковского золота” и некоторых других российских казенных средств, оказавшихся за рубежом⁵. В настоящей статье речь идет о “последней главе” в истории денег, имевших своим происхождением колчаковские займы (1940–1957). Хронологические рамки статьи определяются, с одной стороны, оккупацией Парижа нацистами в июне 1940 г., с другой – смертью бывшего российского посла в Париже и председателя Совета российских послов В.А. Маклакова (1869–1957), последнего известного нам распорядителя казенных средств.

Сначала – краткая “предыстория”.

Всего в распоряжении Колчака оказалось, по разным данным, ценностей на 651 (по другим сведениям – 645) млн золотых рублей (\$ 332 915 653)⁶. Физически это были 30 653 пуда (490 тонн 448 кг) золота в монете и слитках и 2000 пудов лигатурного золота и серебра различной пробы⁷. После падения правительства Колчака большая часть золота – на сумму 409 620 000 золотых рублей вновь попала в руки к большевикам. Остальное, за исключением захваченного в октябре 1919 г. атаманом Г.М. Семеновым золота на 43,5 млн зол. руб. и похищенных в январе 1920 г. 13 ящиков, содержавших золото на 780 тыс. руб.⁸, было продано за границу или депонировано в заграничных банках в качестве

обеспечения займов. Продано было 3232 пуда золота на общую сумму \$ 35 186 145, депонировано – 6002 пудов на сумму \$ 65 342 940. В обеспечение японского кредита на 30 000 000 иен было депонировано золота на сумму \$ 16 330 291, под заем у синдиката англо-американских банков (Киддер, Пибоди и Ко и Бэринг Бразерс) – на \$ 46 835 277 и на \$ 2 177 372 под покупку в США винтовок и пулеметов⁹. Заметим, что два золотых рубля в то время были эквивалентны одному доллару, а иена обменивалась на рубль один к одному.

Накануне падения колчаковского режима министр финансов Российского правительства П.А. Бурышкин распорядился перевести казенные суммы, находившиеся за границей, на личные счета российских финансовых агентов в Японии, США и Великобритании – К.К. Миллера, С.А. Угета и К.Е. Замена соответственно¹⁰. Бурышкин опасался, что средства несуществующего правительства будут конфискованы или заморожены.

Что стало с немалыми суммами, оказавшимися на счетах различных финансистов за границей? Ведь правительство адмирала А.В. Колчака пало в январе 1920 г., так и не успев потратить причитавшиеся ему миллионы фунтов стерлингов, долларов и иен. Сведения, добытые большевиками в колчаковских архивах, были представлены ими на конференции в Генуе в меморандуме, озаглавленном “Претензии Советского государства к странам, ответственным за интервенцию и блокаду” и распространенном 8 мая 1922 г. По подсчетам эксперта советской делегации проф. Н.Н. Любимова на счетах колчаковских финансистов в разных странах находились на июль 1920 г. в различной валюте суммы, эквивалентные 60 млн зол. руб. “Возврат этого золота со счетов частных лиц, не представляющих никакого правительства, явится лишь запоздалым актом справедливости”, – говорилось в меморандуме¹¹.

На самом деле “возврат” золота был невозможен не только по политическим причинам: львиная доля вырученных денег пошла на снабжение белого движения. Оставшаяся часть оказалась под контролем Совета (Совещания) российских послов в Париже¹², сформировавшего специально для распределения казенных денег Финансовый совет, финансового агента (атташе) в Токио К.К. Миллера (перебравшегося в 1922 г. в Париж), а также посла в Вашингтоне Б.А. Бахметева и финансового агента в США С.А. Угета. Большая часть денег была потрачена в первой половине 1920-х годов на нужды российской эмиграции и содержание дипломатических представительств; однако некоторая их часть была вложена в акции и векселя Лондонского для восточной торговли банка (London & Eastern Trade Bank), британского банка

преимущественно с русским капиталом и русским менеджментом с тем, чтобы эти средства (“Национальный фонд”) сохранить для правительства будущей антибольшевистской России. Другая часть, находившаяся под контролем финансовых агентов, тратилась весьма осторожно и по согласованию с Советом послов. Впрочем, приблизительно в 1925 г. “американские” деньги кончились и реально можно было рассчитывать лишь на средства в распоряжении К.К. Миллера и его заместителя А.А. Никольского, бывшего директора Кредитной канцелярии Министерства финансов колчаковского правительства. Во второй половине 1920–1930-х годов финансисты продолжали выделять средства, хотя в существенно сократившихся масштабах, на поддержку остатков дипломатической организации и некоторые неотложные нужды эмиграции.

В годы Второй мировой войны лица, ответственные за расходование казенных денег, начали буквально вымирать. В 1942 г. умер контролер, бывший член Государственной думы Н.В. Савич, в 1943 – бывший министр финансов деникинского и врангелевского правительств М.В. Бернацкий и К.К. Миллер. Однако средства, находившиеся в распоряжении последнего, остались в целостности и сохранности, ибо, как выяснилось впоследствии, осторожный финансист хранил их не во Франции, а в Англии (London & East Trade Bank) и США (American Chemical Bank).

В Париже единственным членом Совещания послов остался 75-летний Маклаков. Он решил кооптировать в состав Совещания трех новых членов взамен выбывших. “Следуя традиции обеих коллегий (послов и финансовых агентов. – *О.Б.*) не разглашать условий хранения перед посторонними лицами, я обращаюсь к тем, кто в большей или меньшей степени уже раньше были поставлены в курс вопросов хранения, – и этим письмом прошу Вас, в качестве одного из них, не отказать мне в Вашем содействии”, – писал Маклаков приглашаемым 1 февраля 1944¹³.

Нам известны имена двух лиц, пополнивших Совещание, – это были барон Б.Э. Нольде, принимавший некогда участие в обсуждении вопроса о способе хранения государственных средств, позволившем бы скрыть их от докучливых кредиторов и советских агентов, и Г.Л. Нобель, являвшийся председателем Совета директоров того самого банка в Лондоне, в котором и была “спрятана” значительная часть этих средств. Пикантность ситуации, правда, заключалась в том, что Нобель был шведским подданным. Впрочем, это не смутило ни его, ни Маклакова. Каких-либо данных о приглашении третьего лица в состав Совета послов в “розовой папке”, содержащей переписку по этому деликатному вопросу, не имеется.

“На обязанности Совещания послов, – писал Маклаков своим новым коллегам, – лежала задача не только о сохранности государственных средств и возвращении того, что от них останется, законной власти в России, но и об ограждении или произвольном расходовании их. В виду исключительных условий настоящего времени, перерыва сношений между Францией и другими государствами, кончины наиболее осведомленных членов коллегии и т.п., многое в настоящем положении дела мне самому неизвестно; но я могу указать те пути, на которых все может быть приведено в полную ясность”¹⁴.

Маклаков сообщал, что после смерти Миллера все счетоводство, которое велось покойным совместно со своим заместителем Никольским, и документы находятся у его дочери Е.К. Бражниковой, получившей от своего отца инструкции передать их Никольскому. Любопытно, что часть документов, по словам Маклакова, “относящихся к прежнему времени”, осталась в “нескольких сундуках” на прежней квартире Миллера¹⁵.

Проблема, однако же, заключалась в том, что Никольский жил в провинции, сначала в Ренне, затем в Пуатье, а после освобождения Франции исчез, возможно, опасаясь вполне вероятных репрессий за свою службу на предприятии, которое работало на германскую оборону. Между тем в США казенные деньги хранились на совместном счету Миллера и Никольского.

После освобождения Парижа от нацистов восстановились связи с Англией, в том числе с еще одним хранителем государственных средств, правда, замороженных в бумагах Eastbank’a, В.И. Новицким. Новицкий в прошлом был представителем Министерства финансов в США, а в 1919 г. несколько месяцев – заместителем министра финансов колчаковского правительства. С 1924 г., уйдя с государственной службы, он вошел в число директоров уже известного нам лондонского банка. В 1940 г. банк еще вполне сводил концы с концами, хотя и не относился к явно преуспевающим. Председателем совета директоров банка был Г.Л. Нобель, в число директоров входили С.А. Шателен, бывший некогда товарищем (заместителем) министра финансов Российской империи, и Новицкий¹⁶. Тот же состав фигурирует и в банковском справочнике на 1945/46 г. Решающий удар по банку нанесла война. Вслед за балансом банка в справочнике на 1946/47 г. следовало весьма неприятное примечание – не менее четверти его вложений (132 707 ф. ст.) приходилось на страны Восточной и Центральной Европы. Трудно предположить, что сколько-нибудь значительные суммы вернулись из-за “железного занавеса”. На 31 октября 1945 г. председателем совета директоров был все еще Нобель, а одним из директоров – Новицкий. В 1946 г. акции

банка, в том числе “казенная доля”, были проданы, и он перешел в руки новых владельцев¹⁷.

Поскольку со смертью Миллера прекратились ассигнования “за счет русских средств” на возглавлявшийся Маклаковым Офис по делам русских беженцев, а где находился Никольский, было неизвестно, Новицкий решил, по соглашению с дочерью Миллера, “поставить” в распоряжение бывшего посла 144 000 франков (72 000 за свой счет и 72 000 авансом за счет сумм Никольского) из расчета 6000 франков в месяц до 1 июня 1947. Эти деньги выделялись в дополнение к суммам, получаемым Офисом от французского правительства. Новицкий надеялся, что за этот двухлетний срок Никольский объявится и “сможет освободить суммы, полученные им по наследству от К.К. Миллера и временно блокированные из-за формальностей введения наследства и запрещения перевода валюты из одной страны в другую”. Кроме того, Новицкий передал Маклакову еще 20 000 франков “на покрытие разных нужд русской эмиграции” по его усмотрению¹⁸.

Никольский нашелся гораздо раньше. 26 ноября 1945 г. Маклаков уведомил Нобеля, что “после возвращения в Париж А.А. Никольского, он, согласно обязательства своего от 17-го февраля 1928 г., вручил В.И. Новицкому письма в Американский и Английский Банки, которыми просит Банки перевести его общий с покойным К.К. Миллером счет на такой же общий счет с В.И. Новицким. Точного состояния этих счетов Никольский не указал”¹⁹.

25 июня 1946 г. в Париже состоялось заседание воссозданного Маклаковым Финансового совета. В выписке из протокола, завизированной Маклаковым, приводятся точные данные о миллеровском наследстве:

“Совет выслушал доклад А.А. Никольского о принятии им в управление сумм покойного К.К. Миллера. По последнему отчету, проверенному Н.В. Савичем, на 1 января 1940 г. состояло текущих счетов и процентных бумаг:

в долларах – 123 524,20
фунтах стерлингов – 17 202 86
швейц. франках – 1 165,80
франц. франках – 139 830,55
иенах – 3 243,07

Из отчета, составленного дочерью К.К. Миллера, – Е.К. Бражниковой, видно, что за время с 1 января 1940 г. по 1 июня 1946 г. израсходовано свыше 2-х миллионов французских франков на содержание Центрального Офиса русских эмигрантов и других учреждений и на благотворительные траты”²⁰.

В январе 1940 г. соотношение доллара к франку было равно 43,8 франка за 1 доллар. В 1941–1944 гг. франк не котировался. Средний обменный курс в 1945 г. составлял 49,72 франка за один доллар. В 1946 г. франк резко упал – до 119,3 за доллар. Очевидно, что за первые пять месяцев 1946 г. была израсходована меньшая часть упомянутых в протоколе двух миллионов франков, и если принять средний обменный курс за 50 франков за доллар, получается, что в твердой валюте за указанный период было израсходовано около 40 тыс. долларов. Так что кое-что еще осталось.

Новицкий доложил о состоянии своих счетов в связи с продажей принадлежавших казне акций London & Eastern Trade Bank. К сожалению, точная цифра в протоколе не названа, но, по расчетам Новицкого, “вырученной от продажи суммы, при наибольшей экономии в расходовании”, должно было хватить “примерно на 5 лет”. “Все остальные средства, размер расходования которых виден из отчета о финансовой деятельности Совещания послов, в настоящее время израсходованы”, – констатировали участники заседания²¹.

Три года спустя Финансовый совет на заседании 18 октября 1948 г. заслушал письмо бывшего российского представителя в Англии, а затем многолетнего хозяина “Русского дома”, центра русской эмигрантской общины в Лондоне, Е.В. Саблина к А.А. Никольскому “об ассигновании ему ежемесячно 50 фунтов ввиду дороговизны жизни, его болезненного состояния и исполнившихся 50 лет его службы в дипломатическом ведомстве”²².

Новицкий проинформировал Совет, что “по состоянию своих счетов он вопреки своим предположениям, высказанным в заседании Финансового совета от 25 июня 1946 г. с 1 января 1949 г., не может более поддерживать Е.В. С[аблина]” из находящихся у него на хранении сумм. Учитывая, что “прекращение помощи Е.В. [Саблину] произвело бы на русскую колонию в Лондоне очень тяжелое впечатление”, Совет постановил “ассигновать Е.В. [Саблину] ввиду его болезненного состояния просимую им сумму с 1 января 1949 г. до окончания года”, одновременно предупредив Саблина, что “эта ассигновка не предreshает дальнейшего”²³. “Дальнейшее” не потребовалось, ибо Саблин умер 2 мая 1949 г. За год до него умер еще один из “посвященных” – барон Б.Э. Нольде.

Вопрос о доступности казенных денег в случае смерти их хранителей стал более чем актуальным. Постановлением от 26 апреля 1948 г. Финансовый совет возложил на “хранителей” “обязанность принять все меры к тому, чтобы в случае смерти кого-либо из них не произошло смешения сумм фонда с их личным иму-

ществом и чтобы было устранено всякое вмешательство их наследников или кредиторов, а равно всякие претензии со стороны фиска”.

Собственно, “хранитель” теперь был один – Никольский, ибо суммы Новицкого иссякли. Хитроумный Миллер еще при жизни учредил фиктивное акционерное общество, причем главная часть денег Общества беженского фонда стала считаться его собственностью. Акции Общества “на предъявителя” хранились на имя Никольского в Швейцарии. Постановлением от 23 октября 1948 г. было признано целесообразным, чтобы Никольский написал своему нотариусу распоряжение, и в случае его смерти находящиеся у него на хранении акции Общества были переданы другим членам Комитета Общества беженского фонда²⁴.

В связи с “обналичиванием” Национального фонда, Маклаков писал Б.А. Бахметеву:

«Существование наших эмигрантских учреждений переживает острый кризис с самого начала войны и массового вымирания лиц, которые с [19]20-го года ведали этим делом. Ясно, что долго мы существовать не можем, но протянуть еще возможность есть. Сейчас, как Вы, может быть, слышали, идет ликвидация Лондона, который дает некоторую помощь. Но там окажется то, что называется “американская” доля²⁵. Мы с Лондоном в связи и в контакте, они не забывают английских учреждений, но понимают, что у нас нужда больше». После смерти Шателена в управление освободившимися средствами, по-видимому, опять вступил Угет, и Маклакова “просили ходатайствовать в Америке, где, по-видимому, такой острой нужды, какая будет в Европе, нет, чтобы из американской доли была оказана помощь Европе и, в частности, Франции. Для этого здесь создана организация, но без одобрения Америки мы не хотим ни на что посягать, а они считают неудобным давать. Помогите нам получить это согласие, а если нельзя, то лишите нас этой надежды; а то мы здесь на это надемся”²⁶.

Бахметев, не откладывая, переговорил с Угетом, который опять стал “формальным хозяином” “английских интересов”. “Вопрос не слишком простой, – витиевато писал Бахметев, – но я уверен, С.А. [Учет] сделает все возможное в пределах разумного предвидения”²⁷. В результате переговоров Париж–Лондон–Нью-Йорк остатки Национального фонда оказались в распоряжении Маклакова²⁸.

Поздней осенью 1946 г. председатель парижского Земгора Н.С. Долгополов получил от Маклакова уведомление, что жертвователи, пожелавшие остаться неизвестными, готовы выделить 300 тыс. франков на помощь нуждающимся русским детям во

Франции. Маклаков просил его представить смету. Долгополов поспешил передать бывшему послу “проект распределения” средств. Они должны были быть направлены на поддержку русских приютов, интернатов и школ во Франции²⁹.

Далее от Земгора ежегодно поступали просьбы исходатайствовать те или иные суммы у “известных Вам пожертвователей”. Просьбы неизменно удовлетворялись, причем всегда в соответствии с представленными сметами. Очевидно, вопрос о размерах субсидий предварительно согласовывался. Средства шли в основном на помощь детским учреждениям.

В 1948 г. Маклаков передал Земгору 700 тыс. франков, в 1949 г. – 800 тыс., в 1950 г. – 1 млн 325 тыс., в 1951 г. – 1 млн 205 тыс., в 1952 и 1953 гг. – по 1 млн. 440 тыс., в 1954 и 1955 гг. – по 1 млн. 620 тыс.³⁰.

Деньги шли на Русскую гимназию в Париже, детский приют в Вильмуассоне, интернат в Версале, курсы Осоргиной в Париже, детский сад в Ницце, а также на стипендии для нуждающихся студентов, на лечение и летний отдых наиболее ослабевших детей, на общую помощь, на горячие завтраки для особенно нуждающихся детей и т.п., на организационные и административные расходы Земгора и некоторые другие цели.

Долгополов писал Маклакову в начале 1954 г.:

«Позвольте от всей души поблагодарить Вас и просить Вас передать пожелавшим остаться неизвестными жертвователям нашу горячую благодарность за полученный через Вас дар в сумме 820 000 франков (это была первая половина суммы, переведенной в 1954 г.) для помощи русским детским учреждениям во Франции, отдельным нуждающимся детям, а также на организационные расходы Земско-Городского Комитета.

Помощь нуждающимся детям и русским учреждениям, в которых дети или воспитываются или продолжают свое учение – общее или специально русских предметов – приносит свою громадную пользу нуждающимся семьям и помогает детям сохранять свою “русскость”.

Вся помощь, которую делает возможной дар известных Вам жертвователей, имеет чрезвычайно существенное значение для русской эмиграции во Франции, и мы приносим за нее нашу глубокую и сердечную благодарность»³¹.

Заметим, что субсидии “неизвестных жертвователей” были, разумеется, не единственным источником доходов Земгора. Серьезную помощь оказывали, в частности, французские благотворительные организации. Так, в одном из писем Долгополов упоминает о получении от французских организаций средств на стипендии для русских студентов по 12–15 тыс. франков в месяц

и одновременно о внесении ими платы за обучение русских студентов на юридическом факультете (90–100 тыс. фр. в год)³².

В последнем из сохранившихся писем Маклакова председателю Земгора, он сообщал, что от лиц, “пожелавшими остаться неизвестными”, в распоряжение Земгора на 1956 г. поступило 1 880 000 фр., т.е. именно та сумма, которую запрашивал Долгополов.

Любопытно, что Долгополов запросил дополнительные ассигнования уже в ходе “финансового года” на распределение “американских продовольственных излишков”. Американские продовольственные излишки – продуктовые посылки – доставлялись во Францию за счет американского правительства и распределялись среди организаций помощи нуждающимся, госпиталей, домов престарелых и т.п. Земгор и запрашивал на эту работу – рассылку писем, доставку посылок и пр. – дополнительное финансирование. В 1955 г. Земгор, к примеру, распределял около 3 тыс. индивидуальных и семейных посылок.

«Предпринятую Вами новую операцию по распределению, выдаче и рассылке т. наз. “американских продовольственных излишков” жертвователи всячески одобряют, но, – кротко писал Маклаков, – высказывают пожелание, чтобы на будущее время Земгор, предпринимая новую операцию, для осуществления которой он рассчитывает на дополнительную финансовую помощь жертвователей, предварительно уведомлял об этих планах»³³.

Другой эмигрантской организацией, которой Маклаков передавал средства, поступавшие от “лиц, пожелавших остаться неизвестными”, было Российское общество Красного Креста (РОКК). Переписка Маклакова с председательницей РОКК графиней Софьей Шуваловой и его генеральным секретарем Н.Г. Елисеевым, очевидно, сохранилась не полностью. Тем не менее ясно, что порядок сумм, передаваемых Красному Кресту, был примерно таким же, как Земгору.

В 1948 г. Красный Крест получил 600 тыс. франков; средства были перечислены различным организациям, а также пошли на административные и организационные расходы РОКК. Распределение средств выглядело следующим образом (суммы во франках):

- 1) Общество “Православное дело” – 25 000;
- 2) Общество “Русский дом” в Антибе – 25 000;
- 3) “Русский комитет помощи” в Париже – 30 000;
- 4) Комитет Р.О.К.К. в Ницце – 35 000;
- 5) Православное Братство Св. В[еликомученицы] Анастасии в Ментоне – 20 000;
- 6) Союз русских военных инвалидов во Франции – 15 000;

- 7) Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны – 5 000;
- 8) Амбулатория Р.О.К.К. в Париже;
- 9) “Общество помощи престарелым” в Париже – 25 000;
- 10) Санатории для туберкулезных в Уссу – 80 000;
- 11) Общество “Родина”. Аньер – 20 000;
- 12) Русскому распределительному комитету Нансеновского марочного сбора – 50 000;
- 13) Перечислено на кредит счета административных и организационных расходов Главного Управления Р.О.К.К. с[тарой] о[рганизации] – 240 000³⁴.

В 1952 г. Маклаков передал Красному Кресту “из поступивших пожертвований” 800 тыс. франков, в 1954 г. Главному управлению РОКК было перечислено сначала 900 тыс. (600 000 РОКК и 300 000 Центру помощи русским беженцам во Франции С.М. Зерновой), а затем еще 750 тыс. франков (600 000 РОКК и 150 000 Центру помощи)³⁵. Письмом от 7 октября 1954 г. гр. Шувалова просила увеличить ассигнования на 1955 г. до 1 млн 440 тыс. франков, а С.М. Зернова письмом от 27 сентября – ежемесячные ассигнования на Центр помощи до 25 тыс. франков³⁶. Нет оснований сомневаться, что эти ходатайства были удовлетворены, во всяком случае письмом от 9 февраля 1955 г. генеральный секретарь РОКК Николай Елисеев подтверждал получение 845 000 фр., из которых 720 000 по оговоренным заранее назначениям и 125 000 для Центра Помощи русским беженцам во Франции³⁷. Несомненно, это был первый транш субсидии.

Проект распределения пожертвований на 1956 г., представленный РОКК 3 октября 1955 г., предусматривал следующие статьи расхода:

I. Учреждения для престарелых и больных и индивидуальная помощь.

- 1) Союз русских военных инвалидов во Франции. Дома для инвалидов и индивидуальная помощь – 60 000;
- 2) Союз русских офицеров-инвалидов Великой войны. Общезитие и индивидуальная помощь – 20 000;
- 3) Комитет Р.О. Красного Креста в Ницце. Дом для престарелых и индивидуальная помощь – 60 000;
- 4) Православное братство св. Анастасии в Ментоне. Дом для престарелых и индивидуальная помощь – 60 000;
- 5) Общество “Родина” в Аньере. Дом для престарелых и индивидуальная помощь – 60 000;
- 6) Центр помощи русским беженцам. Дом для детей и индивидуальная помощь – 360 000;
- 7) Дом для престарелых в Шелль – 60 000;

- 8) Амбулатория Р.О.К.К. в Париже. На усиление средств этого учреждения по Оказанию помощи больным – 80 000;
- 9) Комитет помощи туберкулезным и больным. На индивидуальную помощь туберкулезным и больным – 80 000; На оказание [помощи] больным престарелым – 30 000;
- 10) На оказание помощи в экстренных, исключительных случаях – 80 000.

II. На общие административные и организационные расходы Р.О. Красного Креста старой организации – 900 000.

Итого: 1 850 000 франков³⁸.

Ответ не замедлил последовать:

“В ответ на Ваше письмо от 3-го сего октября, имею честь уведомить Вас, что в распоряжение Главного Управления Российского Красного Креста (прежней организации) на 1956 год лицами, пожелавшими остаться неизвестными, ассигнована полностью просимая Вами сумма в 1 850 000 франков”³⁹.

На 1957 г. РОКК запрашивал 1 950 000 франков; смета в основном повторяла прошлогоднюю. Дополнительные 100 тыс. предназначались Комитету Помощи Л.И. Любимовой (60 000) и на административные и хозяйственные расходы Главного управления Красного Креста. Это была последняя смета, утвержденная Маклаковым⁴⁰.

Но кто же были эти “неизвестные жертвователи”? Вряд ли можно сомневаться, что это был сам Маклаков, а источником внезапно пролившихся на российские благотворительные организации благодеяний были остатки Национального фонда.

В сентябре 1949 г. Маклаков писал Бахметеву в ответ на его вопрос о возможности оказания помощи российской общине в Англии:

«Вы интересуетесь так называемым “фондом”. Кое-что еще остается. В сентябре вопрос о помощи для Англии будет обсуждаться. Но это совершенно между нами, как говаривал Гирс⁴¹. Обращение к этому фонду и выдача из него требуют тайны; приходится считаться с последствиями и от удовлетворения их просьбы и от отказа. Денег не много, и нужда в Англии не наибольшая. Те же, кто просят, думают, естественно, прежде всего о себе. Если давать все, что просят, повторится [19]20 год, когда в несколько месяцев было истрачено все, что предполагали на несколько лет. И это причина, почему обращение к частной помощи нормальнее, чем к нам»⁴².

Последние сомнения относительно персонального состава “неизвестных жертвователей” и происхождения их средств развеивает обнаруженный нами среди бумаг Маклакова в Русском ар-

хиве в Лидсе сертификат о регистрации Общества помощи русским беженцам (Society to Aid Russian Refugees, Inc.). Общество было зарегистрировано 25 января 1956 г. в штате Делавэр, США, при посредстве юридической фирмы “Братья Кудерт” (Coudert Bros.), услугами которой многие годы пользовался Бахметев, по адресу 129 South State Street, City of Dover, County of Kent, Delaware. Целью общества была заявлена помощь детям, инвалидам и престарелым из числа русских беженцев. В состав корпорации вошли В.А. Маклаков (президент), А.А. Никольский, В.И. Новицкий, Я.Л. Рубинштейн, Б.С. Сувчинский (секретарь) и А.А. Титов. Общество являлось некоммерческой организацией и не могло выпускать акции.

Несомненно, это была новая форма хранения остатков казенных денег. Хранители были людьми далеко не юными и хотели, очевидно, “институализировать” распределение средств и застраховать их от всякого рода случайностей.

Уже 1 февраля 1956 г. Елисеев выражал “искреннюю благодарность Главного Управления Российского Общества Красного Креста за полученные им от Society to Aid Russian Refugees, Inc. 925 000 франков за первый семестр 1956 года”. Смета на 1956 г. подавалась еще “неизвестным жертвователям”. Дальнейшие переводы денег шли уже со счета Society to Aid Russian Refugees⁴³.

Кроме регулярных субсидий общественным организациям, Маклаков выделял разовую помощь отдельным учреждениям и людям. Так, через Красный Крест “жертвователи” “поручили” ему передать для детского дома “Алуэтт” в Leysin в Швейцарии 1500 швейцарских франков на устройство отопления⁴⁴.

С просьбой выделить деньги на ремонт имения в Монжероне (17 км от Парижа), купленного под детский дом, к нему обратились видная деятельница “Центра помощи” Л.Л. Гарганова (в замужестве Дагьяр) и его председатель С.М. Зернова, поясняя в письме на имя Маклакова: “Это старинная мельница с парком, огородом и тремя большими домами (правила Префектуры требуют, чтобы мальчики и девочки жили под разными крышами)... За 14 лет существования Детского дома в Вильмуассоне... если нам приходилось отказывать принимать детей, то только из-за недостатка мест. В трех новых домах, если нам удастся сделать необходимые работы – мы сможем содержать до 120 детей”.

Интересно, что некогда в Монжероне был замок Анны Ярославны, киевской княжны, выданной замуж в XI в. за французского короля Генриха I. Имение купили за 6 млн франков, хотя просили 12–14 млн. Интересно, что если поначалу эмигранты стремились сохранить “русскость” школ для детей, то теперь

Гарганова и Зернова писали: “Главное преимущество имени – это возможность устроить наших детей во французские школы, т.к. в Вильнев Сен Жорж (1 кил.) есть коммунальные и профессиональные школы, а в самом Монжероне – лицей”⁴⁵.

Не удовольствовавшись официальным посланием, Зернова обратилась к Маклакову с личным письмом:

«Пишу Вам частное письмо. Проснулась сегодня утром и много думала. Я скромно просила у Вас через Красный Крест 500 или 600 тысяч на ремонт дома. Я не хотела через Красный Крест просить больше.

Но мы все ждем от Вас больше. Я жду от Вас миллион! Или 800 тысяч, чтобы 600 пошло в счет отопления и 200 в счет электрической проводки. Я оттого жду от Вас больше, потому что думаю что сейчас мы единственная русская эмигрантская организация, которая опирается на всю (подчеркнуто Маклаковым. – О.Б.) эмиграцию, по грошам собирает деньги с трудовой эмиграции и создает что-то, а не живет просто на чужой счет, т.е. на счет “ИРО” или Америки. Из Америки мы ничего не получаем, т.к. где есть большие деньги, там сейчас же крепко прицепляются те организации, которые верят в силу денег только, а не создают дело, веря в силу добра и человеческой жертвенности. (Подчеркнуто Маклаковым, возможно, последняя фраза задела его “толстовские” чувства. – О.Б.) Мы купили дом и выплатили за него все, теперь нам надо поднять большое русское дело, и это не наша организация, а Ваша организация тоже, т.к. это для всех наших общих детей! Простите, что пишу Вам опять, но очень хотела Вам все это сказать.

Искренно Ваша София Зернова»⁴⁶.

К сожалению, нам не удалось обнаружить документы о дальнейшем развитии событий, но если Зернова и не получила искомый миллион, то в том, что финансовая помощь была оказана, вред ли можно сомневаться.

Летом 1954 г. Маклаков прислал Е.Д. Кусковой, своей многолетней корреспондентке, обосновавшейся после различных мытарств вместе с мужем (в 1954 г. уже смертельно больным) – С.Н. Прокоповичем в Женеве, “из каких-то остатних фондов 500 швейцарских франков”⁴⁷.

Видимо, последнее ассигнование, утвержденное Маклаковым, было адресовано Объединению сестер милосердия Российского Общества Красного Креста на ремонт помещения, в которое перебирались шестеро сестер из прежнего здания, откуда их выселяли по суду. Объединению требовалось 400 тыс. франков – 2500 фр. на ремонт и 150 000 – на покрытие издержек по судебным процессам.

В письме Маклакову от 7 марта 1957 г. председательница Объединения Александра Вадимовна Романова, в частности, писала:

“Основанное в 1933 году Объединение Сестер Милосердия в течение 24 лет оказывало поддержку своим членам, русским сестрам милосердия, рассеянным по всем странам, собирая на это средства и никогда не обращаясь к благотворительным организациям за помощью.

В настоящее время Объединение переживает трудное время. В 1936 году было открыто Общежитие сестер милосердия, где поселились 10 сестер милосердия, и было организовано Бюро труда, предоставляющее работу своим членам.

В сентябре 1954 г. дом, где находилось Общежитие, был продан, и новые владельцы потребовали его немедленного освобождения. Ввиду невозможности найти помещение, пришлось вести судебные процессы, благодаря которым удалось сохранить дом до настоящего времени. Расходы по ведению процессов за это время выразились в сумме 250 000 франков. Полученные на эти расходы пожертвования достигли суммы в 100 000 фр.”⁴⁸.

Уже через пять дней Маклаков сообщал, что необходимую сумму в 400 000 фр. Романовой передаст А.А. Никольский⁴⁹. Никольский, перебравшийся в Швейцарию, регулярно привозил Маклакову деньги на содержание эмигрантского Офиса и другие нужды. Последнее упоминание о получении Маклаковым 200 тыс. франков (около 570 долларов) относится к марту 1957 г. 15 июля 1957 г. “парижский губернатор” скончался на 89-м году жизни. Последние хранители государственных средств В.И. Новицкий и А.А. Никольский умерли оба в 1968 г. Новицкий – на Мальте в 78-летнем возрасте (похоронен в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа), Никольский – в Женеве на 86-м году жизни.

Итак, к середине 1950-х гг. деньги, имевшие своим происхождением колчаковские “золотые займы”, были практически израсходованы. Если у Никольского еще и оставались какие-то средства, то они, несомненно, были весьма незначительны и, столь же несомненно, были потрачены на нужды русской эмиграции. Таким образом, “незавершенную главу” в истории русской Гражданской войны следует считать дописанной, а загадку “колчаковского золота”, волновавшую современников и потомков на протяжении более 80 лет, – более не существующей.

Вряд ли получатели субсидий из маклаковских “остатных фондов” подозревали, что их первоисточник – золотые слитки, некогда хранившиеся в подвалах Госбанка далекого сибирского городка.

- 1 *Garfield B. Kolchak's Gold*. L.; M., 1974.
- 2 *Smele J.D. White Gold: The Imperial Russian Gold Reserve in the Anti-Bolshevik East, 1918 –?* (An Unconcluded Chapter in the History of the Russian Civil War) // *Europe-Asia Studies*. 1994. N 8. P. 1317–1347.
- 3 Критику этих взглядов см. в наших публикациях: 1) Япония и российское золото // *Независимая газета*. 2000. 7 октября; 2) Письмо в редакцию // *Коммерсант-Власть*. 2001. 27 февраля. С. 63–64; 3) *Мираж золотой* // *Родина*. 2001. № 3. С. 69–74.
- 4 Золото адм. Колчака // *Возрождение*. 1929. 21 сентября и 1 октября.
- 5 *Будницкий О.В.* 1) *Дипломаты и деньги*. Статья первая: “Колчаковское золото” // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; СПб., 2002. Вып. IV. С. 457–508; 2) *Дипломаты и деньги*. Статья вторая: *Национальный фонд* // *Диаспора: Новые материалы*. Париж; СПб., 2003. Вып. V. С. 283–334; 3) *Деньги для “белого дела”* // *Исторические записки*. М., 2004. Т. 7(125). С. 57–85.
- 6 *Хроника гражданской войны и изгнания в Сибири: Дневники Петра Васильевича Вологодского, 1918–1925*. Stanford, 2002. Т. 1. С. 251–252.
- 7 *Новицкий В.И.* *Судьба русского золотого запаса* // *The Russian Economist / Русский экономист*. London, 1921. Vol. I, № 3. January. С. 508.
- 8 “Золотой эшелон”: (Возвращение золотого запаса РСФСР. Март–май 1920 г.) / Публ. А.П. Кладта, В.А. Кондратьева // *Исторический архив*. 1961. № 1. С. 23, 42, 44–45.
- 9 *Новицкий В.И.* Указ. соч. С. 509–510.
- 10 *Бурышкин – Миллеру (российское посольство, Токио), Угету (Нью-Йорк), Финогенову, Замену (российское посольство, Лондон)*. 25/ХП. 1919. № 929 // *Последние дни колчаковщины*. М.; Л., 1926. С. 162. Копия аналогичной телеграммы Угету, датированной 29.12.1919 (на фр. яз.), находится в Hoover Institution Archives, Stanford University (Stanford, California) (далее – НИА), Russia. Posol'stvo (U.S.), Box 52. Folder 8.
- 11 *Документы внешней политики СССР*. М., 1961. Т. V. С. 309–310.
- 12 *О Совете послов см.: Будницкий О.В.* “Пронунциamento” трех чиновников Министерства иностранных дел: (К истории возникновения Совета российских послов в Париже) // *Зарубежная Россия 1917–1939*. СПб., 2003. Кн. 2. С. 9–18.
- 13 “Циркулярное” письмо В.А. Маклакова от 1 февраля 1944 // *Leeds Russian Archive* (далее – LRA). Zemgor Collection.
- 14 Там же.
- 15 “Циркулярное” письмо и письмо Маклакова Г.Л. Нобелю от 27 декабря 1944 // Там же.
- 16 *The Bankers' Almanac and Year Book for 1940–41* (Thomas Skinner & Co: London, 1940). P. 117.
- 17 См.: *The Bankers' Almanac and Year Book for 1945–46, 1946–47 и 1947–48*.
- 18 *В.И. Новицкий – В.А. Маклакову, 20 мая 1945* // LRA. Zemgor Collection.
- 19 *В.А. Маклаков – Г.Л. Нобелю, 26 ноября 1945* // Там же.
- 20 LRA. Zemgor Collection.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 При создании “Национального фонда” часть денег была внесена российскими финансистами в США, часть – “европейцами”. Говоря об “американской доле”, Маклаков имел в виду деньги, полученные после продажи акций лондонского банка и числившиеся за Бахметевым и Угетом.

- 26 В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву, 16 сентября [1946] // “Совершенно лично и доверительно!” М.; Стэнфорд, 2002. Т. 3. С. 523.
- 27 Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову, 26.9.[19]46 // Там же. С. 524.
- 28 Б.А. Бахметев – В.А. Маклакову, 8 апреля 1947 // Там же. С. 526.
- 29 Н.С. Долгополов – В.А. Маклакову, 19 ноября // LRA. Zemor Collection.
- 30 См. письма Долгополова Маклакову от 21 января 1949, 10 октября 1950, 16 октября 1951, 10 октября 1952, 24 сентября 1953, 10 июля 1954, 1 октября 1955, 21 октября 1956 // Там же.
- 31 Н.С. Долгополов – В.А. Маклакову, 22 февраля 1954 // Там же.
- 32 Н.С. Долгополов – В.А. Маклакову, 24 сентября 1954 // Там же.
- 33 В.А. Маклаков – Н.С. Долгополову, 7 октября 1956 // Там же.
- 34 “Отчетные сведения в израсходовании поступивших в 1948 году пожертвованных в сумме 600 000 фр.” от января 1949 г. // Там же.
- 35 С. Шувалова – В.А. Маклакову, 18 марта 1952, 8 февраля и 22 июня 1954 // Там же.
- 36 Там же.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 В.А. Маклаков – Н.Г. Елисееву, 7 октября 1955 // Там же.
- 40 Н.Г. Елисееву – В.А. Маклакову, 2 октября 1956; В.А. Маклаков – Н.Г. Елисееву, 10 октября 1956 // Там же.
- 41 М.Н. Гирс – российский посол в Италии, в 1921–1932 гг. председатель Совета российских послов в Париже.
- 42 В.А. Маклаков – Б.А. Бахметеву, 19 сентября 1949 // “Совершенно лично и доверительно!”. Т. 3. С. 557.
- 43 Н.Г. Елисеев – В.А. Маклакову, 1 февраля 1956 и 20 марта 1957, с благодарностью за перечисление 975 тыс. франков // LRA. Zemor Collection.
- 44 В.А. Маклаков – Н.Г. Елисееву, 10 октября 1956 // Там же.
- 45 Л. Гарганова, С. Зернова – В.А. Маклакову, 31 августа 1955 // Там же.
- 46 С. Зернова – В.А. Маклакову, 1 октября 1953 // Там же.
- 47 Л.О. Дан – Б.И. Элькину, 13 сентября 1954 // Oxford University, Bodleian Library, Manuscript Division, Boris Elkin Collection. P. 60.
- 48 А.В. Романова – В.А. Маклакову, 7 марта 1957 // LRA. Zemor Collection.
- 49 В.А. Маклаков – А.В. Романовой, 12 марта 1956 // Там же. Здесь же находится благодарственное письмо Романовой от 14 марта 1956 г.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Д.Н. Нежинский. Скажите, пожалуйста, а к какой-нибудь части золота чехословацкое правительство имело отношение?

О.В. Будницкий. Никаких документов на эту тему нет. Все отправки или траты золота задокументированы. Была единственная пропажа, когда в момент эвакуации колчаковского правительства пропало 13 ящиков (780 тыс. золотых рублей). Никаких следов перевода чехословакам не сохранилось и “сведения” о том, что “Легио-банк” в Праге основан на российском золоте – это миф. На эту тему есть огромная переписка, но там нет ни одного документа, где бы об этом упоминалось.

В.Д. Есаков. Каково соотношение понятий “колчаковское золото” и “золотой эшелон”?

О.В. Будницкий. Если говорить о всех книгах, фильмах и т.д., то это, конечно, художественный вымысел. Проблема с эшелонами была другого порядка. Золото было в Омске, т.е. в центре Сибири, а реально продать золото можно было во Владивостоке. Там были отделения иностранных банков, так как в России была запрещена до революции деятельность иностранных банков. Был только “Лионский кредит” и в 1916 г. открылось отделение Банка Нью-Йорка. В эпоху безвластия во Владивостоке возникло 7 или 8 отделений крупных заграничных банков. Время было очень выгодное для того, чтобы получить какие-то преимущества и заработать. Российские финансисты этим воспользовались в своих интересах. Они устроили соревнование между банками за право купить золото.

Итак, надо было доставить золото во Владивосток. Вокруг было полно бандитов, красные партизаны, атаман Семенов. Военный министр, с которым говорил Никольский о том, как сопровождать “золотой поезд” во Владивосток, заявил, что он сильной охраны ему не даст вообще, а снарядит с ним взвод английских солдат. На них напасть не решатся. Тогда прошел первый золотой эшелон. Потом было еще два. Один эшелон Семенов захватил. 43,5 миллиона золотых рублей он перехватил в Чите, и они были потрачены по его распоряжению.

Вопрос с места. В Бахметевском архиве Вы имели доступ к финансовым документам?

О.В. Будницкий. Да, имел. Я видел ксерокопии, например роспись займа на 22,5 млн долларов. Там были указаны суммы, на что они потрачены.

Л.Н. Нежинский. У меня есть вопрос.

Летом, в августе 1918 г. для того, чтобы хоть чуть-чуть успокоить немцев, которые продолжали, несмотря на наличие Брестского мирного договора, потихоньку занимать территории тогдашней в том числе и Советской России, было заключено специальное экономическое соглашение – договор между советским и германским правительствами. По этому соглашению советское правительство взяло на себя обязанность компенсировать часть потерь, которые понесли немцы на территории России, включая и национализацию иностранных банков, иностранных владений и т.д., компенсировать в виде денежных сумм. Они не только взяли обязательство, но успели в конце августа и в сентябре 1918 г. перегнать целый эшелон с золотом в Германию. Целый эшелон с золотом! Очень большие суммы по тем временам.

В начале ноября в Германии были крутые перемены – прогнали германского кайзера, рухнула вильгельмовская империя, Германия потерпела поражение в первой мировой войне, она подписала акт о капитуляции. Этим воспользовались, насколько выяснили исследователи, французы, которые сумели значительную часть этого золота, которое переехало в Германию, взять себе, захватить его. И дальше – полная темнота. Куда исчезло это золото?

По Вашим документам нигде не переплетались суммы этого крупнейшего золотого эшелона с тем, о чем мы говорили уже по линии Колчака и т.д.?

О.В. Будницкий. Это отдельная история, хотя наши представители были бы не против, чтобы обнаружить золото, оказавшееся в подвалах французского банка на общую сумму (сведения тут расходятся) от 122 до 124 млн золотых рублей. Советская Россия отказалась платить по долгам царского и Временного правительств. Я напомню, что Россия осталась должна по итогам Первой мировой войны, довоенного и военного кредитования, более 13 млрд золотых рублей.

Л.Н. Нежинский. В Генеу официально были объявлены такие цифры. Они нам выставили счет на 18,5 млрд золотых рублей, а в ответ советская делегация выставила счет в два раза больший – мол, вы нам в результате Гражданской войны и потерь должны в два раза больше, чем с нас требуете.

О.В. Будницкий. После того как советское правительство отказалось платить по долгам царского и Временного правительств, произошло следующее. Там было свыше 13 млрд золотых рублей долга, главным кредитором являлась Англия (во время войны она дала 568 млн ф.ст.). Франции тоже должны были немало, и на эту тему в 1920-е годы в Париже время от времени велись переговоры с советскими делегациями. В конце концов вопрос так и завис. Французское правительство конфисковало за долги то золото, которое оказалось во Франции после поражения Германии. Видимо, небольшую часть получили англичане, но подавляющее большинство забрали себе французы.

В 1980–1990-е годы Советский Союз, потом Россия решили вернуться к выплате долгов, и там была история в двух сериях. В 1986 г. – нулевой вариант, подписанный Горбачевым и Тэтчер в Лондоне, когда решили взаимно списать эти долги, и 46 млн ф.ст. российских государственных денег, оставшихся на счету в банке Братьев Бэринг (с пяти миллионовросло), были по соглашению обеих сторон пущены на компенсацию компаниям и частным лицам, пострадавшим от последствий революции. Самая крупная выплата составила 900 тыс. ф.ст. одной английской фир-

ме, которая предъявила несколько коробок российских бондов, дореволюционных ценных бумаг, и получила за них 900 тыс. ф.ст., а самая небольшая сумма была уплачена (более трех ф.ст. за неиспользованный билет в Петроградскую оперу, а также там был счет за несколько коробок сардин, за билет на поезд и т.д.) потомкам одного частного лица. Все это было оплачено. Так что долги взаимно списали, и это была первая серия еще в советское время. Вторая серия – это уже 1990-е годы, когда с французами ездил договариваться Черномырдин. Там проблема была тяжелее. Долгов французам было меньше, это были в основном долги мелким держателям. Русские ценные бумаги считались высоконадёжными, высокодоходными, их охотно покупали, и почти весь этот долг – был долг мелким держателям. Там существовало и существует до сих пор Общество держателей русских ценных бумаг. Когда это все пересчитали, получилось, что Россия должна Франции около 400 млн долларов, но реальная покупательная способность тех денег, которые некогда были уплачены за русские ценные бумаги, конечно, превышает 400 млн долларов. Российское правительство перечислило 400 млн долларов, и тему долгов закрыли, в том числе и тему того золота, которое через Германию попало в подвалы Французского Банка.

Французские держатели недовольны решением своего правительства. Они ведут судебные процессы, идет кампания в прессе, время от времени возобновляющаяся, но формально дореволюционные долги ликвидированы.

П.Н. Зырянов. Мы прослушали очень интересный доклад. Мне хотелось бы сделать маленькое уточнение.

Дело в том, что российские деньги, которые были в Соединенных Штатах заказаны не правительством Колчака, а правительством Керенского. Потом они могли попасть и к Колчаку. Это были хорошо напечатанные деньги, потому что в Омске бумаги и краски такой не было, на которой можно было бы деньги печатать. Но Соединенные Штаты сами это дело затянули. А в это время пароход с этими деньгами прибыл во Владивосток, что-то перерешили и отправили его на Гавайские острова.

Дело в том, что так называемые союзники не были заинтересованы в том, чтобы омское правительство имело твердую валюту. На Дальнем Востоке, от остальной Сибири немножко изолированно жили, и там ходил очень широко доллар. Они хотели, чтобы доллар там и утвердился.

Л.Н. Нежинский. Мы имеем все основания поблагодарить доктора наук О.В. Будницкого за очень интересный доклад. Он выходит далеко за рамки конкретно поставленной темы и проблемы, которую мы заслушали. Эта проблема потом тесно переплетает-

лась с целым комплексом проблем экономических взаимоотношений уже Советской России, а потом Советского Союза с другими странами. И по крайней мере на протяжении 1920–1930-х годов это было одной из очень болезненных проблем в построении отношений для Советского правительства.

Поэтому мы можем только пожелать докладчику и дальше работать над этой темой. Лет десять тому назад проблемы, связанные с судьбой российского золота, попытался осветить в своей книге Сироткин. Но к нему был выставлен целый ряд претензий, в том числе и серьезных – насчет источников, методики постановки проблемы, доказательных акцентов, которые он там употребил. Если в стенах нашего Института родится строгая, объективная, нормальная научная монография на эту тему, то мы будем это только приветствовать. Собственно, это и есть оценка Вашего выступления.

М.А. Безнин, Т.М. Димони

АГРАРНЫЙ СТРОЙ РОССИИ В 1930–1980-е ГОДЫ*

Учитывая наличие опубликованных тезисов¹, мы сконцентрируем внимание на некоторых ключевых, на наш взгляд, проблемах, а также ряде новых подходов в характеристике темы, не отраженных в этих тезисах.

В отечественной историографии проблема аграрного устройства колхозного времени связана во многом с характеристикой “социалистичности” экономических и общественных отношений. Определенный вклад в исследование темы внесли ученые сектора истории советского сельского хозяйства и крестьянства ИРИ РАН, целый ряд региональных научных школ, экономисты, социологи-аграрники, имена и труды которых широко известны. В последнее 10-летие аграрная историография колхозного времени пополнилась освещением целого ряда новых, прежде неизвестных проблем.

Процессами “социалистической реконструкции”, которые считались основными в изучении советского сельского хозяйства, не исчерпываются базовые изменения социально-экономического устройства деревни колхозного периода. Прежняя историографическая схема не объясняет и революции в социально-экономическом строе 1990-х годов, точнее объясняет ее только с позиции случайности, субъективности. Капитализация и социальная трансформация 1990-х годов, кроме субъективной подоплеки, была предопределена объективно развивавшимися процессами последних десятилетий. “Социалистическая” же концепция социально-экономического развития деревни советского периода не дает возможности объяснить этот феномен. На наш взгляд, важное место в концептуальной схеме характеристики российской деревни 1930–1980-х годов должен занимать анализ ухода аграрного общества в результате процессов капитализации и раскрестьянивания.

Для разработки новых подходов необходимо разорвать узкие хронологические рамки изучения вопроса. Важным элементом исследовательской методики должно стать также определение

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 марта 2004 г. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 04-01-00411а.

рубежей перехода “количественных” изменений в “качественные”. Соотношение стадияльно “старых” черт состояния общества или приобретения “новых” при некоторой механистичности в оценках процесса, по нашему мнению, дает возможность установить грань, когда аграрная капитализация в советской деревне колхозных времен привела к стадияльной трансформации общества.

Исследование аграрного строя России 1930–1980-х годов требует и новых подходов в работе с источниками. Вряд ли нуждаются в новом радикальном пересчете численность населения, посевные площади, количество скота, тракторов, другой сельхозтехники; маловероятно, что радикально будет меняться оценка объемов производства сельского хозяйства и т.д. В то же время изучение характера и типов организации производства, особенностей аграрного рынка и других форм движения продукта, капитала, методов и механизмов социальной трансформации, специфики духовной эволюции сельского социума, других проблем становится невозможным на основе только статистических группировок, использования методов пересказа сводок хозяйственной документации, комментариев аграрной политики и другого устаревшего инструментария.

Возникновение нового ракурса осмысления истории российской деревни 1930–1980-х годов связано с давней традицией изучения аграрной проблематики, в том числе и в рамках вологодской аграрной школы. Еще на рубеже 1970–1980-х годов нами был сделан вывод о постепенной унификации социального статуса колхозников и совхозных рабочих, которые реальной статистикой во многом, кстати, отождествлялись. На рубеже 1980–1990-х годов было установлено, что старокрестьянский уклад в виде двора (пусть урезанного, но не подсобного) длительное время и в рамках колхозной системы выполнял важнейшие экономические функции, а для самих крестьян до 1960-х годов являлся основным источником доходов². На Всероссийской конференции 1992 г. в Вологде было сформулировано предложение трактовки раскрестьянивания: внешнего – видимых демографических перемен, и внутреннего – социального перерождения колхозника³. На аграрном Симпозиуме 2000 г. в нашем докладе этот вывод был дополнен характеристикой пролетаризации, с одной стороны, и описанием подспудного вызревания протобуржуазии в колхозной среде, с другой стороны⁴.

Во второй половине 1990-х годов в Вологде и, отчасти, в Новосибирске стало культивироваться изучение системы экономических отношений в колхозной деревне как отношений повинностного типа, характерных для аграрного общества (по этим

сюжетам, нами, в частности, опубликованы книга и статья в журнале “Отечественная история”⁵. В 1990-х же годах было начато изучение социально-политической и духовной составляющей раскрестьянивания. Оказалось, что 1930–1950-е годы были временем постепенного угасания традиционного крестьянского менталитета, способов взаимодействия с властью, разрушения так называемого “лада крестьянской жизни”⁶. В 2002 г. на аграрном Симпозиуме нами были изложены подходы к эволюции земельных отношений и колхозного механизма капитализации⁷.

Новые исследовательские задачи требуют соответствующих инструментария и понятийного аппарата. В первую очередь это относится к понятию *капитализация*. По мнению П.И. Лященко, процесс капитализации означал “подчинение отрасли хозяйства капиталу”; С. Маслов подчеркивал, что это явление означало складывание “хозяйственного строя, при котором господствующее положение в хозяйстве занимает капитал как средство, доставляющее владельцу не основанный на личном труде доход”⁸. А.М. Анфимов трактовал “капитал” в крестьянском хозяйстве как совокупность средств производства, представленную “мертвым” инвентарем, “живым” инвентарем (рабочим и продуктивным скотом), постройками⁹. О становлении капитализированного хозяйства в деревне в 1924 г. издал исследование А. Шестаков¹⁰.

Под капитализацией сельской подсистемы колхозного времени нами понимается радикальное переустройство аграрного производства, при котором “овеществленный” труд (капитал) становится решающим фактором экономики; в капитализированном аграрном производстве капитал приобретает способность “поглощать” другие факторы производства; в себестоимости аграрного продукта основное место начинает занимать промышленная составляющая; товаризация охватывает средства производства, рабочие руки, продукт труда; разрушается замкнутость хозяйственного уклада, снижается роль природных факторов в аграрном секторе. Капитализация по сути своей является главной экономической характеристикой процесса модернизации, ибо связана с переворотом всей “старой” экономической системы и в конце концов приводит к новым социальным отношениям, воплощенным в овеществленном труде.

Капитализированной экономической системе предшествует аграрное общество, которое, по мнению У. Росту, В.В. Крылова, А.В. Островского и ряда других исследователей, характеризуется преобладанием сельского хозяйства в экономике, крестьянства в социальной структуре, “натуральностью” воспроизводства рабочей силы и средств труда. Особенность аграрного общества

заключается в существовании предела экономического роста, связанного с недостатком накопления овеществленного труда¹¹.

О накоплении капитала и качественном изменении его роли в производстве (капитализации) говорит степень охвата формами товарного производства все большего сегмента аграрной подсистемы. При этом капитал локализуется в структурах, имеющих товарную направленность производства. В начальный период существования колхозов, когда движение продукта осуществлялось в специфических формах, были ограниченные возможности для капитализации.

Другой фактор, свидетельствующий о капитализации – изменение структуры себестоимости аграрного продукта. Вопрос об “издержках производства” широко фигурировал в науке еще в конце XIX в. Обзор и анализ дореволюционных работ по себестоимости сельхозпродукции сделал С.Г. Струмилин в известной статье “Издержки производства хлебов в Царской России”¹², опубликованной в 1926 г. Определение себестоимости производства сельхозпродукции в колхозах было начато в 1928 г. В 1931 г. в статистических сведениях приводилась структура издержек производства в совхозах, колхозах, крестьянских хозяйствах¹³. Однако с 1932 г. вопрос о себестоимости в колхозах сошел со страниц печати (в сборниках ЦСУ сведения давались лишь по совхозам). Экономисты 1960-х годов считали, что на это повлияло повсеместное введение трудодня, натуроплаты за работы МТС, и, следовательно, натурализация производственных отношений. Вопрос о себестоимости в колхозах в административном порядке был снят с повестки дня. Указывалось, что расценка труда в рублях чрезвычайно вредна, так как порождает потребительские настроения и т.д. Так, Н.А. Вознесенский в начале 1930-х годов писал, что “издержки производства” в колхозах должны исчисляться непосредственно в рабочем времени – трудоднях¹⁴. В 1930–1950-е годы даже высказывалось мнение, что себестоимость в колхозах просто равна материальным затратам¹⁵. Вновь вопросы себестоимости в колхозах стали подниматься после 1953 г. Начало обсуждению этих вопросов положил В.Г. Венжер в 1955 г.¹⁶ С 1958 г. в годовых отчетах колхозов приводились данные о себестоимости продукции. Практика учета себестоимости колхозной продукции окончательно сложилась в 1963–1964 гг. В годовых отчетах за 1962 г. впервые был введен в себестоимость учет фактической оплаты труда в колхозах.

Историки колхозной деревни почти не обращались к изучению этих вопросов. В.П. Данилов, анализируя производство в советской доколхозной деревне, обратил внимание на то, что структура издержек производства дает суммарную характеристику

производительных сил с точки зрения места и роли их отдельных элементов. В этой структуре, по его мнению, фиксируется соотношение тех факторов создания продукта, стоимость которых переносится на этот продукт. Удельный вес стоимости рабочей силы в общей себестоимости продуктов крестьянского хозяйства в 1925 г. (в среднем по стране) по зерновым составлял около 60%, по картофелю – 57, по льну – 75%, т.е. затраты живого труда намного превышали материальные издержки¹⁷.

Хотя показатель структуры себестоимости достаточно условен, он позволяет оценить соотношение в себестоимости произведенной продукции живого труда и капитала, уровень капитализации отрасли. По нашим расчетам, соотношение материальных издержек и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в течение 1930–1980-х годов претерпело кардинальную эволюцию. В конце 1950-х годов расходы на оплату труда колхозников РСФСР составляли в ней около 50% всех производственных издержек колхозов, что говорит о генетической близости экономики колхозов даже того времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества. Преодоление пятидесятипроцентной грани, когда капитал становится ведущим фактором производства, относится к началу 1960-х годов. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что удельный вес материальных затрат составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% всех затрат, в 1965 г. – 57%, в 1966 г. – 55%, в 1967 г. – 52%¹⁸. В структуре себестоимости сельхозпродукции колхозов РСФСР во второй половине 1960-х годов прямая оплата труда чуть превышает 30% (30–33%), в первой половине 1970-х годов, ежегодно снижаясь, уменьшается до 25%, во второй половине 1970-х годов также ежегодно сокращается, преодолев в 1980 г. 20% уровень (19%)¹⁹.

Все же капитализация в сельском хозяйстве и на конец колхозной эпохи была более низкой, чем в промышленности. За 1975, 1980, 1985 гг. в сельском хозяйстве затраты живого труда составляли 72–74%, 26–28% – прямые затраты овеществленного труда, что от промышленности, где за те же годы соотношение было 43–45% к 55–57%, отличалось принципиально и коренным образом²⁰. Степень капитализации сельского хозяйства была значительно более низкой.

Накопление капитала в условиях колхозной системы имело свою специфику и особенности в разные периоды существования колхозного строя. Если проанализировать строение неделимых фондов колхозов России за 1930–1940-е годы, выясняется следующая любопытная картина. В их структуре доля обобществлен-

ного имущества и вступительных взносов с середины 1930-х до середины 1940-х годов сократилось с 24% до 14%. Уже в середине 1930-х годов до 50% в этой структуре занимали отчисления от доходов сельхозартели (1937 г. – 55%); позже относительная доля этого показателя снижается при серьезном увеличении еще одного капитализационного канала – накоплений в “строительстве и средствах производства, изготовленных для нужд сельхозартели” (до 42% на начало 1940-х годов)²¹. Тем не менее, даже на середину 1960-х годов И.Ф. Суслов определяет долю обобществленных фондов, созданных трудом в единоличных крестьянских хозяйствах, в стоимости основных средств производства колхозов в 15–20%, т.е. средства производства, созданные трудом кооперированного крестьянства на середину 1960-х годов достигли уже 80%²².

Другой крайне показательный момент капитализации аграрной экономики России в колхозное время – соотношение капиталовложений государства и колхозов в сельское хозяйство. Нами составлены динамические ряды по опубликованной статистике за конец 1920-х – 1970-е годы. Оказалось, что лишь в войну государственные капиталовложения уступали колхозным почти в 6 раз. Однако за период с 1938 по 1960 г. также фиксируется меньшая доля государства в формировании колхозного аграрного капитала: за период 1938 – начало 1941 г. из общего объема капиталовложений в сельское хозяйство по объектам производственного и непроизводственного назначения в 1331 млн руб. 38% составляла доля государственного капитала, 62% – доля капиталовложений колхозов; за период 1956–1960 гг. в общих капиталовложениях 14 535 млн руб. то же соотношение составляло 46% к 54%²³. Лишь в начале создания колхозного строя, когда необходимо было обеспечить перелом в соотношении укладов и “товаризировать” производство, а также после завершения промышленной индустриализации, что, на наш взгляд, относится к 1950-м годам, доля государственных капиталовложений превышала колхозные (в 1929–1937 гг. она колеблется в пределах от 60 до 79%, и с 1961 по 1980 г. – 57–69%)²⁴.

Полномасштабное исследование места неаграрного капитала в сельской экономике колхозного периода еще предстоит, однако тенденция возрастания его роли очевидна. Доля государственных капиталовложений во введенных в действие основных фондах сельского хозяйства СССР составляла в 1961–1965 гг. 59%, в 1966–1970 гг. – 61%, в 1971–1975 гг. – 65%, в 1976–1980 гг. – 68%²⁵.

Показательно в свете исследования особенностей капитализации российской деревни и участие в нем ссудного капитала. Регулярное нарастание долгосрочных кредитов колхозам СССР в

опубликованной статистике фиксируется в течение всего изучаемого периода: 1940 г. – 89 млн руб., 1950 г. – 302 млн руб., 1960 г. – 621 млн руб., 1965 г. – 1422 млн руб., 1966 г. – 1619 млн руб. Резкое увеличение краткосрочного кредитования колхозов происходит в момент перехода капитализации в зрелую стадию: если в 1940 г. Госбанк СССР выделил колхозам, межколхозным предприятиям и организациям 30 млн руб., в 1950 г. – 134 млн руб., то в 1960 г. – 1772 млн руб., в 1965 г. – 1472 млн руб., в 1966 г. – 1915 млн руб.²⁶ При всей ограниченной возможности сравнения вышеназванных форм кредитования колхозов нельзя не обратить внимание на то, что переход в стадию развитого “аграрного капитализма” означал в экономическом плане не только радикализацию вторжения капитала в создание адекватных неаграрному обществу производительных сил, но и возрастание его функциональной значимости в оживлении производственных фондов. За 1930–1980-е годы вся система кредитования сельского хозяйства изменялась параллельно стадиям становления нового аграрного устройства. Заторможенность капитализации первого колхозного двадцатилетия, а во многом и 1950-х годов была связана, с одной стороны, с ограниченными ресурсами кредитования колхозов государством, с другой стороны, с неготовностью колхозов принять кредиты для обеспечения переустройства экономического механизма. В 1960-е годы происходят изменения в порядке кредитования колхозов, которые начинают переводиться на прямое банковское кредитование в соответствии с Постановлением СМ СССР от 17 декабря 1965 г.²⁷ С 1965 г. колхозам было разрешено производить оплату труда колхозников за счет долгосрочных ссуд. В 1960-е годы ослабевает государственная регламентация использования ссуд, увеличиваются сроки предоставления кредита, снижается процент за его использование.

В характеристике аграрного строя колхозного времени нужно обратить внимание на еще одно обстоятельство. На наш взгляд, следует восстановить подход, культивировавшийся по отношению к дореволюционному селу, вопросам многоукладности²⁸. Речь, на наш взгляд, идет о сосуществовании, взаимодействии высококапитализированного совхозного уклада аграрной подсистемы, колхозной системы, выполнявшей функцию механизма первоначального накопления, и старокрестьянского уклада.

В тексте доклада излагаются этапы эволюции колхозной системы, выделяются два крупных периода ее изменений. Первый охватывает 1930-е – начало 1950-х годов: время массового колхозного строительства, формирования несущих конструкций колхозного устройства (погектарные нормы обложения, увязы-

вание существования приусадебного хозяйства с трудом в колхозе), существования колхозной системы в классическом виде, когда создавались условия для торжества капитала в аграрной сфере. Второй этап – с середины 1950-х до конца 1980-х годов – свертывание классической колхозной системы. Он характеризуется отменой госпоставок, ударами по личному приусадебному хозяйству, совхозизацией, крупномасштабным перемещением рабочих рук в промышленность, введением гарантированной оплаты труда и распространением на колхозников пенсионной системы, резким возрастанием притока в деревню промышленного капитала. В 1950–1960-е годы колхозная система заметно трансформировалась в индустриально функционирующее экономическое пространство, а затем окончательно переродилась в государственный аграрно-капитализированный механизм.

При этом дополним, что роль колхозной системы в процессе капитализации вполне вписывается в механизмы, давно уже зафиксированные историографией в становлении капитализированного хозяйства. Колхозы первого двадцатилетия, разрушив натурально-хозяйственный уклад, в специфической форме товарищизировали производство. А на втором этапе существования этой системы массивный приток капитала обеспечил завершение разрушения устоев аграрного общества.

Крестьянский уклад характеризуется существованием особого типа аграрного производства, ведущегося автономно крестьянским двором, представляющим уникальное сочетание производственного комплекса – земли, средств производства и рабочих рук, а также соответствующими социальными составляющими (слабой социальной дифференциацией, иерархичностью отношений с господствующими корпорациями, спецификой менталитета и др.). По сведениям И.Ф. Сулова, при обобществлении в личном хозяйстве колхозников осталось до 40% всех средств производства (в том числе большинство продуктивного скота, надворных построек)²⁹. До 1950-х годов, а в ряде отраслей до 1960-х годов приусадебные хозяйства занимали ведущие позиции в сельхозпроизводстве, до 1960-х годов – в формировании бюджета колхозной семьи. По нашему мнению, лишь в 1960-е годы завершается превращение приусадебного крестьянского хозяйства из важнейшего уклада сельской экономики в личное подсобное хозяйство.

Маяком капитализации и товарного производства выступали совхозы, а также важнейший инфраструктурный институт – МТС, ликвидация которого в конце 1950-х годов во многом означала высокую степень унификации колхозно-совхозной системы. По объему производства колхозы СССР в 1935 г. давали 46% ва-

ловой продукции сельского хозяйства, приусадебные хозяйства крестьян – 42%, совхозы – 12%. В 1960 г. в колхозах РСФСР производилось 38% продукции, в приусадебных хозяйствах колхозников – 23%, в совхозах – 22%; в 1975 г. – колхозы производили 31% валовой продукции сельского хозяйства, совхозы – 39%, приусадебные участки населения – 30% продукции³⁰.

В советской историографии колхозы, совхозы, приусадебные хозяйства рассматривались как различные секторы социалистического сельского хозяйства, имеющие сходную социально-экономическую природу. На наш взгляд, объекты, называемые секторами, представляют собой не что иное, как разноформационные уклады. Характеристика секторов подразумевала описание однородных экономических явлений, когда даже приусадебное хозяйство характеризовалось как элемент социалистической системы. В нашем понимании эти явления разнородны: двор являлся остатком старокрестьянского уклада, совхозы – маяком государственного предпринимательства, а колхозы – жерновами, в которых были перемолоты оставшиеся в наследство советской власти базовые конструкции аграрного общества. Не менее важно то, что “укладный” подход позволяет соединить историографическую традицию в описании однородных, на наш взгляд, явлений XIX–XX вв.

Раскрестьянивание, пролетаризация и формирование протобуржуазии – важнейшие *социальные* слагаемые аграрной модернизации России колхозного периода. Мы солидарны с Т. Шаниным и В.П. Даниловым в трактовке крестьянства и раскрестьянивания³¹. Впрочем, данные авторы не экстраполируют понимание феноменов крестьянства и раскрестьянивания на эпоху социалистического сельского хозяйства. На наш же взгляд, делать это как раз нужно. По мнению авторов доклада, процессы “буржуазного” перерождения русской деревни начала XX в. и капитализация колхозных времен во многом одновекторны. Революция 1917 г. и потуги в построении “страны Муравии” 1920-х годов лишь прервали капитализацию села. Если в предреволюционный период выход из общины, создание крепкого хозяина, кооперирование лежали в основе преодоления натуральности и капиталистических тенденций деревни, то с 1930-х годов разрыв с основами аграрного общества пошел по линии создания колхозов и совхозов.

При создании и развитии колхозного строя шел процесс социальной трансформации, который предопределил переворот 1990-х годов. Лишенный средств производства и реальных возможностей управления колхозной собственностью крестьянин, эксплуатируемый первоначально через повинности, а затем через меха-

низ зарплаты, постепенно превращается в рабочего, продающего свои рабочие руки, смотрящего на землю как на средство производства, а не мать-кормилицу. Впрочем, в первое колхозное двадцатилетие происходит в определенном смысле архаизация аграрного устройства – изъятие земли из индивидуального пользования, восстановление повинностей – системы внеэкономического принуждения для мобилизации и перераспределения производимого продукта, ограничение права пространственного и социального перемещения.

Эта реставрация решала задачу перехода от аграрного общества к индустриальному. Проникновение в деревню государственно-организованного капитала уже в 1930–1950-е годы отчасти денатурализовывало крестьянский труд и его продукт. Таким образом, в условиях “феодальной” реставрации готовилась почва для трансформации крестьянина в рабочего. Обезземеливание крестьян, разрушение механизма воспроизводства демографического и хозяйственного статуса также вписываются в этот процесс.

В 1960-е годы раскрестьянивание России в основном завершается. В 1939 г. в деревнях проживало около 2/3 населения. Переход половинного рубежа в долевого соотношении горожан и селян зафиксировала перепись 1959 г. В начале 1990-х годов в деревне осталась лишь четверть населения России. Оставшиеся в деревне крестьяне-колхозники постепенно социально переродились.

Внутреннее раскрестьянивание – процесс, плохо поддающийся количественным характеристикам. Для его изучения возможно привлечение методики описания человеческого капитала, примененной к российскому селу В.В. Пациорковским и другими социологами³². Еще один подход заключается в характеристике источников формирования доходов и статей расходов семейного бюджета. Переход пятидесятипроцентной грани удовлетворения потребностей семьи за счет “собственных” ресурсов говорит о том, что крестьянство перестает быть натурально-замкнутой социальной группой. Для России грань такого перехода – вторая половина 1950 – первая половина 1960-х годов, когда по этой позиции раскрестьянивание можно считать в основном завершившимся.

Формирование протобуржуазных тенденций в колхозной деревне было рассмотрено нами в докладе на аграрном симпозиуме 2000 г., опубликованном и, думаем, известном специалистам. Складывание в аграрной сфере слоя будущих “приватизаторов” как социальной группы начинается в конце 1950 – начале 1960-х годов, на что указывают и данные социологов, изучавших мор-

фологию процессов, произошедших в 1990-х годах, в частности группы В.И. Старовойтова³³. Условия формирования будущей деревенской элиты, как правило, сочетали верхушечное положение в системе колхозной иерархии и соответствующий материальный статус, а также более благоприятные условия личного хозяйствования. Руководители постепенно сконцентрировали права владения и пользования средствами производства, от которых до полной собственности был буквально один шаг. В скрытой форме в течение 1960–1980-х годов осуществлялись и попытки, по сути, приватизации колхозной собственности, средств производства, произведенного продукта. Еще одной группой потенциальных приватизаторов были высококвалифицированные работники колхозов, в частности механизаторы. Использование колхозной техники для своих нужд становилось распространенным явлением. Нарастание актуальности приватизации для протобуржуазных элементов наблюдается в 1970–1980-е годы и связано с тем, что наступает время передачи статуса и места в иерархии следующим поколениям, чего нельзя было сделать в рамках государственного владения собственностью и распоряжения продуктом.

В 1930–1980-е годы достаточно типичное аграрное общество России трансформируется в специфический российский аграрный капитализм. Особенностью этой трансформации является полномасштабное использование реставрационных механизмов. Гранью ухода традиционного общества являются 1960-е годы, когда в основном разрушается присущий аграрному обществу экономический, социальный, бытовой, духовный уклад, большая часть крестьян перемещается в промышленность, а остальные пролетаризируются, лишаясь необходимого пространства крестьянского типа хозяйствования, деревню постепенно осваивает капитал. В 1970–1980-е годы мы видим качественно новое состояние аграрной подсистемы России, предопределившее приватизацию 1990-х годов. То же, что в прежней историографии характеризовалось как социалистическое колхозное устройство выступает в этой системе координат анализа аграрного строя в качестве специфического российского механизма капитализации и раскрестьянивания деревни.

¹ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

² *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. Москва; Вологда, 1991.

³ *Безнин М.А.* Раскрестьянивание России // Крестьянское хозяйство: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции. Вологда, 1992. Ч. 1. С. 103–110.

- ⁴ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Зажиточное крестьянство России во второй половине XX века // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда, 2001. С. 5–15.
- ⁵ *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Повинности российских колхозников в 1930–1960-х годах // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 96–111; *Политика раскрестьянивания в Сибири / Отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич.* Новосибирск, 2001. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг.; Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг.; Новосибирск, 2003. Вып. 3: Налогово-податное обложение деревни 1946–1952 гг.
- ⁶ *Димони Т.М.* Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах Европейского Севера России): Дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е гг. // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.).* М., 1996. С. 155–166; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // *Отечественная история.* 1999. № 3. С. 81–99; *Безнин М.А., Димони Т.М.* Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // *Россия в XX веке: Реформы и революция.* В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 632–643; *Димони Т.М.* История колхозной деревни в романном творчестве Ф.А. Абрамова // *Отечественная история.* 2002. № 1. С. 123–135; *Димони Т.М.* “Председатель”: судьбы послевоенной деревни в кинокартине первой половины 1960-х гг. // *Отечественная история.* 2003. № 6. С. 91–101.
- ⁷ *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй и поземельные отношения в России в 1930–1990-е гг. // *Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Калуга, 2003. С. 5–15.
- ⁸ *Лященко П.И.* Очерки аграрной эволюции России. Т. 1. Б. м., 1923. С. 21; *Маслов С.* Крестьянское хозяйство: Очерки экономики мелкого земледелия. М., 1915. С. 124.
- ⁹ См., например: *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980. С. 157.
- ¹⁰ *Шестаков А.* Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.). М., 1924.
- ¹¹ *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. 1960; *Крылов В.В.* Теория формаций. М., 1997; *Островский А.В.* История цивилизации. СПб., 2000. С. 201 и др.
- ¹² *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 161–183.
- ¹³ Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930 г. М., 1931.
- ¹⁴ *Вознесенский Н.А.* Хозрасчет и социалистический план // *Избранные произведения.* М., 1979. С. 46.
- ¹⁵ *Венжер В.Г.* Использование закона стоимости в колхозном производстве. М., 1965. С. 267.
- ¹⁶ *Венжер В.Г.* О методике исчисления издержек производства в колхозах // *Вопросы экономики.* 1955. № 11. С. 82–95.
- ¹⁷ *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 265, 266.

- ¹⁸ Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве. М., 1969. С. 256.
- ¹⁹ Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов. М., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продуктов растениеводства совхозов за 1966–1980 г. М., 1983. С. 8, 9.
- ²⁰ Основные показатели баланса народного хозяйства: Статистический сборник. М., 1987. С. 21.
- ²¹ Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 3223. Л. 4.
- ²² Суслов И.Ф. Динамика эффективности общественного производства в сельском хозяйстве // Эффективность сельскохозяйственного производства. М., 1967. С. 29.
- ²³ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 г.: Статистический ежегодник. М., 1971. С. 321; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Статистический ежегодник. М., 1976. С. 332–333.
- ²⁴ Там же; Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1981. С. 232–233.
- ²⁵ Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1971. С. 357; Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1981. С. 231. Данные за 1961–1965 гг. в сметных ценах на 1 января 1969 г., за 1966–1980 гг. в сопоставимых ценах.
- ²⁶ Кредитно-денежная система СССР. М., 1967. С. 312.
- ²⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1968. Т. 5. С. 739–740.
- ²⁸ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России: Начало XX века: Советская историография середины 50-х – 60-х годов. М., 1990.
- ²⁹ Суслов И.Ф. Указ. соч. С. 28.
- ³⁰ Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 1562. Оп. 3. Д. 317. Л. 24; Ф. А-374. Оп. 31. Д. 8254. Л. 1; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Статистический ежегодник. М., 1976. С. 149, 274, 283.
- ³¹ Шанин Т. Определяет крестьянство: Очерки касательно сельских обществ, эксплоатранных форм экономики и выводы из них для современного мира. Оксфорд, 1990. С. 23–24; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979. С. 354.
- ³² Пацорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. М., 2003.
- ³³ Староверов В.И. Новое качество социостратификационной структуры современной России и проблемы ее анализа // Россия накануне XXI века. М., 1995. Вып. II. С. 147–178.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. В повестку дня по предложению наших коллег из Вологодского государственного педагогического университета и при поддержке дирекции Института российской истории включен доклад “Аграрный строй России в 1930–1980-е годы”. Авторы доклада – доктор исторических наук, проректор по научной работе, зав. кафедрой истории России профессор Михаил Алексеевич Безнин и докторантка университета Татьяна Михайловна Димони.

Будут ли вопросы по докладу?

И.Е. Зеленин. Вы уточнили позицию, изложенную в монографии 1991 г., относительно завершения “раскрестьянивания” крестьян и, как вы выразились, “завершения тысячелетней истории крестьянства России”. Сейчас вы немножко отодвигаете этот период. Там вы назвали признаки этого процесса: удар был нанесен по индивидуальным хозяйствам, введена денежная система оплаты, и крестьянин превратился в рабочего с огородом. Сейчас вы цитируете сибирского историка В.А. Ильиных, который выдвигает такой критерий этой грани. Он пишет, что можно говорить о завершении раскрестьянивания тогда, когда признаки уже пропадают, исчезают. Видимо, получается уже какой-то новый слой и невозможность воссоединения крестьянства как класса.

У меня еще один вопрос. Вы считаете, возможно новое окрестьянивание? Мы знаем, что сейчас больше половины сельскохозяйственной продукции дают личные подсобные хозяйства крестьян. Как это оценить? Они работают на земле, ведут свое хозяйство, и получается, что они ни в какую категорию не попадают.

Возникает еще один вопрос. Вы говорите о том, что чуть ли не с 1917 г., а точнее с 1929 г. начался процесс капитализации аграрного строя. В докладе вы более или менее прояснили, что понимаете под капитализацией.

Меня интересует, каково соотношение политики и экономики. Что, они разошлись? Потому что мы ставили социалистические задачи и отнюдь не стремились все свести к модернизации.

Еще один вопрос. Июльский Пленум 1940 г. Это уже канун войны. Пленум выдвинул задачу завершения комплексной механизации сельского хозяйства, рассчитанную на третью пятилетку. Как вы считаете, эта задача была выдвинута преждевременно или там был какой-то смысл, на что она была рассчитана? К чему привела эта модернизация? Я склонен применять термин “сталинская индустриализация”.

Что представляла собой материально-техническая база колхозного строя накануне войны? В какой мере она соответствовала или не соответствовала вашим представлениям о капитализации?

М.А. Безнин. В последние годы многое изменилось. Идут уточнения. Но я не склонен соглашаться с тезисом Ильиных о невозможности возвращения к аграрному обществу. Так я называю социальные совокупные характеристики как главный критерий завершения раскрестьянивания.

Существует уровень капитализации рабочей силы. Этот термин широко использовался в западной, в частности, в американской историографии. Сейчас в нашей науке преобладает крити-

ческое отношение к пониманию этого термина. Но в его применении есть серьезное рациональное зерно.

И второе. Мне кажется, можно говорить об этом в отношении истории русской деревни, особенно начала XX в., которая мощно была представлена в российской историографии трудами Виктора Петровича Данилова и Теодора Шанина. Можно говорить об основных крестьянских позициях и об уходе от этих позиций: выходе из натурального ведения хозяйствования, уменьшения доли хозяйствования ниже 50 процентов, о снижении себестоимости, структуре себестоимости аграрного продукта, что говорит о завершении раскрестьянивания. Возможен ли здесь важнейший признак – труд на земле? Мне кажется, что объект приложения труда – не главный социальнообразующий фактор. Если сейчас одних из тех, кого называют крестьянами, кто по-старому, в рамках системы, которую мы называем аграрным обществом, производит этот продукт, можно относить к старокрестьянскому укладу, то все-таки большинство – это товарное производство, представленное в индивидуальной по собственности, по производству форме, представляющей, совершенно другой уклад.

После революции 1991 г., в экономике наблюдается декапитализация в целом. Разгром производительных сил приводит к декапитализации, и те экономисты, которые говорят об этом, оценивают это совершенно справедливо.

Не с 1929 г. началась капитализация. Это очень длительный процесс. Многие историки феодальной России считают, что в середине XVI в., когда экстенсивный путь развития сельского хозяйства во многом был исчерпан в России, уже стоял вопрос о переходе на рельсы интенсивного ведения сельского хозяйства. Но присоединение Поволжья, а затем Сибири и другие факторы сыграли свою роль в том, что этот вопрос не был решен. А капитализация началась значительно раньше, до 1929 г. На конец 1920-х годов сложилась специфическая ситуация, которая хорошо отражена во многих работах В.П. Данилова.

Сейчас в историографии намечается новый подход. На конец 1920-х годов, когда мы видим выделяющиеся крупные хозяйства, в какой то степени, вставшие на ноги в период нэпа, оказывается, что в большей степени в товарное производство по уровню товаризации втягиваются маломощные хозяйства. В частности, последние исследования Саблина по европейскому Северу показали это.

Причина заключается в том, что основная масса крестьянства в условиях безысходности объективно подталкивалась через разделение помещичьих земель, национализацию и т.д. к будущему

му позитивному развитию хозяйства, например, через продажу рабочих рук, что объективно также предопределяло выбор такого пути, когда надо было большую часть населения отправить производить средства производства. Проблема заключалась в том, чтобы отнять у крестьянина товарный хлеб, но в то же время насытить капиталом сельское хозяйство, дать возможность для более производительного труда меньшего количества людей.

В докладе специально оговорено, что это надо рассматривать не как альтернативу, а как разные грани оценки очень многогранного советского общества. Идеология предопределяла многие явления, в том числе в экономической и в социальной жизни. Но оказалось, что от объективных процессов уйти не удалось, и я думаю, что наиболее дальновидные представители советского истеблишмента понимали, к чему это может привести. На мой взгляд, отчасти это показывают и работы Ленина последнего периода его активного творчества.

Последний вопрос – об Июльском пленуме 1940 г. Завершение комплексной механизации. Реальна ли была задача и не преждевременна ли она была? В частности, решения Июльского пленума свидетельствуют о том, что, возвращая отчасти повинности – отработочные, натуральные, денежные и т.д., власть, когда она анализировала реальный экономический процесс, видела конечную цель: замену труда капиталом, овеществленным в средства производства в том числе, вложенным в землю и т.д.

Здесь нет противоречия. Комплексная механизация оказалась нереальной в условиях подготовки к войне, в условиях самой войны и послевоенного восстановления. Но, тем не менее, реальную цель она вскрывает, ту, которую вольно или невольно преследовала власть.

В.П. Данилов. Что из себя представляла база, которую создали в результате индустриализации? Она была готова для того, чтобы решить задачу?

М.А. Безнин. Для того, чтобы решить эту задачу, потребовалось завершить индустриализацию. На наш взгляд, это относится к 1950-м годам. Поэтому, выделяя два периода эволюции колхозного строя, я пытался говорить о том, что они вполне вписываются в этапы, известные по другим периодам и по другим странам становления капитализированного хозяйства: сначала создание (это может идти параллельно) товарного производства, а затем завершение капитализации.

В данном случае первое колхозное 20-летие было как бы некоей расчисткой почвы. Это было специфическое изъятие товарности, подготовившее основу для последующего переворота, связанного с завершением индустриализации.

В.Б. Жиромская. Что Вы имели в виду под разрушением демографического статуса крестьянства и к какому периоду это относится?

М.А. Безнин. Известен сформулированный Чайновым закон соотношения хозяйственной и демографической эволюции крестьянского двора в классическом виде. Он хорошо известен, хорошо откомментирован и используется в объяснении механизмов демографической трансформации.

Относительная новизна моего вывода в том, что в условиях нормального функционирования этой демографической ситуации соотношение едоков и работников по мере увеличения продолжительности существования семьи изменяется, должно соответствующим образом подкрепляться материальным статусом для того, чтобы двор потом мог разделиться. Это общеизвестный аспект. Когда этот принцип соответствия демографической и хозяйственной эволюции разрушается, экономическая составляющая препятствует нормальному функционированию, то происходит деформация. То есть надо или вытолкнуть едоков из крестьянской среды, или здесь они должны также продавать рабочие руки, менять социальный статус, потому что нарушена планка крестьянского хозяйства, применение адекватного закона функционирования двора не происходит. Изменяется принцип воспроизводства, влияние на него механизма экономического существования двора.

Т.М. Димони. Мы должны обратить внимание еще на такой момент, как ликвидация большой крестьянской семьи с несколькими поколениями и нарушение нормального воспроизводства в 1950-х годах.

А.К. Соколов. Я выступаю со стороны города, а не со стороны деревни. Как укладывается этот процесс в Вашу концепцию аграрной модернизации и раскрестьянивания? Наделялись земельными участками, подсобным хозяйством рабочие и служащие. Какова их роль в Вашей концепции? Это как бы противоположно тенденции раскрестьянивания. Городским рабочим и служащим дают личное подсобное хозяйство, заставляют его вести. Если Вы скажете, что это малый период, я с вами не соглашусь. Как это укладывается в Вашу концепцию?

В.П. Данилов. Занятие сельским хозяйством для потребления собственной семьи – основной признак крестьянского хозяйства.

М.А. Безнин. Я думаю, отрыв от крестьянской сферы деятельности можно увидеть в любой стране, в том числе и у нас это было характерно в конце 1920-х годов. Лишение крестьянина остатков его труда, связанного с получением продукта, и особенно при недостатке на рынке этого продукта, при недостатке зара-

ботной платы и т.д. было бы невозможно. Поэтому это тоже остаточное явление аграрного общества. Но говорить, что через этот канал идет окрестьянивание, вряд ли правомерно.

Т.М. Димони. Мне кажется, что линия наделения подсобными хозяйствами рабочих и служащих вписывается в концепцию индустриализации нашего общества 1920–1930-х годов. Первоначально совхозным рабочим запрещалось иметь приусадебное хозяйство. Когда началась индустриализация, стали наделять рабочих и служащих приусадебными участками, потому что для первоначального накопления потребовалось немножко отступить назад. Это тоже известный процесс, и как только процесс такой массивной индустриализации был пройден и поток капитала пошел в сельское хозяйство, опять началась борьба с тем, чтобы рабочие и служащие вели приусадебное хозяйство.

Г.Д. Алексеева. Я внимательно прослушала доклад. В нем очень много цифр, которые имеют среднестатистический характер. Только в последней части доклада Вы говорите: так было в Нечерноземье, так было в Черноземье, на Вологодчине. Основная масса цифр для такой страны, как наша, не может иметь среднее значение. То есть выведена средняя цифра для Севера, Юга, для Ростовской, Ставропольской, Смоленской... В Вашем докладе себестоимость, оплата труда, все проценты, которые увеличиваются или уменьшаются, – они все средние для страны: для Сибири, для Дальнего Востока, для Урала и т.д. Почему Вы пришли к такой методике?

Я согласна с Вашим утверждением, что наша наука испытывает очень большой терминологический кризис, мы нуждаемся в новом понятийном аппарате. Новых терминов у нас нет, и нам надо их выработать. Посмотрите, какие термины я у вас выписала. Но почему они в кавычках? “Феодальная рента”, “полуфеодальное хозяйство”, “бесплатная барщина”, “раскрестьянивание колхозника”, “капиталистический андеграунд”. Это все идет в кавычках.

Что значит вообще эта терминология? Она взята из литературы? Тогда нужно говорить: “По словам такого-то автора”, “использованы такие-то термины”. Для меня эта терминологическая сторона абсолютно непонятна. А она имеет принципиальное значение.

В устном докладе совершенно исчез основной тезис Вашего письменного доклада “о феодализации всего аграрного строя”. Что это значит?

М.А. Безнин. Что касается понимания доклада и устного выступления, я сказал, что мы солидаризируемся с письменным текстом. Но пересказать его нет возможности. И второе. С осени прошлого года, когда нас критиковали, появились в исследовании

этой проблемы новые наработки, на которых я сосредоточил в устном выступлении свое внимание.

Что касается среднестатистических цифр, вы знаете, что средние цифры, в том числе и территориальные, характеризующие территорию в целом, имеют очень большое значение. Их значением так же, как и региональной статистикой, нельзя пренебрегать. Тем более, что я старался говорить о тенденциях, которые имели место для среднероссийских территорий. Речь шла о российских регионах, и о российском крестьянстве, об основных территориях, Нечерноземье, о Черноземной зоне, Сибири. Процессы и средние данные, которые мы здесь привели, на наш взгляд, – основное содержание нашего доклада.

О терминах. Вы правильно сказали, что нужно говорить не о терминах, а о подходах.

В ряде своих публикаций мы используем, например, термины “феодалная реставрация” или “полуфеодалные явления”, потому что некоторые явления, например, отработочные повинности, внешне по своим проявлениям напоминают известные черты, знакомые по периоду феодальных отношений. Поэтому мы ими пользуемся, но помещаем в кавычки, потому что, конечно, это не тот век, который в классической историографии называется феодальным. Этим подчеркивается условность терминов. Непрямое отождествление с терминологией, относящейся к классическому российскому феодализму.

В.П. Данилов. Историкам полезно обсуждать, что же происходило в их стране на протяжении достаточно продолжительного времени, целого века, для того чтобы понять особенности того исторического процесса, в частности понять, почему так быстро у нас прошел революционный переворот, как называют часто события конца 1980-х – начала 1990-х годов, и почему наиболее разрушенным оказалось сельское хозяйство, а вместе с ним и деревня. Это в стране, которая по своему происхождению совсем недавно считалась крестьянской страной. Поэтому такой доклад, естественно, вызывает интерес.

Особенности этого доклада состоят в ряде творческих решений, когда в тексте доклада, в устном выступлении употребляется терминология довольно странная: “накопление капитала в колхозах”, “колхозный капитал в 50-х – 60-х годах”. Что же вы понимаете под “капиталом”? На протяжении достаточно длительного времени “капитал” понимается как самовозрастающая стоимость. Это, прежде всего, общественные отношения. Эта важнейшая сторона дела в докладе игнорируется совершенно, она отсутствует начисто, поскольку она не учитывается, она не известна докладчику.

Если же брать доклад по тексту, как он у вас дается, то это представление не о капитализации, а об индустриализации. Процесс индустриализации в сельском хозяйстве, конечно, происходил. Вы часто употребляете слова “аграрное общество”. Но возникает вопрос: а что вы называете “аграрным обществом”? Общество России или общество деревни? Общество России аграрным когда-то было, но уже с 90-х годов XIX в. называть его аграрным – значит, не знать историю. Это уже не аграрное общество. Это общество, которое встало на путь индустриализации, а деревня, соответственно, была вовлечена в этот процесс. Поэтому процесс индустриализации начался неизмеримо раньше. И занимал он в деревне (отходничество) достаточно большое место.

В этой связи возникает достаточно много вопросов о колхозной системе. Конечно, проще всего отбросить концепцию альтернативы, в равной мере считая, что сталинская коллективизация, как и ельцинская деколлективизация будет иметь один результат – капитализацию.

Но были и другие варианты развития, в том числе кооперативные. Ими можно пренебречь, но тогда это значит, что вы пренебрегаете довольно важной перспективой решения социальных проблем не только в деревне, но и в обществе в целом.

Вопрос, который здесь уже возник, о том, что процесс раскрестьянивания после ельцинской революции перешел в процесс окрестьянивания. Причем не только в деревнях Рязанской или Тамбовской области. Недавно мне пришлось слышать доклад на эту тему в Поволжье, от Казани до Волгограда. Что происходит в деревне? Образуются фермерские хозяйства? Они, конечно, есть, но численность их невелика. Это первое. И, во-вторых, первоначальная попытка создания массовой системы фермерских хозяйств, как известно, закончилась ничем. Они производят сейчас 2% продукции. Это в стране, в которой производство сельскохозяйственной продукции сократилось вдвое. Это результат коллективизации?

Мы производим сейчас половину продукции, по сравнению с прошлым временем. Причем качество этой продукции резко ухудшилось. Мы вынуждены закупать за рубежом продукцию, которую ранее прекрасно производили сами. В тех областях, которые я назвал, и в Поволжье, что происходит в деревне? Бывшие колхозники возрождают семейные хозяйства, получив клочок земли, они его обрабатывают для того, чтобы произвести на этом клочке земли сельскохозяйственную продукцию для семьи. На рынок выбрасывается ничтожная часть производимой продукции.

Результатом тех постсоветских аграрных реформ явилось возвращение сельского населения, крестьянства там, где это воз-

можно, к созданию крестьянского хозяйства традиционного, классического типа, т.е. семейного хозяйства. Вот результат.

Я думаю, здесь и терминологические вольности, и пренебрежение теми процессами, которые действительно происходят в сельском хозяйстве. Возьмите хотя бы последний статистический справочник и попробуйте осмыслить данные о динамике производства сельскохозяйственной продукции в плане тех идей, которые излагались сегодня в докладе.

В.Б. Жиромская. Я с любопытством прослушала доклад. Хорошо, что авторы обратились к демографической проблематике. При дальнейшей работе я бы пожелала авторам обратить внимание на ряд моментов.

Я не буду говорить о концепции Чайнова, поскольку она известна. Но говоря о современных концепциях демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения – пожалуй, сейчас наиболее спорной и актуальной темы демографической литературы, я бы, во-первых, посмотрела, правомерно ли использовать термин “разрушение демографического статуса”. Я его не встречала никогда в подобном контексте, и демографический переход к нему не сводится, им обычно не характеризуется. Можно сказать, что это изменение статуса, но это будет очень упрощенно.

И далее, на примере вологодской деревни я бы не торопилась с выводом о быстром развитии демографического перехода. В 1950-е годы в городах Центральной России фиксировался совершенно явно демографический переход, но о деревне в 1950-е годы я бы говорила с осторожностью, учитывая просто аномальную демографическую ситуацию в послевоенной деревне. Что касается 1930-х годов, то в отношении городов, конечно, можно говорить об элементах демографического перехода в России, но я очень сомневаюсь, что в вологодской деревне это просматривается. Поэтому я бы просто посоветовала рассматривать этот процесс в вологодской деревне на конкретных материалах. Это может быть очень любопытная работа. Рождаемость и смертность в тот период на Севере были очень высокими, что крайне не свойственно даже ранним стадиям демографического перехода. Я бы посоветовала обратить на это внимание и не пренебрегать конкретным материалом. В этом сила историка.

А.А. Иголкин. Я хотел бы внести ясность в понимание категории “капитал”. Помимо положения о “капитале” как о самовозрастающей стоимости, у Маркса есть еще несколько десятков определений “капитала”, но в практических исследованиях даже в советский период используется другой подход к капиталу, идущий от теории фактора. То есть считается или считалось, что в

практическом варианте есть четыре фактора: производство, труд, земля и капитал. Готовый продукт (или стоимость) создается этими факторами в разных пропорциях. Есть формулы, которые рассчитывают, каковы пропорции вклада труда, земли и капитала. Речь в докладе в основном шла о том, что доля капитала возрастает, а доля живого труда уменьшается, что полностью соответствует представлениям современной экономической науки о капитале. Учение Маркса о капитале касается совсем других вопросов, неприменимых к конкретным расчетам. Самовозрастающая стоимость – это нужно для теории эксплуатации. Я с уважением отношусь к этой теории, к концепции отчуждения и т.д., но для расчетов применяется формула Коба-Дугласа, где пропорция фактора “труд”, вклад фактора “капитал”, вклад фактора “земля” рассчитывается совсем по-другому.

В.П. Данилов. Просто надо иметь какое-то конкретное представление о капитале в колхозе, если в банковском счете колхоза основная величина – долги колхоза.

А.А. Иголкин. Нет. Речь идет о том, что новая стоимость, новый продукт создается либо живым трудом, либо овеществленным. Если этого овеществленного труда больше, то затраты живого труда могут быть меньше, а готовый продукт по своей стоимости может быть больше, т.е. существует соотношение пропорций.

В.М. Лавров. Положительным моментом является наличие тезисов*, с которыми можно ознакомиться заранее. Но одновременно: что написано пером, не вырубишь топором.

Самое главное, что в докладе, особенно в письменном варианте очень четко видно, что аграрный строй в России в 1930–1980 гг. – это аграрный капитализм. Третий тезис: Аграрный капитализм завершил свое становление в 1930–1980-е годы. 13-й тезис: Колхозы следует рассматривать как способ капитализации и важнейший механизм первоначального накопления. 44-й тезис: Деревня постепенно осваивает капитал, и он побеждает в 1970–1980 гг.

Вот такие утверждения в целом. Они не представляются достаточно обоснованными. По тезисам получается, что в 1970–1980 гг. у нас победил капитал. Не было этого!

Как строятся тезисы? Заявляется какое-то положение. Это не вывод, к которому приходят авторы постепенно, логически. Заявляется тезис, что победил капитал в 1970–1980 гг. И все.

В 44-м тезисе говорится: Социалистическая теория – это ширма буржуазной модернизации. В 1-м тезисе: Общественно-

---

* *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: Тезисы научного доклада. Вологда, 2003.

политическое устройство содержало элементы социалистичности. Это как?

Элементы социалистичности можно найти во Франции, в Англии, в Швеции. У нас же были не только элементы, но социалистический строй, социалистическая система. О социалистическом обществе несколько раз говорится в кавычках. Если социалистическое общество берется в кавычки, то какое у нас общество было?

Вопрос здесь принципиальный, потому что, если аграрный строй – капиталистический, если в целом у нас социализм в кавычках и только элементы социализма, то тогда нужно пересматривать всю историю XX в. Была ли коммунистическая партия коммунистической, если она строила только элементы социализма? Сразу встает вопрос, была ли социалистической Октябрьская революция? Встает вопрос по поводу холодной войны – почему мы несколько раз чуть не оказались втянутыми даже в ядерную войну, если у них капитализм в сельском хозяйстве и у нас? Если у них элементы социализма и у нас только элементы?

И еще один вопрос о терминах. Только один раз упоминается термин “СССР”. Везде – “Россия, Россия, Россия”. Все-таки мы жили в Советском Союзе.

Много здесь интересного, нужного. Сама тема сейчас очень важная. Но если индустриализацию называть капитализацией, если социализм путать с капитализмом, то получается попытка сделать крупное научное открытие в результате манипулирования терминами.

Кто-то мудрый сказал, что о терминах не спорят, а о терминах договариваются. Мы сейчас начинаем спорить о терминах, а между тем о них надо заранее договариваться и употреблять их нужно очень осторожно, иначе возникают вот такие вопросы.

Л.Н. Денисова. Развернувшаяся дискуссия, интересные вопросы и не менее интересные ответы дают нам право считать, что докладчики из Вологды привезли интересный доклад. Я выражу мнение большинства, поблагодарив их за то, что они приехали к нам из северного края, выступили перед нами, мы обменялись мнениями по столь важным и актуальным вопросам, даже если мы и не приходим к согласию. Главная задача исторической науки, в частности нашего совета, – обменяться мнениями по столь важному и очень актуальному вопросу, тем более это касается аграрной истории. Вологда – это, может быть, единственный островок, где действительно профессионально этим занимаются. Михаил Алексеевич организовал и возглавляет целую школу вологодских историков, где ежегодно защищается не одна диссертация именно по аграрной истории. Такого нет ни в одном вузе нашей

России и в бывшем Советском Союзе. Поэтому здесь мы должны отдать должное, что кадры куются в Вологде, и сегодня наша аграрная история практически напрямую связана не с нашим институтом, потому что в нашем институте аграрников остается очень мало.

Кроме того, они проводят и северные конференции, и аспирантура работает, и открыта докторантура. Я считаю, что все это положительные моменты для того, чтобы оценить их вклад в развитие аграрной науки.

О тематике уже очень много говорилось, поэтому я не буду повторяться и активно принимать чью-то сторону. Сегодня свыше 50% сельскохозяйственного продукта формируется за счет личного подсобного хозяйства и фермерства, – это уже говорит само за себя. Надо понимать, что это – выживание или новый этап окрестьянивания? На этот вопрос кто-то сегодня вряд ли может однозначно нам ответить: куда идет сейчас Россия, в какую сторону?

Сказанное о крестьянстве – “неудобный класс” – сегодня еще раз подтверждает, что не можем мы даже в такой квалифицированной аудитории спокойно и обоснованно договориться по одному из важнейших вопросов.

Мы должны пожелать успехов коллегам, сделать выводы из развернувшейся дискуссии.

Л.Н. Нежинский. Меня особенно удивила постановка вопроса о капитализации сельского хозяйства в России, в СССР и т.д. Это ваше право, будете ли вы дальше развивать этот подход, его конкретизировать в связи с теми замечаниями и предложениями, которые были, но хотел бы вас просить во введении или в тексте книги коснуться такого вопроса. У нас привыкли к тому, что когда речь идет о капитализации сельского хозяйства, то имеют в виду прежде всего те процессы, которые происходили в этой отрасли в наиболее развитых капиталистических государствах (я имею в виду Америку, Германию, Францию, Великобританию) и которые приводили к тому, что люди, работающие в аграрном секторе, стали активно и полностью обеспечивать продуктами сельского хозяйства свое население и свои страны, а многое даже и вывозить.

Там, где мы эти процессы рассматривали, имелось, прежде всего, две линии. Это, во-первых, образование в нарастающей степени процента сельских хозяйств и, во-вторых, образование в активной степени аграрных латифундий, т.е. крупных капиталистических владельцев больших участков земли, латифундий, которые дальше развиваются, нанимают наемных рабочих и т.д.

Я хочу обратить ваше внимание на этот тезис. Мне кажется, это будет очень полезно.

Я хочу пожелать вам, нашим коллегам из уважаемого Вологодского университета, и коллегам у нас в институте, и дальше заниматься разработкой темы “Аграрная история России”, не только “Аграрный строй России”, а именно “Аграрная история России в XX столетии”. Вот одна из кардинальнейших проблем и истории России, и всех главных направлений эволюции ее в XX столетии, и, кстати, не только в XX столетии, а и в XIX столетии и далее, и для нашего уже последующего столетия, уже XXI столетия, первые его годы.

Я думаю, это будет очень полезный труд и для вас, и для нас, и только можно пожелать дальше разрабатывать этот круг проблем.

М.А. Безнин. Я хочу поблагодарить всех принявших участие в обсуждении и сказать, что надо уточнять и терминологию, и учесть характеристику такого понятия, как разрушение демографического статуса и т.д.

Сразу же оговорю, что не на материале вологодской деревни строятся эти выводы, но и не на материале СССР. Я специально оговорился, потому что российские процессы, – то, что раньше называлось государственным образованием, РСФСР, – конечно, серьезно отличались от среднеазиатских и т.д. Поэтому мы выделяем территорию современной России. Понятно предложение усилить здесь показ материала. Я занимался в основном обобщением и просчитыванием, и статистика – это главная часть моего научного творчества.

Но есть главный вопрос. Я не буду здесь отвечать на такие замечания, что трактовка аграрного общества как уже завершившего трансформацию на начало XX в., если нет такой трактовки, то надо знать историю, как сказал Данилов. Завершая выступление, вы правильно сказали, что при изучении аграрной истории надо вычленять и главные моменты. В характеристике аграрного строя надо отвечать на вопрос, каков аграрный строй, и мы делаем попытку пересмотреть важнейшие его характеристики.

Я согласен с коллегой Иголкиным, который обратил внимание на то, что вне зависимости от самоназвания общества (да, оно называлось социалистическим), мы знаем в истории нашей страны и других стран примеры самоназваний, которые потом в нашей трактовке, в осмыслении получили иную характеристику. Это научное осмысление, это не пересказ процессов. В.М. Лавров обратил на это внимание, назвал целый ряд пунктов, когда происходит капитализация аграрной подсистемы.

Мне известен спор, который в отношении историографии русской аграрной истории в конце XIX и в начале XX в. имел место, и о том, как обосновывались предпосылки социалистической революции, и была тенденция некоей архаизации. Но на конец 1920-х годов XX в. общество, в котором большинство составляло крестьянство, которое большинство продуктов производило для себя, в котором в основе себестоимости произведенного продукта были факторы самовоспроизводства, а не капитала, не овеществленного труда, – это общество все-таки надо относить к аграрному.

Задан вопрос относительно времени, когда этот переход осуществился. Мы приводим позиции, касающиеся изменения места этого фактора капитала в аграрном производстве. Это начало 60-х годов – превышение 50-процентной грани, когда в себестоимости фиксируется большая доля капитала. На наш взгляд, это важнейшая характеристика экономической части аграрного строя, но не только аграрного строя.

Что касается социалистичности этих моментов, я еще раз хочу сказать, что здесь самооценка и идеологическая, политическая составляющая не обязательно, конечно, требует от нас солидаризации с такими оценками, так же как и тот фактор, что нападки на нас и существование другой системы отнюдь не означают, что только между социалистическими и капиталистическими государствами могли быть противоречия. Это было противоборство двух мощнейших центров власти – и экономической силы, и разных цивилизационных моментов, которые мы здесь наблюдаем.

И последнее – некая идеологическая составляющая этого момента. Нас упрекают в том, что мы по-другому называем социалистическое общество, чуть ли не снижаем его значение и т.д.

Я хочу напомнить, что вообще-то эта концепция не нами придумана и разрабатывается. Известен Фраянов, признанный историк мира. Вы знаете его публикации по отечественной истории.

Могу сказать, что, например, такой известный человек, как В.А. Купцов, один из лидеров нынешней Компартии, несколько сроков его депутатства у которого я был помощником, оценивает последние социальные процессы в советском обществе, тоже как тенденции, имеющие накопление, когда те, кто потом эти пай получил, реализовал свое право собственности в паях.

Я думаю, что в этом есть желание на конкретном материале проследить процесс. Процесс можно по-разному трактовать, а

вот увидеть реальные стороны процесса, а не только разрушение, я с этим согласился – декапитализация постсоветского, в том числе и аграрного пространства. Но есть и другие тенденции: не видеть нарастания доли капитализма в советское время нельзя.

Л.Н. Нежинский. Благодарим Вас за то, что Вы нашли время и силы выступить здесь у нас. Будем продолжать работать над этим очень интересным кругом проблем – и Вы, и наши коллеги. Будем еще встречаться, обсуждать, дискутировать и нарабатывать материалы по этой одной из важнейших сторон истории России в XX столетии.

В.И. Михеев

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОГПУ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1930 ГОДУ*

Исторический опыт деятельности отечественных органов безопасности в период проведения масштабных политических и социально-экономических преобразований представляется актуальным и в настоящее время. Развитие российской государственности, становление институтов власти, реформирование аграрного сектора, других сфер экономики не должно приводить к неоправданному расширению функций спецслужб, навязыванию несвойственных им задач.

Исторический опыт свидетельствует, что проведение политики коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания обострили политическую ситуацию в аграрных районах страны, обусловили кардинальные изменения в деятельности органов безопасности, их первоочередную ориентацию на обеспечение реализации государственных аграрных и репрессивных мероприятий, безусловную ликвидацию всех “контрреволюционных и повстанческих образований”. В рассматриваемый период органы ОГПУ столкнулись с массовыми проявлениями крестьянского сопротивления, перераставшими в широкое оппозиционное движение. Борьба крестьянства против сталинской коллективизации носила повсеместный и ожесточенный характер.

В конце 1929 – начале 1930 г. на территории Центрально-Черноземной области, одного из крупнейших аграрных районов страны, насильственная аграрная политика вызвала волну крестьянских выступлений. С декабря 1929 по 14 февраля 1930 г. в регионе было зарегистрировано 38 массовых выступлений, в которых участвовало 25 170 человек. По данным окружных отделов ОГПУ, подавляющее большинство акций протеста сельского населения было направлено против проведения коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания.

С 12 января по 14 февраля 1930 г. только в одном Острогжском округе ЦЧО произошло 16 массовых крестьянских выступлений. В отдельных местах количество восставших достигало двух и более тысяч человек.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 21 апреля 2005 г.

По классификации органов ОГПУ, крестьянские выступления носили “повстанческий” или “полуповстанческий” характер. Часть из них подготавливалась заранее, для руководства создавались группы из числа “авторитетных и решительных крестьян”, которые предпринимали попытки придать повстанческим выступлениям массовый и организованный характер¹.

Анализ массовых крестьянских выступлений показывает, что с января по март 1930 г. наиболее “пораженными контрреволюционными восстаниями” оказались Курский (48 выступлений), Козловский (48), Елецкий (35), Острогожский (25), Усманский (25), Борисоглебский (19), Льговский (9), Орловский (9) округа Центрально-Черноземной области.

Характер и динамику крестьянского протеста также можно проиллюстрировать следующими данными:

Январь 1930 г. – 60 выступлений (из них 23 вызваны проведением коллективизации, 9 – изъятием “антисоветского элемента”);

Февраль 1930 г. – 82 выступления (из них 61 – коллективизация, 16 – изъятие “антисоветского элемента”);

Март 1930 г. (15 дней) – 123 выступления (из них 81 – коллективизация, 30 – изъятие “антисоветского элемента”).

Итого – 265 выступлений (из них 165 – коллективизация, 55 – изъятие “антисоветского элемента”).

В Центрально-Черноземной области в выступлениях приняли участие: в январе 1930 г. – 30 170 чел.; в феврале 1930 г. – 35 350 чел.; в марте 1930 г. (15 дней) – 31 000 чел.²

Массовые выступления крестьянства, многочисленные акции протеста против насильственных методов сталинской коллективизации обострили политическую ситуацию в Центрально-Черноземной области.

Задачи органов ОГПУ в период коллективизации заключались в выявлении и ликвидации “контрреволюционного актива”, различных повстанческих и террористических проявлений, обеспечении проведения политики ликвидации “кулачества”³.

11 января 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода дает указание руководящим работникам ОГПУ о разработке репрессивно-административных мер в отношении “кулачества”. Основной акцент делался на то, что “кулак как класс должен быть уничтожен”. По мнению Г.Г. Ягоды, “при сплошной коллективизации кулачество будет оказывать ожесточенное, яростное сопротивление... От повстанческих заговоров, от контрреволюционных кулацких организаций до поджогов, террористических актов включительно”. При этом высказывались опасения, что если по “кулаку” не будет нанесен удар, то к вес-

не 1930 г. будут иметь место сплошные восстания и срыв посевной кампании⁴.

С целью предотвращения массовых крестьянских восстаний был выработан подход для разработки репрессивно-административных мер: особо злостных “кулаков” заключать в лагеря, их семьи выселять; “кулаков”, ведущих антисоветскую агитацию, направлять на поселение и т.д.⁵

Органами ОГПУ в срочном порядке решался вопрос об открытии новых и расширении имевшихся лагерей, порядке организации и использования труда семей ссыльных крестьян в районах Крайнего Севера, пустынных мест Казахстана и т.д.⁶

Введенная система санкций для “кулачества” включала шесть основных положений:

ст. 58-8, 59-9 УК РСФСР предусматривали ответственность за подготовку террористического акта;

ст. 58-10 УК РСФСР – за агитацию, направленную к срыву сельскохозяйственных работ;

ст. 73-1 УК РСФСР – за угрозы в отношении советских и общественных работников;

ст. 79 УК РСФСР – за попытку или разбор конфискованного имущества;

ст. 79-1 УК РСФСР – обвинение в подстрекательстве или убое скота;

ст. 16 и 79 УК РСФСР – повреждение имущества, подлежащего передаче в колхоз.

Наибольшее распространение в практике деятельности органов ОГПУ получила ст. 58-10 УК РСФСР. Обвиняемые по этой статье могли получить наказание от трех лет до высшей меры.

В результате спешки при проведении репрессивно-административных мер были допущены многочисленные нарушения законности. Уже в январе 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода дает жесткое указание начальнику Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимову о необходимости прекращения беспорядочных массовых арестов⁷.

Однако маховик репрессий раскручивался с неумолимой быстротой. Директива ОГПУ от 25 января 1930 г. “О принятии мер по организованному раскулачиванию и выселению кулаков” санкционировала направление на рассмотрение дел во внесудебном порядке на так называемый “махровый антисоветский и контрреволюционный кулацко-белогвардейский элемент”⁸.

В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. (под грифом “Совершенно секретно”) “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации” давались четкие указания органам ОГПУ о проведении

мероприятий по ликвидации “кулацких” хозяйств, высылке и расселении “кулаков”⁹.

Согласно данному документу, “кулачество” было разделено на три категории.

Первая категория – “контрреволюционный кулацкий актив” подлежал немедленной ликвидации путем заключения в концлагеря, в отношении “организаторов террористических актов, контрреволюционных выступлений и повстанческих организаций” применялась высшая мера репрессий.

Вторую категорию составляли остальные элементы “кулацкого актива”, особенно из наиболее богатых “кулаков и полупомещиков”, которые подлежали высылке в отдаленные местности СССР и в пределах данного территориального образования в отдаленные его районы.

В третью категорию входили оставляемые в пределах района “кулаки”, которые подлежали расселению на новых участках, отводимых им за пределами колхозных хозяйств.

Органы ОГПУ должны были провести указанные репрессивные меры в отношении первой и второй категорий “кулаков” в течение четырех месяцев (февраль–май 1930 г.), т.е. направить в концлагеря примерно 60 тыс. и подвергнуть выселению в отдаленные районы примерно 150 тыс. “кулаков”. Проведение этих мероприятий было поставлено в зависимость от темпа проведения коллективизации отдельных областей СССР.

Высылка должна была проводиться следующим образом: в округа Северного края – 70 тыс. семейств; Сибири – 50 тыс.; Урала – 20–25 тыс.; Казахстана – 20–25 тыс. семейств. Районы высылки представляли собой необжитые и малообжитые местности. Высылаемые “кулаки” подлежали расселению в этих районах небольшими поселками, которые управлялись назначаемыми комендантами¹⁰.

В Центрально-Черноземной области подлежали заключению в концлагеря 3–5 тыс. крестьянских семейств, высылке – 10–15 тыс.¹¹

На время проведения кампании по ликвидации “кулацких” хозяйств ОГПУ было предоставлено право передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел полномочным представителям ОГПУ в областях. В этих случаях рассмотрение дел производилось совместно с представителями обкомов ВКП(б) и прокуратуры. Штаты ОГПУ увеличивались на 800 чел., состав войск ОГПУ – на 1000 штыков и сабель¹². Фактически, как указывает Н.А. Ивницкий, войска ОГПУ получили 6200 “штыков и сабель”, сотни пулеметов, тысячи винтовок и револьверов, боеприпасы к ним, а также грузовые и бронемашины,

другое военное снаряжение. В 1930 г. войска ОГПУ и части Красной Армии участвовали в ликвидации 993 крестьянских восстаний, произошедших в различных районах страны. При этом в ряде случаев применялись артиллерия, броневики и даже авиация¹³.

При этом на заседании коллегии ОГПУ с участием полномочных представителей и руководящих работников ведущих отделов ОГПУ, которое состоялось 30–31 января 1930 г., по вопросу о ликвидации “кулачества” особо было подчеркнуто, что части Красной Армии к операциям по выселению “кулачества” ни в коем случае не привлекать. Их использование допускалось лишь в крайних случаях при возникновении массовых крестьянских восстаний. Также по согласованию с областными партийными организациями, командованием РККА и ПП ОГПУ (полномочными представителями органов безопасности) необходимо было иметь в районах, где наблюдались повстанческие выступления, надежные войсковые группы из частей Красной Армии, профильтрованных Особыми отделами ОГПУ¹⁴.

В январе 1930 г. в связи с разработкой конкретных планов выселения “кулаков” при Полномочном представительстве ОГПУ по Центрально-Черноземной области (на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 мая 1928 г. на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний образуется Центрально-Черноземная область с центром в г. Воронеже) была организована специальная оперативная группа, которая координировала оперативные и технические вопросы предстоящей операции, а также мероприятия по ликвидации “контрреволюционных организаций и повстанческих группировок”¹⁵.

При Полномочном представительстве ОГПУ по ЦЧО, на случай нештатных ситуаций, создавался чекистско-военный резерв. В распоряжение окружных отделов органов безопасности Центрально-Черноземной области были предоставлены маневренные группы из частей ОГПУ¹⁶.

Основополагающий приказ ОГПУ от 2 февраля 1930 г. № 44/21 “О мероприятиях по ликвидации кулачества как класса” был разработан на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации” (от 30 января 1930. г.) и содержал основные его положения¹⁷.

Для выполнения поставленных задач в приказе ОГПУ было указано на необходимость в кратчайший срок закончить ликвидацию всех действовавших “контрреволюционных” организаций, группировок и банд, активных “контрреволюционных” одиночек. Обеспечить быстрое проведение следствия по делам этих ка-

тегорий и срочное рассмотрение дел во внесудебном порядке должны были “тройки” ПП ОГПУ. В период кампании по выселению “кулаков” “тройки” ПП ОГПУ рассматривали без малейшего промедления все дела в отношении данных категорий.

Для рассмотрения дел на лиц, проходивших по первой категории, в полномочных представительствах ОГПУ создавались “тройки” с представителями от партийных комитетов ВКП(б) и прокуратуры. Состав “троек” утверждался коллегией ОГПУ.

Для непосредственного руководства операциями по выселению “кулаков” и их семейств (вторая категория), концентрации всех материалов по операции и организации постоянной связи с центром и периферией распоряжением полномочных представителей ОГПУ организовывались оперативные “тройки”. В окружных отделах ОГПУ создавались оперативные “тройки” во главе с начальником отдела ОГПУ, в районах – районные оперативные группы. Для приема, учета и бесперебойной отправки высылаемых крестьян организовывались сборные пункты во главе с комендантом. При них действовали специальные агентурно-следственные группы органов безопасности.

4 февраля 1930 г. Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР постановил предоставить ОГПУ право на период проведения кампании по ликвидации “кулачества” передоверять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ краев и областей. Внесудебное рассмотрение дел производилось с участием представителей облисполкомов (крайисполкомов) и прокуратуры¹⁸.

В условиях обострившейся политической и оперативной обстановки, выполняя партийные директивы и указания, Полномочное представительство ОГПУ по ЦЧО, окружные отделы органов ОГПУ участвовали в ликвидации массовых крестьянских выступлений, которые объективно сопровождались физическим насилием над работниками низового советского аппарата, сельскими активистами и т.д., грабежами и убийствами.

В целях ликвидации массовых крестьянских выступлений и восстаний, распространившихся на территории всей Центрально-Черноземной области, органы безопасности активно применяли вооруженную силу.

Так, в феврале 1930 г. повстанческие выступления на территории Козловского и Елецкого округов ЦЧО были пресечены в результате действий оперативных групп окружных отделов ОГПУ совместно с приданной чекистско-войсковой группой из г. Москвы. С помощью воинских частей ОГПУ чекистам удалось предотвратить разрушение железнодорожных путей, организовать их охрану.

Воинские части ОГПУ принимали участие в ликвидации массового крестьянского выступления в селе Полтавка Репьевского района Острогожского округа. В ходе столкновения было убито 4 повстанца, 105 человек арестовано.

Наиболее затяжными явились крестьянские выступления (4 тыс. участников) в феврале 1930 г. в Борисоглебском округе. Их центром были села Тишанка, Александровка, Шанино и Новая Чигла. Между повстанцами данных сел установилась тесная связь¹⁹.

19 февраля 1930 г. для ликвидации крестьянских выступлений в Борисоглебский округ прибыла маневренная группа войск ОГПУ. Наличие военной силы позволило прекратить сопротивление. Сотрудники ОГПУ на основании имевшихся оперативных материалов задержали 60 повстанцев, бывших участников вооруженной борьбы в начале 1920-х годов на территории Центрального Черноземья.

Однако в селе Новая Чигла крестьяне продолжали оказывать упорное сопротивление, пытались разоружить красноармейцев дивизиона ОГПУ. На помощь красноармейцам была выслана маневренная группа войск ОГПУ из г. Острогожска. В этом селе чекистами в результате проведения специальной операции была ликвидирована “крестьянская повстанческая группировка”.

В Центрально-Черноземной области в борьбе с крестьянскими повстанческими выступлениями участвовали части отдельной дивизии особого назначения ОГПУ, которые отличились в проведении чекистско-войсковых операций на территории Льговского, Острогожского и Елецкого округов. При их участии в январе–феврале 1930 г. были ликвидированы 132 крестьянские группы сопротивления²⁰.

Для пополнения войск ОГПУ в целях борьбы с крестьянскими восстаниями в феврале 1930 г. в Центрально-Черноземной области были сформированы кавалерийский полк и стрелковые подразделения. Воинские части дислоцировались в городах Воронеже, Курске, Тамбове и Россоше²¹.

В 1930 г. в чекистско-войсковых операциях по ликвидации вооруженного крестьянского сопротивления на территории ЦЧО активное участие принимала дивизия особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского, школа 1-го Белорусского полка войск ОГПУ и 11-й Воронежский кавалерийский полк²².

Опыт применения войск ОГПУ показывает, что они использовались для ликвидации массовых крестьянских выступлений; борьбы с бандитизмом; изъятия “кулацкого и контрреволюционного актива”; проведения выселения “кулачества”²³.

В отношении действий войск ОГПУ в Центрально-Черноземном регионе отмечалось применение тактических приемов в ликвидации бандитизма и массовых крестьянских выступлений; способность начальствующего состава войск ОГПУ выполнять оперативно-чекистские задания; сочетание решительности в применении оружия с разъяснительной политической работой²⁴.

В качестве отрицательных моментов в действиях войск ОГПУ констатировались случаи нерешительности и нераспорядительности начальствующего состава войск ОГПУ; неосведомленность начальствующего состава выделяемых отрядов войск ОГПУ о характере предстоящей операции; недостаточное взаимодействие между чекистскими и войсковыми подразделениями, в частности слабое использование данных чекистской разведки; в ряде случаев отмечалась несогласованность действий между оперативным руководством и строевым командованием выделяемых отрядов²⁵.

В начале 1930 г. органы ОГПУ усилили охрану и оперативное обслуживание всех пунктов, где хранились оружие, боеприпасы и артиллерийское имущество, так как еще в 1929 г. были получены оперативные данные о возможных нападениях повстанцев на воинские части и их склады с целью завладения оружием и боеприпасами.

Однако, несмотря на присутствие в регионе войск ОГПУ, 27 февраля 1930 г. руководители Центрально-Черноземной области во главе с первым секретарем обкома ВКП(б) И.М. Варейкисом направили телеграмму И.В. Сталину, в которой говорилось: "Наличных войск ОГПУ... в области явно недостаточно. ...Считаю необходимым либо увеличить для области общее число войск ОГПУ, либо разрешить... брать в крайних случаях отдельные проверенные части РККА"²⁶.

В свою очередь Полномочное представительство ОГПУ по ЦЧО запросило разрешение у зам. председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды и начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Е.Г. Евдокимова использовать в "угрожаемых" районах отдельные части РККА, усилить состав внутренних войск ОГПУ в Центрально-Черноземной области двумя дивизионами, из них одним кавалерийским²⁷.

В результате было разрешено при ликвидации крупных повстанческих выступлений, как, например, в Острогжском округе применять части 56-го, 57-го и 165-го стрелковых полков, 10-го корпусного артиллерийского полка РККА. В связи с этим была усилена работа ОГПУ в воинских частях по пресечению распространения антиколхозных настроений среди красноармейцев.

При проведении специальных операций воинские подразделения РККА тесно взаимодействовали с оперативными группами ОГПУ, обеспечивавшими общее оперативное руководство. В случае оказания вооруженного сопротивления со стороны восставших части РККА и ОГПУ блокировали населенные пункты, проводили изъятие у населения оружия и боеприпасов, задерживали активных участников крестьянских выступлений.

Так, при ликвидации массового выступления в селе Платава Острогожского округа объединенный воинский отряд РККА и ОГПУ был блокирован восставшими крестьянами численностью от 200 до 600 человек. Крестьяне были вооружены винтовками и охотничьими ружьями. Командиром отряда РККА и ОГПУ был отдан приказ о предупредительных выстрелах из пулемета по верхушкам деревьев. Пользуясь замешательством повстанцев, уполномоченные ОГПУ задержали руководителей крестьянского выступления²⁸.

Периодически окружные отделы ОГПУ применяли ночную тактику осуществления чекистско-войсковых операций, особенно в случае активного сопротивления крестьянства и во избежание кровопролития, так как в ряде крестьянских выступлений ведущую роль играли женщины.

К проведению чекистско-войсковых операций привлекались и сотрудники органов внутренних дел. Органы ОГПУ совместно с уголовным розыском проводили мероприятия по борьбе с бандитизмом. На случай массовых выступлений крестьянства в отделах внутренних дел создавались также специальные вооруженные группы²⁹.

Следует отметить, что окружные отделы ОГПУ Центрально-Черноземной области не всегда имели время тщательно оценить и перепроверить полученную информацию о лидерах и активе повстанцев. Волна массовых акций крестьянского протеста заставляла чекистов действовать в условиях постоянно меняющейся обстановки. Сведения о крестьянских выступлениях постоянно поступали в органы безопасности из партийных, советских учреждений, милиции, непосредственно с мест.

В ликвидации массовых крестьянских выступлений в январе–феврале 1930 г. активно принимали участие маневренные оперативно-чекистские группы, состоявшие из сотрудников окружных отделов, районных уполномоченных ОГПУ. Они постоянно действовали в “угрожаемых районах”, проводили мероприятия по задержанию “повстанчески настроенных крестьян”, изымали у населения оружие и боеприпасы, координировали свои действия с органами местной власти, командованием воинских частей.

В январе – начале марта 1930 г. ими была пресечена деятельность так называемых 9 “контрреволюционных организаций”, 506 “повстанческих группировок”³⁰.

На 13 марта 1930 г. обстановка в Центрально-Черноземной области продолжала оставаться напряженной. Массовыми выступлениями были охвачены 8 округов области (Усманский, Острогожский, Льговский, Елецкий, Курский, Орловский и др.). В конце марта 1930 г. были зафиксированы крупные восстания в селах Сухо-Березовка, Коршево, Липовка, Мечетка, Семено-Александровское, Пчелиновка и др.³¹

Наиболее значительными оказались выступления в селах Сухая Березовка и Коршево Бобровского района. Здесь в период с 22 по 29 марта 1930 г. в восстании приняли участие свыше 30 тысяч человек³².

Данные крестьянские выступления были ликвидированы при активном участии органов ОГПУ в результате применения жестких репрессивных мер. В восставшие села направлялись судебно-следственные бригады, которые проводили массовые аресты и организовывали перевыборы всей местной администрации.

Сотрудники окружных отделов ОГПУ тесно координировали свою деятельность по противодействию крестьянским восстаниям с районными и окружными органами власти. При проведении операций по изъятию зачинщиков повстанческих выступлений использовались вооруженные отряды коммунистов и милиционеров. Их члены хорошо знали местность предстоящей операции, лично были знакомы с участниками крестьянских выступлений.

Однако, анализируя ситуацию на местах, органы ОГПУ констатировали, что в случае возникновения крестьянского восстания в том или ином районе среди комсомольско-партийных организаций региона отсутствует всякая готовность к защите³³.

Поэтому в январе 1930 г. обком Центрально-Черноземной области принял секретное постановление “О коммунистических отрядах при парткомах”, которое обязывало окружкомы и райкомы ВКП(б) иметь скрытые, обученные военные отряды, всегда готовые участвовать в боевых операциях.

Боевые коммунистические отряды создавались из надежных и проверенных коммунистов и комсомольцев. Сотрудники ОГПУ принимали в этом деле также непосредственное участие. На базе Осоавиахима организовывались пункты подготовки и обучения боевых отрядов стрелковому делу. При помощи органов ОГПУ при каждом райкоме ВКП(б) Центрального Черноземья был образован специальный отряд в количестве 25 человек во главе с командиром Красной Армии. В райкомах ВКП(б) организовывалось ночное дежурство. Почтово-телеграфные отделения обяза-

вались в любое время суток обеспечивать связь. Все райкомы ВКП(б) имели круглосуточную связь не только со своим округом, но и с соседними районами. Для передвижения боевых отрядов и оперативно-маневренных групп ОГПУ учитывался и мобилизовывался весь автотранспорт округов. На железнодорожных станциях окружных центров выделялся дежурный паровоз и несколько вагонов³⁴.

Весной 1930 г. Полномочное представительство ОГПУ по Центрально-Черноземной области сформировало и направило в каждый округ оперативные и маневренные группы из числа войск ОГПУ.

Так, в марте 1930 г. в Козловском округе в ликвидации массовых крестьянских выступлений принимали участие две оперативные группы органов безопасности, а также маневренные группы из состава кавалерийского дивизиона и двух стрелковых взводов войск ОГПУ³⁵. Оперативные группы ОГПУ активно работали в Щигровском, Золотухинском, Колпнянском, Обоянском и др. районах ЦЧО.

Это видно на примере проведения специальной операции 9 марта 1930 г. в селе Петровское Щигровского района Курского округа, где чекистам было оказано со стороны восставших крестьян вооруженное сопротивление. Несмотря на предложение разойтись и предупредительный залп оперативной группы ОГПУ, восставшие открыли огонь. В ходе вооруженного столкновения было убито 3 человека. Сотрудники ОГПУ арестовали инициаторов антиколхозного выступления.

В 1930 г. оперативные группы окружного отдела ОГПУ Усманского округа участвовали в ликвидации массовых крестьянских выступлений в Добринском районе округа. Определенную стабилизацию обстановки чекистам удалось достигнуть не только путем применения силы, но и путем проведения разъяснительной работы среди крестьянства. Хотя опыт проведения разъяснительных мероприятий показывал всю сложность их организации в условиях массового крестьянского протеста, перегибов, злоупотреблений и ошибок политики коллективизации.

В справке Информационного отдела ОГПУ "О перегибах и искривлениях в ходе раскулачивания и коллективизации и антисоветских выступлениях в Центрально-Черноземной области (по материалам с 1 января по 18 марта 1930 г)" особое внимание обращалось на то обстоятельство, что при расследовании случаев массовых крестьянских выступлений необходимо было установить причины их возникновения. По мнению чекистов, причины крестьянского сопротивления были тесно связаны с перегибами в проведении политики коллективизации сельского хозяйства.

В качестве наиболее опасных перегибов и искривлений политики ВКП(б) назывались следующие: принудительное, в административном порядке, обобществление скота и семфонда; проведение коллективизации под нажимом и угрозами; включение в ряде случаев в списки раскулаченных середняков, бедняков, семей красноармейцев и даже рабочих; аресты по незначительному поводу бедняков и середняков; насилие и издевательство над крестьянами со стороны работников низового советского аппарата, уполномоченных по коллективизации³⁶.

Особо указывалось, что это обстоятельство активно использовали “контрреволюционно настроенные лица”, стремившиеся поднять крестьянские массы на вооруженные восстания.

Констатация сложившейся кризисной ситуации содержалась и в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 марта 1930 г. “О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении”, в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. “О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии”, в статьях И.В. Сталина “Головокружение от успехов” (2 марта 1930 г.) и “Ответ товарищам колхозникам” (3 апреля 1930 г.).

Так, в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. “О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении” отмечались последствия ударных темпов колхозного строительства: «В ряде районов при организации колхозов добровольность заменяется принуждением под угрозой раскулачивания, лишения избирательных прав... В результате в число “раскулаченных” попадает часть середняков и даже бедняков, причем в некоторых районах процент “раскулаченных” доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав до 15–20»³⁷.

В свою очередь в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. “О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии” признавались грубые нарушения политики партии в деревне, которые привели к игнорированию принципа добровольности при проведении коллективизации³⁸. Констатировалось, что и политика “ликвидации кулачества как класса” на практике свелась к мародерству и расхищению имущества, “раскулачиванию” и лишению избирательных прав середняков и даже бедняков, к незаконным арестам, грубости и издевательствам со стороны местных партийных и советских работников. Указывалось, что в результате такого положения дел возникли массовые крестьянские выступления, сложилась угрожающая ситуация в различных районах страны, в том числе в ЦЧО. Центрально-Черноземная область приравнивалась к региону с наличием большого количества антиколхозных повстанческих выступлений.

На основании выявленных искривлений партийной линии Центральный Комитет ВКП(б) указал на недопустимость втягивания частей Красной Армии в борьбу с массовыми выступлениями в деревне, запретил без санкции руководства ОГПУ направлять воинские подразделения ОГПУ в мятежные районы. В отношении партийных работников, допуская перегибы и грубые политические ошибки, в закрытом письме содержалась угроза принятия самых решительных мер вплоть до исключения из партии³⁹.

С 15 января по 15 апреля 1930 г. в ЦЧО подверглись раскулачиванию 76 222 крестьянских хозяйства⁴⁰. В дальнейшем порядка 40% были признаны как “незаконно раскулаченные”.

Однако, несмотря на это, в 1930 г. органы ОГПУ сталкиваются на территории Центрально-Черноземной области с проявлениями не только стихийного, но и организованного крестьянского сопротивления.

Так, в ходе ликвидации крестьянского восстания в селе Липовка Лосевского района Россошанского округа, в котором участвовало свыше 2 тыс. человек, органы безопасности получили информацию о том, что в селе образован штаб повстанцев. Вооруженные повстанческие отряды разбиты на взводы. На окраине села выставлена охрана, установлен наблюдательный пункт на колокольне. На площади периодически проходят митинги, на которых выдвигаются требования о прекращении политики коллективизации и раскулачивания. Восставшие крестьяне пытаются установить связь с соседними селами для координации вооруженных выступлений⁴¹.

Крестьяне села Липовка отклонили предложение представителей ОГПУ о сдаче. Вооруженные силы восставших в количестве около 1 тыс. человек, рассыпавшись в цепь, открыли стрельбу по наступавшему отряду ОГПУ. В ходе ожесточенного боя было убито 18 восставших крестьян, потери понес и отряд ОГПУ. Чекисты изъяли у плененных крестьян обрезы, винтовки, охотничьи ружья, боеприпасы. Часть повстанцев, прорвавшись из окружения, укрылась в близлежащем Шиповском лесу. В дальнейшем с целью блокирования и ликвидации остатков вооруженного повстанческого отряда проводилась специальная чекистско-войсковая операция.

Из документов ОГПУ Центрального Черноземья следует, что в процессе ликвидации крестьянских повстанческих формирований органами ОГПУ решались следующие задачи: получение информации о “повстанчески настроенных крестьянах”, вынашивавших планы организации антиколхозных выступлений и восстаний; выявление политических настроений крестьянского

населения; выявление лиц, имевших, хранивших и приобретавших огнестрельное оружие и боеприпасы; изучение и разработка лидеров повстанческих формирований; изучение их связей и ближайшего окружения; наблюдение за объектами оперативного учета.

Контингентами оперативной разработки и оперативного изучения ОГПУ являлись: “кулаки” (местные и беглые); бандиты, их пособники и укрыватели; родственники бандитов; бывшие участники повстанческого крестьянского движения; бывшие офицеры, унтер-офицеры, рядовые царской армии, белого движения; бывшие офицеры и служащие полицейских и судебных учреждений, контрразведывательных органов свергнутого политического режима; бывшие помещики, купцы, крупные торговцы; бывшие члены и сторонники буржуазных и левых политических партий и течений⁴².

При планировании проведения специальных операций чекистами принималась в расчет территориальная ограниченность в деятельности вооруженного повстанческого формирования. Это позволяло в определенных случаях предугадывать места возможного расположения повстанцев, маршруты их передвижения, вероятные планы совершения вооруженных акций, оперативно организовывать переброску маневренных групп войск ОГПУ.

При расследовании причин массового крестьянского протеста, например, в Львовском, Борисоглебском и Острогожском округах ЦЧО отделы ОГПУ добивались освобождения незаконно арестованных бедняков и середняков, что резко снижало угрозу возникновения новых крестьянских восстаний.

В то же время в 1930 г. с целью предотвращения повстанческих и террористических акций в ходе выселения “кулачества” чекистами часто применялась вооруженная сила. В большинстве районов Центрально-Черноземной области были зафиксированы столкновения сельского населения с частями войск ОГПУ⁴³.

В 1930 г. оперативные группы ОГПУ ликвидировали “повстанческие группировки” в селах Икорец, Верхний Икорец, Азовка Острогожского округа, подготавливавшие организованные акции крестьянского протеста; в селах Пахотное Бондарского района и Беломестная Двойня Тамбовско-Пригородного района Тамбовского округа, где руководители повстанцев были из числа бывших сторонников Антонова. В этих районах восставшие имели запасы огнестрельного оружия, проводили агитацию в поддержку всеобщего вооруженного выступления.

Повышенное внимание чекисты уделяли выявлению и пресечению деятельности организованных повстанческих групп и отрядов, состоявших из сторонников Антонова. Бывшие антонов-

цы в сводках характеризовались как непримиримые противники политического режима. Их повстанческие отряды с особой жестокостью и дерзостью совершали нападения на партийных и комсомольских работников, местные органы власти, отделы милиции, заготконторы, склады и колхозы, совершали террористические акты. В контролируемых ими селах свергалась советская власть, в ряде случаев выбирались старосты. “Кулаки” вселялись в свои дома, им возвращалось все имущество, отобранное в период коллективизации. В селах устанавливалась “свобода слова”, создавались “регулярные воинские отряды”, которые несли охранную службу, патрулировали окрестности, следили за общественным порядком. Наблюдалась попытка разоружить боевые коммунистические отряды, а также подразделения милиции и ОГПУ.

Для получения информации о повстанцах чекисты использовали различные возможности, в том числе помощь добровольных помощников из числа крестьян, комсомольского актива. Повсеместно осуществлялось изучение действовавших повстанческих группировок с целью получения сведений: о руководителях и активе повстанческого отряда; его численности и структуре; о связях повстанцев в своем районе с другими населенными пунктами; о планах и намерениях повстанцев, возможных местах их расположения; о наличии оружия, местах и способах его приобретения.

Органы ОГПУ стремились постоянно оказывать на повстанцев информационно-психологическое влияние, проводили мероприятия по внесению противоречий и раскола в ряды восставших, разложению их вооруженных формирований. После ликвидации повстанческого отряда и отъезда оперативной группы ОГПУ из населенного пункта на его территории по-прежнему проводилось систематическое наблюдение за оставшимися членами повстанческих формирований. Большое значение придавалось любым сведениям о новых приготовлениях к вооруженным восстаниям и выступлениям. Своевременно полученная информация давала возможность отделам ОГПУ перебросить в мятежный район оперативную группу или получить разрешение на использование частей войск ОГПУ⁴⁴.

В определенных случаях с целью проведения комплексной разработки крупных формирований восставших сотрудники органов безопасности лично внедрялись в повстанческие отряды.

Так, ликвидированная в апреле 1930 г. “повстанческая организация” в Песковском районе Борисоглебского округа, по материалам ОГПУ, еще с осени 1929 г. поддерживала связь с казачеством Хоперского округа. Повстанцы, подготавливая вооружен-

ное восстание, вербовали в свою организацию крестьян, имевших боевой опыт, в том числе середняков и бедняков⁴⁵. В ее ряды был внедрен сотрудник органов ОГПУ, командированный с этой целью из г. Воронежа. Это предопределило результат данной чекистской спецоперации.

Внедрение кадрового сотрудника ОГПУ было осуществлено также при ликвидации повстанческого отряда в Острогжском округе, который возглавлял бывший белый офицер Суханов. Повстанцы проводили террористические акты в отношении партийного и советского актива, пытались добыть оружие путем осуществления налетов на отделы милиции.

В 1930 г. для предотвращения массовых крестьянских выступлений органы ОГПУ совместно с региональными властями проводили отдельные мероприятия по укреплению низового советского и партийного аппарата, увольняли дискредитировавших себя должностных лиц.

Определенный перелом в настроениях сельского населения, находившегося под влиянием повстанческих образований, был достигнут в результате открытия совместно с обкомом ВКП(б) ЦЧО закрытых в административном порядке православных церквей. Всего было открыто 717 церквей⁴⁶.

Еще в закрытом письме ЦК ВКП(б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии» одной из причин массового крестьянского протеста называлось головоуятие с административным закрытием церквей, доходившее до грубого издевательства над религиозными чувствами крестьян⁴⁷.

Кроме этого, органами ОГПУ совместно с партийно-советскими организациями проводилась работа по исправлению перегибов, допущенных во время коллективизации и раскулачивания. Часть крестьянства была восстановлена в избирательных правах, возвращено имущество незаконно раскулаченным представителям сельского населения, привлечены к судебной и административной ответственности председатели сельских советов, низовые советские и партийные работники, уполномоченные райисполкомов, повинные в проведении массовых репрессий. К июню 1930 г. в ЦЧО было привлечено к ответственности по делам, связанным с перегибами в коллективизации, 3275 местных работников. Из них осужден 1201 человек⁴⁸.

Указанные меры позволили уменьшить накал массового крестьянского сопротивления. Однако не была преодолена практика незаконных арестов крестьян председателями сельсоветов, районными уполномоченными и др. Об опасности данных проявлений неоднократно сообщали окружные отделы ОГПУ ЦЧО.

Так, Льговский отдел ОГПУ добивался, чтобы аресты производили только сотрудники органов безопасности, следствия и милиции⁴⁹. Иная практика, по мнению чекистов, приводила только к новым массовым вспышкам крестьянского протеста.

В 1930 г., по данным ОГПУ, многие “повстанческие образования” в Центральной-Черноземной области возглавляли бывшие офицеры царской и белой армии, как, например, повстанческая организация бывшего штабс-капитана Орлова, которая насчитывала 55 человек⁵⁰. Повстанческая организация действовала на территории Буденовского, Алексеевского и Уразовского районов Острогожского округа и охватывала 11 населенных пунктов.

С целью ликвидации повстанческих организаций органы ОГПУ подготавливали специальные операции. Специальные операции, как следует из документов ОГПУ, подразделялись на следующие виды: одновременная специальная операция по всем пунктам нахождения ответвлений и ячеек повстанческой организации; специальная операция по отдельным группам пунктов; специальная операция, проводившаяся последовательно по каждому населенному пункту⁵¹.

На характер специальной операции определяющее влияние оказывали такие моменты, как численность повстанческой организации, разветвленность ее структуры, связи с другими районами и округами, наличие оружия, планы восставших, общественная опасность их действий.

В 1930 г. чекисты пресекли попытки восстановления в регионе ячеек партии социалистов-революционеров. Такие попытки были зафиксированы еще в 1926–1927 гг. Тогда в качестве легального прикрытия для деятельности сторонников партии эсеров использовался низовой кооперативный аппарат.

В период коллективизации эсеры проводили активную пропагандистскую работу среди крестьянства, поднимали население на вооруженную борьбу с властью. В 1930 г. на территории региона чекисты установили и ликвидировали “повстанческие группы” эсеров Васильева, Матушкина, Ключева, Глухова (Тамбовский район), Пospelова (Пичаевский район Тамбовского округа)⁵².

В июле–августе 1930 г. в ходе проведения широкомасштабных операций органы безопасности ликвидировали две “повстанческие организации”, 307 “повстанческих группировок”⁵³.

В октябре 1930 г. на территории Кантемировского района чекисты разгромили повстанческий отряд под названием “Сорок восьмая рота”, в состав которого входило более 80 человек. Часть восставших, в основном молодые люди в возрасте от 19 до

27 лет, разочаровавшись в вооруженной борьбе с большевиками, занимались в основном грабежами и поджогами⁵⁴.

Всего в 1930 г. органами ОГПУ было ликвидировано более 50 “повстанческих отрядов”, действовавших на территории Центрально-Черноземной области и боровшихся против политики сталинской коллективизации⁵⁵. Всего было изъято оружия и боеприпасов: винтовок – 271; обрезов – 852; револьверов – 821; охотничьих ружей – 56; гранат – 25; холодного оружия – 63; винтовочных патронов – 6201; револьверных патронов – 517⁵⁶.

Следует отметить, что уголовные дела, подсудные коллегии ОГПУ и Особому совещанию при ней, в том числе связанные “с вооруженными повстанческими выступлениями и другими контрреволюционными преступлениями”, рассматривали на местах специальные “тройки”. Они были образованы циркулярами ОГПУ от 1929 и 1931 гг. и функционировали в регионе при содействии Полномочного представительства ОГПУ по Центрально-Черноземной области. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. “О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации сельского хозяйства и по борьбе с кулачеством” легализовало репрессивную практику “троек”. Специальным “тройкам” были подсудны все дела о контрреволюционных преступлениях. Первоначально они имели право рассматривать дела с обязательным представлением своих решений на утверждение коллегии ОГПУ, а затем им было предоставлено право окончательного вынесения решений по всем делам, вплоть до применения высшей меры наказания. При этом прокурор имел право опротестовывать в коллегию ОГПУ постановления “тройки” и приостанавливать исполнение опротестованных решений. Однако на практике это происходило крайне редко.

Создание “троек” являлось чрезвычайной мерой и обуславливалось, как говорилось в документах ОГПУ и прокуратуры, “необходимостью нанесения удара по контрреволюции, оживившейся в связи с ликвидацией кулачества как класса, так как направление дел в коллегию ОГПУ удлинит срок рассмотрения их”⁵⁷.

В ходе работы специальных “троек” были допущены массовые нарушения законности, которые выразились в необоснованном осуждении крестьян, причисленных к “кулачеству и контрреволюционному активу”, применении к ним высшей меры наказания.

В дальнейшем в связи с ликвидацией “кулачества” в главных сельскохозяйственных районах страны в мае 1931 г. подсудность “троек” была изменена. Их компетенция ограничилась только

рассмотрением дел “о деревенской, кулацкой контрреволюции”. “Тройки” лишились также права самостоятельного вынесения приговоров о применении высшей меры наказания. Теперь приговоры подлежали утверждению коллегией ОГПУ.

За период с февраля 1930 г. по апрель 1931 г. “тройкой” Полномочного представительства ОГПУ по ЦЧО было осуждено 19 238 человек, из которых привлечены: за активное участие и руководство массовыми выступлениями – 3023 чел.; за совершение террористических актов – 973 чел.; за активную “контрреволюционную” агитацию и участие в “контрреволюционных” группировках и организациях – 15 233 чел.⁵⁸

В 1930 г. в органах ОГПУ произошли определенные правовые и структурные изменения, которые были обусловлены привлечением органов безопасности к выполнению несвойственных для спецслужбы задач по обеспечению проведения общегосударственной политики коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания. Расширение репрессивных полномочий, создание специальных внесудебных органов – так называемых “троек” – привело к снижению качества оперативной работы центрально-черноземных органов ОГПУ, к доминированию в их деятельности функции подавления, а не предупреждения. Анализируя данный период, необходимо подчеркнуть негативное влияние на деятельность отечественных органов безопасности партийных директив и указаний, касающихся участия ОГПУ в проведении политики коллективизации и борьбы с “кулачеством”⁵⁹.

Таким образом, в изучаемый период на территории Центрального Черноземья деятельность ОГПУ была направлена на ликвидацию крестьянского сопротивления политике сталинской коллективизации и раскулачивания. Органы ОГПУ накопили опыт проведения чекистско-войсковых операций, комплексных мероприятий по борьбе с крестьянскими выступлениями. Однако отчетливо проявилась тенденция расширения внесудебных полномочий органов ОГПУ, ограничения контроля за их деятельностью. Несмотря на отдельные попытки кадровых сотрудников ОГПУ противодействовать практике незаконных арестов, ограничить злоупотребления местного аппарата власти, все мероприятия органов безопасности в период коллективизации носили особый чрезвычайный внесудебный характер. Их содержание определялось политическими установками высшего партийно-государственного руководства.

¹ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 975. Л. 4.

² Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 2. Оп. 8. Д. 675. Л. 9–12.

- 3 См.: Хаустов В.Н. Развитие советской спецслужбы (1917–1941 гг.) // Российские спецслужбы: История и современность. М., 2003. С. 23–32.
- 4 Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 т. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы. С. 103.
- 5 Там же. С. 103–104.
- 6 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 21. Л. 393–394.
- 7 Там же. Л. 395.
- 8 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 16.
- 9 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 126–130.
- 10 Там же. С. 127.
- 11 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 64–69.
- 12 Там же.
- 13 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 27.
- 14 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 35. Л. 4–8.
- 15 ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 13–14.
- 16 Там же. Л. 17–25.
- 17 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 163–167.
- 18 ЦА ФСБ РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 915. Л. 1.
- 19 Там же. Д. 242. Л. 167.
- 20 Там же. Л. 71.
- 21 Там же. Л. 104.
- 22 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 329. Л. 59–65.
- 23 Там же. Д. 329. Л. 59–65.
- 24 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 970. Л. 28.
- 25 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 329. Л. 59–65.
- 26 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 970. Л. 29–30.
- 27 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 242. Л. 169.
- 28 Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 9. Л. 57–58.
- 29 ГА РФ. Ф. 393. Оп. 43. Д. 1798. Л. 56–59.
- 30 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 242. Л. 173.
- 31 ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 785. Л. 8.
- 32 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИ КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 230. Л. 59.
- 33 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 9.
- 34 ГАОПИ КО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 411. Л. 2–6.
- 35 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 242. Л. 174.
- 36 Там же. Д. 675. Л. 9–12.
- 37 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 779. Л. 18–20.
- 38 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 365–370.
- 39 Там же. С. 370.
- 40 ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1085. Л. 9.
- 41 Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 10. Л. 43.
- 42 Там же. Д. 11. Л. 27–28.
- 43 ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 242. Л. 195–209.
- 44 Там же. Д. 245. Л. 30.
- 45 Там же. Д. 242. Л. 300.
- 46 Там же. Д. 242. Л. 346.
- 47 Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 366.
- 48 Там же. Л. 479.

- ⁴⁹ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 12. Л. 76.
⁵⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 243. Л. 29.
⁵¹ Архив УФСБ РФ по Курской области. Ф. 10. Оп. 3. Д. 9. Л. 26–27.
⁵² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 37. Л. 279–297.
⁵³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 243. Л. 11.
⁵⁴ ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 980. Л. 31, 105.
⁵⁵ Там же. Д. 37. Л. 279–297.
⁵⁶ Там же. Д. 243. Л. 35.
⁵⁷ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 1074. Л. 14а–17.
⁵⁸ Там же. Л. 39.
⁵⁹ См.: *Коровин В.В.* История отечественного контрразведывательного искусства (1903–1991 гг.). М., 1996.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

А.С. Сенявский. Какие вопросы имеются к докладчику у членов Ученого совета и присутствующих?

А.К. Соколов. У меня несколько вопросов. В нашей истории никогда органы государственной безопасности не исходили в своей деятельности из каких-то своих побуждений. Что же касается начального периода, который Вы рассматриваете, мне кажется, что это немножко противоречит исторической правде.

Я много встречал источников, когда местные чрезвычайки вершили расправы, как хотели, неоднократно вставал вопрос о том, что органы государственной безопасности выходят из-под контроля партии и суда. Из какой логики Вы исходите?

Второе. Чем было обусловлено внесение этих изменений? Меня интересует исторический контекст.

Я думаю, что Вам это и для диссертации будет важно. То есть с чем связаны изменения, которые вносятся в правовую практику?

Третье. У меня остается вопрос, который вообще для нашей историографии очень большой и обсуждается во многих книгах.

Юридически это понятно, а вот как по жизни: как провести грань между бандитизмом и политическим бандитизмом? На деле-то они идут бок о бок. Вы помните, у Михаила Шолохова Григорий Мелихов говорит: “Ну ладно, – говорит, – вступаю в твою банду!”

Ему отвечают: “Да нет, мы за идею. Мы борцы”. А он говорит: “Да ладно! Чего уж там!”

На самом деле это действительно проблема: как же проводить различие между этими вещами?

В.И. Михеев. В отношении своеволия. Да, действительно, в период Гражданской войны этих фактов было очень много, ибо контроль местных органов ВЧК был в различных местах сла-

бий. После окончания Гражданской войны установки были направлены на пресечение подобных актов. Но возьмем людей, которые привыкли в течение Гражданской войны в некоторых местах быть “богами”: расстреливать любого, кто попадет в их поле зрения по каким-либо причинам, а причины можно было найти и объективные, и субъективные. Здесь нормативно-правовые установки и указания органов безопасности, которые всегда были письменными – приказы, распоряжения, указания – обязательные для выполнения. На первом этапе был определенный слой людей, которые могли их вольно трактовать. Но была и определенная политика, направленная на то, чтобы от таких руководителей избавляться, ибо они представляли определенную угрозу – они дискредитировали органы безопасности, ибо была внутренняя борьба между теми, кто проповедовал тактику собственного понимания целей и задач органов безопасности, и теми, кто считал, что сотрудники органов ВЧК не должны уходить от принципа законности, а иначе они превращаются в ту же банду, которая действует согласно собственному пониманию законов.

Имела место борьба психологий. Но в целом нормативно-правовые установки были доведены в начале 1920-х годов до всего руководящего и личного состава относительно тех или иных аспектов их деятельности. А противоречивые процессы всегда имеют место, они всегда были.

В отношении контекста той ситуации, которая сложилась. В начале 1920-х годов увлечение чрезвычайными полномочиями в условиях определенного роста бандитизма, повстанчества – это была определенная политика. Некоторые исследователи считают, что Сталин уже тогда вынашивал планы использования органов безопасности для развязывания массовых репрессий. Здесь была политика, связанная с тем, что в условиях осложнения общей ситуации в стране органы безопасности не справлялись с возложенной на них задачей, и возникает такой упрощенный подход: давайте предоставим чрезвычайные полномочия для борьбы с мятежами, которые повсеместно проходят. Это все носит временный характер. Вот ликвидируем мы мятежи и восстания, успокоится ситуация – все эти временные чрезвычайные полномочия уйдут.

К 1925 г. все крупные повстанческие выступления были ликвидированы. Но ушли ли чрезвычайные полномочия? Нет, не ушли, потому что возникает в дальнейшем кризис, связанный с хлебозаготовками, происходит рост терроризма в стране и т.д. И возникает иллюзия, что чрезвычайные временные полномочия – они уже не временные, они уже чрезвычайные постоянные полномочия. А обоснование их, исходя из сложившейся канвы,

можно было найти любое. Органы безопасности должны действовать? Должны действовать. Должны пресекать? Должны пресекать. Ведь выявлять и уничтожать можно научить любого за несколько дней. Ты получил информацию? Ты увидел по какому-то признаку, что это враг народа (то ли он шляпу носит, то ли очки, то ли употребляет иностранные слова – да мало ли какие признаки можно для себя определить)? Но научить сотрудника органов безопасности кропотливой оперативной работе, научить его искусству за несколько дней – процесс невозможный. Это размытость определенного кадрового состава. С другой стороны, предоставление самих чрезвычайных полномочий исходило из того, что формировались органы безопасности, и во второй половине 1920-х годов, я думаю, уже была мысль использовать их с далеко идущими политическими целями, а не только для борьбы с повстанчеством и бандитизмом, с конкретным составом преступления.

По мнению профессора Фаустова из Академии ФСБ, формировалась основа для использования такой функции органов госбезопасности, как политический сыск. Необходимо было уничтожать определенных политических противников, необходимо было формировать кадровый состав, восприимчивый к определенным методам борьбы.

О разделении на политический и уголовный бандитизм. Среди юристов этот вопрос был дискуссионный. Политический бандитизм. Эти формирования занимались уголовным бандитизмом. Чтобы выжить, им необходим был, как в “Свадьбе в Малиновке” говорится, золотой запас. “Есть деньги – есть банда. Нет денег – нет банды”. Есть политические лозунги? Да, они есть. Они необходимы для привлечения части населения, для популяризации своих идей. Естественно, что среднестатистическим бандформированиям не хотелось выглядеть сборищем уголовников. Это идейные борцы за определенные политические цели.

Но вот попытка определения статьи 58, квалификация политического бандитизма как организации вооруженных восстаний и вторжений, в полной мере это явление не охватывала. Да, политический бандитизм, политическое формирование, которое занимается политическим бандитизмом, ставило определенные политические цели и задачи.

Уголовный бандитизм не ставит этих целей и задач.

И оба эти формирования занимаются экспроприациями, вооруженными налетами и грабежами.

Почему органы безопасности в 1923 г. стали заниматься и общим уголовным бандитизмом? Потому что можно было обозначить уголовную статью и она была обозначена, но на практике происходит определенная размытость.

И вот к 1923 г., видимо, органы госбезопасности вошли и в общие уголовные дела, потому что на практике, на местах оперативные работники запутались в квалификации, в выделении политического и уголовного бандитизма.

Сотрудники милиции говорят: “Вы занимайтесь этим формированием, потому что оно политическое, у них есть цели”. Начинают разбираться. А общеуголовное преступление относится к ведению кого? Милиции. Значит, вы должны этим заниматься?

И чтобы в этой ситуации не запутаться, в органах безопасности остались все общеуголовные преступления. Практически вручили весь уголовный кодекс им и сказали: “Вот занимайтесь выявлением, предупреждением и пресечением по всем статьям и направлениям. Вычленяете политический бандитизм. Великолечно! Расстреливайте на месте. Это особо опасное государственное преступление. Для этого вам и выдаются чрезвычайные полномочия!”

То есть квалификация и сама практика естественно порождали, как совершенно правильно Вы заметили, расширительное толкование. То есть возникшие даже на идейной основе вооруженные формирования рано или поздно превращались в уголовную банду, ибо лишённые связей с местным населением, лишённые источника финансирования эти вооружённые формирования не могли иначе существовать, не совершая вооружённых налетов и нападений. О каких политических целях может идти речь, когда надо выживать, нужны медикаменты, нужно оружие и нужно продовольствие.

В 1920-е годы оформляется нормативно-правовая база, основы деятельности органов безопасности. Процесс естественно осложнялся в связи с возникновением различных очагов, выступлений на территории страны, которые имели повсеместный характер. Органы госбезопасности решали многочисленные задачи. И естественно возникали различные нюансы, связанные с национальными и политическими особенностями. Но выработывались основы деятельности.

Поставленная в докладе проблема в настоящий момент тоже носит актуальный характер.

Моя личная точка зрения: склоняться к применению чрезвычайных мер не стоит. Необходимо делать упор на формирование профессионального кадрового состава и на выработку основ оперативного искусства, что позволяет выявлять истинных виновников, организаторов, исполнителей, предупреждать преступления и т.д. Массовые акции устрашения ни к чему не приведут и никогда не приводят, кроме негативных последствий, которые мы с вами уже испытали в истории нашей страны.

И.М. Ходаков (аспирант). Вы не сказали, чем была обусловлена смена после Гражданской войны на 70–80% состава в органах ГПУ. Это первый вопрос.

Второй вопрос: каков был социальный состав органов и уровень их профессионализма, потому что очевидно, что старый кадровый состав императорской России в какой-то степени участвовал в этом, но не в массовом порядке. Были ли профессионалы и кто их обучал?

Вы сказали, что в те годы привлекали армию, но известно, что армия тогда тоже переживала кризис, в том числе удаление из армии Буденного в Москву Тухачевского имело свои резоны. Насколько можно было привлекать к этим операциям армию с точки зрения надежности? Ведь в армии были те же люди – те же крестьяне.

В.И. Михеев. Если проводить аналогию с сегодняшней жизнью, то у нас становятся губернаторами бывшие начальники управлений органов ФСБ – люди, которые привыкли к дисциплине, умеют обращаться с информацией, владеют определенными методами противодействия той или иной кризисной ситуации, не паникуют, а знают, что значит управлять и принимать решения в тех или иных ситуациях.

После Гражданской войны большая часть кадрового состава органов государственной безопасности была направлена в различные сферы – партийные, хозяйственные, на руководящие должности. Произошло перемещение, и, естественно, это вызвало обновление кадрового состава. Пришли люди, которые не имели первичного опыта работы даже в таких чрезвычайных условиях, как условия Гражданской войны. Естественно, возникла необходимость их обучения, передачи опыта. Это тоже происходило в боевых условиях: приходит сотрудник – он начинает работать. Когда ему учиться? Возникает система курсов, в том числе и в Москве, где происходило формирование учебно-методической базы. Тогда учебных пособий как таковых не было. Изучался опыт участников непосредственных событий – подавления “антоновщины”, Кронштадтского мятежа и т.д., иногда организовывали на местах так называемые “ускоренные курсы по передаче опыта”. В начале 1920-х годов также в органах безопасности действовал и институт наставничества, когда сотрудник закреплялся и непосредственно обучал молодого сотрудника азам работы.

Но для того, чтобы сформировать кадровых сотрудников органов государственной безопасности, необходимо минимум 5 лет, примерно столько же, сколько и в других сферах деятельности общества.

Упрощение в работе происходило зачастую из-за того, что сотрудники вынуждены были действовать в каких-то чрезвычайных условиях, в условиях, которые иногда складывались неожиданно. Например, в 1926 г. один из сотрудников органов ОГПУ курировал три района, где проживало более миллиона человек. О какой целенаправленной работе могла идти речь? На него сваливался вал отчетности документов, он должен был давать определенные показатели, которые изложены в нормативных документах. Естественно, предоставление каких-то видов чрезвычайных прав его крайне радовало. Это означало, что если у него есть первичная информация в отношении какого-то лица, он должен тут же ее передать. И судебная перспектива его уже не отвлекала от исполнения своих обязанностей. Он знал, что не надо представлять каких-то дополнительных материалов: все, что он предоставит, будет реализовано.

Вот в каких крайне непростых условиях зачастую действовали сотрудники органов безопасности. Иногда влиял и образовательный ценз, интеллектуальный и т.д. Он был недостаточно высок. И это тоже приводило к тому, что сотрудникам было выгоднее фальсифицировать данные, чем заниматься работой, о которой они имели еще недостаточно четкое представление.

В отношении армии – вопрос непростой. Он и сейчас является актуальным. Армия действует в рамках военного положения.

Применение армии, а особенно против мирного населения, вызывает определенный элемент недовольства как среди командующих, офицеров, так и среди солдат, которые вынуждены воевать не с каким-то иноземным врагом, а с собственными людьми, иногда мирными, иногда митингующими, выступающими, отстаивающими какие-то права, которые иногда непонятны тем, кто их вынужден подавлять.

Поэтому вопрос применения армии это всегда был вопрос деликатный и в том числе и в 1920-х–30-х годах. И когда вставал вопрос о том, кто будет командовать, естественно командиры Красной Армии были против передачи своих функций по командованию какими-то подразделениями сотрудникам органов безопасности. Сотрудникам органов безопасности как бы вменялось в обязанность оперативное сопровождение армейских подразделений и участие в разработке планов. По согласованию с командующими войсками они производили перемещение войск и подразделений.

Но если мы возьмем уже период участия в рамках ликвидации крестьянских выступлений в период коллективизации, то тот же Ягода в своих указаниях обращал внимание сотрудников и руководящих сотрудников в областях на то, что им придаются воин-

ские части, они их могут использовать. Ситуация угрожающая, были случаи, когда их использование приводило к разложению воинских формирований. Необходимо было учитывать моральный настрой красноармейцев, прежде чем их бросать в те или иные очаги выступлений или восстаний, потому что негативное воздействие на армию всех таких операций сказывалось незамедлительно, происходили случаи отказа от участия в операции и случаи проявления недовольства, а в ситуации, когда росло число мятежей и восстаний, допустить, что воинские подразделения колеблются и разлагаются, никто, естественно, не мог. Поэтому на органы безопасности возлагалась обязанность продумать все аспекты применения. Но нюансы были различными.

Многие исследователи и специалисты и тогда полагали, что применение армии – это крайний выход из ситуации, что надо быть очень осторожными, и речь зачастую шла о применении войск ОГПУ – воинских частей, которые были проверены, которые специально комплектовались, подбирались и у которых была несколько иная психология, чем у армейских подразделений.

Армию нельзя держать в бездействии, и если ее вывели – ее надо применять или же загонять обратно в казармы. Иначе эта армия не будет знать, что ей делать, и солдаты будут тогда задумываться о том, стоит ли вообще здесь находиться и применять оружие.

В.Д. Есаков. Мне удалось посмотреть несколько отчетов ОГПУ за 1920-е годы, и создалось впечатление, что самым большим отделом в его структуре был отдел перлюстраций. Судя по всему, это видно и из логики Вашего доклада, когда Вы говорили о главных направлениях шпионмании и т.д. Скажите, сохранились ли материалы перлюстрационного отдела за 1920–1930-е годы? Что Вам известно?

В.И. Михеев. Налаживание информационной работы происходило, отдел работал. Почему он был большой, это тоже понятно. Было огромное количество почтовой корреспонденции, поэтому были люди, которые этот массив обрабатывали. Материалы есть, но не все материалы рассекречены. Например, материалы в рамках 1920-х годов – борьба с повстанчеством и бандитизмом – рассекречиваются в рамках проекта “Деревня глазами ВЧК–ОГПУ. Трагедия советской деревни”.

В.Д. Есаков. Я занимаюсь научными связями. Положим, вавиловские письма уничтожены. Они могут быть сохранены в перлюстрации?

В.И. Михеев. Могут, если они представляли собой на тот момент определенную ценность. Сохраняются материалы, если они имеют культурную, научную и оперативную ценность. Если они

представляли на тот период оперативную ценность, то они могли быть сохранены. Естественно, все ценные материалы сохраняются и могут быть использованы в научных проектах.

В.Д. Есаков. И еще вопрос, который Вы подняли в докладе, – вопрос о Джунковском. Он исчезает где-то после 1925 г.

В.И. Михеев. Насколько я знаю, он умер своей смертью. Его опыт активно использовался. Формировались основы деятельности органов ГПУ, необходимо было проводить операции. А где специалисты? Тогда ни у кого не было опыта проведения таких операций.

Джунковский, конечно, сыграл огромную роль, консультируя. Благодаря ему была ликвидирована террористическая организация Савинкова, которая была для нас (на тот период) номер один. Ее ликвидировать было невозможно фактически. Ну, мы можем ликвидировать два-три выступления, инициированных Савинковым, захватить две-три банды, но нанести удар по руководящему ядру – это означает, что надо проводить операцию где-то во Франции. Кто даст разрешение? И когда Джунковский предложил вывезти Савинкова и указал Дзержинскому, что Савинков – это голова, это центр, кроме него нет второго лидера, сама организация строится по пирамидальному принципу. Все вокруг Савинкова – связи, влияние, авторитет. Разработана операция. Вывезен. Она известна, классически осуществлена.

Второе, что предложил Джунковский Дзержинскому: “Если Савинков погибнет, если вы его расстреляете, организация продолжит работу. Важно заставить его на суде отказаться, призвать сотрудников, членов своей организации отказаться от вооруженной борьбы”.

Тут уж Дзержинский лично проводил беседы. Савинкова держали во внутренней тюрьме, на Лубянке, где он впоследствии совершил самоубийство – выбросился из окна.

Джунковский много оказал помощи в плане оперативной, организационной работы, в плане создания структуры органов государственной безопасности, были ценнейшие консультации. У него был и негласный аппарат, который работал в разных странах, и он тоже, я думаю, был передан органам безопасности. Это тот человек, который во многом определил направление деятельности, вернее, во многом определил технику, технологию деятельности советских органов безопасности.

Но это личность легендарная, о ней не очень любят рассказывать. И можно, конечно, сказать, что были руководители, которые все знали. Не всегда все так получается. Но на пустом месте ничего не рождается и ничто не появляется просто так.

Сама личность Джунковского была такова, что не всем могло нравиться его привлечение. И были различные нюансы в оценке его деятельности некоторыми деятелями, которые считали: “Да не нужен он нам”.

Г.Д. Алексеева. Один маленький вопрос. Вы хорошо знаете материалы.

Вот статистические материалы по 20-м годам, по бандитизму политическому, бытовому и затем по связям с советским подпольем. Оно ведь было очень сильным в 1920-е годы?

В.И. Михеев. Да, правда, некоторые пытаются заявить, что его не было, что Голиков в своих работах о советском подполье его придумал.

Г.Д. Алексеева. Так что это невероятно богатые материалы для любого исследователя.

У меня к Вам такой вопрос. Вы эти материалы смотрели, и они расположены по каким-то рубрикам?

В.И. Михеев. Да, они идут тематическими рубриками, идет подсчет. Например, в Академии при подготовке сотрудников органов безопасности мы им показываем зачастую не те документы, которые имеются за последнее время, а за 1920-е годы. Пожалуйста, четко, классика: как подавалась иногда информация. Тут многому нужно поучиться: четко выверенные формулировки, без каких-либо субъективных оценок. Были аналитические документы и был акцент на то, чтобы первичная информация подавалась объективно. Какие выводы делались из этой информации? И политические, и организационные. Были документы, где статистика была четкая, выверенная. По крайней мере, в 1920-е годы были шедевры оперативного документоведения.

А.К. Соколов. Я хотел бы возразить опять же по жизни. Конец 1920-х годов – шли процессы вредителей. Сейчас эти материалы становятся доступными. Там видно, что это все фикция, все это туфта, липа. Но идет-то материал от ОГПУ.

В.И. Михеев. Да, идет. Собрали первичный материал. Какие-то недовольства имеют место.

Все это обдумывать нужно. В конце 1920-х годов формируется такой стиль в конкретной обстановке: у меня три района, миллион человек. Есть какая-то информация, что идут разговоры между интеллигенцией. Я даю эту информацию руководству. Но не сам же простой исполнитель это делал. Это был зачастую плод выдумки его начальника: давайте у них там будет организационное оформление... Но помимо того существовали реальные организации, были подпольные объединения. Но и были дела, которые являлись субъективным плодом воображения

сотрудников органов безопасности. С такой психологией я сталкивался.

А.С. Сенявский. Хочет ли кто-нибудь высказаться по поводу этого интересного и содержательного доклада?

Все согласятся с тем, что доклад был очень интересный, информативный. Очень ценно для нас, сотрудников Института, что это взгляд на проблему из другого ведомства, здесь мы видим определенные акценты, которые ставятся изнутри этого ведомства. Это акценты на оперативной деятельности, на полномочиях, на правовых аспектах. Но хотелось бы обратить внимание докладчика на то, что в нашей среде важен, прежде всего, общеисторический подход, а не только Ваша специфика. Вот этот общеисторический подход должен присутствовать, начиная от самого названия и кончая всей методологией данной работы.

У меня такой вопрос. Можем ли мы без оговорок называть органы ВЧК, НКВД, ОГПУ и т.д. исключительно органами государственной безопасности?

Я думаю, что так безоговорочно их называть нельзя. И Вы сами можете привести гораздо больше, чем я, цитат, начиная от Дзержинского, о карающем мече революции, и включая Ваших исторических предшественников этих органов, о том, что они несли не только функции защиты государства. При этом и само государство надо учитывать, какое оно было. Это было государство диктатуры. Его называли государством диктатуры пролетариата, хотя, конечно, это было не так. Это было государство диктатуры партии с определенной идеологией и т.д., и т.д.

Вам задавали вопросы, которые наводят на определенную проблематику. Это очень важные и тонкие моменты, которые, безусловно, надо учитывать с точки зрения методологии и подходов к Вашему исследованию.

Я бы, например, просто снял эту проблему, не говорил бы об органах госбезопасности, а говорил о ВЧК, ОГПУ и т.д., просто называя эти организации, потому что, говоря об органах государственной безопасности, Вы уже даете определенную оценку точки зрения Вашего сегодняшнего ведомства, но не с точки зрения общеисторического подхода.

Здесь надо очень осторожно и корректно подходить. Если называть просто эти организации, то эти моменты уже снимаются. Но остается, скажем, проблема с этими историческими явлениями. Может быть, их назвать органами деятельности каких-то организаций по борьбе с политическим сопротивлением советской власти, по борьбе с вооруженным политическим сопротивлением

советской власти. Тогда эти оценочные вопросы тоже снимаются. Вы просто констатируете факты – вот есть такие явления. И тогда снимается вопрос о тех надуманных делах на рубеже 1920–1930-х годов, о которых здесь А.К. Соколов сказал, и целый ряд других моментов. Тогда снимается и вопрос о явлениях, которые называют уголовными, детективными. То есть это все, безусловно, требует тщательной методологической отработки прежде, чем мы выходим на какие-то фактические описания, оценки и т.д.

Этот доклад очень интересный с фактической стороны и по каким-то моментам оперативного порядка, прежде всего правового, который очень редко затрагивается.

Л.Н. Денисова

СЕЛЬСКИЕ ЖЕНЩИНЫ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА*

Судьба русской сельской женщины – это судьба России. Ее вклад в экономику, культуру, политику измеряется не только трудовым подвигом, деятельным участием, великими творениями. Она была матерью, хранительницей очага, вдохновительницей побед и достижений страны. Черты характера, присущие русской женщине, обусловленные традиционными взглядами на жизнь, судьбу и семью, всегда были и до сих пор считаются привлекательными и оценены мужской частью населения и обществом в целом.

До середины 1960-х годов в Советском Союзе превалировало сельское население. Основой советского менталитета был крестьянский, который и после переселения в города еще долгие годы определял отношение к жизни, семье, работе, проведению свободного времени. Особый тон ему задавали женщины, как надежные хранительницы обычаев, традиций, умений.

Женский мир – это особый мир крестьянской ментальности. Корнями уходящий в деревенские традиции и представления о месте и роли крестьянки в жизни общества, на протяжении XX в. он хранил все трудности, радости, превратности жизни русских женщин. У них была одна общая судьба, объединенная любовью к своему дому, семье, детям, непомерно большим участием в труде, стремлением к знаниям и желанием реализовать в условиях советской действительности заявленное в Конституциях СССР равное право с мужчинами во всех областях жизнедеятельности, несмотря на меняющуюся государственную политику, тяготы сельской жизни и противостояние крестьянского мира.

Это право было реализовано лишь на огромное трудовое участие крестьянок в общественном производстве, но усилено “двойной” нагрузкой трудного бытового обслуживания всей семьи. В условиях деревни обычная женская нагрузка становилась “тройной”: работа в личном подсобном хозяйстве для сельской женщины всегда вписывалась в ее трудовой график.

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 20 марта 2002 г.

Новации XX в. редко касались трудовой жизни сельских женщин. Некоторые из них, главным образом молодежь, получили образование и соответственно более интересную и квалифицированную работу. Большинство же продолжали жить, как жили их матери и бабушки, но только в условиях колхозного строя, а затем постсоветского реформирования.

За 1960–1980-е годы численность сельского населения России уменьшилась почти в 1,5 раза и составила 39 млн человек. Число селянок сократилось до 20 млн, их было втрое меньше горожанок. Примерно половина деревенских женщин находилась в трудоспособном возрасте, из них три четверти были заняты ручным трудом¹.

Официальная советская статистика фиксировала: свыше 90% женского населения трудоспособного возраста в СССР работали или учились. Для деревни обычным явлением была бессменная работа по дому, труд в личном подсобном хозяйстве и – в зависимости от образования и специальности – круглогодичная или сезонная работа в общественном (колхозном или совхозном) хозяйстве или в агропромышленном комплексе. К этому следует добавить, что в советской системе образования вечернее высшее и среднее специальное обучение было бесплатным и доступным, чем сельские женщины активно пользовались. Образование в деревне высоко ценилось, иметь его считалось престижным, оно открывало некоторые возможности для продвижения женщин по социально-административной лестнице, но получение его влекло за собой дополнительные нагрузки, а часто физические и психологические перегрузки.

На протяжении советской истории женщины являлись главной трудовой и общественной силой деревни. Это касалось сельскохозяйственного производства, личного подсобного хозяйства и формирования общественного мнения на селе. В различные периоды их влияние на жизнь деревни ослабевало или усиливалось и зависело от миграции мужчин, выбора между работой в общественном хозяйстве и домом, образования крестьянок и государственной политики в области охраны материнства и детства.

Во второй половине XX в. политика в отношении трудового участия женщин в общественном секторе экономики была противоречивой и зависела как от объективных экономических и демографических процессов в СССР, России, так и от личности руководителей государства.

Знаменитые сталинские лозунги 1930-х годов “Техника решает все!” и “Кадры решают все!” при проведении коллективизации трансформировались в лозунг “Женщины в колхозах – большая сила!” И это соответствовало действительности.

Помимо традиционной занятости женщины в деревне овладели профессиями трактористки, водителя, становились специалистами сельскохозяйственного производства и даже руководителями коллективных хозяйств. Столь сильное увлечение эмансипацией привело к большому участию крестьянок в производстве, интересу к новой жизни. Традиционные взгляды на отношения в семье, многодетность отодвигались, а призванных помогать женщинам государственных и общественных организаций (детские ясли и сады, группы продленного дня в общеобразовательных школах, пионерские лагеря и лагеря труда и отдыха, Дома пионеров и художественные студии, комбинаты общественного питания и бытового обслуживания) либо было мало, либо они вообще отсутствовали в деревне. Огромная занятость в производстве вела к снижению рождаемости. Со свойственной Сталину строгостью и жестокостью начала проводиться политика улучшения демографической ситуации в стране: в 1936 г. были запрещены аборты, хотя усилена помощь семьям, имеющим детей².

Великая Отечественная война практически всех женщин мобилизовала на трудовой фронт. Все профессии, считавшиеся ранее мужскими, вплоть до руководства хозяйствами, замещали женщины. После Победы в 1945 г., вернувшиеся фронтовики заменили крестьянок – и на руководящих постах и в механизированном производстве – без учета наличия у мужчин опыта работы и образования.

Хрущевская “оттепель” в малой степени коснулась решения “женского вопроса”. Глобальная мысль руководителя государства колебалась то в сторону развития подсобного хозяйства, где основной трудящейся силой была женщина, то в сторону его сокращения, из чего следовало малообеспеченное существование всей семьи, поддерживаемой этим хозяйством. Освоение 42 млн га целинных и залежных земель, находившихся в основном в союзной республике Казахстан, осуществленное в краткие сроки, велось за счет перекачки средств в этот регион из других. Это на некоторое время сняло остроту зерновой проблемы в СССР, но привело к финансовому истощению и деформации структуры сельского населения российских деревень. На целину уезжали молодые парни, в поисках счастья из опустевших деревень стремились в новую жизнь девушки. Прежде всего это коснулось Нечерноземья. Это было началом запустения края, и в 1970-е годы его “подъем” был назван “Второй целиной”. Но еще одна целинная эпопея не свершилась.

Брежневское руководство, в первые годы после прихода к власти большое внимание уделявшее подъему сельскохозяйственного сектора, подкрепляло лозунги огромными финансовыми

вливаниями в деревню. Это сказалось на производстве продовольствия в стране. Введенная в 1965 г. денежная зарплата в колхозах, уравнение колхозников в правах с остальными гражданами страны – пенсии, социальное страхование, многие правительственные решения, поддерживающие женщин материально и освободившие от работы до достижения ребенком трех лет³, резко подняли рождаемость и в городе, и в деревне. Распространение паспортной системы на крестьянство начиная с 1976 г.⁴ окончательно освободило деревню. Работать в сельскохозяйственном производстве стало выгоднее, а жить в деревне привлекательней.

Горбачевское правительство основной акцент в женском вопросе перенесло именно на семейную политику, поскольку рождаемость начала падать, как следствие ухудшения жизни, начала дефицитных перипетий. Для советских женщин, считавших осуществление свободы как право трудиться, было невозможно только заниматься домом и семьей, что было связано и с низким материальным обеспечением, и с желанием быть в коллективе. Восемь из десяти опрошенных женщин, чьи мнения учитывали органы государственной статистики в 1990 г., основным мотивом своей занятости назвали необходимость пополнения семейного бюджета. Половина женщин испытывала материальные затруднения⁵. Хотя труд в личном подсобном хозяйстве был огромной нагрузкой, оторванность от колхозного или совхозного сектора влекла за собой невозможность пользоваться приусадебным участком, сенокосами, услугами машин для доставки дров, помощью по огороду и т.д. Социологические опросы фиксировали: от 60 до 80% женщин считали одинаково важными семью и работу, оставшиеся примерно поровну отдавали предпочтение либо производственной карьере, либо семейным и домашним заботам. С начала 1990-х годов пропорции начали меняться: значительная часть женского населения пересмотрела свое решение в пользу совмещения производственной деятельности и семейных обязанностей и склонялась в сторону либо серьезного карьерного роста, либо сосредоточения жизни в рамках семьи⁶.

Казалось бы, фермерское хозяйство, как узаконенное личное подсобное, после 1991 г. должно было принести и достаток в дом, и благополучие в семью. Но этого не произошло. Сформировавшиеся за десятилетия Советской власти коллективистские стереотипы поведения, устоявшиеся представления об усредненном уровне жизни при перенесении всей ответственности на государство для большинства населения оказались настолько привычными, что перемены воспринимались только с негативным оттенком. Кроме того, необходимость сделать выбор в краткие сроки, непродуманность многих мероприятий, привели к растерянности,

миграции из деревни молодежи, разобщенности оставшегося населения. Есть удачные примеры ведения фермерского хозяйства, прежде всего женщинами, есть хорошо работающие коллективные хозяйства, объединенные на разной основе, но нет и не может быть в огромной стране единого пути реформации сельскохозяйственного производства с учетом столь сильных различий природно-климатического характера, национальных и половозрастных особенностей.

Постсоветские перемены вновь вернули проблемы равноправия женщин и их занятости в экономике страны, в том числе в аграрной сфере. Критикуемая сверхзанятость в советский период в современном обществе вспоминается ностальгически, усиливая желание получить любую работу.

Традиционные занятия сельских женщин в советское время – это работа в полеводстве и животноводстве. Подавляющее большинство крестьянок-колхозниц и работниц совхозов (83%) трудились на неквалифицированных работах в полеводстве⁷. Это монотонный, тяжелый физически, сезонный и малооплачиваемый труд: сортировка семян, плодоводство, овощеводство, подсобные работы. До 15% занятого женского сельского населения трудилось в животноводстве, в основном в его молочной отрасли⁸. Тройная дойка 12 коров в день вручную, первая из которых приходилась на 4 часа утра, а последняя на 9–10 часов вечера (а это 50 тыс. тянущих движений за вымя коровы за рабочий день согнутыми руками) – обычная нагрузка для большинства животноводов. Помимо дойки доярки подносили корм, убрали навоз, чистили помещения. В течение рабочего дня они до 15% рабочего времени проводили согнувшись и 27% – на корточках⁹. Постепенно механизация входила в сельскую жизнь. На лучших полностью механизированных фермах и комплексах, а таких к концу 1980-х годов статистика насчитывала в птицеводстве – 91%, в свиноводстве – 76%, в молочном животноводстве – 67%¹⁰, работало много квалифицированных молодых кадров, в том числе и мужчин-дояров. С появлением механизмов управление ими полностью передавалось мужчинам – организаторам и руководителям производства. Все немеханизированные должности занимали женщины. Доярка К. Матвеева из совхоза “Салобелякский” Яранского района Кировской области в 1967 г. писала в “Сельскую жизнь”: “Я окончила 8 классов и работаю дояркой. У нас все доярки неграмотные. Я почти весь день на ферме, так как очень много работы и все вручную. Воду носим из колодца, который находится далеко от фермы. Кормлю 12 коров, если принести только по 2 ведра на корову – уже 24. Подумайте, сколько надо сил и времени. Дрова пилят тоже доярки. Навоз кидаем из

окошек. Силос накладываем на возы, скотники возят, а нам надо еще рубить силос. Работа тяжелая, зарплата гроши. За декабрь я получила 50 руб. 61 коп.”¹¹.

Немногие женщины-механизаторы доказывали стране и своей деревне возможность квалифицированно, более производительнее и с меньшим напряжением (по сравнению со слабо механизированным животноводством) трудиться в аграрном секторе. В 1981 г. их насчитывалось 23 тыс., в 1987 г. – 17 тыс. (менее 1% общей численности сельских механизаторов, трактористов и водителей)¹². В редких случаях мужчины, шли навстречу пожеланиям и требованиям женщин-механизаторов предоставить им в первую очередь положенные по закону новые трактора и комбайны, организовать двухсменную работу в поле и ремонт машин. Не удавалось и создавать женские тракторные бригады: от этой идеи пришлось отказаться даже знаменитой Прасковье Англиной.

Среди небольшого числа сельскохозяйственных дипломированных специалистов – экономист, бухгалтер, ветеринар, зоотехник, женщины занимали до половины должностей¹³. Руководителей первого звена среди них было лишь 7,8%, среди председателей колхозов и директоров совхозов – 2%, тогда как среди мужчин каждый второй, получивший высшее образование, занимал руководящие должности¹⁴. Но женщины – механизаторы, руководители и организаторы сельскохозяйственного производства, оказались еще и в трудных психологических условиях, поскольку приходилось отстаивать свое право на квалифицированный и высоко оплачиваемый труд. Против нетрадиционной роли крестьянки в сельскохозяйственном производстве выступали не только мужчины, но и большинство женщин, деревенская общественность.

Предметом особой зависти и пересудов в деревне становились передовики сельскохозяйственного производства. Как правило, они были еще и активными общественницами, часто членами КПСС. Они получали награды и премии, участвовали в совещаниях, совершали поездки в районные, областные центры и Москву. По их поводу часто необоснованно злословили, а незамеченные в рекордах мужа либо требовали оставить видные должности, угрожая разводом, либо уничтожали партийные документы, что означало конец карьеры, либо прибегали к прямому физическому насилию¹⁵.

Для советских женщин, из-за недостаточности семейного бюджета, настоящего выбора между семьей и работой не могло быть, но и при высокой зарплате мужа они обычно стремились получить работу. Специфика села состояла в том, что помимо

традиционной “двойной” нагрузки (работа, дом) сельская женщина еще трудилась в личном подсобном хозяйстве, причем по времени больше своего мужа, который практически самоустраивался от домашних дел, т.е. несла “тройную” нагрузку.

Немалое число крестьянок находило выход из создавшейся ситуации в отъезде из деревни. Миграция женщин усиливалась предыдущим оттоком мужчин и шла волнообразно. Но ожидания лучшей жизни в городе оправдывались не всегда. На городских предприятиях женщин, приехавших из деревни, ждало, как правило, низкооплачиваемое, неквалифицированное, часто вредное производство, жизнь в общежитии. Но они предпочитали это, не желая возвращаться в деревню.

Советское законодательство стояло на страже интересов государства. В условиях советской системы были предусмотрены высокие социальные гарантии, к которым с середины 1960-х годов было присоединено и колхозное крестьянство. Занимавшие двойственную позицию между государством и трудящимися профсоюзы, как правило, выступали на стороне “сильного”, хотя призваны были отстаивать интересы “слабого”. А деревня жила своей отдельной жизнью, изредка нарушаемой разного рода общественными событиями, главными из которых были партийные собрания с разбором персональных дел коммунистов и коммунисток, нередко сводившиеся к анализу семейных конфликтов и жалоб оставленных мужьями жен. В конфликтных ситуациях, как правило, общественность обвиняла только женщину и строгость осуждения направлялась на нее, вплоть до лишения ее прав материнства, исключения из членов сельхозартели, выселения из деревни и других противозаконных мер. Колхозные партийные собрания в составе 10–20 человек надолго становились предметом обсуждения деревни, а “персоналии” – главными действующими лицами всей округи¹⁶.

Замкнутость деревенского пространства служила препятствием к поиску любимого человека, но не ограничивала выбор имевшимися молодыми людьми. Уходили в прошлое времена, когда в условиях послевоенной деревни женщины были рады любому жениху. “Пожились мы с мужем в феврале 1955 г. Приехал он из соседней деревни за другой девушкой, но она отказалась выйти за него. Ему друг посоветовал меня. Вызвали меня из клуба на улицу. Ночь была темная. Сделали предложение. И я, представьте себе, зная о характере жениха и о его добрых качествах только со слов людей, сразу согласилась”, – без сожаления вспоминала сельская жительница из Сибири¹⁷.

Романтическая любовь становилась главным условием для заключения брака и в городе, и в деревне. Но идеального спутни-

ка жизни мужчины и женщины видели по-разному. Для мужчины это была женщина с низким уровнем образования, занятая на неквалифицированной или малоквалифицированной работе, либо служащая с двумя-тремя детьми и с высоким уровнем дохода. Женщины мечтали о спутнике жизни тоже с высоким уровнем дохода, но со средним или средним специальным образованием и одним или двумя детьми. Одинаковыми оказались требования к материальному обеспечению семьи и наличию детей, но мужчина склонялся к более низкому социальному статусу жены сравнительно со своим положением. Мужчины и женщины в подавляющем большинстве предпочитали семью и семейные отношения¹⁸. Специфика сельской семьи состояла в большей устойчивости брака, большем количестве детей, совместном проживании с родителями.

Конфликт и развод в сельской семье, как правило, был связан с пьянством супруга, применением насилия в отношении жены и детей. Деревня всеми средствами боролась за их права, обращаясь к руководству, предлагая выселять злостных пьяниц и дебоширов, а торговые точки спиртным ликвидировать. Социологические опросы показывали, что больше половины женщин (64%) видели выход в немедленном разводе с пьяницей и дебоширом, каждая седьмая даже считала, что его следует убить¹⁹. Однако не все крестьянки были столь категоричны в отношении пьющего мужа, иные считали так: «Некоторые женщины говорят про своих мужиков: “Он такой-сякой, он пьет, буду с ним разводиться”». А я так рассуждаю – да, он пьет, да, в семье не ладится на этой почве. Ну и пусть! Ведь он – мужчина в доме. Ведь не всегда ж он пьет. Когда-то он ведь и трезвый ходит! Он иногда и зарплату приносит. Так что не надо мужиками разбрасываться, в мужиках тоже польза есть»²⁰. Такое мнение в 2000 г. разделяли до 6% опрошенных женщин²¹.

Для большинства селянок главным смыслом жизни были семья и дети. Мужчины были менее склонны прибегать к разводу при возникновении нового чувства. С их мнением соглашалось и большинство замужних женщин, предпочитая личному счастью ответственность за детей в прежнем браке, несмотря на переживания и страдания²². “Встретились мы на поле, вроде пожилой человек, сошел с трактора, попросил попить воды, только и всего. А он влюбился. Стал ходить за мной по пятам. У нас же есть семьи. Разговоры пошли по всему поселку. Скрывать не стану, мужа я своего не люблю. Наверное, это не любовь была, а просто жалость, когда мы решили соединить наши жизни. А теперь мне деваться некуда, ради детей жить надо. Мне подруги советовали: поживешь, привыкнешь, полюбишь. Нет! Сердце болит и

любит другого! Как быть, кто виноват? Неужели тот знойный июльский день и тот глоток воды?” – так романтично писала в журнал “Крестьянка” сельская жительница в 1982 г.²³ Способствовала сохранению брака и компактность сельского расселения, где жители хорошо знакомы друг с другом, а общественное мнение ратовало за сохранение семьи, за очень редким исключением при наличии веских причин, любовь среди которых не значилась.

Меры, принимаемые на государственном уровне, способствовали, особенно в 1970–1980-е годы повышению рождаемости. При этом нельзя не учесть, что здоровье селянок вследствие тяжелого сельскохозяйственного труда было подорвано. 40% тружениц сельского хозяйства оценили условия своего труда как неудовлетворительные²⁴. Ухудшали здоровье плохие медицинские условия, а также аборт, часто сделанные не в условиях больницы. Продолжительность жизни крестьянки была ниже горожанки. Смертность трудоспособных женщин на селе превышала городскую на 17%. У сельских женщин, умерших в трудоспособном возрасте, на первом месте среди причин оставались болезни системы кровообращения²⁵. Тяжелый физический труд в сельскохозяйственном производстве оставался первопричиной серьезных недугов. Согласно результатам опроса треть сельских женщин в возрасте от 40 до 60 лет имели заболевания, связанные с трудовой деятельностью²⁶. Одна из трактористок рассказывала: “С тяжелой душой уходила я с трактора. Люблю эту работу, привыкла. Но ничего не поделаешь, заболела радикулитом, врачи запретили. У нас ведь так: теплого гаража нет. На работу в холодные дни в полседьмого приходиться надо, чтобы успеть трактор завести. Как придешь – сразу зажигаешь паяльную лампу и воду греешь: десять ведер понадобится, не меньше. А ремонт? Хорошей мастерской нет – десять лет уж ее строят. А совхоз не бедный! Если трактор сломается – ремонтируем сами, так надежнее. Мы не гордые, трактористы не пилоты, сами в мотор залезть можем”²⁷.

Время досуга, как правило, было отдано детям, отдыху в домашнем кругу, просмотру телепередач, чтению, посещению клуба. Культурный вакуум заполнялся традиционным посещением церкви и обращением к религии. Крестьянки были наиболее активны при открытии церкви, состояли в “двадцатках”, держали оборону при закрытии храма, отстаивая свое конституционное право на свободу вероисповедания. В условиях деревенской изолированности общение в церковные праздники становилось неотъемлемой частью жизни. Однако главное начало всей жизни крестьянка искала в своей семье, среди детей и родственников. Но идеальный супруг, которого она хотела бы видеть рядом с со-

бой, очень часто не совпадал с реальным мужем. И она должна была стать для него другом, женой, матерью. И с этой ролью обычно справлялась!

Деревня сохраняла свой статус до тех пор пока в ней оставались крестьянки. Она жила и работала. Именно крестьянки боролись за сохранение своего села и последними его покидали. Исчезновение российской деревни напрямую связано с оттоком сельских женщин. Возрождение деревни может начаться с притока в нее прежде всего женского населения. Об этом говорит советская история, на это указывает и современный опыт.

В 1990-е годы сельскохозяйственного изобилия пытались добиться путем быстрого и кардинального реформирования всего аграрного строя страны. После коллективизации 1930-х годов это был первый радикальный пересмотр сельскохозяйственного производства и жизни деревни, коснувшийся всех и каждого. Более чем полувековой путь, пройденный крестьянством в рамках советской колхозно-совхозной системы, был поставлен под сомнение, сметен реформами, а сельские жители были сориентированы на новую жизнь. Вне зависимости от правильности избранного правительством реформирования деревни, она оказалась к ней не готова – материально и психологически. После раздела и развала общественной собственности, своей материально-технической базы для ведения сельскохозяйственного индивидуально-го производства ни у кого не было. Привычка жить в коллективе и мыслить себя по принципу “все за все отвечают, а значит никто и ни за что”, и всю ответственность за дела и безделье возлагать на государство, при этом писать тысячи жалоб на местное начальство в самые высокие инстанции – переходила из поколения в поколение и укоренилась в менталитете крестьян. Для очень многих реформы оказались и ненужными, и непонятными, и ухудшившими жизнь. Огромные просчеты государственной аграрной и продовольственной политики усугубили ситуацию в деревне, внесли трудности в ее жизнь, для многих непреодолимые. Объективно сознавая, что путь развития села лежит через радикальные реформы, субъективно не все сельские жители могли участвовать в этих новациях в силу возраста, здоровья, семейного положения. Социальных гарантий и стабильной зарплаты больше не было. Первыми пострадавшими – безработными, и первыми хорошими организаторами индивидуального хозяйства явились женщины. Крестьянка стала и реальной главой семьи, моральной и финансовой опорой и основной трудовой силой в личном подсобном хозяйстве, которое обеспечивало невысокий прожиточный минимум и позволяло посредством торговли сельскохозяйственными продуктами пополнять денежную часть бюд-

жета, расходуемого прежде всего на лечение и образование детей. Помимо всех нагрузок сельская женщина имела еще одну – ответственность и жила уверенной надеждой, что своими руками, умом и сердцем она обеспечит своей семье благополучную жизнь в новой деревне, на своей родной земле. “На руки, на руки их посмотрите... В ревматических наростах по суставам, обвитые клубками вен! Эти руки поставят в тупик любую гадалку, ни линии жизни на них нет, ни линии смерти – съедены линии зароговевшими мозолями, стертые, попутаны, переиначены. Как древняя летопись, расскажут все-все эти руки умеющему думать, чувствовать, благодарить.

Поклонитесь, люди, этим рукам!” – писал сельский журнал о женских крестьянских руках²⁸.

В этих руках будущее России.

- 1 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Статистический ежегодник. М., 1990. С. 58, 123; Женщины в СССР. 1990: Статистические материалы. М., 1990. С. 19–20; Проблемы труда в сельском хозяйстве. М., 1982. С. 43; *Машенков В.Ф., Мальцев И.Е.* Формирование и использование рабочей силы в сельском хозяйстве. М., 1988. С. 140.
- 2 Свод законов СССР (СЗ СССР). 1936. № 34. Ст. 309.
- 3 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: (Сборник документов за 50 лет). М., 1968. Т. 5. С. 472–478; М., 1979. Т. 12. С. 381–382; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1960–1974 гг.). М., 1975. С. 662; Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965–1971 гг.). М., 1971. С. 33–54; *Денисова Л.Н.* Женщины русских селений: Трудовые будни. М., Глава 1. 2003.
- 4 СП СССР. 1974. № 19. Ст. 109.
- 5 Вестник статистики. 1991. № 2. С. 53; 1992. № 1. С. 52.
- 6 Женские игры по мужским правилам // Человек и труд. 1992. № 3. С. 13; Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период. СПб., 1996. С. 29, 89.
- 7 Вестник статистики. 1989. № 1. С. 41.
- 8 Трудовые ресурсы СССР. М., 1961. С. 99.
- 9 Труд и управление в сельском хозяйстве: Сборник научных трудов ВНИИСХТ. М., 1976. Вып. 57. С. 17; *Manning R.T.* Women in the Soviet Countryside on the Eve of World War II, 1935–1940 // *Russian Peasant Women*. N.Y., 1992. P. 217.
- 10 Народное хозяйство РСФСР в 1989 г.: Статистический ежегодник. М., 1990. С. 561.
- 11 Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 591. Оп. 1. Д. 99. Л. 43.
- 12 Крестьянка. 1981. № 10. С. 7; 1987. № 8. С. 18.
- 13 Вестник статистики. 1989. № 1. С. 41; Женщины в СССР. С. 3.
- 14 Труд. 1997. 14 марта; Женщины в СССР. С. 27; Сельское хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 429, 431.
- 15 Вологодский областной архив новейшей политической истории. (ВОАНПИ). Ф. 9435. Оп. 1. Д. 8. Л. 68–70; Ф. 2445. Оп. 61. Д. 32. Л. 8 об., 91.
- 16 Там же. Ф. 3646. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–24; Ф. 6754. Оп. 1. Д. 70. Л. 85–86 об., Ф. 8774. Оп. 1. Д. 33. Л. 15–17.

- 17 Крестьянка. 1981. № 10. С. 26–27.
- 18 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48–49.
- 19 Аргументы и факты. 2000. № 37. С. 17.
- 20 *Виноградский В., Виноградская О., Никулин А., Фадеева О.* История сельской женщины: семья, хозяйство, бюджет // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М., 2002. С. 235.
- 21 Аргументы и факты. 2000. № 37. С. 17.
- 22 *Панкратова М.Г.* Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 72.
- 23 Крестьянка. 1982. № 1. С. 29.
- 24 Вестник статистики. 1992. № 1. С. 53.
- 25 Там же. 1991. № 7. С. 25, 29; 1992. № 1. С. 13–14.
- 26 Там же. 1991. № 2. С. 56.
- 27 Крестьянка. 1987. № 8. С. 17.
- 28 *Прасковья и Евдокия: (О Дважды Герое Социалистического Труда П. Малининой и Герое Социалистического Труда Е. Курдюковой)* // Крестьянка. 1981. № 10. С. 2.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

И.Е. Зеленин. Докладчица структурно очень умело построила свой доклад и сосредоточилась на ключевых проблемных вопросах – таких, как условия труда, – быт, семья и т.д., но мне хотелось бы, чтобы она прояснила (а я полагаю, что она владеет материалом и в других сферах) такой вопрос. Даже в высших органах власти сегодня в России недостаточно женщин, и если бы в Думе их было 30%, то совсем по-другому шли бы дела в стране. Каково Ваше мнение?

И второй вопрос по поводу религиозности. Только одна перепись 1937 г. определила уровень религиозности села. Но есть другие источники, которые могут как-то обозначить эту проблему – насколько у нас велика или невелика религиозность женщин.

Л.Н. Денисова. Относительно участия женщин в общественной жизни страны и деревни. Традиционно считается, что 30-процентный рубеж, который должны преодолевать женщины в любой системе власти, будь то Дума или наш Ученый совет, пойдет только на пользу данной структуре. В советские времена выделялась квота для того, чтобы не ущемлялись интересы женщин и чтобы они могли быть представлены во всех структурах власти. Эта квота строго соблюдалась. Когда в 1990-е годы начались демократические преобразования, то было решено, что квоты не нужны и что народ сам определит, сколько и в каком органе должно быть женщин. Это привело фактически к полному вымыванию женщин из многих структур власти.

Для деревни проблема не стояла остро, потому что женщина на селе была главной трудовой и общественной силой. В замкну-

тости пространства она формировала общественное мнение, поэтому не столь важно, кто был председателем колхоза и кто был в его правлении. Общественное мнение формировалось в домах, и оно уже как бы привносилось в жизнь деревни. Женщин-общественниц было немного, и в основном они работали в низших структурах власти, например, в сельсовете.

В крестьянской среде сохранялась специфика негативного отношения к общественницам и к коммунисткам. В деревне их “снизу” не выдвигали. Наоборот были кампании “сверху”, начиная с периода Сталина, по выдвижению женщин на “высокие” посты. Эта политика имела успех, когда она подкреплялась постановлениями сверху. По окончании кампаний женское вхождение во власть приостанавливалось. Но при решении проблем общественной значимости женский голос был определяющим. С точки зрения формального представительства в структурах власти женщины утратили прежние позиции, и вновь стоит вопрос о введении квот для них. Кроме того, критикуемая сверхзанятость в советские времена сегодня вспоминается ностальгически, усиливая желание получить работу.

Относительно религиозности. Официальная советская статистика фиксировала: на селе к концу 1980-х годов до 20% сельских женщин были верующими, из них 5–6% профессионально занимались религиозной деятельностью. Фактически подавляющее большинство крестьянок старшего и среднего возраста посещали церковь, совершали церковные обряды. Видимо, учитывая это, постсоветская статистика резко подняла процент верующих, не выделяя четких критериев для пересмотра статистических данных. Я думаю, что О.Ю. Васильева укажет каноны, по которым человек может считаться прихожанином. Насколько я знаю, это частота причастий, посещение храма и т.д.

О.Ю. Васильева. В прежнее время местные урядники поставляли информацию, сколько раз прихожане посетили церковь, сколько раз не посетили. Сейчас такие вещи нельзя посчитать, потому что прихода территориального как такового нет: если человек совершает обряды и считает себя верующим – это одно, другие могут не ходить в церковь, но верующими себя считают. По статистическим данным советского периода цифры колебались. Это было связано с особенностями данного политического периода.

О.М. Вербицкая. В докладе освещены основные аспекты жизнедеятельности женщин во второй половине XX в. Огромный исторический период – 50 лет. И очевидно, что в положении женщины в широком смысле слова: и с точки зрения производства, семьи, положения в обществе и т.д., выделялись какие-то более благоприятные и менее благоприятные периоды.

Доклад в этом плане хронологически слабо структурирован. Чем это объяснить? То ли за 50 лет все шло как бы по убывающей или монотонно держалось на одном уровне? Это первый вопрос.

И второй вопрос. В докладе содержалась мысль о том, что просчеты в руководстве привели к тому, что положение женщины, особенно во второй половине рассматриваемого периода, было плачевным.

Как Вы считаете, может быть, это имеет более глобальные причины, что сельская Россия даже во второй половине XX в. оставалась традиционным обществом, в котором реальное положение женщины было как бы предопределено? Совершенно не меняло это положение то, что женщины получали образование, потому что все равно они приходили работать туда, где это образование по существу не требовалось. Это был тяжелейший ручной труд, о чем вы очень хорошо говорили. Как Вы считаете, возможно, это причины более глобального порядка, или же только просчеты советской власти сыграли роль в том, что положение женщины в деревне оставалось практически таким же, с небольшими, чисто временными, хронологическими оттенками, как и сто лет назад?

Л.Н. Денисова. Это был брежневский период, когда деревня и, в частности, женщины жили намного лучше, чем до, и после, включая и современное реформирование.

К сожалению, получилось так, что никакие реформации не привели к кардинальному улучшению положения женщин на селе. Женщины жили так же, как жили их бабушки и матери. Медленное, с отступлениями, но поступательное движение деревни к благополучию связано было прежде всего с крупным финансированием колхозно-совхозного сектора экономики. Переориентировка аграрного развития в 1990-е годы вначале на пять форм (колхозы, совхозы, арендные кооперативы, агрокомбинаты и крестьянские (фермерские) хозяйства) впоследствии с приоритетом фермерского хозяйствования лишила деревню значительных государственных инвестиций и обострила сельскохозяйственные проблемы. Деревня 1990–2000-х годов постепенно утратила производственные и социальные рубежи советского времени, и ручной труд сегодня становится нормой сельской жизни при обеспечении семьи от личного подсобного хозяйства и при отсутствии государственных стабильных гарантий.

Большинство сельских женщин трудилось в полеводстве (80%) и животноводстве (15%). Эти традиционно женские занятия, связанные с тяжелым ручным трудом в сочетании с традиционно женским ведением хозяйства дома приводили к чрезмерной

перегрузке крестьянок, которые не хотели с этим мириться, особенно молодые женщины, и при невозможности повлиять на инициативу мужа искали поддержку только у государства. Правительственные решения по охране женского труда, материнства и детства в сочетании с социальными гарантиями способствовали улучшению положения сельских женщин и разрушали, к чему особенно стремилась молодежь, традиционное отношение к женскому труду как неквалифицированному и ручному и традиционное отношение к роли женщин в семье как главной домашней силы при бездействии мужа.

Г.А. Куманев. Как изменялось социальное обеспечение женщин-колхозниц? Каков был средний размер пенсии, от чего он зависел? Я вспоминаю, что моя бабушка – колхозница, имевшая более 60 лет трудового стажа, стала получать пенсию 13 рублей в месяц.

Л.Н. Денисова. В 1965 г. колхозники (не жители сельской местности, а колхозники) были приравнены ко всем гражданам страны и стали получать пенсии, пособия, больничные листы, в том числе и по беременности. Пенсия была 12 рублей в месяц, поэтому Ваша бабушка получала даже на рубль больше. С 1970 г. пенсии выросли до 25 рублей. Но не все колхозницы их получали, потому что для этого им надо было подтвердить свой стаж в колхозе, что при плохом ведении делопроизводства, при преобразовании колхозов в совхозы и полном равнодушии руководства хозяйствами сделать было трудно, а нередко и невозможно. Есть тысячи писем на эту тему.

О.Ю. Васильева. Удалось ли Вам проследить, хотя вряд ли такая статистика возможна, такой трудный вопрос: когда женская часть деревни начинает пить? Можно ли это определить? Потому что мне кажется, что когда женщины в России начали пить, все пошло под откос.

Л.Н. Денисова. Такой четкой грани, конечно, нет. Но это примерно 1970-е годы, может быть, чуть раньше. Но все-таки такого пьянства, как мужское, среди женского населения не было. Иначе бы там просто некому было работать, потому что женщина была главной трудовой силой деревни.

В.Б. Жиромская. Очень любопытен, конечно, вопрос об отношении мужа к карьере жены. И, разумеется, негативного тут было достаточно, и не только, кстати, в деревне, но и в городе, особенно в период 1930–1950-х годов. Позже это несколько сбалаansirовалось.

Но было и другое отношение, когда муж очень охотно следил за продвижением жены по службе и даже помогал ей. Есть и такого рода материал. Это первое.

И второе. В докладе хорошо использованы материалы опросов. Когда речь пойдет о религиозности, то наверное это один из наиболее надежных источников. Для дореволюционного времени это – показатель, потому что урядник, например, знал, кто является прихожанином. Без таких справок не допускались в учебные заведения, трудно было выдать девушек замуж без подтверждения, что они посещают церковь. Для определения религиозности в советское время этот показатель не может быть использован. Были ли попытки произвести такие опросы? Занимались ли Вы этим сами?

Л.Н. Денисова: Традиционная установка в сельской среде “не выделяться” распространялась и на семью. Это касалось прежде всего женщин. Поскольку хозяйство и дом всегда были на крестьянке, то помимо работы в общественном производстве на рядовых должностях в рамках семейной политики ее нагрузка не планировалась. Нерядовые должности требовали отвлечения от дома и хозяйства, но при бездеятельности или некотором участии мужа эти работы откладывались или не выполнялись вовсе. Немногие мужья брали на себя бремя забот по хозяйству, дому, воспитанию детей. В семьях руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства взаимопомощь была развита больше, здесь мужья чаще способствовали продвижению жен по служебной лестнице.

Важным и достаточно всесторонним источником для раскрытия сельской жизни являются социологические обследования. Мною использованы материалы социологических экспедиций российско-британского обследования 29 российских деревень, проведенного в 1990-е годы, других проектов, большинство которых впервые вводятся в научный оборот.

П.Н. Зырянов. Если самый лучший период деревни, это брежневский, то почему в этот период все женщины начали пить?

И второй вопрос. Вы говорили, что личное подсобное хозяйство – это еще одна нагрузка прежде всего на женщин. В связи с этим хотелось бы узнать: сами женщины выступали за расширение подсобного хозяйства или наоборот?

Л.Н. Денисова. Традиционное отношение сельских женщин к пьянству – негативное, в том числе к женскому. В брежневский период с улучшением жизненных условий у некоторой части появилась тяга к алкоголю. Возросло самогоноварение. Свободные деньги расходовались и на спиртные напитки. Но это вовсе не означало, что большинство деревенских женщин злоупотребляло алкогольными напитками и “женское” пьянство стало обычным и типичным деревенским явлением. И колхоз (в основном), и хозяйство, и дом (всегда и полностью) зависели от женщины, поэто-

му сколько бы примеров, в том числе из личных наблюдений, ни приводилось о пьянстве крестьянок, нельзя не учитывать, что именно на них была основная жизненная нагрузка и от них зависело благосостояние семьи. А в этот период оно было на достаточно хорошем уровне! Достигалось это и за счет работы в личном подсобном хозяйстве, где женское участие было в 4–5 раз больше мужского, ограниченного вскапыванием грядок, починкой сарая и пр. Времени для отдыха у крестьянок оставалось крайне мало, и оно было отдано, как правило, детям.

Г.Д. Алексеева. Я хорошо знаю смоленскую деревню по личным наблюдениям – и послевоенную, и 70-х годов, где жили мои бабушка и дедушка, все двоюродные сестры и братья. Сестра работала ветеринаром, окончив Минскую ветеринарную академию поехала работать в деревню, где она выросла. По моим наблюдениям за всеми этими событиями и по разговорам, могу сказать следующее. Дело в том, что пьянство бывает разное.

Очень большое пьянство среди женщин началось в первые послевоенные годы. Оно было вызвано совершенно четкими причинами. Первая – потеря мужей (я говорю про Смоленщину), большое количество детей, которых надо было растить; разрушенные дома (вся наша деревня жила в землянках, в том числе и моя бабушка) и, конечно, адский труд, когда женщина с малолетними 9–10-летними детьми брала на себя труд строить дом. Естественно, вечером ей хотелось выпить. Это первое. Это употребление алкоголя для снятия психологического и физического стресса. Этот алкоголь был государственный, т.е. это была государственная водка, которая туда завозилась. То же самое и в московских деревнях.

Вторая волна пьянства началась в 70-е годы. Это пьянство было уже другого типа. Там оно вызвано было нищетой и напряженным физическим трудом, а тут все-таки достаточно высоким жизненным уровнем, потому что уже имели в домах ковры, телевизоры, шкафы, прилично питались, их подсобное хозяйство даже приобрело другую структуру. Кстати, вот это тоже очень важно, потому что женщина была носителем изменения структуры подсобного хозяйства – именно женщина, а не мужчина. И пьянство начинается другое.

Что касается религиозности, то на Смоленщине, так же как и в Подмосковье, религиозность очень упала, потому что церковей вообще не было, и жителям деревень даже некуда было ходить. Какая там религиозность?

Но есть еще несколько важных вопросов. Это, во-первых, влияние хрущевской аграрной реформы и, в частности, ликвидация МТС. Это очень важная сторона жизни деревни, которая во-

обще в литературе не освещается. Второй вопрос – нужно выяснить в точности принципы подхода к изучению сознания деревни за последние полвека: как изменяется это сознание. Там было не только религиозное и бытовое сознание. Там есть элементы политического сознания, элементы культурного сознания. Ну, скажем, в деревне начинают больше покупать книги. Это ведь тоже очень важно, “чтобы дети читали”. Я спрашиваю: “Зачем вы покупаете книжки”. Она говорит: “Чтобы дети читали, чтобы они росли грамотными”.

Еще один вопрос. Я не согласна с постановкой вопроса о том, что мужчины относились негативно к успехам женщины. Труд образованного, знающего человека, помогающего деревне жить, оценивался очень высоко.

П.Н. Зырянов. Я с большим интересом выслушал доклад. Он сделан на самом высоком уровне. По содержанию, конечно, можно с чем-то соглашаться или не соглашаться.

По-моему, автор слишком оптимистично оценивает проблему женского пьянства.

У нас укоренился стереотип, что мужчины пьют, а женщины работают. Но в настоящее время, особенно в отдельных регионах, например в Сибири, там много пьют, и это очень часто женщины.

Конечно, вопрос о религиозности требует детального освещения. К концу так называемого застоя (я сужу по своей Челябинской области), на всю область было две церкви, одна в Челябинске, другая – в Златоусте. Ни в одной деревне церкви не было. Но зато расплодилось сектантство. Как тут быть и какова в действительности религиозность?

Городские церкви не вмещали приходивших туда женщин из деревень. Так что над этим вопросом нужно еще думать, привлекать источники.

Г.М. Иванова. В данном докладе представлена эпическая картина положения женщины в послевоенный период. Научный доклад базируется на репрезентативной источниковой базе, а не на наших личных воспоминаниях, на опыте, который у нас абсолютно у всех есть. Я уверена, что здесь нет ни одного человека, у которого не было бы родственников в селе, и все мы это знаем.

Я поддерживаю мнение, хотя в данном случае основываюсь тоже на личном опыте, что говорить о пьянстве как социальном явлении в русской деревне вряд ли правомерно.

Хотелось бы еще обратить внимание на такой момент. В докладе речь шла прежде всего о женщинах, представляющих две основные профессии, – полеводческую и животноводческую, и проводить сравнение с отношением к сельской интеллигенции, к

которой принадлежат учитель, фельдшер, ветеринар, в данном случае некорректно. Традиционно всегда к народным учителям в деревне относились с большим уважением. Иное дело – положение женщины-крестьянки.

Д.Н. Нежинский. Позвольте кратко подвести итоги. Первое. Доклад был очень интересный. Он охватывает полстолетия, поэтому очень трудно требовать от автора подробного анализа всех периодов. Докладчик взяла магистральные линии, и мне кажется, что она осветила их объективно на основании тех источников, которыми сегодня располагает. Мы можем только приветствовать этот труд и пожелать автору дальше вести его, преобразовав в серию статей или в книгу.

Второе. Эта тема, конечно, выходит за рамки только истории нашей деревни, хотя и называется “Сельские женщины...”, ибо нетрудно увидеть, что процессы, которые зарождались в нашей деревне, постепенно оказывали немалое влияние на городскую жизнь и в первой, и во второй половине XX в. Поэтому следует сказать, что эта тема фактически выходит на магистральный путь исследования этносоциальной истории России вообще, особенно во второй половине XX в.

Если Вы будете дальше вести исследование, стоило бы обратить внимание вот на что: Россия была, есть и, я полагаю, будет полиэтнической страной, и одно дело – ситуация в Смоленской, Тамбовской, Пензенской области, а другое дело – это та же Россия, но ее южные районы, я не говорю о бывших республиках – Украине, Молдавии. Там, при всех сложностях хрущевского и брежневского направления политики в деревне, сохранялись и такие индивидуально-психологические качества, как очень твердый характер многих женщин, проживающих в деревне, и как бы там ее муж ни выпивал, она находила способ ставить его на место. Это сказывалось и на этнических процессах, и на процессах, связанных с народонаселением, и т.д. Я предлагаю Вам обратить внимание на некоторую разность региональной России. Большое своеобразие наблюдалось на Урале или в Сибири, совсем другие отношения в Татарстане, Башкортостане. Там очень своеобразные отношения между мужчинами и женщинами в семье. В Краснодарском крае роль хозяйки семьи четко определена, и от нее очень многое зависит и до сих пор. Нельзя не отметить разное положение в южных регионах России. Когда Вы будете дальше расширять Ваше исследование, обратите внимание на эти региональные и местные этнические особенности. Это сделает еще более интересным и солидным Ваше исследование.

СИМВОЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТ В 1925–1939 гг.*

Важнейшей и обязательной составляющей любого мировоззрения является историческая память. Через отношение к прошлому формируются и поддерживаются идеалы, ценности и смыслы. Если профессиональные историки, следуя требованиям своего ремесла, обязаны стремиться к максимальной объективности и научности, то историческая память как часть мировоззрения и национального самосознания мифологизирована и символична. В отличие от научной историографии, в ней преобладают полярные, “черно-белые” оценки, а набор исторических символов – определенных “знаковых” имен и событий – весьма ограничен.

Представление об истории в массовом сознании всегда мифологизировано, но эти мифы могут быть либо созидательными, укрепляющими и активизирующими символические ресурсы нации, либо, напротив, разрушительными, травмирующими национальное самосознание, формирующими национальный “комплекс неполноценности” – и в этом случае ослабляющими метапотенциал страны.

В массовом общественном сознании любого народа оставались имена и события, напоминание о которых выполняло важнейшие функции интеграции общества, укрепления его нравственного здоровья, поддерживало единство поколений, представление об общей исторической судьбе и исторической ответственности. Такой же была массовая историческая память в дореволюционной России. Общественное сознание характеризуется высокой инерционностью, поэтому и после 1917 г. в памяти народа сохранялись прежние имена-символы “святых” (церковных и светских), таких, как Александр Невский, Петр Первый, Суворов, Пушкин, Серафим Саровский, и “злодеев” – Мамай, Малюта Скуратов. Отметим, что “святых” было во много раз больше.

Задачами большевиков с первых же месяцев прихода к власти стали радикальное изменение массовой исторической памяти, “перекодирование” событий, попытка “стереть” многие и

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 17 октября 2002 г.

многие имена, придать “сакральный смысл” совершенно иным событиям и именам, создать “коммунистические святцы”. Без этого политическое господство казалось (и, на самом деле, было бы) весьма непрочным. Власть стремилась изменить представление о самоценности России, ее прошлом величии, иначе новыми идеалами “мировой революции” – народ (и прежде всего молодежь) нельзя было бы воодушевить.

Анализу официальной советской идеологии 1920–1930-х годов посвящено большое количество исследований, и мы не будем сейчас повторять их основные выводы: они общеизвестны. Достаточно хорошо изучена и историография того времени, большевистская “мифология истории”, в том числе господствовавшая до середины 1930-х годов “школа Покровского”. Есть также научные труды, анализирующие печатные издания 1920–1930-х годов.

Задача данной работы – показать, как была представлена и как менялась память о прошлом на страницах советских газет, и прежде всего у ведущей молодежной газеты “Комсомольской правды”, с 1925 г., когда вышел ее первый номер, и до 1939 г., до начала Второй мировой войны. Автор предлагает использовать для подобного исследования некоторые элементы контент-анализа.

Идеи контент-анализа текстов газет были впервые разработаны еще в 1940-х годах группой американских исследователей под руководством Г. Ласвелла. Американцев тогда, в частности, интересовало, насколько изменилась официальная советская идеология по сравнению с 1920-ми годами. Для ответа на этот вопрос сравнивалась частота появления в большом массиве информационных потоков – в газетах – слов-символов, которые либо отражали идеологию “революции” и “мировой революции”, либо же были по своим истокам и сути “национальными”, “внереволуционными”. Исследовался не весь объем публикаций, а только официальные лозунги.

Были получены некоторые интересные результаты. Так, оказалось, что доля “революционных символов” в “лозунговых” текстах: с 1919 по 1943 г. уменьшилась в 12 раз, причем о “мировой революций” последний раз говорилось в 1935 г., а о Коминтерне – в 1941 г., за 2 года до его роспуска. Рост доли “национальных” символов начинается (почти с нулевой отметки) после 1929 г.¹. Американские ученые обратили внимание и на то, что лозунг “Да здравствует мировая пролетарская революция!” после 1935 г. уже никогда не появлялся. До этого он отсутствовал лишь в официальных лозунгах 1926 г., что, естественно, связывается с разгромом троцкистской оппозиции. Это еще раз доказывает факт резкой, радикальной смены идеологических ориенти-

ров в СССР в середине 1930-х годов, что совсем на другом материале доказывает российский исследователь Ю.Н. Жуков.

Группа Г. Ласвелла изучала также, какие персоналии (и слова, производные от них) упоминались в лозунгах. Вот полный список: Ленин, Маркс, Энгельс, Сталин, Либкнехт, Люксембург, Тельман, Урицкий, Шаумян, Джапаридзе, Колчак, Деникин, Зиновьев, Троцкий, Гитлер, Бухарин, Пуанкаре, Чан Кайши, Азизбеков. Первые десять имен – всегда в положительном значении, последние девять – чаще в негативном.

В центре внимания контент-анализа – подсчет появления в текстах исследуемых единиц – слов-символов, которые могут объединяться в однородные группы-кластеры, или однородных по содержанию высказываний. Каждая мировоззренческая система характеризуется, помимо прочего, “любимыми словами”, и с эволюцией мировоззренческой системы их соотношение меняется. Так, американские ученые подсчитали с какой частотой появлялись ключевые политические термины в газете “Московские новости” со 2 августа 1938 г. по 2 января 1939 г. Получилась такая последовательность (по убывающей): 1) народ – 1136 раз, 2) рабочие – 633, 3) колхозники и рабочие совхозов – 378, 4) Сталин, сталинизм – 280, 5) Советы – 270, 6) Ленин, ленинизм – 243, 7–8) пятилетний план и революция – по 217, 9) наркомат – 187, 10) партия – 172, 11) Стаханов, стахановцы – 165, 12) Красная Армия – 162, 13) массы – 146, 14) классовая борьба – 97, 15) класс – 92, 16) товарищ – 78, 17) социалистическое строительство – 62 раза².

Эти слова-символы представляют ценностно-символическое “ядро” идеологической системы в 1938 г. Кстати, такое “ядро” – всегда небольшое. Американцы выявили, что в XX в. и в США, и в Великобритании, во Франции, в Германии, и в России – СССР от 52 до 86% от общего числа появлений “идеологических символов” в ведущих газетах приходится всего на 18 слов³.

Мы видим, что итоги такой простой операции, как подсчет частоты появления слов-символов, оказался весьма интересным: кто-то обратит внимание на то, что “партия” заняла всего лишь 10-е место, а кто-то – на соотношение слов “Ленин” и “Сталин”. И, наверное, сразу же стало любопытно: а с какого года “Сталин” стал опережать “Ленина”. Каким было это соотношение, скажем, в 1950, в 1987 гг. и с какой эмоциональной окраской? Ведь контент-анализ позволяет выделять слова-символы эмоционально нейтральные, с негативной окраской и позитивной. Более того, лет через 20–25 после первых исследований американцы научились в баллах оценивать степень эмоционального накала текстов. Проект и результаты этой работы были засекре-

чены, она выполнялась в ведущих исследовательских центрах и стоила примерно столько же, сколько разработка нового оружия.

Для контент-анализа важно и то, какие слова-символы отсутствуют, хотя можно было бы ожидать их активного упоминания. Так, в нашем “ядре” нет ни “врагов народа”, ни “троцкистов”, ни иных негативно окрашенных слов.

Методология Г. Ласвелла впоследствии неоднократно использовалась, в том числе и в работах отечественных ученых. Мы предлагаем применять ее к анализу представления исторической памяти на страницах СМИ. Если просто полистать газеты, скажем, за три года – 1926, 1950 и 1988, – то сразу бросится в глаза то, как по-разному была представлена на их страницах отечественная история. Даже не вникая в суть содержания взглядов на исторический процесс, можно увидеть, что в газетах за 1926 г. истории вообще почти нет; в 1950 г. исторических символов в газетах много, но при этом “выброшены” большие и значимые блоки (скажем, все, что касается Церкви); в 1988 г. истории тоже, на первый взгляд, много, включая церковную, но поражает доля негативных оценок прошлого (особенно советского периода). Еще одной особенностью газет 1926 и 1988 гг. окажется очевидная “разорванность”, “стробированность” исторической памяти (“строб” – это вычлененный фрагмент, описываемый как замкнутая система). Для 1950 г. характерна куда большая “связность” и “целостность” представления об историческом процессе.

Итак, какими основными параметрами характеризуется появление исторических слов-символов в газетах за тот или иной период? Во-первых, это интенсивность, которая выражается в частоте обращения к истории, среднем количестве исторических символов в одном выпуске. Во-вторых, эмоциональная окраска, процентное соотношение “позитива” и “негатива” то, как они видятся в прошлом. В-третьих, глубина исторической памяти. Она может быть и в 1000 лет (1950 г.) и в 20 лет (1926 г., как мы увидим дальше). Можно рассчитать, как в течение определенного периода времени – года, квартала или месяца – представлены (в процентном отношении) прошлые века и десятилетия; на какие исторические отрезки приходится “сгущения” или “провалы” исторической памяти. В-четвертых, степень разнообразия слов-символов и, соответственно, актуализируемых в памяти исторических событий и имен – их может быть один-два десятка или несколько сотен. Можно выделить “любимые” исторические имена и даты и ранжировать их по критерию частоты появления в СМИ. В-пятых, и это очень важно, те имена и события, которых нет в газетах, но они были весьма значимы для газет в какой-то иной период времени.

Хотя основным объектом исследования являются публикации в “Комсомольской правде”, совершенно очевидно, что при существовавшем в СССР жестком идеологическом контроле эта газета не могла не отражать общих идеологических установок; она поддерживала официальную версию “сконструированной истории” и по мере изменения этой версии, менялось и содержание ее публикаций. Характер изменений в сфере СМИ определялся процессами более общего порядка – прежде всего, в сфере политики и идеологии.

О каких же исторических событиях писала – и не писала, что очень важно! – “Комсомольская правда” в 1925 г.?

Проведем сплошной анализ всех исторических публикаций за декабрь 1925 г. Декабрь выбран потому, что 14 декабря 1925 г. было столетие восстания на Сенатской площади, и достаточно интересно, как к этому отнеслись советские СМИ.

14 декабря 1925 г. ни одной строчки о восстании декабристов в “Комсомольской правде” не появилось. И в этом, как и следовало ожидать, она отражала общую официальную партийную линию: столетие восстания проигнорировали и “Правда”, и “Известия”. Но, может быть, дата отмечалась по новому стилю? Нет, и в конце месяца никаких юбилейных публикаций не было. В течение всего декабря 1925 г. в “Комсомольской правде” появились два крошечных материала, как-то связанных с декабристами – 7 строк в одном номере и 5 строк – в другом. И в “Известиях” также за месяц – две крошечные публикации, имевшие отношение к столетней дате. По горячим следам событий М.Н. Покровский напишет: «На последний декабрь пришлось сразу два революционных события: столетний – декабристов и двадцатилетний – московских баррикад... Масса населения, в первую очередь учащаяся молодежь и рабочие, обратили внимание только на двадцатилетие пятого года; а наша старая интеллигенция занялась декабристами, о которых массы, увы, не вспомнили, хотя ежедневная печать – особенно “открытия” из Ленинграда – наводила их на эти воспоминания достаточно усердно»⁴. Менее тридцати строк о декабристах в двух ведущих газетах кажутся Покровскому явным “перебором”

А вот в связи с 20-летием декабрьского вооруженного восстания 1905 г. только за декабрь 1925 г. “Комсомольская правда” посвятила этому событию 4 крупных статьи, 3 публикации воспоминаний участников, 2 больших обзора литературы, не говоря уже о массе мелких по объему материалов. Причем, публикации на эту тему начались в “Комсомолке” (как и в других газетах) задолго до декабря и продолжались в 1926 г. По объему газетной площади события 1825 г. занимали в ведущих советских изданиях

декабря 1925 г. даже не в десятки, а в сотни раз меньшее место, чем восстание 1905 г.

С чем же связана такая расстановка приоритетов? М.Н. Покровский откровенно разъяснил, почему “учащаяся молодежь и рабочие”, не желающие слышать о декабристах, проявили верное “классовое чутье”: “Есть революция и революция, есть наше вооруженное восстание и есть не наше, хотя тоже вооруженное и тоже восстание. Всякий класс делает революцию по-своему, и как бы мы ясно себе ни представляли особенности чужой революции, она никогда нас не тронет так, как революция своего класса”⁵.

Однако в реальной исторической памяти – и не только “старой интеллигенции” – декабристы занимали важное место. В 1925 г., комсомольский поэт Николай Асеев посвятил им одно из лучших (если не самое лучшее) свое стихотворение: – “Синие гусары”. А Осип Мандельштам именно в стихотворении “Декабристы” пишет знаменитое: “Все перепуталось, и сладко повторять Россия, Лета, Лорелея”. На “другом берегу” Зинаида Гиппиус называет декабристов “святыми”. Ранее именно так называли декабристов Н.А. Некрасов, другие русские поэты⁶.

А Зинаида Гиппиус писала о декабристах:

Мы – ваши дети, ваши внуки,
У неоправданных могил
Мы корчимся все в той же муке
И с каждым днем все меньше сил.

Но тогдашнее идеологическое руководство полагало, что у Николая Асеева, Осипа Мандельштама и Зинаиды Гиппиус не должно быть общих святых!

Очернение, оплевывание декабристов – это святотатство, осквернение общенациональных святынь. Это прекрасно понимали ведущие идеологи режима, ставившие задачу десакрализации русской истории, проводившие в СМИ политику отчуждения от всех традиционных, объединяющих нацию исторических ценностей. Святая Русь лишалась любых святых имен, не только признанных церковью. И большая статья М.Н. Покровского о декабристах, все-таки появившаяся в “Известиях” 1 января 1926 г., прямо начинается с того, что надо совершить святотатство, кощунство, “озорство”: “Почти столетие декабристы были священной реликвией для русской интеллигенции. Прикосновение к этой реликвии исторического анализа, в особенности анализа классового, рассматривалось как святотатство. И, когда почти ровно 20 лет назад святотатственные руки марксистов решились на это озорство, ответом был взрыв негодования”⁷. Да, интеллектуальное “озорство” по отношению к пяти казненным выбивалось из всех канонов, из традиционной морали.

1 января 1926 г., “Известия” дали “двойной залп” по декабристам. Науку представлял Михаил Покровский, искусство – Лариса Рейснер. Их публикации заняли полную полосу. У Покровского особое возмущение вызывало нежелание декабристов проливать кровь в междоусобной брани. Историк иронизирует: декабристов “от одного упоминания о таком скромном оружии, как топор, бросало в дрожь”⁸. Л. Рейснер в очерке “Сергей Петрович Трубецкой” мастерски рисует “своего” князя С.П. Трубецкого – трусливого, самодовольного интригана, способного на любое предательство: «Надо отдать справедливость князю. Если малодушно, лениво и бездарно все, что он предпринимал против правительства, то сколько блеска, остроумия и коварства вложил он в борьбу с “левыми”. Провокации Сергея Петровича гениальны»⁹. Оставим эти экзерсисы без комментариев.

О каких еще исторических событиях писала “Комсомольская правда” в конце 1925 г.? Разумеется, об Октябрьской революции. Целая серия публикаций раскрывает довольно краткую историю Коммунистического интернационала молодежи. Из событий русской истории отмечено 15-летие со дня смерти Л.Н. Толстого. Вот, в общем-то, и все. Таким образом, вся глубина исторической памяти, как она представлена в газете, не превышает 20 лет!

Наряду с замалчиванием и искажением реальной истории, в СМИ воспроизводились совершенно фантастические, выдуманные картины совсем недавнего прошлого, шло создание “параллельной реальности” Так, “Комсомольская правда” писала о дореволюционной гимназии (которую очень многие тогда помнили, так как всего 10–15 лет назад в ней учились): «Вся программа обучения, начиная от блаженной памяти “закона божьего” и кончая греческим языком и латынью, была приурочена к тому, чтобы вышибить из сознания учащихся малейшие проблески свободного мышления и творчества. Уроки задавались “от сих до сих” по казенным, прошедшим 10 цензур учебникам самых благонамеренных и угодливых начальству авторов. Чего-либо сверх казенного учебника не полагалось знать и тщательно изгонялось не только из школьного, но и домашнего обихода учащихся, для чего практиковались посещения на дому инспекторами и учителями с производством обыска»¹⁰.

В советских газетах 1920-х – начала 1930-х годов слово “прошлое” почти не встречается без эпитета. Если “прошлое” – то обязательно “темное”, “проклятое”. “мрачное”. Но явно преобладал эпитет “рабское”. В статье А.В. Луначарского о М.Ю. Лермонтове, опубликованной в 1926 г. в “Комсомольской правде”, первая же цитата, конечно: “Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...”¹¹. Если речь идет об экономических вопро-

сах, сообщается: “До Октября русская промышленность находилась буквально в рабской зависимости от заграницы”¹².

О “рабском прошлом” говорилось не только в газетных статьях, специально посвященных исторической тематике, но и между делом. Скажем, пишет в “Правде” Н.И. Бухарин о ненавистной ему поэзии С.А. Есенина и тут же обобщает: «У нас в литературе уже поднялась как на дрожжах другая “гордость великороссов” которая воспевает наше рабское прошлое»¹³.

Кстати, “о национальном гордости великороссов”. Именно В.И. Ленин в статье с таким названием сделал акцент на определении нашего прошлого как “рабского”. В тексте, содержащем всего 9 абзацев, слово “раб” и производные от него встречаются 11 раз. А кроме того, Ленин добавляет еще слова из синонимического ряда – “холуй”, “холопский”, “крепостнический”¹⁴. Со ссылками и без ссылок на Ленина советские газеты будут “вбивать в подсознание” такую самооценку вплоть до начала 1930-х годов.

7 ноября 1929 г. “Комсомолка” фантазирует: “В музее над картой Российской империи нужно поставить модель рабски прибитой ветрянки...” Правда, не совсем понятно, как именно надо прибить модель ветряной мельницы, чтобы всем стало сразу ясно: это сделано не как-нибудь, а именно “рабски”. И дальше газета продолжает: “Бывшая карта бывшей России – это униженное в рабском труде население, это феодализм, оброк, барщина, крепостничество, это стрельцы, бояре, посадские люди и порка, это бездорожье, воеводы, опричнина, Тайный Приказ, Московское государство, Русь, Россия”.

Один из поэтов (не хочется упоминать его имени, сегодня оно забыто) эти же чувства выражает в стихах, опубликованных в августе 1925 г. в “Правде”:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.

Но вот 13 декабря 1931 г. в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И.В. Сталин, неожиданно скажет: “Довольно странно считать покорными и ленивыми русских крестьян и рабочих, проделавших в короткий срок три революции, разгромивших царизм и буржуазию и победоносно строящих ныне социализм”¹⁵. Беседа Сталина с Людвигом в апреле 1932 г. была опубликована в журнале “Большевик”, и те, кто внимательно ее прочитал, про “рабское прошлое” писать перестали, хотя сделали это тогда далеко не все публицисты, журналисты, историки и политики. Так, 17 апреля 1933 г. (через год после “намёка” Сталина) “Комсомолка” напомнит, что до революции “на Ленских

приисках существовала система рабского принудительного труда”. Правда, старый эпитет “проскользнет”, скорее, по инерции: в 1933 г. он будет употребляться в газетах несопоставимо реже, чем, скажем, в 1929 г. А в 1920-х годах читателю предлагалось поверить в существование и таких заурядных “картинок” совсем недавнего прошлого: “В прежние годы на Руси существовала государственная дума – недоношенный ублюдошный парламент. Было в этой самой думе изрядно скучно, и время от времени черносотенные депутаты, дабы поразмяться, позволяли себе некоторые маленькие невинные развлечения – били кадета или трудовика”¹⁶. “Исторические призраки” плотно перемешивались с реальными фактами, в результате в сознании читателей возникала “заколдованная реальность” – охватывавшая, разумеется, не только прошлое, но и настоящее.

Человек терял всякие духовные ориентиры. Конструируемая тогда в СМИ “параллельная историческая реальность” была лишена всякой устойчивости, целостности, единства. В ней не действовали никакие законы логики, причинно-следственные связи. Читателю, особенно молодому, невозможно было отделить мираж от действительности, правду от вымысла. М. Горький с удовлетворением отмечал: “Растут дети, для которых наше дореволюционное прошлое со всеми его грязными и подлыми уродствами будет знакомо только по книгам, как печальная и фантастически нелепая сказка”¹⁷.

В статье, опубликованной в “Известиях” Л.Д. Троцкий из всей отечественной и мировой истории выделил лишь пять дат, пять лет, которые, по его словам, “... в памяти не только каждого революционера, но и каждого грамотного человека из лагеря угнетенных кажутся навсегда выкованными из бронзы, чеканно выделяясь из бесконечной вереницы годов, лишенных лица и образа”¹⁸. Вот эти даты: 1793 – “металлический год”, когда якобинцы “учинили незабываемую (sic! – А.И.) расправу над коронованными и привилегированными властителями старого общества”¹⁹, а также революционные 1848, 1871, 1905 и 1917 гг. Троцкий создает химерический историко-идеологический концепт необжитого, враждебного “исторического пространства”, состоящего из “бесконечной вереницы годов, лишенных лица и образа”. И вплоть до 1934 г. публикации в СМИ и в специальной исторической литературе почти целиком ограничивались жесткими рамками, заданными Троцким²⁰.

Сознательно разрушалась “связь времен”. Создавалась ситуация историко-психологической безоосновности, неустойчивости. Подвергалось деструкции смысловое единство русской истории. Прошлое уходило в неразличимую тьму, создавалось общество с

“отшибленной исторической памятью”. Человек выключался из потока духовных энергий, идущих из прошлого в будущее.

Хорошо осознавалась тогдашними идеологами проблема глубины исторической памяти. М.Н. Покровский прямо ставил вопрос: “Прежде всего, как далеко вглубь должна уходить эта самая новая история, нужна ли нам древняя, нужна ли нам средневековая история?”²¹ Для Покровского ответ очевиден: “Не нужна!” И в газетах вообще нет никаких упоминаний о каких-то событиях или именах из русской истории, относящихся хотя бы к XVIII в. За 9 месяцев, с октября 1925 по июнь 1926 г. “Комсомольская правда” всего лишь трижды, чуть ли не случайно, подтверждает, что и в XVIII в. в России что-то происходило, упоминая Петра I, М.В. Ломоносова, Великую Северную экспедицию. Это все.

Давно известно, что для поддержания устойчивого национального самосознания, психического здоровья и энергии нам необходимо присутствие в нашей духовной реальности всей истории России (без “разрывов” и “темных пятен”), множества исторических предшественников, предков, находящихся в сакральном времени и поддерживающих нас оттуда. Такая поддержка возможна, если мы постоянно обращаемся к их памяти, вызываем перед внутренним взором их образы. Неслучайно на каждом богослужении поминается длинный ряд православных святых, “в Земле Российской просиявших”. Аналогичная практика существует у всех народов с древнейших времен. В двадцатые годы в официальной пропаганде открыто ставилась обратная задача: вытеснить из исторической памяти как можно больше имен. Либо произвести инверсию, сменить положительную оценку имен, событий, даже традиций на отрицательную.

М.Н. Покровский писал: “Ведь нельзя же так, как у нас: некоторые хотят сделать из Москвы музей старых зданий... Нельзя же так. Вот точно так же и в истории – кого-то нужно выселить оттуда, выселить излишние персонажи, которые теперь совершенно не нужны. Так что, конечно, целым рядом этих исторических персонажей придется пожертвовать, но наиболее махровые, колоритные останутся, но останутся в надлежащем освещении”²².

«“Вытеснялись из истории” или получали “надлежащее освещение” Румянцев и Суворов, Ушаков и Кутузов: “все войны, которые вела Россия со времен Екатерины II, были столкновениями на почве агрессии русского капитализма на Ближнем Востоке” – так писала “Правда” в 1928 г.²³ Годом раньше Главрепертком запретил публичное исполнение увертюры П.И. Чайковского “1812 год”, так как программа этого произведения “... является, конечно, абсолютно неприемлемой для нас»²⁴.

О Пушкине читатель “Комсомольской правды” мог узнать, что “даже самый передовой и революционный представитель дворянства, намного опередивший основную массу своего класса, – Пушкин – не сумел дать правдивую картину крестьянской революции, какой являлась Пугачевщина. Народное движение изображено совершенно неверно”²⁵. Ну, а про Достоевского в молодежной газете писалось куда жестче: «... совершенно ничемное занятие – упорно выискивать в гущу написанного им мистического бреда крупницы почти “либеральных” замечаний и даже “революционных пророчеств”»²⁶. “Комсомолка” напоминала о “реакционной сущности религиозно-нравственной стороны учения Л. Толстого” и недоумевала, почему, в связи со столетним юбилеем писателя, издан том, содержащий “учение о жизни, изложенное в изречениях”²⁷

Вместо “Незнакомки” А. Блока А. Пришелец предложил комсомольским читателям свою “Молочницу” (это не пародия!):

Арбат. Звонки. Улыбка дворнику.
И как всегда, как с давних пор,
Дыша полями и коровником,
Она проходит в коридор²⁸.

Газеты вели борьбу с русскими традициями, обычаями, русским бытом, объявленным “глубоко реакционной силой”: “До сих пор из провинции приходят анекдоты о партийцах, наслаждающихся канарейкой и шипящим самоваром, этими неизменными атрибутами мещанского счастья”²⁹. Русские романы “Комсомолка” называет “музыкальной самогонкой”³⁰.

В 1928 г. СМИ начали поход против традиционной встречи Рождества и Нового года с елкой и Дедом Морозом. В “Комсомолке” появляются поразительные вирши Семена Кирсанова:

Елки сухая розга
Маячит в глазища нам,
По шапке Деда Мороза,
Ангелу – по зубам!³¹

В 1926 г. нерабочими в СССР были дни, когда православные отмечали Благовещение, Страстную субботу, Вознесение, Духов день, Преображение, Успение, Рождество. Но вот вводится “непрерывная” рабочая неделя – и рабочим становится даже день Пасхи. В декабре 1929 г. Ю. Ларин делится своей радостью с читателями: “Непрерывка уничтожает рождество как допускаемый советской властью день всеобщего отдыха”³². С января 1930 г. газеты начинают выходить без указания дня недели, оставлялись только числа месяца. Отказ от традиционных названий месяцев обсуждался, но был отвергнут со ссылкой на неудачу подобного опыта в эпоху Великой французской революции.

Уже с 1930 г. намечались некоторые, первоначально очень слабые, сдвиги в оценке исторического прошлого И. Сталиным. 12 декабря 1930 г. он пишет письмо Д. Бедному, обвиняя стихотворца в том, что тот стал “возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения”³³. Письмо тогда опубликовано не было, газеты пока продолжали старую линию.

В выступлении на Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. Сталин заявил: “В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость”³⁴.

В апреле 1932 г. публикуется запись беседы Сталина с Л. Эрхардом, где отрицается вековечная русская покорность и лень.

Начиная приблизительно с середины 1932 г. “оплевывание” исторического прошлого в советских газетах довольно резко сокращается, но и ничего светлого в прошлом России авторы публикаций пока не находят. В 1933 г. любая историческая память почти полностью ушла из газет. Так, в апреле 1933 г. в “Комсомолке” всего четыре статьи, которые условно можно назвать “историческими”: публикация о Ленине 22 апреля (Н. Крупской) и три статьи к годовщинам: 21-й – Ленского расстрела, третьей – гибели Маяковского, первой – “разгрома РАППа”. В июле 1933 г. в газете появляется большая – на два “подвала” – статья Е. Ярославского, посвященная тридцатилетию второго съезда РСДРП. В статье – никаких имен, кроме Ленина и Сталина. В газетах тех месяцев вообще почти нет исторических имен, упоминаний о событиях прошлого; возникает ощущение, что люди как бы “выпали” из времени, оказались в каком-то мёробе. Печатаются лишь бессмысленные обрывки совсем недавней истории, которые постоянно переписываются, причем и это опасно: надо обязательно помнить последнюю версию, “Комсомольская правда” приводит пример разоблачения “скрытого троцкиста” рабочего Гавришина (учившегося только в церковно-приходской школе), который не смог правильно объяснить “политическую сущность антипартийной контрреволюционной группы Эйсонта-Толмачева”³⁵.

Газеты 1933 г. резко отличаются от газет 1929 г. отношением к исторической памяти, символам, традициям. Они никак не откликаются ни на Пасху, ни на Рождество. Исчезла героика “мировой революции”, пафос борьбы со “старым бытом”, Достоевским и Л. Толстым.

Наконец, в 1934 г., после XVII съезда, официальное отношение к русской истории круто меняется. Газеты и журналы на это

немедленно реагируют. 16 мая 1934 г. принимается постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О преподавании гражданской истории в школах СССР”, затем – ряд других постановлений, восстанавливающих в правах отечественную историю.

К десятилетию начала Первой мировой войны, в 1924 г., невольно предугадывая за много лет будущую логику Резуна в пресловутом “Ледоколе”, М.Н. Покровский писал в журнале “Большевик” о России: «Готовилась наступательная война против Австрии и Германии, морально оправдываемая тем, что Германия “хочет напасть”. Имея такого миролюбивого соседа, как царская Россия, хочешь – не хочешь, а нападешь...»³⁶.

А к 20-летию того же события, в июле 1934 г., “Большевик” даст совсем иные оценки “исторического миролюбия Германии” (выражение М.Н. Покровского). В редакционной статье главного теоретического органа партии доказывается тезис: “Предвоенная империалистическая Германия угрожала таким образом созданием величайшей империи”³⁷.

Но в том же номере журнала член редколлегии Г. Зиновьев, безусловно, знакомый с редакционной статьей, продолжает старую песню: «Август 1914 г. От имени России “освободительную войну объявляет Николай Кровавый. Разгул погромного “патриотизма”»³⁸. Перед лицом прямых угроз со стороны германского фашизма со слова “патриотизм” надо было снимать кавычки. И, наверное, власть должна была как-то воспрепятствовать появлению подобных статей, иначе в сознании читателей одновременно сталкивались бы два прямо противоположных подхода, отражающих старую и новую “линию партии”.

С 10 декабря 1934 г. “Комсомолка” наконец-то выходит с указанием дня недели, а не только даты. В 1935 г. возвращаются елка, Дед Мороз и Снегурочка. Русские традиции уже не рассматривают как пережитки царизма; “школа Покровского” официально осуждена, многие его ученики быстро “перестроились”.

Но новый подход к истории России разделяли не все. Вот Н.И. Бухарин в январе 1936 г. в редактируемых им “Известиях” вопрошает: «Разве не первейшим долгом для нашего историка было бы в противовес всем и всяким буржуазно-историческим концепциям “Истории государства Российского” разработать историю хотя бы главнейших поработанных им народов?»³⁹. Сталин, однако, решил, что напоминание о старых распрях – действительных или мнимых – не содействует укреплению Советского Союза перед лицом фашистской угрозы. Предложение Бухарина реализовано не было.

Содержание газет во второй половине 1930-х годов меняется, отражая новые установки государства. Война 1812 г. представле-

на уже не так, как десятилетием раньше. Сентябрь 1938 г. – совсем не круглая дата, 126 лет Бородинского сражения; тем не менее, в “Комсомолке” появляется статья “Изгнание Наполеона”, где с уважением называются имена русских полководцев и партизан. Полностью отмечается всякая “смердяковщина”: “О том, что принес бы русскому народу Наполеон в случае победы, можно судить по управлению им русскими губерниями... Французские власти рассматривали оккупированные области как источники припасов для армии и организовали их планомерное ограбление”⁴⁰.

Газеты постоянно теперь напоминают, какие у нас были писатели, поэты, военачальники, ученые, композиторы, художники. Так, только в номере за 17 октября 1938 г. “Комсомолка” приводит имена Некрасова, Чернышевского, Добролюбова, Достоевского, Писарева, Горького, Г. Успенского, Лескова, Помяловского. Все, включая Достоевского и Лескова, упоминаются исключительно в положительном ключе.

23 сентября 1939 г. “Комсомолка” пишет: “Как не любить родину, которую поставил на путь освобождения великий русский народ, давший всемирной истории Ломоносова и Чаадаева (!), Радищева и Пушкина, Толстого и Достоевского, Гоголя и Белинского, Добролюбова и Некрасова, декабристов и Герцена, петрашевцев и Чернышевского, Сурикова и Репина, Глинку и Мусоргского, Римского-Корсакова и Даргомыжского, Рахманинова (эмигранта! – А.И.) и Чайковского, математического гения Лобачевского и физика Лебедева, химика Менделеева и палеонтолога Ковалевского, Тимирязева и Павлова”. Обратим внимание: написано за 10 лет до кампании “борьбы с космополитами”.

В списке нет Сергея Радонежского и Серафима Саровского, но ведь нет и очень популярных в 1920-х годах Сергея Нечаева и Петра Ткачева.

Такое впечатление, что газеты конца 1930-х годов специально искали повод, чтобы упомянуть исторические имена – символы, причем на всю глубину отечественной истории. Так, 24 сентября 1939 г. “Комсомолка” пишет про город Новогрудок, куда несколько дней назад вошла Красная Армия: “Не установлено точно, в каком году он заложен. По одним данным, город основал князь Владимир (начало XI в.), другие историки называют князя Ярослава”. Важно просто назвать имена князей и упомянуть про одиннадцатый век!

В газетах конца 1930-х годов очень много имен-символов не только русских, но и всех народов СССР. 15 сентября 1939 г. в “Комсомолке” большая статья – “Тысячелетие Давида Сасунского”, на следующий день – о Давиде Сасунском уже передовая “Сила народного гения”, в том же номере – еще статья об этом

армянском эпическом герое. И 17 сентября в газете вновь тексты о Давиде Сасунском. Причем, очевидно, что тысячелетие этого события было весьма и весьма условным.

Можно предположить, что в преддверии неизбежной войны руководству страны стало ясно: историческая память формирует и активизирует символические ресурсы, столь же необходимые для Победы, как ресурсы продовольственные, природные или научно-технические, входящие в метапотенциал страны. И победами в прошлых войнах Россия во многом обязана тому, что именно этот символический ресурсный потенциал был куда мощнее, чем у ее противников. А.В. Суворов повторял вслед за Петром: “Природа произвела Россию только одну. Она соперниц не имеет”⁴¹. Этот настрой надо было воспроизвести у советского народа, именно ему соответствовали национальные интересы.

¹ *Lasswell H., Leites N. Language of Politics. 1949. № 4. P. 235–243.*

² *Ibid. P. 227.*

³ *Larner D., Pool I. Lasswell H. Comparative Analysis of Political Ideologies // Public Opinion Quarterly. Winter 1951–1952. P. 716–723.*

⁴ *Покровский М.Н. Декабристы: Сборник статей. М.; Л., 1927. С. 76.*

⁵ Там же. С. 77.

⁶ *Бродский Н.Л. Декабристы в русской художественной литературе // Каторга и ссылка. 1925. № 8. С. 207.*

⁷ *Известия. 1926. 1 января.*

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Комсомольская правда. 1926. 8 января.*

¹¹ *Комсомольская правда. 1926. 6 июля.*

¹² *Комсомольская правда. 1926. 9 января.*

¹³ *Правда. 1927. 12 января.*

¹⁴ *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106–110.*

¹⁵ *Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 111.*

¹⁶ *Комсомольская правда. 1926. 11 апреля.*

¹⁷ *Комсомольская правда. 1933. 10 июля.*

¹⁸ *Известия. 1926. 8 января.*

¹⁹ Там же.

²⁰ *Алаторцева А.И. Советская историческая периодика 1917 – середины 1930-х гг. М., 1989. С. 127–128.*

²¹ *Покровский М.Н. Историзм и современность в программах школ II ступени. М., 1927. С. 13.*

²² Там же. С. 12.

²³ *Правда. 1928. 25 октября.*

²⁴ *Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. М., 1995. С. 26.*

²⁵ *Комсомольская правда. 1925. 25 октября.*

²⁶ *Комсомольская правда. 1926. 14 февраля.*

²⁷ *Комсомольская правда. 1929. 19 октября.*

²⁸ Там же.

²⁹ *Комсомольская правда. 1925. 1 декабря.*

- 30 Комсомольская правда. 1928. 25 декабря.
31 Там же.
32 Комсомольская правда. 1929. 18 декабря.
33 *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 25.
34 Там же. С. 110–111.
35 Комсомольская правда. 1933. 6 июля.
36 *Покровский М.Н.* Как русский империализм готовился к войне // *Большевик*. 1924. № 9. С. 30.
37 *Большевик*. 1934. № 13/14. С. 1–2.
38 Там же. С. 34.
39 *Известия*. 1936. 27 января.
40 Комсомольская правда. 1938. 3 сентября.
41 *Суворов А.В.* Наука побеждать. М., 1999. С. 283.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Г.Д. Алексеева. Как известно, есть работы американских ученых по проблемам исторической памяти. У них имеются разные направления в области изучения этой проблемы. По отношению к своей собственной истории, к своим изданиям, учебникам, они изучают такую тему? Или их интересует манипулирование общественным сознанием только на материале мировой революции и на материале результатов Второй мировой войны?

А.А. Иголкин. Естественно, американцы в рамках этого направления изучают и то, что происходит у них. Например, богатство или бедность идеологического языка в СМИ. Они выяснили, что если выделить около 500 основных политико-идеологических терминов, то в прессе обычно присутствует их незначительная часть, причем в американских газетах язык беднее, чем в газетах других ведущих стран мира. То есть там беднейшая историческая и идеологическая лексика. Они сами признают, что в Соединенных Штатах, высоко манипулируемом обществе, манипулирование идет через СМИ. Например, французский исследователь Режи Дебре пишет, что в ведущих американских газетах процент площади, посвященной той или иной теме, приблизительно одинаков. Он называет это “загадкой согласованности”. Абсолютно синхронно появляется какая-то тема и сходит. По серьезным западным оценкам, манипулирование сознанием через СМИ в Америке всегда было выше, чем у нас, более эффективно. В разные периоды самый жесткий идеологический контроль, как ни странно, был в XX в. в Соединенных Штатах.

Г.А. Куманев. Что заставило Вас выделить газету “Комсомольская правда”? Тема же у вас “Историческая память как объект манипулирования в советских газетах”. А нельзя ли было

лучше назвать “Историческая память как объект манипулирования в “Комсомольской правде” таких-то годов?”

Конечно, можно сказать, был один идеологический пресс, была партийная власть, она командовала всеми газетами, и все они по стойке “смирно” занимались таким манипулированием. Но это надо еще доказать на фактах.

Л.Н. Нежинский. В те годы существовала разница в позициях между “Известиями” и “Правдой”. Я уж не говорю о “Вечерней Москве”, где материалы подавались в очень своеобразной любопытной форме.

Е.Н. Рудая. У меня вопрос в дополнение к той маленькой дискуссии, которая возникла по поводу сравнения материалов разных периодических изданий. Вообще Вы не только ставили, но и отвечали на такой вопрос: как соотносится количество знаковых символов, о которых Вы говорили в докладе. Является ли это основной характеристикой или фактором, характеризующим такие понятия, как “общественное мнение”, “менталитет”, “общественное сознание” на определенном и на разных этапах? Поясню это на конкретном примере.

Вы упоминали 1925 г. В 1925 г. в “Комсомольской правде” всего две крошечные заметки о восстании декабристов. Мы не помним 1925 г., но прекрасно помним 1975 г. (по-моему, это был 150-летний юбилей декабристского восстания), когда было огромное количество публикаций, в том числе и в “Комсомольской правде”, о восстании декабристов, издание книг, выпуск фильмов, в том числе и прекрасный фильм Митты “Звезда пленительного счастья” и т.д. То есть количественное соотношение несоизмеримо: две маленькие статьи – и огромное количество публикаций. Так ли несоизмеримо отношение к восстанию декабристов в смысле сравнения исторического факта и идеологического манипулирования и воздействия?

А.А. Иголкин. Естественно, совершенно разные вещи – объективно существующее общественное сознание, в частности, по вопросу отношения к декабристам, и то, что пытаются делать СМИ, меняя курс в год два раза или с иной интенсивностью. То есть контроль над сознанием в то время еще не был таким, как у Оруэлла. Попытки воздействовать на общественное сознание были. Попытки эти оказались неудачными, что пришлось быстро признать. Что мешало? Наряду с тем, что пишет “Комсомольская правда” (или не пишет, что очень важно), существует еще огромная литература: не только написал Асеев, но существует Некрасов, существует Пушкин и т.д. Что же попытались сделать? Ясно было, что если как-то не отключить историческую память, идущую от русской литературы, то не изменишь оценки

восстания декабристов. Именно в это время якобы нашли рукопись поэмы Некрасова “Дедушка”, посвященную декабристам. Будто бы канонический текст не настоящий, Некрасов вынужден был под влиянием царской цензуры все это написать так, а новый текст совершенно иначе ставит акценты. Это в совершенно нечуждом духе написано. Новый текст был опубликован в “Известиях”, он вышел отдельным изданием, и было очень много шума. Казалось, что Некрасова проще всего подделывать, однако тут же литературоведы выступили с протестом. Чуковский, специалист по Некрасову, сказал, что он не будет анализировать ни бумагу, ни чернила. Он просто скажет, что по качеству языка великий русский поэт такого написать не мог. Там приведены соответствующие примеры, с помощью которых доказывается, что не мог он такого написать.

Властям пришлось согласиться, что это так. Провели анализ бумаги, и выяснилось, что это бумага позапрошлого века. Позднее проанализировали чернила. Оказалось, что они относятся ко второй половине 20-х годов XX в. Таким образом было доказано, что это явная подделка. Никто в подделке не сознался. Возможно, это был Демьян Бедный, он представлял это новое открытие. Поэтому для того, чтобы изменить историческую память, нужно обязательно менять классическую литературу. Попытка изменить классическую литературу, хотя бы Некрасова, казалось, его легче всего подделать, оказалась неудачной, и больше уже к этому не возвращались.

Г.Д. Алексеева. Дело в том, что 1925 г. был особым во всех отношениях. Вы говорили о Покровском. Но именно первый бой дореволюционной и в какой-то мере марксистской историографии Покровский давал на событиях 1825 г. И это обязательно надо иметь в виду, потому что в архивах хранится очень большое количество материалов 1825 г. о декабристах, о которых Покровский писал: “В печать. Надо их издать”. Причем речь идет о таких источниках, как, например, А.Е. Пресняков.

Затем дискуссия 1922 г., которая шла до 1923 г., характерна тем, что кто бы в ней ни участвовал, но практически там господствовал Покровский. Если вы возьмете дореволюционную прессу, в каждой газете – “Звезда”, “Правда”, “Пролетарий” – есть статьи о декабристах. В советское время они исчезают. Это господство точки зрения Покровского. Это были дворяне, это были мерзавцы. М.В. Нечкина решила издать воспоминания одного из декабристов, поставив имя Покровского и согласовав с ним этот вопрос. Без такого согласования воспоминания никогда бы не вышли. У нее и у издательства по этому поводу были большие неприятности. И поэтому когда Покровскому доложили, он

сказал: “Она молодая и талантливая, пусть пишет работу. И не буду я ее наказывать и говорить”.

Второе. У Вас 1934 г. как рубеж не обозначен. Это очень важная проблема, 1934 года. Вы же сразу переплыли в 1938 год. И получается абсолютно непонятным этот период. А он очень важен, это колоссальная проблема.

Еще один недостаток – все время наша литература.

Вы берете точки зрения Бухарина, точки зрения Ларина, и выдаете это за истину, с которой Вы согласны. Вы приводите это как мнение и не комментируете его. И получается: Бухарин прав, Покровский прав, Ларин прав. То есть мы принимаем это как данное, как будто это научное определение. Вы никак это не комментируете: “Ларин вопреки фактам”, хотя бы об этом скажите, или “Ларин, искажая историческую действительность, считает”. Объясните, что это мнение Ларина.

Историческая память чья? Какую историческую память Вы берете? Верхов или низов? Чья у Вас историческая память? Тогда манипуляция была в основном исторической памятью, так сказать, общественной, вот то, что кончается, как правило, городской исторической памятью. До деревни это вообще не доходило, потому что им не до этого было, тем более в 1925 г., когда были неурожаи и т.д.

Поэтому, когда Вы берете такие темы (хотя я думаю, что это вообще очень примитивная выдумка американцев), объяснений публикациям не даете.

А.К. Соколов. Меня немножко смущает сам подход к рассмотрению проблемы, посыл, который состоит в том, что средства массовой информации играют определяющую роль в манипулировании общественным сознанием. Мне кажется, что в данном случае “Комсомольская правда” – это все-таки конечный продукт, который вырабатывается на совсем других уровнях, и та же самая “Комсомольская правда” шагу шагнуть не могла самостоятельно в отношении молодежной политики в стране.

Если развивать эту тему, то нужно идти к изучению материалов ЦК ВЛКСМ, а может быть, и повыше, к работе редакционных издательств и т.д. и т.п. и посмотреть, как действительно вырабатывалась эта политика в отношении исторической памяти в целом.

Л.Н. Нежинский. Позвольте мне очень коротко подвести итог.

Был высказан целый ряд замечаний, пожеланий, поправок, с большинством из которых, видимо, наш уважаемый докладчик согласится, и спасибо всем участникам нашего обсуждения за эти замечания, поправки и пожелания, поскольку они будут способ-

ствовать главному – дальнейшей разработке этой темы, которая очень актуальна и для нынешних дней. Денег сейчас не хватает, чтобы все газеты выписывать, но в библиотеку можно пойти, и если вы хотя бы в конце недели пролистаете наши нынешние газеты, то увидите, во-первых, разноречивой постановкой самой проблемы внедрения в историческую память различных слоев хотя бы того населения, которое раскрывает эти газеты время от времени, ими интересуется. Очень большой разноречивой, и он играет свою роль, и активность, которую в этом плане проявляют наши газеты, в том числе ведущие, – она не так просто дает о себе знать. Она сегодня во многом целенаправленна и играет свою роль. (Г.Д. Алексеева: манипулирует). Совершенно верно.

Я думаю, что мы позитивно оценим саму постановку проблемы в докладе. Но я предлагаю и докладчику, и не только ему, но и остальным коллегам, которые в той или иной мере занимаются этими проблемами (я знаю, что в Центре, которым руководит А.В. Голубев, эти вопросы ставят, когда пишут о том, как наши и печать, и официальная документация создавали образ той или иной социальной группы в нашей стране, за рубежом и т.д.), проявить здесь серьезное внимание. То есть эта тема, сама постановка проблемы выходит за те рамки, которыми А.А. Иголкин здесь ограничился.

Я думаю, что в целом позитивно оценивая доклад, мы будем просить автора продолжать разработку этой темы, а также привлекать к ее разработке тех научных сотрудников, которые могут вам помочь, а потом подумать даже о сборнике статей, вывести эту проблему за рамки 1920–1930-х годов. Правильно было отмечено, что в 1975 г. вышло много материала по декабристам. Ну хорошо, а по другим историческим фактам, которые играли не менее решающую роль? Я не помню, чтобы был такой анализ попыток реформы Столыпина в сельском хозяйстве и т.д.

Одобрив в целом постановку проблемы в докладе, а в основном и сам доклад, мы можем предложить автору дальше разрабатывать эту тему как в конкретно-постановочном методологическом направлении, так и в конкретно-историческом отношении.

К.Е. Черевко

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ*

Основную действующую нормативную базу этих отношений составляют: Каирская декларация союзников по коалиции против держав “оси” Германии, Японии и Италии 1943 г., Ялтинское соглашение руководителей трех великих держав США, СССР и Великобритании, к которым позднее присоединился Китай (1945 г.), Потсдамская декларация упомянутых союзников 1945 г., Акт о капитуляции Японии 1945 г., Советско-американское соглашение о репатриации японцев из районов, контролируемых СССР, 1946 г., Сан-Францисский мирный договор с Японией 1945 г. Совместная декларация СССР и Японии 1956 г., признанная как базовый документ 24 марта 2001 г. в Иркутске в Совместном заявлении Президента РФ В.В. Путина и премьер-министра Японии Е. Мори, а также Токийская декларация о российско-японских отношениях 1993 г. и Московская декларация о созидательном партнерстве и сотрудничестве между РФ и Японией 1998 г., подтвержденные в документах, подписанных высшими руководителями двух государств в ходе визита Президента РФ В.В. Путина в Японию 4–5 сентября 2000 г.

Наибольшие расхождения в толковании этих документов вызывает территориальное урегулирование между нашими странами после Второй мировой войны в связи с обязательством сторон заключить мирный договор.

ПОЗИЦИЯ ЯПОНИИ

Японское правительство упорно и настойчиво добивается возвращения Японии так называемых северных территорий, включающих острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Если бы Япония хотела ограничиться получением от СССР лишь Шикотана и Хабомаи, она давно могла бы это сделать, реализовав пункт 9 Советско-японской декларации 1956 г., предусматривающей, что эти острова будут переданы Советским Союзом после заключения мирного договора. Но Япония не пошла на это в прошлом и вряд ли может ограничиться этой серьезной уступкой

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 27 мая 2004 г.

со стороны РФ в обозримой перспективе. Очевидно, что ее главной целью является непременно добиться передачи ей (кроме Шикотана и Хабомаи) Итурупа и Кунашира.

Со стороны Японии, в том числе и сейчас, настойчиво продвигается тезис о том, что СССР не получил международного признания на включение в состав его территории Южного Сахалина и Курильских островов. Однако в официальных документах, распространенных посольством Японии в Москве в 1992 г., указывается, что Япония “..никогда не будет требовать эти территории, от которых она отказалась”. Поэтому выдвигание Японией тезиса об упомянутом международном признании является скорее всего тактическим приемом для достижения главной цели – получения Итурупа и Кунашира. Правда, нельзя исключать и такой вариант: в зависимости от того, каково будет положение в России и общая международная обстановка, японцы могут попытаться получить признание каких-то своих прав в южной части Сахалина и на всех Курильских островах.

Аргументы, выдвигаемые Японией в обоснование своей позиции

Японское правительство разработало ряд аргументов в защиту своей позиции и активно продвигает их в дипломатической и пропагандистской работе. Их можно в основном свести к следующим:

1. Ссылки на историю. Япония утверждает, что Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи были открыты и освоены японцами. Японцы также ссылаются на договоры с Россией 1855 г. (Симодский), 1875 г. (Петербургский) и 1905 г. (Портсмутский), которыми на разных этапах российско-японских отношений решалась судьба этих островов. Японцы подчеркивают, что во всех этих договорах указанные острова признавались принадлежащими Японии.

Японцы также заявляют, что отторжение у Японии упомянутых островов не соответствует Каирской и Потсдамской декларациям, содержащим условия, на которых она капитулировала в 1945 г. В Каирской декларации, заявляют они, было указано, что целью союзников является изгнать Японию с территорий, “которые она захватила при помощи силы и в результате своей алчности”. А поскольку Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи исторически всегда были территорией Японии, не захвачены с помощью силы, они не подпадают под условия капитуляции, изложенные в Потсдамской декларации.

2. Япония признает, что по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. она отказалась от всех прав на Южный Сахалин и Курильские острова. Однако вопреки геополитической традиции

японцы заявляют, что Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай в состав Курильских островов не входят; следовательно отказ Японии от ее прав на эти острова не распространяется, и они должны быть возвращены.

3. В Сан-Францисском договоре сказано, что Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и южную часть Сахалина, но не указано, кому они передаются. Ялтинское соглашение 1945 г., по которому США и Великобритания обязались передать Советскому Союзу указанные территории, не является обязательным для Японии, поскольку, как считают японцы, она в нем не участвовала, и в момент капитуляции это соглашение, являвшееся секретным, соблюдавшей пакт о нейтралитете с СССР Японии не было известно. СССР не подписал Сан-Францисский договор и не пользуется теми правами, которые дает этот договор его участникам.

Таким образом, утверждают японцы, присоединение Советским Союзом указанных территорий не получило международного признания, и Россия не имеет на них прав. Вопросы территориального урегулирования между Японией и Россией могут быть решены лишь путем заключения мирного договора, а в нем должен быть решен вопрос о передаче Японии всей южной части Курил. Без такого договора нет полной нормализации российско-японских отношений, что мешает их дальнейшему развитию.

АНАЛИЗ АРГУМЕНТОВ ЯПОНИИ

Как известно, Россия и Япония согласились искать взаимоприемлемые решения Курильской проблемы на основе принципов законности и справедливости. Рассмотрим приводимые Японией аргументы в защиту ее позиции с точки зрения соответствия их этим принципам.

Принцип законности

Принцип законности применительно к Курильской проблеме означает необходимость определить:

а) насколько позиции России и Японии соответствуют общепризнанным принципам и нормам современного международного права;

б) какие существуют международные обязательства сторон – России и Японии – в отношении Курил, а также какое у них внутреннее законодательство, касающееся имплементации этих международных обязательств;

в) каковы международные обязательства третьих стран, относящиеся к Курильской проблеме.

Как известно, Япония – союзник гитлеровской Германии – развязала агрессивную войну, осуществила захват и разорение ряда стран, совершила тяжчайшие преступления, в результате которых погибли миллионы людей. Союзные державы, согласно Каирской декларации, вели войну, чтобы “...остановить и покарать *агрессию* (курсив наш. – К.Ч.) Японии”. Она была разгромлена и капитулировала. Территория Японии подверглась оккупации, виновники преступлений были преданы Токийскому трибуналу и понесли суровое наказание. К Японии были применены меры как к государству-агрессору, в том числе отторжение части территории. Все это соответствовало принципам и нормам международного права, которые были закреплены в международных договорах и соглашениях периода Второй мировой войны, актах о военной капитуляции Германии и Японии, решениях Нюрнбергского и Токийского трибуналов, в системе мирных договоров, в Уставе ООН. Устав ООН подтвердил законность всех действий, которые были предприняты в ходе Второй мировой войны против бывших вражеских государств, в том числе и Японии.

Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., кодифицировавшая нормы международного права о порядке заключения и исполнения международных договоров, также признает законность любых мер, принятых в соответствии с Уставом ООН в отношении государства-агрессора (ст. 75, 103, 106, 107). Япония признала указанные положения Устава ООН, о чем она заявила, вступая в ООН, а также став участником Венской конвенции о праве международных договоров. Поэтому она обязана признавать и выполнять все международные договоры, которые были заключены с Японией как агрессором, в том числе и касающиеся Курил.

В ходе разработки проекта Сан-Францисского мирного договора правительство Индии выступило против предложения США изъять из-под суверенитета Японии острова Рюкю и Бонин, которые, как отмечало индийское правительство, не были захвачены Японией путем агрессии и население которых исторически было связано с Японией. США в ответе Индии заявили, что Потсдамская декларация предусматривала возможность отторжения у Японии не только территорий, захваченных ею с применением силы, но и других территорий и что отторжение у Японии упомянутых в ноте Индии островов, а также Курильских, полностью соответствует Потсдамским условиям капитуляции Японии. Такая же интерпретация Потсдамской декларации была сделана представителем США Д.Ф. Даллесом на Сан-Францисской конференции при представлении проекта договора. Он заявил: “Отказы, содержащиеся в статье 2 главы II... (где речь идет об отказе Япо-

нии от всех прав, правооснований и претензий на ряд территорий, в том числе и на Курильские острова. – К. Ч.) ... находятся в строгом и скрупулезном соответствии с... Потсдамскими... условиями капитуляции”.

Такова была интерпретация Потсдамской декларации и, исходя из нее, были решены территориальные вопросы в Сан-Францисском договоре. Суверенитет Японии был ограничен в отношении ряда островов, в том числе южной части Курил, Рюкю, Огасавара, Дайто и др., которые, по ее утверждению, никак не попадали под формулу Каирской декларации (“захваченные при помощи силы и в результате ее алчности”).

Доказательством того, что именно на такой основе решались территориальные вопросы в Сан-Францисском договоре, является его статья 2 (с). В нем указано, что Япония “... отказывается от всех претензий на какие-либо права, правооснования или интересы в отношении любой части Антарктического района, независимо от того, вытекали ли они из деятельности японских граждан или были получены иным образом”. Вряд ли надо доказывать, что это положение Договора не имело ничего общего с Каирской декларацией. Япония, подписав и ратифицировав Сан-Францисский договор, согласилась тем самым с указанной выше интерпретацией его территориальных статей и соответствующих положений Потсдамской декларации. Можно также отметить, что в переписке с Индией правительство США, отклоняя ее возражения по территориальной статье проекта, привело письмо японского премьер-министра Иосида, в котором он, выражая удовлетворение проектом договора, благодарил США за то, как он был подготовлен. В письме от 13 июля 1951 г., адресованном Д.Ф. Даллесу, он писал: “Договор в том виде, в каком он составлен, достаточно свидетельствует о справедливости, великодушии и идеализме Америки”. Таким образом, Япония признала правомерность отторжения ее территории. К этому следует добавить, что ограничение территории государства-агрессора подтверждено и практикой послевоенного урегулирования в Европе, в частности в отношении Германии и Италии. И это было закреплено во многих международных договорах. В этих условиях приводимые Японией ссылки на историю Курильских островов, на то, как решалась их судьба довоенными российско-японскими договорами, никак не меняют существо дела.

Япония утверждает, что ее отказ от Курил в 1951 г. не касается Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хабомаи, поскольку эти острова не входят в состав Курильских. При этом японцы ссылаются на географические карты и различные документы, подтверждающие, как они заявляют, что указанные острова или, по

меньшей мере, Шикотан и Хабомаи входили в префектуру Хоккайдо и не попадали под термин “Курильские острова”, содержащийся в договоре. Так ли это?

Если обратиться к актам об административном делении Японии, а также к географическим материалам, то Итуруп и Кунашир входили в состав провинции Тисима (Курильские острова). Это было определено в приложении к Указу премьер-министра Японии № 734 от 15 августа 1869 г. В 1885 г. Шикотан был также включен в состав Курил, и в этой провинции был образован уезд Шикотан, в состав которого, под наименованием Шикотанские острова, вошли Хабомаи. По меньшей мере, до второй половины 1950-х годов Итуруп, Кунашир и Шикотан рассматривались в Японии как входящие в состав Курильских островов, что отражалось на японских картах административного деления северной части Японии (правда, на некоторых послевоенных картах Шикотан не изображался с тем, чтобы не показывать его в составе Курил). В ряде случаев на японских послевоенных картах, издаваемых до 1961 г., граница между островами СССР и Японией проводилась между Хабомаи и Шикотаном и даже между Хоккайдо и Хабомаи.

В конце 1920-х годов в связи с реформой административного деления Хабомаи были исключены из уезда Шикотан, включены в префектуру Хоккайдо и стали изображаться на географических картах в ее составе под названием Суйсё (вплоть до капитуляции Японии в 1945 г.).

2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о капитуляции своих вооруженных сил на условиях Потсдамской декларации и приняла обязательство выполнять директивы союзников, которые будут ими издаваться для осуществления этой декларации. Положения декларации об ограничении суверенитета Японии четырьмя ее главными островами и “такими же менее крупными островами, как мы (т.е. союзники. – К. Ч.) их определяем”, начали практически осуществляться после оккупации территории Японии. В директиве № 677 от 29 января 1946 г. Верховного командующего союзных держав Макартура правительству Японии указывалось, что некоторые японские районы, в том числе Курильские острова, группа островов Хабомаи и Шикотан, исключаются из состава территории Японии.

Япония в соответствии с условиями капитуляции выполняла указания союзников об ограничении ее территории. Эти указания отражались в ее административных актах.

В императорских рескриптах № 651 и № 652 от 22 ноября 1945 г. о создании управления по оказанию помощи репатриантам с Южного Сахалина и Курильских островов, включая Иту-

руп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, эти острова исключались из состава территории Японии.

В марте 1949 г. МИД Японии издал официальный сборник документов, в который была включена карта-схема районов, находящихся под административным контролем японского правительства. Острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи показаны на ней как находящиеся за пределами административных границ Японии.

Понимание территориальных статей мирного договора было изложено на конференции в Сан-Франциско. Представитель США Д. Даллес, выступая на конференции 5 сентября 1951 г., заявил: «Поднимался вопрос о том, включает ли географическое название “Курильские острова” упомянутые в статье 2 (с) острова Хабомаи. По мнению Соединенных Штатов, не включает. Если, однако, это вызвало бы спор, он мог бы быть передан в Международный суд в соответствии со статьей 22 (договора)». Заявление Японии на конференции о том, что Шикотан и Хабомаи входят в префектуру Хоккайдо и, следовательно, не должны подпадать под действие договора, не было принято во внимание. Причем из указанного заявления было ясно, что Япония рассматривала Итуруп и Кунашир как входящие в состав Курильских островов.

После подписания Сан-Францисского договора его статья об отказе Японии от Курильских островов интерпретировалась США как охватывающая Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Подтверждением этому может служить переписка сенатора Уоткинса с Даллесом. 14 сентября 1951 г. после окончания конференции в Сан-Франциско, сенатор обратился к Даллесу с просьбой разъяснить смысл территориальной статьи договора, поскольку в нем указано, что Япония отказывается от Сахалина и Курил, но не сказано, кому передаются Курильские острова. В его письме указывалось, что Россия владеет “... как Сахалином, так и Курилами (вместе с островами Хабомаи и Шикотан)...” В письме Уоткинсу от 1 октября 1951 г. Даллес подтвердил, что хотя в Сан-Францисском договоре нет положений, “...равнозначных передаче этих островных районов (вместе с островами Хабомаи и Шикотан) Советскому Союзу”, статья 2 договора об отказе Японии от Курил, по мнению США, включала как Итуруп и Кунашир, так и Шикотан и Хабомаи.

Поскольку договор касался территории Японии, наибольший интерес представляет то, как понимала сама Япония его территориальные статьи. Заведующий договорным департаментом МИД Японии Кумао Нисимура, выступая 19 октября 1951 г. в качестве представителя правительства на заседании специального комите-

та по мирному договору палаты представителей японского парламента (при ратификации договора), заявил: "...Территориальные пределы Курильских островов, о которых говорится в договоре, включают в свой состав Северные Курильские острова и Южные Курильские острова"; "понятие Курильские острова (Тисима)", содержащееся в договоре, истолковывается как включающее Северные Курильские острова, так и Южные Курильские острова. После вступления в силу Сан-Францисского мирного договора территория Японии стала исчисляться без учета площади островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи, что видно, в частности, из учебной картографии 1950-х годов, одобренной министерством просвещения Японии. Острова были также исключены из системы налогообложения Японии и не учитывались в государственном бюджете страны. Законодательство Японии об избирательном праве также подтверждало изъятие указанных островов из состава территории Японии. Из этого же исходило японское законодательство о рыболовстве в северных районах, действие которого не распространялось на территориальные воды Кунашира, Итурупа, Шикотана и Хабомаи как не являвшихся территорией Японии. В связи с этим японские суды, рассматривая случаи нарушения японскими рыбаками правил рыболовства в этих районах, неоднократно выносили решения о том, что японское законодательство не распространяется на акваторию острова Кунашир как не входящего в состав территории Японии (приговоры суда г. Кусиро от 21 апреля 1969 г., суда в г. Саппоро от 6 ноября 1969 г.). Административные акты (уведомление директора департамента по гражданским делам Министерства юстиции № А-438 от 19 апреля 1952 г.), определявшие порядок регистрации в метрополии японских подданных, проживавших ранее "на территориях, которые оказались за пределами Японии", действовали и в отношении лиц, проживавших ранее на Итурупе, Кунашире и Шикотане.

Таким образом, Япония при выполнении Сан-Францисского договора понимала его территориальные статьи как охватывающие Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. И если в отношении Шикотана и Хабомаи могли еще возникать какие-то сомнения, учитывая заявления Даллеса и Иосида на конференции в Сан-Франциско, то Итуруп и Кунашир как южная часть Курил бесспорно подпадали под территориальные статьи договора.

Позиция Японии изменилась позднее, с конца 1955 – начала 1956 г. Это означало, что Япония, в нарушение своих международных обязательств, встала на путь пересмотра условий Сан-Францисского договора.

19 октября 1956 г. представители СССР и Японии подписали Совместную декларацию о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических и консульских отношений, в соответствии с которой между обоими государствами были восстановлены не только мир, но и добрососедские дружественные отношения; в своих отношениях стороны официально пошли значительно дальше – заверили друг друга в том, что отныне между ними будут установлены более тесные отношения, характерные для договоров о дружбе и добрососедстве.

Вот почему утверждение сторон, по настоянию Токио, о том, что им “следует продолжать переговоры с целью ... полностью нормализовать двусторонние отношения” под предлогом решения вопроса о принадлежности Южно-Курильских островов – не только Малой Курильской гряды (по-японски о. Шикотан и группы островов Хабомаи), но наиболее крупных островов Большой Курильской гряды – Кунашир и Итуруп, как это было записано в Токийской декларации о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 г., противоречит духу и букве Совместной декларации – основополагающему документу в этих отношениях после Второй мировой войны.

Не соответствует духу и букве Совместной декларации 1956 г. и включение в Токийскую декларацию в число нерешенных вопросов о принадлежности Южных Курил в целом, т.е. включая острова Кунашир и Итуруп, а не только Малой Курильской гряды. Это положение противоречит согласию японской стороны, в отличие от своего проекта Совместной декларации, изъять из нее территориальный вопрос при заключении в будущем мирного договора*. Объяснялось данное обстоятельство тем, что СССР, идя навстречу пожеланиям народа и учитывая интересы японского государства, соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан (Шикотан. – К.Ч.), с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией.

В Иркутском заявлении Президента РФ и Премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора от 25 марта 2001 г. стороны подтвердили, что “Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. представляет со-

---

* Упоминание о нем в обменных письмах заместителей министров иностранных дел СССР и Японии от 29 октября 1956 г. было дезавуировано в результате последующего согласия сторон о восстановлении отношений без такого упоминания полномочного представителя Японии И. Коно о требованиях в отношении Хабомаи и Шикотана и его извинения за нарушение этой договоренности в беседе с Н.С. Хрущевым 16 октября 1956 г. (Вестник Архива Президента РФ. 1996. № 6).

бой базовый (т.е. исходный. – К.Ч.) юридический документ, положивший начало переговорам о заключении мирного договора”.

И хотя в этом документе не подвергается сомнению вопрос о принадлежности островов Кунашир и Итуруп, в Совместном заявлении Президента РФ и Премьер-министра Японии о принятии “Российско-японского плана действий” от 10 января 2003 г. стороны вновь подтвердили решимость посредством энергичных переговоров по возможности скорее заключить мирный договор путем решения вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай и достичь таким образом полной нормализации двусторонних отношений на основе достигнутых до настоящего времени договоренностей, в том числе Совместной декларации СССР и Японии 1956 г.

Разъясняя положение об этой декларации, в которую, несмотря на претензии Токио, Москва, как уже подчеркивалось, категорически отказалась включить даже упоминание об островах Итуруп и Кунашир, что видно, в частности, из бесед Н.С. Хрущева и И. Коно в октябре 1956 г., представитель МИД РФ в г. Южно-Сахалинске С.И. Касторнов в утвержденном в МИД РФ докладе на парламентских слушаниях в этом городе 12 сентября 2001 г. заявил, что Совместная декларация была утверждена с согласия РСФСР, на том основании, что в процедуре ее ратификации участвовали и депутаты России.

Участники упомянутых слушаний возражали против этого утверждения С.И. Касторного, заявляя, что это не соответствует действительности. Однако их критика, на наш взгляд, нуждается в более фундаментальной аргументации как с точки зрения внутреннего законодательства нашей страны, так и международного права.

Прежде чем изложить эту аргументацию, обратим внимание на то, что из текста Совместной декларации и документов о переговорах о ее подписании вытекает окончательный характер территориальных уступок в отношении Японии (Малой Курильской гряды). Однако это противоречит положению Токийской декларации о проведении двусторонних переговоров, “опираясь на все подписанные до настоящего времени документы, включая, разумеется, и Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г.”, а, следовательно, и Токийскую декларацию о российско-японских отношениях 1993 г., из которой видно, что предметом переговоров по территориальному урегулированию являются не только острова Малой Курильской гряды (по-японски о-ва Хабомай и о. Шикотан), но и Итуруп и Кунашир. Иначе говоря, можно сделать вывод, что руководство РФ нарушило вслед за прези-

дентом СССР М.С. Горбачевым в Совместном советско-японском заявлении от 18 апреля 1991 г. упомянутую в Совместной декларации договоренность с японской стороной об окончательном характере территориальных уступок нашей страны Японии только о-вов Хабомаи и Шикотан.

В статье Конституции РСФСР от 25 января 1937 г., действовавшей до декабря 1991 г., говорится, что “ведению РСФСР в лице ее высших органов государственной власти и органов государственного управления подлежат ... утверждение границ и районного деления краев и областей..., охрана государственного порядка и прав граждан” республики.

Однако депутаты РСФСР, если даже они и участвовали в ратификации Президиумом ВС СССР Совместной декларации, содержащей согласие на уступку Японии части территории России, не представляли собой какого бы то ни было органа ее государственной власти или органа государственного управления и даже не имели каких-либо полномочий на утверждение уступок Японии территории своей республики, не говоря уже о том, что это являлось нарушением положения ее Конституции об охране в уступаемых районах государственного порядка и прав граждан республики. Однако статья 20 союзной Конституции 1936 г. устанавливала, что в случае расхождения республиканского и союзного законов действует общесоюзный. (Правда, это не устраняет такого расхождения, упомянутого в статье 46 Венской конвенции 1969 г.) Аналогичное положение об обязательном согласовании линии прохождения государственной границы, разграничения исключительной экономической зоны и континентального шельфа не с отдельными депутатами, а с органами государственной власти субъекта Федерации (в данном случае Сахалинской области), на которые возложена соответствующая функция, содержится также в Федеральном законе о международных договорах РФ от 17 июля 1995 г. (№ 29, стр. 14). Этот закон распространяется и на международные договоры, в которых РФ является стороной в качестве государства-продолжателя СССР (ст. 1), т.е. и на Совместную декларацию СССР и Японии 1956 г.

Следует обратить внимание на то, что мандатная комиссия Верховного Совета РСФСР не проверила полномочия упомянутых в докладе МИД РФ депутатов России, что она обязана была сделать в соответствии со статьей 34 ее Конституции 1937 г.

Казалось бы, против этого можно было бы возразить, сославшись на то, что “если международным договором (а к ним в соответствии со статьей 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. относится и Совместная декларация 1956 г. – К. Ч.), установлены иные правила, чем предусмотренные

законом, то применяются правила международного договора” (ст. 15, п. 4 Конституции РФ).

Но, во-первых, эти законы, в том числе Закон о ратификации Совместной декларации Президиумом Верховного Совета СССР (продолжателем Советского Союза является РФ), не должны противоречить Конституции РФ 1993 г., которая обеспечивает “целостность и неприкосновенность всей территории” республики (ст. 4, п. 3). Согласие же правительства РФ на уступку Японии даже островов Малой Курильской гряды, исходя из признания соответствующих положений Совместной декларации, юридически признанной в Иркутском заявлении высших руководителей РФ и Японии базовым документом в территориальном споре, вступает в противоречие с Конституцией РФ. В еще большей степени это относится к признанию *спорным* в Токийской декларации 1993 г. и Совместном заявлении Президента РФ и Премьер-министра Японии о принятии “Российско-японского плана совместных действий” 2003 г. вопроса о принадлежности не только южных островов Большой, но и Малой Курильской гряды (признание спорным также и вопроса о принадлежности последних дезавуирует наше обязательство уступить их Японии).

Во-вторых, что имеет еще более важное, юридическое значение, согласно ст. 46 упомянутой Венской конвенции о праве международных договоров в случае, если нарушение внутреннего права было явным (а оно в данном случае было таковым) и касалось его нормы особо важного значения, к коим, в частности, относятся вопросы территориального размежевания, то государство имеет право ссылаться на положения своего конституционного права, не допускающего выход его государственных органов за пределы их компетенции.

Дело осложняется тем, что в своем письме Генеральному Секретарю ООН от 3 апреля 1987 г. МИД Японии в связи с присоединением СССР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1986 г. к Венской конвенции высказало возражение против применения только в отношении с СССР и ГДР статьи 46 как части V Конвенции. Это дискриминационное, несправедливое положение, по нашему мнению, потеряло свою силу после одобрения РФ и Японией в своих отношениях принципа законности и справедливости в Токийской декларации 1993 г.

Однако, несмотря на это возражение, РФ как продолжатель СССР в соответствии с заявлением, содержащимся в упомянутом Указе Верховного Совета СССР о присоединении к Венской конвенции, “сохраняет за собой право отстаивания своих интересов в случае несоблюдения другими государствами (в данном случае

Японией. –К. Ч.) положений Венской конвенции о праве международных договоров”.

Этот указ относится как к приведенным возражениям Японии, так и к статьям 31, 36 и 75 упомянутой Конвенции, из которых вытекает отказ Японии от Южного Сахалина и всех Курил. Их выполнение обязательно для Токио как участника этой Конвенции, тем более что Япония не возразила против применения этих статей в отношениях с СССР в связи с его присоединением к данному документу в указанном выше письме Генеральному секретарю ООН. Но при этом следует иметь в виду, что применение этих статей Конвенции может привести к недопустимому нарушению целостности Совместной декларации как международного договора, по которому было прекращено состояние войны между СССР и Японией.

13 апреля 2002 г. в Госдуме на правительственном часе на тему “о ситуации с Южными Курилами”, министр иностранных дел РФ И.С. Иванов заявил депутатам: “У нас, как Вы знаете, нет границы с Японией, которая была бы зафиксирована по международным правилам. Нет с ней мирного договора”.

Что касается отсутствия мирного договора между Россией и Японией, то представляется целесообразным обратить внимание на то обстоятельство, что заключение мирного договора не обязательно для установления границы государства. Например, соглашения о границах Германии были в свое время заключены ГДР с СССР, ПНР и ЧССР и позднее подтверждены ФРГ, с которой у нас также нет мирного договора. Во исполнение принятой японскими полномочными представителями Потсдамской декларации 1945 г. об организации суверенитета Японии четырьмя главными островами (с исключением из ее состава Южного Сахалина и всех Курил), по приказу Д. Макартура, Верховного главнокомандующего союзных держав (включая СССР) в Японии 17 ноября 1946 г. было заключено упомянутое выше подобное же соглашение о репатриации всех японских подданных с правомерно изъятой у нее территории.

Статья 36 Венской конвенции гласит: “Право для третьего государства возникает из положения договора (по Сан-Францисскому мирному договору с Японией 1951 г. СССР/РФ является третьим государством. – К. Ч.), если участники этого договора имеют намерение посредством этого положения предоставить такое право либо третьему государству, либо группе государств, к которой оно принадлежит, либо всем государствам и, если третье государство соглашается с этим, его согласие будет предполагаться до тех пор, пока не будет иметься доказательств противного, если договором не предусматривается иное”.

Как отмечалось в Рекомендациях парламентских слушаний 18 апреля 2002 г. “Южные Курилы: проблемы экономики, политики, безопасности”, право России ссылаться на отказ Японии от всех Курильских островов по Сан-Францисскому мирному договору *презюмируется и, следовательно, является неоспоримым*. Подтверждение этого права было сделано органами Госдумы, и его подтверждение, по нашему мнению, означает, что северная граница Японии с РФ зафиксирована, хотя и не совсем обычным способом, но в строгом соответствии с международным правом.

В том же смысле, правда, без ссылок на Венскую конвенцию и указанную ноту Японии о правах СССР/РФ на Курильские острова, МИД РФ высказывается в сообщении для печати от 4 сентября 2001 г., опубликованном в связи с 50-летием Сан-Францисского мирного договора с Японией. Как известно, этот договор подтвердил Потсдамскую декларацию 1945 г., в соответствии с которой Верховный главнокомандующий союзных держав зафиксировал северную границу Японии по линии, где она проходит в настоящее время (Директива № 677). Изъятые из состава территории Японии Южный Сахалин с прилегающими островами, а также все Курильские острова по Ялтинскому соглашению 1945 г. передавались СССР. Это соглашение было опубликовано в феврале 1946 г., сразу после упомянутой Директивы.

В-третьих, в связи с выделением МИД Японии понятия ее “северные территории”, как имеющего не обычное, а *специальное* юридическое значение, в Рекомендациях упомянутых парламентских слушаний обращено внимание на то, что выделение этого понятия является неправомерным с точки зрения статьи 31 Венской конвенции. Эта статья исходит из того, что “договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора” и что “специальное значение придается термину в том случае, если установлено, что участники имели такое намерение”. А это положение в данном случае японской стороной было нарушено. Следовательно, исключать Южные Курилы, именуемые в Японии ее “северными территориями”, из состава Курил, а затем утверждать на этом основании, что ее государственная граница между Курильскими островами и о. Хоккайдо не была зафиксирована по международным правилам, было бы, на наш взгляд, неправомерно.

По аналогичному делу о правовом статусе Гренландии, из состава которой Норвегия в споре с Данией пыталась выделить из понятия “Гренландия” специальное понятие “Восточная Гренландия”, на которую она претендовала, Постоянная палата международного правосудия Лиги Наций в 1933 г. вынесла вердикт о

необходимости употребления географического термина в обычном значении. И этот правовой прецедент как норма обычного права был кодифицирован в упомянутой Венской конвенции, признанной Японией обязательным для нее в отношении рассматриваемых нами статей без каких бы то ни было оговорок (PCI, 1933. Series A\B. № 55. P. 49).

В-четвертых, важное значение, несомненно, имеет и ссылка в упомянутых Рекомендациях Госдумы на признанную Японией статью 75, которая гласит: “Положения настоящей Конвенции не затрагивают никаких обязательств в отношении договора, которые могут возникнуть для государства-агрессора в результате мер, принятых в соответствии с Уставом ООН в связи с агрессией этого государства”.

Принятие Японией Каирской декларации 1943 г., по которой она согласилась на определение ее как агрессора, и Устава ООН без каких-либо оговорок в отношении срока его вступления в силу (после окончания Второй мировой войны), в частности статей 103 и 107 о правомерности любых санкций против нее как агрессора (вплоть до отторжения части территории как гарантии от повторения агрессии с выгодных стратегических рубежей) не позволяет, на наш взгляд, Японии правомерно утверждать, что ее северная граница с нашей страной была установлена незаконно.

На возражение же, что территориальные претензии Японии к нашей стране были выдвинуты до вступления в силу упомянутой Венской конвенции в двусторонних отношениях и что ее применение обратной силы не имеет, отводится ссылкой на ее статью 4, где устанавливается, что это положение действует “без ущерба для применения любых норм, изложенных в настоящей Конвенции, под действие которых попадали бы договоры в силу международного права”. Иначе говоря, упомянутые статьи Конвенции, на которые содержатся ссылки в настоящей записке, лишь кодифицируют действовавшие ранее равно обязательные для исполнения нормы договорного и обычного права, а ее статья 36 только прогрессивно развивает их, что отнюдь не означает создания новых норм*, которые не позволяли бы им иметь обратную силу. Поэтому возражение об их неприменимости на том основании, что конвенция обратной силы не имеет, юридически несостоятельны.

Что же касается ссылки Токио на обязательство СССР/РФ передать Японии по Совместной декларации острова Малой Ку-

---

* См.: Тункин Г.И. Процесс создания норм и источники международного права // Международное право. М., 1999. С. 67, где развитие обычных норм отличается от создания новых норм.

рильской гряды (Хабомая и Шикотан) после мирного договора с Москвой, то это не означает права Токио нарушать свои обязательства об отказе от прав, правооснований и претензий на эти территории, тем более, что в Токийской декларации 1993 г. этот вопрос был признан спорным. Несогласие же Японии на уступку ей РФ только Малой Курильской гряды, как это, на первый взгляд, ни парадоксально, выгодно российской стороне, поскольку лишь подчеркивает несоответствие завышенных претензий Японии на территории, изъятые у нее и отданные нашей стране по Ялтинскому соглашению 1945 г. ведущих союзных держав в качестве меры наказания за ее агрессию. Обязательность выполнения этого соглашения вытекает из статьи 8 Сан-Францисского мирного договора с Японией, гласящей что “Япония признает полную силу всех договоров, заключенных Союзными Державами в настоящее время и в будущем для прекращения войны, начатой 1 сентября 1939 г., а также любые другие соглашения Союзных Держав, заключенные для восстановления мира или в связи с восстановлением мира”.

Приведенные выше соображения о правомерности установленной границы с Японией, на наш взгляд, целесообразно было бы использовать в качестве аргументации с учетом выявленных новых положений против территориальных претензий Токио к нашей стране, опираясь на то, что Совместная декларация СССР и Японии 1956 г. представляет собой *базовый* юридический документ, т.е. исходный для обсуждения поднятой Токио проблемы территориального размежевания с учетом содержащегося в нем отказа сторон от каких-либо претензий, возникших в результате военных действий, начавшихся 9 августа 1945 г.

ЛИТЕРАТУРА

Стенограмма выступлений 13 апреля 2002 г. “на правительственном часе” о ситуации с Южными Курилами.

Варара-но хоппо рёдо: Сэнго хэн (Наши северные территории. Послевоенный период). Саппоро, 1995.

Миядзаки С. Кокусайхо-ни оэкуру кокка то кодзин (Государство и личность в международном праве). Токио, 1962.

Венская конвенция о праве международных договоров: Комментарий / Сост. и автор коммент. А.Н. Талалаев. М., 1997.

Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001.

Русские Курилы: история и современность: Сб. документов по истории формирования русско-японской границы. М., 2002.

Талалаев А.Н. Международные договоры в современном мире. М., 1973.

Тункин Г.И. Международное право. М., 1970.

Международное право. М., 1999.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Л.Н. Нежинский. Кто желает выступить?

П.Н. Зырянов. Очень содержательный доклад, я хотел бы отметить некоторые моменты, которые в докладе не прозвучали.

Во-первых, Потсдамскую декларацию мы подписывали, Ялтинское соглашение подписывали, а Сан-Францисский договор мы не подписывали, хотя нас приглашали к этому. Поскольку мы этот договор не подписали, то на него и ссылаться нельзя.

Второй момент. Что касается Московской декларации 1956 г., то Хрущев считал, что нужно как можно скорее нормализовать отношения с Японией, и он шел на уступку, оговаривая, что Большая Курильская гряда остается в нашем владении. Кстати, я там был и видел, что остров Кунашир прямо входит, как миноносец, в эту бухту, поэтому Большая Курильская гряда имеет стратегическое значение. А вот Малая Курильская гряда – Хабомаи и Шикотан – уходит в океан, поэтому стратегического значения не имеет. Имелось в виду, что мы возвращаем Японии Малую Курильскую гряду и подписываем с ней мирный договор, договор о дружбе. Однако на Японию стали нажимать американцы, возникла опасность, что американцы прихватят себе архипелаг Рюкю или Окинаву, и тогда Япония, немного поколебавшись, либо получить эту небольшую Малую Курильскую гряду, либо большой Южный архипелаг, в конце концов перешла на сторону Соединенных Штатов. Вот почему вопрос завис, и как теперь его вывести из такого тупика, неизвестно. Но я считаю, что поскольку нас устраивает такой тупик, то пусть так и продолжается.

К.Е. Черевко. Хотя Потсдамскую декларацию СССР не подписывал, он к ней присоединился. Что касается Сан-Францисского договора, то ссылаться на него можем в соответствии со статьей 36 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., о чем подробно говорится в тексте доклада.

Г.В. Мелихов. По Сан-Францисскому договору Япония отказалась от Курильских островов. И в настоящее время не имеет юридических оснований для того, чтобы их вернуть.

Л.Н. Нежинский. Да, но японцы нас упрекают в том, что там не записано, в чью пользу она отказалась. И когда в 1960 г. американцы с японцами заключили новый договор о безопасности, по которому резко усилили свое присутствие в Японии, тогда и Хрущев предложил не трогать эту проблему*.

---

* В действительности СССР занял более жесткую позицию: до ликвидации в Японии американских военных баз СССР отказывается возвращать ей острова Малой Курильской гряды. – К. Ч.

Я на Вашем месте подумал бы в ближайшее время об издании брошюры по теме сегодняшнего доклада, потому что это необычайно актуальная тема во всех отношениях, и в историческом, и в современном политическом звучании по одной простой причине: вы все хорошо знаете, я не сомневаюсь, смотрите телевидение, читаете газеты, что в современной Японии минимум 80–85 процентов всего населения, если не больше, резко выступают за возвращение так называемых северных территорий. И как ни менялись структуры власти в Японии в последнее 10-летие, когда это происходило, все они вынуждены считаться вот с этим наркотиком, который вбит в голову подавляющей части населения Японии. И мы также вынуждены с этим сегодня считаться. Для них эта тема болезненно актуальная. Для нас эта тема, хотя не так, как для японцев, болезненна, но актуальна. Поэтому будет правильно, если появится объективная брошюра на эту тему.

Единственная деталь, которую я добавил бы, следующая: несколько лет тому назад я прочитал о том, что очень насторожены против возврата этих северных территорий Японии представители нашего руководства Военно-Морского флота по одной причине (и об этом надо, хотя бы коротко, сказать): севернее этих островов проходит один из главных морских проходов по глубине, который позволяет нашим, в том числе многотоннажным, подводным лодкам выходить дальше на акваторию Тихого океана. И это имеет очень важное военно-стратегическое значение. Очень важное. И тут наши военные правы, я полностью с ними согласен.

Надо поблагодарить докладчика, пожелать дальше разрабатывать эту тему.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННО-БЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ЕВРОПЕ (1949–1955 гг.)*

Международные события первых послевоенных лет подтвердили, что выиграть войну еще не значило обеспечить прочный мир и надежную безопасность в будущем. Уже в недрах антигитлеровской коалиции велась интенсивная разработка основ послевоенной блоковой политики.

Среди важнейших факторов нарастания противоречий между СССР и западными странами особое место заняла ситуация в Восточной Европе. В 1944–1945 гг. при ликвидации гитлеровского господства там образовалась сфера советского контроля, были установлены режимы народной демократии, из которых и начал формироваться блок во главе с СССР. Распространение коммунистической власти в странах Восточной Европы было для советского руководства как фактором усиления безопасности СССР, так одновременно и расширением “сферы социализма”. Обе цели были неотделимы друг от друга.

На Западе построение безопасного мирового порядка видели в едином англо-американском союзе, на Востоке – в союзе славянских народов. И все понимали, что если не удастся договориться о дальнейшем сотрудничестве, эти миры будут друг другу противостоять.

Различные аспекты военно-блокового противостояния в Европе давно и плодотворно изучаются исследователями. Однако комплексных обобщающих научных работ, объективно освещающих и анализирующих столь многоплановую проблему, пока нет. Между тем она чрезвычайно актуальна в научном и практико-политическом планах и выходит своими аналогиями на современность. Из-за недоступности архивных данных мало исследуется тема военного измерения холодной войны¹; полемика по проблемам консолидации западного блока² и становления блока восточного³ продолжается.

В докладе, основанном на широком круге источников, прежде всего Архива внешней политики (АВП) РФ, а также на доку-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 18 ноября 2004 г.

ментах, как уже ставших доступными исследователям, так и раскритикованных лишь недавно, сосредоточено внимание на роли Советского Союза в кодификации восточного блока, в создании его военно-политической организации.

Основное внимание в докладе уделено событиям 1954 – начала 1955 г., однако затронуты вопросы и рубежа 40–50-х годов. К 1949 г. военно-блоковая логика восторжествовала. Запад создал военно-политический Североатлантический союз. Восточный блок, не имея ни экономической, ни политической, ни военной основы настолько развитой, чтобы создать свой военно-политический союз, создал экономическую блоковую структуру – Совет Экономической Взаимопомощи. В мае 1955 г. блоковое противостояние получило свое формальное завершение: с вступлением в НАТО ФРГ было завершено оформление Североатлантического союза и создано так называемое “Восточное НАТО” – Организация Варшавского Договора.

Ответить на вопрос, почему военно-политическая организация восточного блока не была создана в 1949 г., в определенной степени помогает письмо Л.П. Берии, составленное на основе сообщения советника МВД СССР в Чехословакии А.Д. Бесчастнова в Президиум Совета Министров СССР Г.М. Маленкову о том, что “существующий в Москве Совет Экономической Взаимопомощи работает из рук вон плохо и никакой роли в координации экономики стран народной демократии эта организация не играет”. В письме отмечалось, что и “по другим странам народной демократии мы недостаточно информированы о действительном политическом и экономическом положении”. Письмо было написано в июне 1953 г. СЭВ все еще оставался слабой и неэффективной действующей организацией.

На рубеже 40-х и 50-х годов отношения между странами Центральной и Восточной Европы развивались прежде всего на двусторонней основе. Механизмы многостороннего сотрудничества как в экономической, так и военно-политической области только зарождались. Четкой концепции многостороннего сотрудничества соцстран, формирования их международного сообщества у советского руководства не было. В 1949 г. не было еще и той политической основы, на которой можно было бы создать “Восточное НАТО”. Социальный строй стран народной демократии не был стабилизирован, у народов этих стран не было доверия к их политической системе, их новому правящему слою – партийно-государственной номенклатуре. Идеино-политические предпосылки оформления советского блока только складывались. В 1949 г. не было ни готовности, ни уверенности в том, что военно-политическая организация восточного блока будет аналогич-

ной Североатлантическому союзу, к тому же было еще непонятно, во что выльется деятельность только что созданного западного военного блока, чтобы противостоять ему путем создания аналогичного восточного. Да и не было для этого ни достаточного экономического потенциала, ни технических средств, ни надежных военных кадров: большую часть командного состава братских армий составляли представители старого офицерского корпуса, не проявлявшие стремления к перестройке своих армий и не вызывавшие доверия ни руководителей своей страны, ни Кремля. К серьезному развитию армий приступили только в начале 1950-х годов.

На сроки создания военно-политической организации стран восточного блока в определенной степени влияла перспектива решения германского вопроса. К 1949 г. возможности его решения не были полностью исчерпаны, хотя создание ФРГ, а затем и ГДР в 1949 г., юридически зафиксировав раскол страны, их существенно уменьшило.

Как показали дальнейшие события, создание Североатлантического союза в 1949 г. было расценено советским руководством как подтверждение правильности советской политики, вытекавшей из взглядов на природу взаимоотношений с Западом и традиционно содержавшей опасения создания враждебных СССР блоков западных держав.

В 1949–1950 гг. СССР решил усилить собственную мощь, противостоящую Западной Европе, и интегрировать восточноевропейские войска в советские боевые порядки, реорганизовывая их по советскому образцу. В 1950 г. в Чехословакию было послано 1000 советников из СССР для организации ее вооруженных сил⁵, группу новых советников приняла и венгерская армия. Советские военные советники фактически выполняли подготовительную работу к объединению армий восточноевропейских стран в военно-политический блок⁶.

Строительство армий и их оснащение вооружениями на Востоке значительно отставало от Запада. Авангардная роль Запада в этом процессе была бесспорной. Союзники Соединенных Штатов в Западной Европе неуклонно увеличивали свои вооруженные силы. Так, в выступлении 29 февраля 1952 г. Д. Ачесон сообщил, что западноевропейские союзники США с 1949 г. удвоили свои военные бюджеты, продлили срок военной службы в собственных странах. Военное производство в Европе возросло почти в 4 раза. В их вооруженные силы влилось более полумиллиона человек. Более чем вдвое возросло с 1949 г. число организованных боевых дивизий, находившихся в распоряжении Североатлантического союза⁷.

Решения по усилению советской военной мощи, в частности, увеличению советских сил в Германии; усилению военно-морского флота СССР, представлялись шагом вынужденным. Возникла также насущная необходимость координации военно-организационных мероприятий и планов военных поставок стран восточного блока. Это показало проведенное в Кремле 9–12 января 1951 г. секретное совещание, о котором сообщал венгерский партийный лидер М. Ракоши. За исключением Б. Берута, на нем присутствовали все генеральные секретари партий стран Восточной Европы. Выступивший на совещании Сталин высказал предположение о том, что НАТО нападет на социалистические страны в 1953 г. “Отправной точкой было то, – как вспоминал Ракоши, – что НАТО к концу 1953 г. полностью завершит свою подготовку, и если мы не хотим иметь сюрпризов, то к этому времени и нам необходимо иметь соответствующие армии”. В дискуссии выступил К. Рокоссовский, который был тогда министром обороны Польши, и сказал, что у них также есть план развития армии, цифры которого соответствуют изложенному плану развития, но достичь этого уровня они планировали к концу 1956 г., а 1953 г. означает, что военные расходы им придется чуть ли не сразу удвоить. Сталин ответил, что если поляки могут гарантировать, что не будет войны, то он не возражает, если они будут готовы лишь к концу 1956 г. В. Червенков сообщил, что Болгария почти не производит стали и поэтому с предполагаемым планом развития армии они могут согласиться лишь в случае, если Советский Союз возьмет на себя обеспечение их военными материалами⁸. В заключение было подписано секретное соглашение, по которому союзники СССР обязывались в случае войны⁹ передать свои армии под непосредственное советское командование.

Таким образом, по инициативе Сталина был создан специальный комитет для обеспечения союзных армий необходимым военным снаряжением, а также для решения вопросов, связанных со специализацией некоторых стран Восточной Европы в производстве отдельных видов оборонной продукции¹⁰. Председателем Военно-координационного комитета был избран Н.А. Булганин, однако вскоре его сменил маршал А.М. Василевский.

Этот Комитет стал своего рода предтечей Организации Варшавского Договора – военно-политического союза стран народной демократии. Однако в указанном выше письме Л.П. Берия была дана весьма критическая оценка его работы. Берия, в частности, отмечал, что “Комитет, пожалуй, ничего полезного не дает, кроме того, что вносит путаницу и неразбериху и предъявляет непомерные требования к промышленности Советского Союза и стран народной демократии”. Например, “в Польше, – ука-

зывалось в письме, – создалось такое положение, когда достигнутые мощности по производству вооружения и боеприпасов оказались излишними для поляков, не используются в целях производства этой продукции для других стран народной демократии или загрузки их для выпуска гражданской продукции”¹¹.

В письме подчеркивалась необходимость более активной и квалифицированной помощи странам народной демократии в организации государственного строительства и народного хозяйства, более тесной увязки их экономики с экономикой Советского Союза. В связи с этим Берия предложил создать вместо существовавшего Совета Экономической Взаимопомощи и Координационного комитета единый орган, состоящий из ответственных представителей руководства стран народной демократии и СССР (по 3 человека от каждой страны). “Этот орган должен был собираться не реже раза в 2 месяца для рассмотрения вопросов, связанных с развитием народного хозяйства и обороной стран народной демократии”¹².

Однако до 1955 г. на Востоке не было создано ничего, подобного НАТО. Построение восточного блока произошло к середине 1950-х годов, хотя меры по его созданию, безусловно, предпринимались. На противостояние с Западом, на реализацию военных программ уходила основная доля советского национального бюджета. СССР был для стран народной демократии в первой половине 1950-х годов основным источником кредитов, машин, оборудования и сырья. Так, в 1947–1957 гг. общая сумма кредитов в рамках СЭВ составила 30 млрд руб., из них 28 млрд были кредиты, предоставленные СССР¹³. Причем предоставляя кредиты на льготных условиях, СССР руководствовался скорее политическими и идеологическими интересами, чем коммерческой выгодой. Кредиты предоставлялись без процентов или с начислением процентов, размер которых колебался от 0,5–2 до 3–5% годовых, на длительный срок (в среднем до 12–15 лет). Погашались они в основном поставками традиционных товаров.

В Североатлантическом союзе бесспорным военным лидером были Соединенные Штаты Америки. Для определения “цены” в создании блоков представляется важным разъяснение статьи 3 Североатлантического Договора¹⁴, данное госдепартаментом США, о том, что “...она не направлена к тому, чтобы одна нация несла на своих плечах всю тяжесть поддержания безопасности района Северной части Атлантического океана. Соединенные Штаты являются одним из участников этого усилия” (курсив мой. – Н.Б.)¹⁵.

Наряду с сугубо военными органами в рамках НАТО параллельно с институтами администрации “экономической реконст-

рукции Европы”, были сформированы и коалиционные комитеты в области экономики и финансов¹⁶. Так, на второй сессии Совета Североатлантического союза 18 ноября 1949 г. в Вашингтоне был учрежден Финансовый и Экономический комитет обороны, одной из функций которого была оценка финансового и экономического бремени, которое будут нести страны-участницы союза при выполнении оборонных планов¹⁷. В дальнейшем западноевропейцы сумели “развести” военную и экономическую интеграцию (первая пошла по каналам НАТО, вторая – через ЕЭС – Европейское сообщество – Европейский союз) и обеспечить динамичное развитие обеих составляющих¹⁸.

С конца 1950 – начала 1951 г. советское руководство стало воспринимать Атлантический блок в значительно большей степени как военную угрозу национальной безопасности СССР и их союзников¹⁹. Советские руководители пристально следили за активизацией военной политики Североатлантического блока. Из МИДа они получали аналитические материалы об организационных структурах союза, его военных командованиях, финансовых вопросах, о военных базах США на территории европейских стран. Особое внимание уделялось мерам по ремилитаризации ФРГ и созданию европейской армии. В 1951 г. была установлена жесткая централизация руководящих органов Североатлантического союза, позволившая его руководству более оперативно осуществлять военно-политические решения. Так, в мае 1951 г. вместо ранее существовавших трех министерских органов – Совета, комитета обороны и финансово-экономического комитета – был создан единый орган – Совет НАТО.

Североатлантический союз был реорганизован и значительно усилен в феврале 1952 г. Между сессиями Совета стал функционировать постоянный Совет НАТО, состоявший из постоянных представителей стран-участниц союза. В качестве рабочего органа Совета НАТО был создан международный секретариат, возглавлявшийся генеральным секретарем. Высшим военным органом НАТО стал военный комитет, состоящий из начальников генеральных штабов стран Североатлантического союза. В период между сессиями военного комитета его функции были возложены на постоянный комитет ответственных представителей генеральных штабов государств-членов НАТО. Рабочим аппаратом постоянного военного комитета стала группа в составе представителей высшего командного состава из всех стран НАТО (кроме Исландии) в соответствующем количестве. Фактически до 1966 г. эта группа представляла собой верховный военный орган, занимавшийся стратегическим планированием и военным руководством в НАТО.

К концу жизни в менталитете Сталина наметились изменения в отношении НАТО²⁰, однако из-за недоступности (или отсутствия?) источников, можно лишь догадываться о намерениях советского лидера, проявившего особую заинтересованность во встрече с новым французским послом Луи Жоксом 25 августа 1952 г., во время которой впервые и, видимо, в ироничной форме он упомянул о возможности присоединения СССР к Североатлантическому союзу. Оформление коалиции западных держав вступало тогда в решающую фазу. К невыгоде Советского Союза сложился военно-политический союз западноевропейских стран с Соединенными Штатами. Реальной была перспектива включения в него Западной Германии. С приемом в НАТО в апреле 1952 г. Греции и Турции серьезные опасения советских руководителей стала вызывать позиция Югославии: возможность ее военно-политического сотрудничества с Западом.

Изменение восприятия советским руководством угрозы Североатлантического союза с политической на военно-стратегическую привело к необходимости форсировать создание восточного блока. И хотя идея создания военного союза стран соцлагеря в Москве вызревала давно, с 1952 г. она существовала на уровне политических согласований между лидерами соцстран²¹. Советские руководители теперь уже ясно понимали преимущества западной коллективной обороны – Североатлантического союза – перед восточной системой двусторонних договоров, в частности, наличие единого централизованного органа стратегического управления Объединенными вооруженными силами НАТО.

1953–1954 гг., ставшие очередным этапом в формировании военно-блокового противостояния, считались критическими с точки зрения угрозы новой войны по обе стороны железного занавеса, несмотря на то, что с окончанием сталинской эпохи в СССР и сменой хозяина Белого Дома в США появилась надежда изменить международную ситуацию. Однако вырваться из плена инерции холодной войны оказалось не просто. Американский эксперт по экономическим вопросам Барух не зря напоминал, что наступила “эпоха не разоружения, а вооружения”²². В эти годы происходил бурный рост и качественное совершенствование ядерного потенциала ведущих стран обоих блоков. Военный комитет Североатлантического союза с декабря 1953 г. приступил к разработке стратегической концепции, в основе которой была опора на ядерное оружие в системе западной обороны как средства “сдерживания” советской агрессии. При этом новый подход к проблеме обороны Запада должен был обеспечить надлежащую военную безопасность, не истощая экономических ресурсов стран союза.

Хрущев признавался, что “поначалу после смерти Сталина по-настоящему к военным делам мы не подступались. Не до того было... Свое первое настоящее вмешательство в военные дела я датирую 1954 годом”²³. Но это не означало, что военные приготовления в СССР были приостановлены. Несмотря на предпринимаемые попытки сокращения бюджетных ассигнований на оборону, продолжали осуществляться и наращиваться программы развития важнейших стратегических вооружений, в частности, создание тяжелых дальних бомбардировщиков.

Советские вооруженные силы развивались тем же путем, что и силы НАТО, и в 1953–1954 гг. были предприняты серьезные усилия, чтобы соединить искусство ведения военных операций и боевой опыт с применением ядерного оружия²⁴. К началу 1954 г. Советские Вооруженные силы уже располагали ядерным оружием различной мощности и приступили к его практическому освоению. Несмотря на колебания темпов гонки вооружений, курс на военное соперничество с западным блоком оставался магистральным направлением советского развития. Практически на всех этапах гонки вооружений тон в ней задавали Соединенные Штаты, определяя ее основные направления.

Предложения о создании системы коллективной безопасности, которая положила бы конец образованию противопоставленных друг другу военных группировок европейских государств²⁵, Советский Союз внес в качестве альтернативы формированию Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) на Берлинской конференции министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции 10 февраля 1954 г. Эти предложения не получили поддержки со стороны западных участников конференции. А в речи советского министра иностранных дел В.М. Молотова госсекретарь США Даллес особо выделил слова о том, что создание армии нескольких западноевропейских государств может вызвать образование оборонительного союза других европейских государств с целью обеспечения их безопасности²⁶.

В западноевропейских странах в качестве главного возражения против проекта Общеευропейского договора выдвигалось то, что в предлагаемой системе обеспечения безопасности не предусматривалось участие США и, следовательно, советское предложение, с точки зрения Запада, было направлено не только на то, чтобы “вынудить США уйти из Европы”, но также на подрыв и ликвидацию Организации Североатлантического договора.

Советское правительство в связи с этим внесло коррективы в свои предложения о коллективной безопасности в Европе, в ча-

стности, в ноте правительствам США, Англии и Франции от 31 марта 1954 г. оно выразило согласие на участие в договоре Соединенных Штатов. Более того, руководство Советского Союза выразило готовность рассмотреть вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре. Как полагали, НАТО утратила бы свой агрессивный характер, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В советской ноте выражалась надежда на то, что западные страны примут меры к тому, чтобы Североатлантический договор приобрел действительно оборонительный характер и были созданы условия, исключающие возможность вовлечения той или иной части Германии в военные группировки. В этом случае «организация Североатлантического договора перестала бы быть замкнутой военной группировкой государств, была бы открыта для присоединения других европейских стран, что, наряду с созданием эффективной системы коллективной безопасности в Европе, имело бы важнейшее значение для укрепления всеобщего мира»²⁷.

Запад к изложенным в советской ноте предложениям отнесся отрицательно. Так, в ответной ноте американского правительства от 7 мая 1954 г. сообщалось, что советские предложения по европейской безопасности даже после того, как в них были внесены поправки с тем, чтобы допустить участие США, не обеспечивают никакой основы для подлинной безопасности²⁸. Предложения же Советского правительства о том, чтобы Пакт о коллективной безопасности сопровождался расширением НАТО путем присоединения Советского Союза, противоречит самим принципам, от которых зависит система обороны и безопасность западных государств, – указывалось в ноте. Организация Североатлантического договора, подчеркивалось также в американской ноте, является гораздо большим, чем чисто военная организация и основана на принципе свободы личности и господства закона. Она является исключительно оборонительной, и все ее решения принимаются с согласия всех членов. Таким образом, «Советский Союз в качестве члена этой организации был бы в состоянии налагать вето на каждое его решение. Ни одно из государств – членов организации не может допустить того, чтобы их совместная оборонительная система была разрушена подобным образом»²⁹.

Председатель Совета министров СССР Н.А. Булганин, выступая на сессии Верховного Совета СССР в августе 1955 г., признал, что советский шаг марта 1954 г. был проверкой, действительно ли НАТО носит оборонительный характер, по утверждению Запада. «В связи с этими утверждениями Советское правительство в свое время решило войти в эту организацию, – сказал

он, – так как участие в организации, преследующей оборонительные цели, полностью соответствует нашим интересам. Советский Союз предпринял конкретные попытки вступить в НАТО и направил соответствующую ноту державам-участникам НАТО. Нам, однако, официальной же нотой было отказано в приеме... Было ясно, что цели НАТО далеко не соответствуют заявлениям об оборонительном характере этой организации”³⁰.

Позднее, в мае 1956 г. Генеральный секретарь НАТО лорд Исмэй четко выразил позицию Запада по этому вопросу, заявив, что “никогда не может быть и речи о принятии Советского Союза в НАТО. В тот день, когда СССР приобретет все качества, необходимые для принятия в НАТО, существование этой организации потеряет смысл и страны-члены смогут продолжать свое сотрудничество в рамках ООН”³¹.

Пытаясь предотвратить создание ЕОС, советский блок оказался вынужденным противостоять более продвинутой западноевропейской военной интеграции. В военно-политической сфере Запад после провала ЕОС подготовил более эффективную ему замену в виде комплекса Парижских соглашений, подписанных 23 октября 1954 г. Вместо включения ФРГ в европейскую военную интеграцию через не испытанные ранее структуры “европейской армии”, западногерманская полумиллионная армия вошла в хорошо разработанную систему НАТО. В Париже были подписаны соглашения об изменении Брюссельского договора 1948 г. и создании Западноевропейского союза (ЗЕС) с участием семи западноевропейских государств, в том числе ФРГ.

На повестку дня встал вопрос о необходимости создания оборонительной военной организации стран восточного блока в противовес НАТО и Западноевропейскому союзу. Действовавший с начала 1951 г. Координационный комитет по военно-организационным вопросам СССР и восточноевропейских стран уже не отвечал требованиям нового времени, возросшим в связи с осложнением европейской ситуации и завершением консолидации западного военно-политического блока.

Не сумев решить краеугольную задачу послевоенной внешней политики – предотвратить перевооружение Германии – советская дипломатия пыталась по возможности помешать ратификации парижских соглашений.

Несмотря на недвусмысленную позицию Запада, СССР вновь выдвинул на первый план предложение о создании системы коллективной безопасности в Европе, предложив созвать по этому вопросу общеевропейское совещание, участниками которого должны были быть не только главные западные державы, но и все европейские государства.

Министр иностранных дел Франции П. Мендес-Франс, публично отвергнув советское предложение о созыве совещания, предложил созвать конференцию четырех держав в мае 1955 г. после ратификации Парижских соглашений. Выступая в ООН, он высказал пожелание, чтобы по образцу Западноевропейского союза была создана оборонительная ассоциация Восточной Европы, при условии, если она примет положения, которые предусмотрены на Западе для предоставления сведений, ограничения и контроля вооружений. Между обеими системами позднее мог бы быть установлен взаимный обмен информацией и гарантиями³².

В связи с советской нотой от 13 ноября 1954 г. о коллективной безопасности в Европе в США и других западных странах высказывалось предположение, что независимо от характера ответов западных держав, Советский Союз созывает в Москве совещание, где будет создан Договор, который, по утверждению Москвы, положит начало европейской безопасности, а фактически будет восточным соперником Атлантического союза.

Как указывалось в передовой статье газеты “Правда”, вышедшей 29 ноября, в день открытия совещания восьми европейских государств восточного блока с участием наблюдателя из КНР, “в этих условиях, сложившихся в результате подписания парижских соглашений, будет совершенно естественным, если миролюбивые европейские народы окажутся вынужденными принять новые меры для обеспечения своей безопасности”.

В МИД СССР был подготовлен проект замечаний, которые должны были учесть в своих выступлениях на Совещании главы делегаций Польши, Чехословакии, ГДР и Албании³³.

Польша, в частности, должна была обратить внимание на то, что создание реваншистской западногерманской армии не может рассматриваться иначе, как прямая угроза безопасности польскому народу и поэтому ПНР вынуждена будет вместе с другими миролюбивыми государствами принять меры, гарантирующие неприкосновенность ее границ.

Чехословацкой делегации на примере Мюнхена предлагалось показать в своем выступлении, чего стоят заверения западных держав относительно гарантий независимости европейских государств в условиях, когда германский милитаризм получил возможность вооружаться. Подчеркнув общность интересов Польши, Чехословакии и ГДР в борьбе против германского милитаризма, главе делегации Чехословакии следовало указать, что в случае ратификации Парижских соглашений эти страны вместе с другими государствами должны разработать совместные мероприятия, направленные на обеспечение безопасности и неприкосновенности их границ.

Глава делегации ГДР должен был заявить о том, что в ответ на создание западногерманской армии ГДР будет вынуждена принять меры по созданию своих вооруженных сил, а также поставить вопрос о принятии совместных мер с другими миролюбивыми государствами по обеспечению безопасности.

В совместной Декларации, принятой участниками Московского Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе 2 декабря³⁴, говорилось, что миролюбивые государства вынуждены предпринять безотлагательные меры к тому, чтобы агрессивным силам военного блока западных держав противопоставить объединенную мощь миролюбивых государств в интересах обеспечения своей безопасности. Это могло означать, что договоренность стран соцлагеря о создании собственной оборонительной военной организации была достигнута: “Государства-участники настоящего Совещания заявляют о своем решении осуществить, в случае ратификации Парижских соглашений, совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности для того, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территорий и обеспечить защиту от возможной агрессии”.

Дипломатические и разведывательные органы Запада внимательно изучали итоги Совещания стран восточного блока. На основе решений совещания и анализа военных статей договоров СССР с восточноевропейскими союзниками в Форин Оффис высказывалось предположение о реальной угрозе создания Организации Восточноевропейского Договора (по типу НАТО) и усилении вооружения стран советского блока в случае ратификации парижских соглашений. Спецслужбы американского госдепартамента полагали, что намерение СССР создать координационный военный орган “в ответ на реализацию Парижских соглашений носило оборонительный характер”³⁵.

В середине января 1955 г. в Министерстве иностранных дел СССР был разработан проект “Договора о совместной обороне от агрессии” между СССР, Польшей, Чехословакией, ГДР, Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией, который лег в основу Варшавского договора³⁶. 25 февраля 1955 г. Молотов направил в ЦК КПСС проект Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР, ПНР, Чехословацкой Республикой, ГДР, ВНР, РНР, НРБ и Народной Республикой Албании³⁷. Заключение Договора предусматривалось в случае ратификации Парижских соглашений. А в связи с тем, что решения об одобрении Парижских соглашений были уже проведены в парламентах

большинства стран-участниц этих соглашений, МИД СССР считал своевременным приступить к предварительным переговорам с правительствами европейских стран народной демократии относительно проекта предполагаемого Договора. В сопроводительной записке Молотов указывал, что обсуждение и подписание Договора было бы целесообразно провести на втором Совещании СССР и европейских стран народной демократии с участием наблюдателя от КНР³⁸. В подготовленном проекте Постановления ЦК КПСС вопрос о сроке созыва Совещания для обсуждения и подписания Договора предполагалось решить дополнительно в зависимости от ратификации Парижских соглашений.

В связи с принятым решением о подготовке проекта Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и странами Восточной Европы, МИД СССР подготовил также проекты писем ЦК КПСС ЦК братских партий европейских стран народной демократии, а также ЦК компартии Китая³⁹. ЦК КПСС считал целесообразным обменяться “в предварительном и строго конфиденциальном порядке” мнениями об осуществлении совместных мер по обеспечению безопасности европейских государств-участников Московского Совещания в случае ратификации Парижских соглашений. Заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР, Польшей, Чехословакией, ГДР, Венгрией, Румынией, Болгарией и Албанией соответствовало этой цели.

Проект Договора, составленный с учетом высказанных поправок, был одобрен всеми предполагавшимися его участниками во время проходивших в марте 1955 г. консультаций. Однако по формулировкам отдельных статей проекта Договора был высказан ряд замечаний⁴⁰. Так, ЦК ПОРП предложил, в частности, упомянуть в преамбуле роль США и их стремление к созданию военных баз и блоков. Принятие этой поправки было признано нецелесообразным, так как при составлении проекта Договора по ряду соображений стремились к тому, чтобы он не был направлен против какой-либо конкретной страны.

22 марта 1955 г. было опубликовано официальное сообщение, в котором говорилось, что государствами-участниками Московского Совещания были проведены консультации относительно заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Подчеркивалось полное единство взглядов стран-участниц относительно принципов Договора, а также об организации Объединенного командования, которое должно было быть создано в случае ратификации Парижских соглашений для обеспечения безопасности этих государств и в интересах поддержания мира в Европе⁴¹. Новое Совещание с участием Советского Союза и

его союзников было решено созвать в Варшаве, но важнейшие документы готовились в Москве.

Пока нет данных, которые позволили бы точно ответить на вопрос, почему именно столица Польши – Варшава – была избрана местом создания Организации Варшавского Договора. Сам факт, что пакт создавался за пределами СССР, уже не смог бы никого убедить в его независимости от Кремля. Можно считать символическим, что именно Польша, как страна, где началась Вторая мировая война, первой испытывавшая на себе ужасы германской агрессии, была выбрана местом создания оборонительной системы безопасности, призванной защитить страны Восточной Европы от новой германской агрессии. Именно Польша как страна, имевшая горький исторический опыт, по замыслам советских организаторов Московской встречи в конце 1954 г., должна была выступить с заявлением о несостоятельности попыток западных держав ограничить вооружение Германии и гарантировать в этих условиях безопасность соседних с Германией стран.

Возможно, советское руководство остановило свой выбор на Польше именно потому, что стремилось не только напомнить о ее горьком военном историческом опыте и об исходившей угрозе с Запада, но и о позиции СССР как основного гаранта новых польско-германских границ по Одере и Нейсе; о принадлежности Польши, имевшей важное стратегическое значение, к странам Восточного блока, надеясь столь высоким доверием крепче привязать ее к блоку. Эти напоминания не были излишними, так как в 1954–1955 гг. в Польше, а также в Венгрии отчетливо обозначились симптомы кризиса существующего режима. В связи с тем, что Польша обладала наибольшими, помимо СССР, вооруженными силами по сравнению с другими странами Восточного блока, можно предположить, что это тоже сыграло свою роль в выборе места проведения второго Совещания восьми европейских стран.

В проекте Постановления ЦК КПСС было признано необходимым, по согласованию с правительствами других государств-участников Московского Совещания, созвать примерно 10 мая в польской столице совещание государств-участников Московского Совещания с целью заключения Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ними, а также учреждения Объединенного командования. Предусматривалось приглашение на совещание в качестве наблюдателя представителя КНР. Было признано желательным, чтобы в Совещании приняли участие главы правительств или их заместители, а также министры иностранных дел и министры обороны или начальники генштабов.

Вместе с утверждением проекта Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между восемью государствами-участниками Совещания был утвержден и представленный МИД СССР проект указаний советским послам в Польше, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и послу СССР в КНР. Министерству обороны (т. Жукову) совместно с МИД СССР (т. Молотову) было поручено представить на рассмотрение ЦК КПСС в декадный срок проект решения Совещания об учреждении Объединенного командования⁴².

8 апреля 1955 г. Президиум ЦК КПСС, приняв предложение Г.К. Жукова и В.М. Молотова о создании Объединенного командования Вооруженными силами, поручил им представить проект протокола о создании Объединенного командования Вооруженными силами и текста для публикации по этому вопросу⁴³. Через 10 дней – 18 апреля такой проект Протокола Жуковым и Молотовым был представлен⁴⁴ и послужил основой для принятого на Совещании в Варшаве документа.

В проекте Протокола предусматривалось установить, что решение общих вопросов, относящихся к укреплению обороноспособности и к организации Объединенных вооруженных сил государств-участников Договора возлагается на Политический Консультативный Комитет. Непосредственное руководство этими силами возлагалось на Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами. В проекте предлагалось Главнокомандующим назначить Маршала Советского Союза А.М. Василевского, однако им был назначен Маршал И.С. Конев.

Заместителями Главнокомандующего Объединенными Вооруженными силами назначались министры обороны или другие военные руководители государств-участников Договора. На них же возлагалось командование вооруженными силами каждого государства-участника Договора, выделенными в состав Объединенных вооруженных сил. При Главнокомандующем Объединенными Вооруженными силами создавался штаб Объединенных Вооруженных сил государств-участников Договора, в состав которого включались постоянные представители генеральных штабов государств-участников Договора. Местопребыванием штаба предлагалась и была избрана Москва.

В проекте Жукова и Молотова было названо точное количество соединений сухопутных войск и авиации, которые должны были выделить государства, подписавшие Договор. Общее же число дивизий сухопутных войск составляло 85; авиационных, в частности истребительных – 42, штурмовых – 8 и 11 – бомбардировочных⁴⁵. На долю СССР приходилось соответственно 32 сухопутные дивизии; 22 авиационных истребительных дивизии, 3 –

штурмовых и 9 – бомбардировочных. На втором месте после СССР по количеству выделенных в состав Объединенных Вооруженных сил соединений сухопутных войск и авиации шла Польша. Она, как предполагалось, должна была выделить 14 дивизий сухопутных войск и 10 авиационных дивизий, из них: 7 – истребительных, 2 – штурмовых и 1 – бомбардировочную.

Как в проекте протокола, так и в принятом на Совещании документе, было зафиксировано, что размещение Объединенных Вооруженных сил на территории государств-участников договора будет осуществляться в соответствии с потребностями взаимной обороны по соглашению между этими государствами⁴⁶.

Для Советского Союза процесс становления Организации Варшавского Договора не был легким и бескомпромиссным. Замыслы и амбиции советских руководителей, главных организаторов ОВД, далеко не всегда совпадали с интересами и претензиями руководителей других стран Восточного блока. “Опасные мины”, такие, как, например, советский диктат, способные в будущем взорвать ОВД, были заложены уже в самом оформлении организации как союза суверенных государств.

Институционализация военно-политического союза стран соцлагеря стала неизбежной в связи с тем, что 5 мая 1955 г. Парижские соглашения после ратификации их всеми странами-участницами вступили в силу, а ФРГ стала полноправным членом Западноевропейского союза (7 мая) и НАТО (9 мая). Однако 10 мая, накануне открытия второго Совещания по обеспечению мира и безопасности в Европе Советский Союз внес в подкомитет Комиссии ООН по разоружению предложения о сокращении вооружений, запрещении ядерного оружия и устранении угрозы новой войны, во многом пойдя навстречу западным державам⁴⁷. С учетом позиции западных держав были разработаны такие вопросы, как численность вооружений (предлагалось определить верхний предел численности вооружений, а не их пропорциональное сокращение на 1/3, как добивался СССР ранее) и контроль за сокращением вооружений (инспекция должна была осуществляться на постоянной основе, и контролеры имели беспрепятственный доступ в любое время ко всем объектам контроля). Несмотря на то, что советские предложения отличались реалистическим подходом, они были отвергнуты Западом. Правда, 10 мая советское правительство получило ноты западных держав, в которых содержалось предложение о встрече руководителей четырех держав с целью изыскать средства для разрешения важнейших вопросов.

Одновременно с обсуждением проекта Варшавского Договора странами восточного блока западный блок, “признавая, что их

взаимная безопасность и оборона требуют, чтобы они были готовы к случайностям атомной войны”, разработали проект соглашения между участниками Североатлантического договора о сотрудничестве в вопросах атомной информации⁴⁸. Еще в марте 1955 г. Совет НАТО рекомендовал заключить соглашение между четырнадцатью правительствами-членами от своего собственного имени и от имени НАТО. Согласно условиям соглашения, Соединенные Штаты должны были передавать организации Североатлантического договора атомную информацию, которую считали необходимой для разработки планов обороны, обучения персонала обращению с атомным оружием и защите от него, а также оценки возможностей потенциальных противников в отношении применения атомного оружия. Это соглашение давало возможность НАТО без ущерба для безопасности и обороны Соединенных Штатов разработать более эффективные оборонительные планы относительно использования атомного оружия, чем это было достигнуто ранее.

Таким образом, непосредственным поводом к реализации идеи создания военного союза стран соцлагеря послужили подписанные в октябре 1954 г. Парижские соглашения, а их ратификация в мае 1955 г. привела к рождению Организации Варшавского Договора.

11–14 мая 1955 г. в Варшаве состоялось совещание по обеспечению мира и безопасности в Европе с участием правительственных делегаций Албании, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии. В совещании принял участие в качестве наблюдателя представитель КНР.

Открывший совещание председатель Совета Министров ПНР Ю. Циранкевич во вступительной речи отметил, что в результате нажима американских правящих кругов Парижские соглашения были ратифицированы, поэтому участники совещания провели обмен мнениями о совместных оборонных усилиях, о заключении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи и о создании объединенного командования нашими вооруженными силами⁴⁹.

Глава советского правительства Н.А. Булганин в своем выступлении говорил о том, что “в этих условиях мы обязаны принимать ответные меры и одна из таких мер – наше Совещание и те решения, которые предстоит нам на нем принять”⁵⁰. По вопросам создания Объединенных Вооруженных сил на закрытом заседании 12 мая выступил генерал армии А.И. Антонов⁵¹, который, как и предлагали в проекте Протокола о создании Объединенного командования Вооруженными силами участников Договора Жуков и Молотов, и стал первым Начальником Штаба

ОВС ОВД. Решение о создании Объединенного командования вооруженными силами государств-участников Варшавского Договора и Штаба ОВС ОВД с местопребыванием в Москве было принято на следующий день, 13 мая.

14 мая 1955 г., после рассмотрения накануне всех статей проекта Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи Варшавский Договор был подписан. В силу он вступил 5 июня 1955 г. после ратификации и передачи ратификационных грамот всех стран-участниц польскому правительству⁵².

Варшавский Договор, содержащий 11 статей, в значительной степени повторял статьи Североатлантического договора, состоящего из 14 статей.

Некоторые положения Варшавского Договора носили явно компромиссный характер. Так, участники Договора не отказывались от своих усилий, направленных на создание общеевропейской системы коллективной безопасности. Более того, в статье 11 Договора они заявили, что в случае заключения Общеевропейского договора о коллективной безопасности, Договор восьми держав утратит свою силу со дня вступления в действие Общеевропейского договора. Таким образом, путь к обсуждению проблем европейской безопасности с Западом оставался открытым.

Варшавский Договор придал социалистической коалиции более определенную структуру, в большей степени соответствовавшую классическим положениям международного права, чем те структуры, которые ранее предлагал Коминформ или обеспечивали двусторонние договоры.

Варшавский Договор предусматривал создание политических и военных органов союза (ПКК и Объединенного командования ОВС). При этом соотношение политических и военных органов ОВД, работавших на постоянной основе, было явно в пользу последних⁵³. Это было вполне объяснимо, если учесть, что важной причиной создания ОВД было стремление советского руководства получить юридическую базу для сохранения в странах Восточной Европы своих войск, такую же, как имели США, разместившие свои войска в Западной Европе.

Целью пребывания советских войск в странах Восточного блока было не только оказать военную помощь своим союзникам против любого нападения извне, но и гарантировать определенную стабильность внутривосточной обстановки, служить опорой коммунистических режимов в этих странах. Как стремление советского руководства достичь юридического оправдания для размещения своих войск в Восточной Европе рассматривали создание ОВД многие западные исследователи⁵⁴. Создавая Вар-

шавский Договор, Советский Союз преследовал, с точки зрения западных исследователей, следующие цели: усилить свой военный потенциал за счет включения в него потенциала восточноевропейских стран для создания противовеса НАТО; создать контролирующий инструмент, усиленный рядом обязательств стран Восточной Европы в военной области, для использования его в целях обеспечения безопасности своих позиций в этих странах, а также для добровольного признания ведущей советской роли и координации внешней и внутренней политики стран-участниц Варшавского Договора. Стремление советского руководства закрепить военно-политический контроль над странами восточного блока, ослабевший после смерти Сталина, рассматривалось как еще одна причина создания ОВД.

В контексте дипломатических инициатив советского руководства рассматривает создание ОВД американский исследователь В. Мастны. По его мнению, создание Варшавского пакта отвечало намерениям Н.С. Хрущева “демилитаризировать” холодную войну, так как ликвидация обоих блоков – НАТО и ОВД – в случае создания системы коллективной безопасности давала СССР преимущества в невоенных средствах влияния в Европе⁵⁵.

Варшавский Договор, предусматривая развитие всесторонних связей между его участниками, был открыт для присоединения к нему любого государства, независимо от его общественного строя. Однако ни одно государство не могло в тот период выйти из ОВД добровольно. Когда во время венгерских событий 1956 г. премьер-министр Венгрии И. Надь объявил о выходе своей страны из Варшавского Договора, он впоследствии поплатился за это жизнью⁵⁶.

Несмотря на провозглашенное в Договоре равноправие его участников как в политическом, так и в военном сотрудничестве, преобладающую позицию занимал Советский Союз. Проекты всех важнейших документов ПКК ОВД готовились и утверждались советским руководством перед тем, как отправить на рассмотрение ПКК, где они принимались практически без изменений. Должность генерального секретаря ПКК занимали сначала генерал армии А.И. Антонов и заместитель министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбин, а затем уже представители тех стран, где проходило очередное заседание ПКК⁵⁷.

Советские военачальники доминировали в военных органах ОВД: в Москве находились Объединенное командование ОВС и его Штаб. Советские маршалы и генералы руководили вооруженными силами государств-участников ОВД, занимая посты Главнокомандующего и Начальника Штаба ОВС. Ротация же на этих постах никогда на практике не осуществлялась, хотя и была

предусмотрена. Важным фактором, обеспечивавшим доминирующее положение СССР в ОВД, являлась идентичная подготовка руководящих кадров национальных армий в советских военных учебных заведениях, где офицеры, выучив русский язык, овладевали общими техническими методами и военно-стратегическими принципами, а также единой идеологией.

Основную часть расходов на содержание Объединенных Вооруженных сил и военной инфраструктуры Варшавского Договора, составлявшую свыше 90%⁵⁸, нес Советский Союз. Советской военной техникой были в основном оснащены вооруженные силы стран-участниц ОВД.

Советские ассигнования на оборону в 1955 г. возросли до 19,9% всего советского бюджета по сравнению с 17,8% в 1954 г.⁵⁹ Американские эксперты полагали, что это связано с переходом к ядерному оружию, которым СССР начинал оснащать свои вооруженные силы.

Военно-техническое сотрудничество между странами Варшавского Договора до 1969 г. осуществлялось в основном по двусторонним соглашениям. Координирующую роль в этом играли техническое управление 10-го Главного управления Советского Генерального Штаба и комиссия по оборонной промышленности СЭВ. Причем работой СЭВ и в более поздний период – 1960–1970-е годы – так же как и в начале 50-х годов, руководители государств советского блока были недовольны, считая его тормозом при решении важных совместных экономических программ.

На вопрос Ф. Чуева: “Страны, входящие в Варшавский пакт, вносят разные вклады?” – В.М. Молотов как-то ответил: “Разные. У кого душа шире, богаче, тот угощает лучше, а у кого до этого не дошло, можно поскромнее...”⁶⁰. Самая “широкая душа” была у Советского Союза. Но тяжело давалась советским людям “душевная щедрость” их руководителей. Хрущев в своих воспоминаниях писал о том, что военные расходы Советского Союза были бы сокращены наполовину, если бы удалось равномерно распределить расходы на оборону социалистического лагеря. “Было бы справедливым, – отмечал он, – посчитать, сколько что стоит, разложить в среднем на душу населения, и пусть каждый вносит свой пай”⁶¹. На деле же получалось иначе.

Цена СССР за создание восточного блока была действительно несопоставима и с ценой, затраченной на создание западного блока Соединенными Штатами. США предпочитали делить бремя военных расходов со своими союзниками, тщательно обговаривая вклад каждой страны в общую оборону. Доля военных расходов Соединенных Штатов в НАТО была немалой – она достигала

ла 74%, однако это было гораздо меньше, чем советский вклад в ОВД. Так, по данным секретариата Североатлантического союза, военные расходы стран-участниц НАТО возросли с 18,7 млрд дол. в 1949 г. до 54,2 млрд в 1955 г., при этом военные расходы США составили в 1955 г. 40,5 млрд дол., а общие расходы европейских стран составили 11,8 млрд дол.⁶²

Советский Союз был страной с великой военной мощью, которая должна была стать средством для обеспечения стабильности советского общества. Однако при этом “гайки” внутри страны были так “закручены”, что не выдержали ни экономика, ни общество. Советская внешняя политика не смогла в должной мере обеспечить ту среду, которая позволила бы создать условия для решения внутренних задач, связанных с модернизацией страны, созданием достойной жизни советским людям – победителям Великой войны. Да и было ли возможно в условиях холодной войны обеспечить выполнение этой основной цели национальных интересов страны? Представляется, что далеко не все зависело от позиции Советского Союза.

Итак, создание Организации Варшавского Договора завершило раскол Европы на два военно-политических блока и подвело черту под оформлением биполярной структуры международных отношений. Эволюция и распад Организации Варшавского Договора требуют особого исторического осмысления, но с ее возникновением “европейский фронт” холодной войны был стабилизирован. К середине 1950-х годов весь мир был расколот на две противостоящие друг другу системы блоков, ни одна из которых не имела решающего перевеса. Военно-блоковая логика на долгие годы стала определяющим фактором мировой политики.

НАТО и ОВД стали уникальными явлениями в области международных отношений, причем история НАТО, в отличие от ОВД, еще не закончена. Д. Эйзенхауэр предупреждал в свое время о серьезных последствиях включения бывших союзников СССР в военно-политическую структуру НАТО. Однако в наши дни вхождение в нее не только стран Центрально-Восточной Европы, но и бывших советских республик стало военно-политической реальностью.

Черту под послевоенной эрой конфронтации и раскола Европейского континента подвело подписание Венских договоренностей в январе 1989 г. и Парижской хартии для Новой Европы в ноябре 1990 г. Этими документами был положен и предел противоборству Востока и Запада, холодной войне. Россия и страны НАТО не рассматривают больше друг друга в качестве противников, а выступают как партнеры в борьбе с такими угрозами современного мира, как терроризм и региональная нестабильность.

Однако евроатлантического единства они смогут достичь совместными усилиями только в том случае, если Россия, США и другие государства будут строить свои взаимоотношения как партнеры – на доверии, учитывая уроки прошлого.

- ¹ См.: *Смирнов Ю.Н.* Холодная война как явление ядерного века // Холодная война: 1945–1963 гг. М., 2003. С. 597–622; *Быстрова И.В.* Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 40-х – начало 60-х годов). М., 2000; Советская военная мощь от Сталина до Горбачева / Отв. ред. А.В. Минаев. М., 1999; *Мальков В.Л.* “Манхэттенский проект”: Разведка и дипломатия. М., 1995; и др.
- ² См.: Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995; Сталин и холодная война. М., 1998; *Егорова Н.И.* Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война: 1945–1963 гг. С. 187–223; и др.
- ³ См., например: *Волокитин Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа: Становление режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002; *Гибианский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война 1945–1963 гг. С. 105–132; Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы: “Демократическое интермеццо” с коммунистическим финалом. 1944–1948 / Отв. Ред. В.В. Марьина. М., 2002; Neimark N.M. Cold War Studies and New Archival Materials on Stalin // The Russian Review. 2002. Vol. 61, № 1, January. P. 1–16; The Soviet Global Impact: 1945–1991 // Russian History. 2002. Vol. 29. № 2–4. Summer-Fall-Winter; и др.
- ⁴ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Москва; Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953. С. 918.
- ⁵ *Холловэй Д.* Сталин и бомба. Новосибирск, 1997. С. 318.
- ⁶ См.: *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Институт советских советников в странах региона: Цели, задачи, результаты // Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа: Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2002. С. 638.
- ⁷ АВРФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 578. П. 255. Л. 358.
- ⁸ Людям свойственно ошибаться: Из воспоминаний М. Ракоши // Исторический архив. 1998. № 3. С. 11.
- ⁹ *Боффа Дж.* История Советского Союза: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 381.
- ¹⁰ См.: *Егорова Н.И.* Военно-политическая интеграция стран Запада и реакция СССР (1947–1953 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг.: Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 202.
- ¹¹ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. С. 918–919.
- ¹² Там же. С. 919.
- ¹³ Там же. С. 275–276.
- ¹⁴ Статья 3 Североатлантического договора гласит: “Чтобы обеспечить наиболее эффективное осуществление целей настоящего договора, договаривающиеся стороны, порознь и совместно, путем постоянного и эффективного развития собственных средств и оказания взаимной помощи, будут поддерживать и развивать свою индивидуальную и коллективную способность сопротивляться вооруженному нападению”. См.: Сборник основных документов и материалов организации Североатлантического договора. 1949–1969 гг. М., 1969. С. 6.

- 15 АВП РФ. Ф. 022. Оп. 2-б. Д. 7. П. 16. Л. 246.
- 16 Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 301.
- 17 См.: Сборник основных документов и материалов Организации Североатлантического договора. 1949–1969 г. С. 18–20.
- 18 Филипов А.М. СССР и германский вопрос: поворотные пункты (1941–1961 гг.) // Холодная война. 1945–1963 гг. С. 246.
- 19 Егорова Н.И. Европейская безопасность и “угроза” НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны: Факты и гипотезы. М., 1999. С. 72.
- 20 См.: Сталин и холодная война. С. 310–311.
- 21 Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945–1985): Новое прочтение. М., 1995. С. 245.
- 22 ТАСС. 4 апреля 1953 г. Л. 32-р // АВП РФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 538. П. 235. Л. 112.
- 23 Хрущев Н.С. Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997. С. 441; *Он же*. Время. Люди. Власть: Воспоминания: в 4 кн. М., 1999. Кн. 2. С. 207.
- 24 Холловэй Д. Указ. соч. С. 422.
- 25 См.: Берлинское совещание министров иностранных дел четырех держав – СССР, Великобритании, США и Франции (25 января – 18 февраля 1954 г.): Документы и протоколы. М., 1954. С. 172–176.
- 26 Там же. С. 16.
- 27 Советско-американские отношения: Документы: 1954 г. (январь–июнь) М., 1955. С. 135.
- 28 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 31. Д. 54. П. 4. Л. 1–6.
- 29 Там же. Л. 3.
- 30 Правда. 1955. 5 августа.
- 31 АВП РФ. Ф. 566. Оп. 2. Д. 336. П. 180. Л. 217.
- 32 АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8-а. Д. 17-а. П. 8. Л. 19.
- 33 АВП РФ. Ф. 021. Оп. 8-а. Д. 17. П. 8. Л. 2–3.
- 34 Сборник основных документов и материалов Организации Варшавского договора / МИД СССР. М., 1967. С. 7–20.
- 35 Холодная война: 1945–1963 гг. С. 467, 468.
- 36 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 183. П. 13. Л. 20–24.
- 37 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 54. П. 4. Л. 3–9.
- 38 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 54. П. 4. Л. 10.
- 39 Там же. Л. 19–21.
- 40 Там же. Л. 27–28.
- 41 Правда. 1955. 22 марта.
- 42 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 54. П. 4. Л. 58.
- 43 Там же. Л. 73–74.
- 44 Там же. Л. 76–78.
- 45 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Д. 54. П. 4. Л. 77.
- 46 Правда. 1955. 15 мая.
- 47 50 лет борьбы СССР за разоружение: Сб. документов. М., 1967. С. 287–293; История внешней политики СССР. 1945–1985. М., 1986. Т. II. С. 222–224.
- 48 The Department of State Bulletin. 1955. Vol. XXXII. № 826. April 25. P. 686–689. Соглашение было подписано в Париже 22 июня 1955 г.
- 49 Варшавское Совещание европейских социалистических государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. М., 1955. С. 7–10.
- 50 Там же. С. 28.
- 51 Там же. С. 127.

- ⁵² Варшавский договор был ратифицирован: 19 мая – Польшей, 21 мая – ГДР, 25 мая – СССР и Венгрией, 26 мая – Чехословакией, 28 мая – Болгарией и Албанией, 30 мая – Румынией.
- ⁵³ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. М., 2000. Т. 1: Становление “реального социализма”. 1945–1965. С. 302.
- ⁵⁴ См., например: *Staar R. Communist Regimes in Eastern Europe*. Stanford, 1977. P. 213; *Johnson A.R. The Warsaw Pact: Soviet military policy in Eastern Europe* / Ed. by Terry S. N.Y., 1984.
- ⁵⁵ См.: *Mastny V. Did NATO Win the Cold War? Looking over the Wall* // *Foreign Affairs*. 1999. May/June. Vol. 78, № 3. P. 180–181; *The New History of Cold War Alliances* // *Journal of Cold War Studies*. 2002. Vol. 4, № 2. Spring. P. 66–67.
- ⁵⁶ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1. С. 301.
- ⁵⁷ Там же. С. 302.
- ⁵⁸ Центрально-Восточная Европа во второй половине XX в. Т. 1 С. 303.
- ⁵⁹ АВП РФ. Ф. 566. Оп. 2. Д. 335. П. 180. Л. 81.
- ⁶⁰ *Чуев Ф. Молотов: Полудержавный властелин*. М., 2002. С. 158.
- ⁶¹ *Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть*. Кн. 2. С. 200.
- ⁶² АВП РФ. Ф. 047. Оп. 4а. Д. 1. П. 101а. Л. 7.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

Д.Н. Нежинский. Основные документы, которые характеризуют структуру, состав Организации Варшавского Договора, давно опубликованы на русском языке. Вопрос у меня такой: есть ли полная публикация материалов, касающихся структуры, замыслов, Устава Североатлантического договора, или в печати нашли отражение лишь некоторые стороны НАТО?

Н.Е. Быстрова. Долгое время документы и материалы по НАТО были закрытыми, доступными лишь узкому кругу людей. Некоторые документы остаются закрытыми до сих пор. Сам Североатлантический договор опубликован, так же как и решения, резолюции Совета НАТО, сессий Совета НАТО. Много данных содержится, в частности, в материалах Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, но это в основном данные после 1955 г. Из-за недоступности источников период генезиса Организации Варшавского Договора также наименее изучен и разработан.

Д.Н. Нежинский. Меня интересует самое начало НАТО: почему он был создан, какова его структура и каковы его главные цели; знали ли об этом советские руководители?

Н.Е. Быстрова. Когда создавался Североатлантический союз, то материалы по его формированию были засекречены. Но советские руководители пристально следили за ходом переговоров стран-участниц нового военно-политического альянса. Большое количество аналитических справок и записок подготовили для руководителей СССР эксперты МИДа, в основном по материа-

лам, опубликованным в зарубежной прессе. Аналитики учитывали, что переговоры о Североатлантическом пакте проводились в атмосфере секретности и в прессу попадали только те сообщения, которые были направлены на защиту позиции США. Такие сведения предоставлялись, например, корреспонденту газеты “Нью-Йорк Таймс” Рестону. Однако дипломатический канал был не единственным для получения советским руководством информации о ходе создания НАТО. Важнейшие сведения поступали и от советских разведывательных служб.

Л.Н. Нежинский. Наша историография здесь до сих пор до конца не выполнила свой долг. Например, где-то в 1991 или 1992 г. у нас наконец опубликовали перевод знаменитейшей речи У. Черчилля в Фултоне в начале 1946 г. В Советском Союзе ее очень резко характеризовали, говорили, что это чуть ли не призыв к войне. Оказалось, что не все так просто в этой речи, как у нас комментировали в начале 1946 г. и в последующие годы. Я опасаясь, что когда мы сможем наконец на русском языке прочитать главные документы Североатлантического договора, то тоже кое о чем призадумаемся. Когда НАТО было создано, я сам вычитал в “Правде”: “Агрессивный НАТО блок пол-Европы уволок”. Эта фраза выражала сущность нашего отношения к блоку в то время. Когда позднее я просмотрел на английском языке главные цели союза, то оказалось, что официально цели были сугубо оборонительными. Сугубо оборонительные! В том смысле, что члены альянса заранее объединяли усилия на тот случай, если кто-то вздумает менять сущность социального строя в западных странах. Это очень важно.

Э.П. Федосова. Рассматриваете ли Вы заключение двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двенадцатью странами восточного блока с 1947 по 1949 г. как подготовку к заключению Варшавского Договора?

Л.Н. Нежинский. Было 38 договоров между этими странами.

Н.Е. Быстрова. Рамки доклада ограничены 1949–1955 гг., но любые важные международные события, начиная с 1945 г., будь то план Маршалла, доктрина Трумэна, создание Информбюро и др., не говоря уже о подписании двусторонних договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между странами соцлагеря, в значительной степени закладывали фундамент противостояния двух блоков и создания их военно-политических организаций. Фактически ни одно послевоенное международное событие не проходило без того, чтобы не внести свой вклад в раздел Европы, да и всего мира.

Г.Д. Алексеева. Есть ли у Вас сведения о том, кто конкретно готовил документы и текст Варшавского договора? После 1968 г.

были сняты с работы руководители структуры МИДа, отвечавшие за эту работу, а также профессор Шуршалов, который считался крупнейшим специалистом по Варшавскому договору в Институте государства и права. Почему это произошло? У Шуршалова и его сотрудников, аспирантов было свое объяснение. С их точки зрения, Варшавский договор был недостаточно четко прописан на случай, если произойдут какие-то события внутри восточноевропейских стран, в частности, не было пункта, имели ли мы право вводить свои войска в Чехословакию в 1968 г., в 1956 г. – в Венгрию. И в Польшу ведь собирались ввести наши войска. Тот, кто служил тогда в армии, это знает. Таким образом, недоработка самого документа по Варшавскому договору привела к тому, что были сняты Шуршалов, завотделом и все сотрудники, аспирантам профессора не дали возможности защититься.

Н.Е. Быстрова. Вопрос, кто конкретно готовил документы по Варшавскому договору – один из основных, ответ на который я на протяжении многих лет пыталась получить, изучая различные материалы по созданию ОВД, в частности материалы архива. К сожалению, получить на него исчерпывающий ответ мне не удалось. Как версия может быть рассмотрено, но вряд ли подтверждено документально, и объяснение профессора Шуршалова.

Л.Н. Нежинский. Эта версия в значительной мере имела основание в связи с тем, что начиная с весны 1968 г. в Отделе соцстран (был специальный отдел, так как Международный отдел ЦК делился на два подотдела: один по связям с компартиями западных стран, другой – социалистическими странами) велась подготовка знаменитой доктрины ограниченного суверенитета (доктрины Брежнева), где все это было развито и сделана попытка по-новому ответить на ходившие в закрытом порядке в Институте государства и права, в МИДе разговоры: на каком международно-правовом основании мы можем ввести войска в случае возникновения внутренней угрозы социалистическому режиму, существующему в какой-либо стране восточного блока? И ответа не было, потому что не было такой договоренности, в том числе и в Уставе Организации Варшавского договора. Вот как дело обстояло. Понимаете, как все переплеталось? Поэтому и возникла доктрина Брежнева, которая формально существовала все время его правления и даже дольше и снята была лишь в известном выступлении Горбачева в 1987 г. в очередном докладе, посвященном Октябрьской революции.

Сама постановка вопросов в докладе Н.Е. Быстровой свидетельствует о том, сколь актуальна в историко-познавательном отношении та тематика, которой занимается наш докладчик и по

которой ею подготовлена монография, ожидаемая нами с очень большим интересом, ибо там это все описано подробно, и мы найдем немало ответов на целый ряд как сегодняшних вопросов, так и вопросов, которые возникают у преподавателей и студентов по послевоенному периоду советской международной политики.

А отвечать есть на что. Приведу вам только один пример. Правильно Вы сказали, что рассматривали вопрос о военно-политическом блоке: его идеи, историю его зарождения и формирования, почему ОВД была создана именно в Варшаве (здесь я полностью с вами согласен), а не где-то в другой стране. И тогда были высказывания, почему не Московский договор, а Варшавский. Все это хорошо, Вы все правильно сказали. Но вскрываются такие факты, которые требуют объяснений, а для этого нам необходимо пробиваться в архивы, иначе многое так и останется неизвестным.

Вот один момент. Да, толчком к образованию НАТО, как пишут многие западные исследователи, и тут им трудно возразить, было решение восточноевропейских стран о создании Совета экономической взаимопомощи. Это была довольно своеобразная организация. Еще далеко не все мы о ней знаем. Но что толкнуло западные страны ускорить свое военно-политическое сближение? Ведь формально это была экономическая организация. Но уже с лета, точнее, с сентября 1949 г. было в закрытом порядке распространено решение (не что-то другое, а решение!) Политбюро ЦК ВКП (б) о том, чтобы кроме Советского Союза все члены Совета экономической взаимопомощи не реже, чем раз в квартал, в обязательном порядке давали полный отчет об экономическом, политическом и внутреннем состоянии своих стран. Не реже, чем раз в квартал! И когда некоторые представители этих стран говорили: “Позвольте, но ведь даже по плану Маршалла, где дают такие деньги, нет механизма, который обязывал бы раз в три месяца регулярно давать полный отчет о состоянии экономики, о возможных перспективах развития и т.д.”, то им отвечали: “Вы что, хотите, чтобы мы вели себя с вами так, как эти негодные буржуазные политики. Нет, мы будем по-другому”. Я видел один документ, который сначала рассекретили, а потом, к сожалению, забрали (он был в Российском государственном архиве социально-политической истории), и я не могу на него сослаться.

Тема формирования военно-блокового противостояния очень актуальна для нашего общего понимания истории нашего государства, нашего общества в послевоенное десятилетие, в том числе, как одно из важнейших направлений истории холодной войны между Западом и Востоком.

Есть ли какие-то возражения, дополнения, сомнения? Пожалуйста, Фаина Ивановна.

Ф.И. Новик. У меня нет возражений и сомнений, но я хотела бы сказать несколько слов. Во-первых, хочу поблагодарить Нину Евгеньевну за очень интересный доклад. Он не менее интересный, чем ее монография, которую мы сейчас ожидаем, тем более, когда на будущий год предстоит отмечать 50-летие создания Варшавского договора, и книга Нины Евгеньевны должна появиться как раз к юбилею. Так что это повышает ее ценность. Книга действительно интересная, написанная на обширном материале.

Что касается вопроса о публикации материалов НАТО, о создании НАТО, то все эти материалы были сразу переведены, и в библиотеке МИДа они находятся с самого начала. Только сначала это были материалы для служебного пользования, а сейчас они находятся в открытом фонде библиотеки. Я не смотрела материалы по созданию НАТО, но я смотрела все документы Парижских соглашений (огромный том на 300 страниц) о включении ФРГ в НАТО и в Западноевропейский союз. Это октябрь 1954 г. Все это переведено и находится в библиотеке МИДа. Так что с ними можно ознакомиться. Очевидно, натовские материалы тоже там есть.

Что касается вопроса о договорах о сотрудничестве и взаимопомощи, то, конечно, все они предшествовали заключению Варшавского договора. Не было договора только с ГДР. Вы сами понимаете, в силу каких причин. Этот договор готовился и в 1954 г., и в начале 1955 г., но события развивались настолько бурно, что Договор о дружбе и взаимопомощи с ГДР откладывался. Потом решили договор с ГДР назвать нейтрально (“Договор об отношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Демократической Республикой”), потому что многие статьи, например, об обороне в случае нападения, – все это уже было в Варшавском договоре, который ГДР также подписала. То есть ГДР – единственная страна, с которой не было договора о дружбе и взаимопомощи на момент заключения Варшавского договора. Он и не понадобился. Его заменил договор, подписанный в сентябре 1955 г.

Хотелось бы подчеркнуть и то, что Советский Союз взвалил на себя огромное экономическое бремя по поддержанию государств, создающих свои войска по Варшавскому договору. Взять хотя бы такой простой пример. США раскладывали бремя содержания своих войск на те страны, где они были. Мне попались данные, что за 12 лет содержания американских войск ФРГ заплатила 40 млрд марок. Занимаясь этой темой, я брала цифры из ежегод-

ного бюджета ФРГ, подсчитала. А Советский Союз, когда ГДР вступила в Варшавский договор, за содержание наших войск сначала брал не больше 5% ее бюджета. С 1958 г. ГДР вообще была освобождена от платежей на содержание советских войск; она не обязана была уже с 1 ноября 1974 г. платить 600 млн рублей в год. 600 млн рублей и те 40 млрд марок за 12 лет – сами понимаете, что это совершенно разные суммы, из которых Советский Союз получал очень мало, так как отдавал их в Комитет, взвалив на себя бремя по содержанию наших войск в ГДР и в других странах их пребывания, как и помощь в создании армий.

Но получился удивительный парадокс. После того, как были созданы два блока, во второй половине 1950-х годов положение несколько стабилизировалось, и страны начали приспособливаться к условиям блокового противостояния в условиях конфронтации. Причем Советский Союз был настолько уверен, что в данный момент никаких обострений в межблоковых отношениях не будет, что в 1955–1956 гг. сократил свои вооруженные силы на 1 млн 840 тыс. человек. В конце 1957 г. он сократил свои вооруженные силы еще на 300 тыс. человек. Свои войска в ГДР СССР сократил за эти 2 года на 50 тыс. человек, и по решению 1957 г. еще раз сократил свои войска. Другие страны Варшавского договора тоже сократили свои войска. ГДР сократила на 30 тыс. Не помню сейчас точные цифры, но сократили свои войска и Чехословакия, и Польша. Это было в условиях блокового существования, так как коллективная оборона стала более надежным фактором, страны могли себе позволить послабление в этом отношении. На это мне хотелось обратить ваше внимание.

А вообще доклад Нины Евгеньевны был очень интересный, основательный, весьма познавательный и своевременный.

Ф.И. Новик

СССР И СОБЫТИЯ В ГДР В ИЮНЕ 1953 г.

Пятьдесят лет назад, в июне 1953 г. в ГДР произошли события, которые уже полвека привлекают самое пристальное внимание как на Западе, так и на Востоке и до сих пор являются предметом острых дискуссий.

И лишь в последние годы, после объединения Германии путем присоединения ГДР к ФРГ и открытия бывших архивов ГДР, а также рассекречивания (по истечении сроков давности) некоторых (но далеко не всех!) западных и российских документов, наконец появилась возможность хотя бы приблизиться к реалистичному анализу и менее предвзятым оценкам событий полувековой давности в ГДР и политики заинтересованных стран.

В последние годы мне пришлось практически постоянно сталкиваться с разными аспектами германской политики Советского Союза в 1950-х годах. В архивах я ознакомилась с большим количеством документов и материалов о взаимоотношениях СССР и ГДР в период, к которому как раз относятся события в ГДР 17 июня 1953 г., опубликовала ряд работ в российской и зарубежной печати, выступала на научных конференциях в Москве и в ФРГ.

Совсем недавно я участвовала в двух интересных, посвященных событиям в ГДР в июне 1953 г. мероприятиях, которые были намечены еще ранее российским МИДом как наша реакция в предвидении оживленного внимания на Западе к 50-летию этих событий. Первое состоялось 27 марта 2003 г. в Москве, в Институте Европы РАН совместно с Институтом всеобщей истории РАН и с привлечением специалистов из других научных институтов, практических ведомств и архивов в форме свободной дискуссии за круглым столом на тему “Германия 17 июня 1953 г.: уроки прошлого для будущего”. Материалы обсуждения уже опубликованы в сборнике статей. Второе заседание круглого стола на тему “Германия, 17 июня 1953 г. Уроки истории” состоялось в Берлине 2 июня 2003 г. Организаторами его были Институт Европы РАН и Федеральный союз германских обществ Запад – Восток.

Тема чрезвычайно актуальна и необъятна, и по ней за границей появилось много книг, написанных с самых разных политиче-

---

* Доклад на заседании Ученого совета ИРИ РАН 19 июня 2003 г.

ских позиций. В получасовом докладе трудно осветить даже ее основные моменты. Поэтому позволю себе сосредоточиться, да и то лишь кратко, на четырех вопросах: внутренние политические, экономические и социальные причины событий в ГДР; советская политика в отношении ГДР в преддверии июньских событий; ход, размах и направленность этих событий; их последствия для СССР и ГДР.

Основные глубинные причины взрыва народного недовольства в ГДР в июне 1953 г. и последовавших позднее событий в других восточноевропейских странах в значительной мере заключались в том, что Восточной Германии, как и другим странам Центральной и Юго-Восточной Европы по существу была навязана советская модель построения социализма, хотя эта модель не соответствовала специфике их развития. Эти первопричины событий мы стали признавать лишь в последние десять лет, после бесславного конца социализма.

В планах развития народного хозяйства ГДР, которые в то время разрабатывались под советским протекторатом, контролировались и утверждались Москвой, предусматривались значительное развитие тяжелой промышленности и непосильные объемы капитального строительства, хотя эта страна не была обеспечена соответствующим сырьем, поскольку после войны сырьевая база оказалась на западе Германии. Одновременно планировались явно недостаточные темпы роста легкой и пищевой промышленности. В ГДР постоянно не выполнялся план ввода в эксплуатацию важных объектов, в том числе – по выработке электроэнергии, в которой ощущался острый недостаток. Перебои в снабжении промышленности электроэнергией приводили к простоям и невыполнению плана выпуска продукции, включая и товары широкого потребления, что создавало дополнительную напряженность на потребительском рынке.

Материалы российских архивов свидетельствуют о том, что советские оккупационные власти и московское руководство внимательно отслеживали увеличение проблем в экономике, усиление напряженности в обществе, нарастание недовольства населения ухудшением своего положения и политикой правительства ГДР. Однако вина за это полностью возлагалась на власти Восточной Германии. Так, в мидовской справке от 22 января 1953 г. “Экономическое положение в ГДР” явно вырисовывалась картина неэффективного хозяйствования в ГДР сверху донизу, в результате чего республика все больше проигрывала экономическое соревнование с ФРГ.

Следует отметить и то, что выполнение Германской Демократической Республикой репарационных обязательств, общих

размер которых первоначально составлял 10 млрд долларов, затем был сокращен почти на 3,2 млрд, обескровливало республику. Всего за 1945–1952 гг. было выплачено в счет репараций 4080,8 млн дол. Кроме того, Восточная Германия с 1945 по 1952 г. выплатила по оккупационным расходам 31 935 млн марок. В 1953 г. ГДР должна была всего выплатить 3900 млн марок, что было непосильной ношей для сводившегося ежегодно с дефицита бюджета ГДР².

Во время российско-германских дискуссий никто из немецких собеседников не оспаривал, что Германия, нанеся в период войны Советскому Союзу неисчислимый ущерб, как материальный, так и людской, должна была хотя бы частично компенсировать его. Однако западные державы взвалили выплату Советскому Союзу репараций только на Восточную Германию, что было ей явно не по силам. Кроме того, Запад не только отказался от взимания репараций с Западной Германии, но и оказал ей существенную помощь по плану Маршалла в восстановлении и развитии хозяйства. Это, с одной стороны, создало благоприятные предпосылки экономического развития ФРГ, а с другой – усилило тенденции ко все возрастающему разрыву жизненного уровня населения двух германских государств в ущерб ГДР.

Вместе с тем ради справедливости следует отметить, что СССР возложил на ГДР отнюдь не все бремя расходов по содержанию его оккупационных войск в этой стране и из его бюджета покрывалась значительная часть этих расходов. Это так называемые внешние оккупационные расходы, которые за 1945–1952 гг. составили 25 128,8 млн рублей и по которым ГДР платежей не производила. Для советского руководства было очевидно, что эти расходы придется в будущем просто списать. Было ясно и то, что ГДР не выдержит далее бремени выплаты репараций, и правительство СССР намечало в ближайшем будущем освободить ГДР от их выплаты.

Неудовлетворительным и все ухудшавшимся было снабжение населения ГДР продовольственными товарами – жирами, мясом, молоком, овощами, фруктами и т.д. Не покрывались даже минимальные потребности в снабжении населения по карточкам. Свободная продажа продовольствия через государственную коммерческую систему торговли также не удовлетворяла платежеспособного спроса населения и велась с перебоями. Правительство ГДР считало причинами такого положения отставание собственного сельскохозяйственного производства и неравномерное получение продовольствия по импортным поставкам.

Однако первопричиной сложностей в сельском хозяйстве являлся курс правительства ГДР на ускоренное кооперирование в

деревне, которое вызывало озабоченность советского руководства. Министр иностранных дел В.М. Молотов сообщал в Президиум ЦК КПСС 14 мая 1953 г., что с июля 1952 г. по 1 мая 1953 г. в ГДР был создан 4381 производственный крестьянский кооператив, где объединились 55,9 тысяч крестьянских хозяйств, или 9,3% от их общего числа в ГДР. При этом работа многих кооперативов была налажена плохо, их организационно-хозяйственное укрепление значительно отставало от темпов кооперирования, и в результате наблюдалось снижение производства сельскохозяйственной продукции. И Молотов представил в Президиум ЦК КПСС проект указаний для передачи в Берлин председателю Советской контрольной комиссии (СКК) маршалу В.И. Чуйкову и политическому советнику при председателе СКК П.Ф. Юдину, которым предписывалось “в тактичной форме порекомендовать т.т. Ульбрихту и Гротеволлю временно, до окончания осенних с-х (сельскохозяйственных. – Ф.Н.) работ, прекратить прием новых членов в кооперативы и организацию новых кооперативов, сосредоточив в ближайшее время все внимание государственных и партийных органов на вопросах организационно-хозяйственного укрепления уже созданных кооперативов”³.

К неудовлетворительному обеспечению населения продовольствием добавились зимой 1952–1953 гг. перебои в снабжении городов топливом и электроэнергией, что больше всего ударило по малообеспеченным слоям, в особенности по семьям рабочих. Их положение становилось все более тяжелым и уровень жизни снижался. Все это резко усилило недовольство населения политикой правительства.

Самую негативную реакцию среди рабочих вызвало начало проведения в жизнь в первые месяцы 1953 г. так называемого “режима экономии”, которое осуществлялось правительством ГДР под нажимом советских оккупационных властей. Об этом нажиме ярко свидетельствует, к примеру, запись беседы с руководством ГДР – В. Пиком, О. Гротеволем, В. Ульбрихтом, Г. Рау, Г. Матерном и Ф. Эльснером. Эта обстоятельная беседа состоялась 9 января 1953 г. с 20 ч. до 23 ч. 45 мин. в кабинете Председателя СКК в Германии В.И. Чуйкова с участием посла И.И. Ильичева, заместителя политсоветника при председателе СКК Н.В. Иванова и начальника финансового отдела СКК В.К. Ситнина и была посвящена финансовому положению ГДР⁴.

С советской стороны откровенно и подробно характеризовались сложное финансовое положение ГДР, большой дефицит бюджета страны, перерасход государственных средств на фонд зарплаты и недопустимость опережающего роста зарплаты по сравнению с ростом объема промышленной продукции. Была

обоснована необходимость проведения жесткого режима экономии для достижения в будущем бездефицитности бюджета и устойчивости денежного обращения в ГДР.

Советская контрольная комиссия в Германии, как свидетельствуют документы АВП РФ, еще ранее давала немецким руководителям рекомендации о необходимых мерах по осуществлению режима экономии. Однако их реализация требовала принятия непопулярных решений и по существу саботировалась немецким руководством.

Немецкие участники совещания согласились с критикой и основными предложениями советской стороны. В первые месяцы 1953 г. правительство ГДР вплотную (и при этом весьма неуклюже и жестко) занялось, наконец, укреплением режима экономии, что усилило недовольство населения, особенно рабочих. Предпринятое по решению правительства с апреля 1953 г. массовое повышение действовавших норм выработки осуществлялось в административном порядке, часто без участия рабочих, без проведения мероприятий по обеспечению выполнения новых норм, без серьезной разъяснительной работы на предприятиях. Оно привело к заметному снижению зарплаты, вызвало бурное недовольство рабочих и послужило последней каплей, переполнившей чашу их терпения.

Советское руководство не одобряло курс властей ГДР на ускоренное строительство социализма в стране и еще в конце 1952 – первой половине 1953 г. пыталось повлиять на В. Ульбрихта и О. Гротевоя. Однако правительство ГДР и ЦК СЕПГ, соглашаясь с критикой из Москвы, оказались не в состоянии исправить положение в стране по многим как объективным, так и субъективным причинам.

Уже после июньских событий в записке Г.М. Пушкина В.М. Молотову от 22 сентября 1953 г. обращалось внимание на то, что “взятый с июля 1952 года ЦК СЕПГ курс на ускоренное построение социализма в ГДР, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов в городе и деревне, на форсированное строительство производственных кооперативов в деревне с нарушением принципа добровольности обострил политическую обстановку в ГДР и привел к резкому ухудшению материального положения населения ГДР. Эти ошибки ЦК СЕПГ привели к массовому переходу населения ГДР в Западную Германию”⁵.

Молотов на Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г. привел данные о том, что с января 1951 по апрель 1953 г. ГДР покинуло 450 тысяч человек, что, по нашим подсчетам, составило 2,5% населения страны⁶.

Проблема массового перехода граждан ГДР в Западный Берлин и ФРГ серьезно беспокоила советское руководство и свидетельствовала о крайне неблагоприятном положении в ГДР. В записке 3-го европейского отдела МИД “К вопросу о предотвращении бегства населения из ГДР в Западную Германию” от 3 июня 1953 г. (за две недели до начала событий 17 июня!) это бегство связывалось с осуществлением политики строительства основ социализма в республике. В документе предлагалось провести ряд кардинальных мер для того, чтобы остановить этот негативный процесс⁷. Эти меры, несомненно, сыграли бы позитивную роль в нормализации внутривнутриполитической обстановки в стране. Однако пока это были лишь предложения руководству МИД СССР, а напряженность в ГДР продолжала нарастать.

Следует отметить, что после смерти И.В. Сталина новое советское руководство не только уделяло пристальное внимание ухудшавшемуся положению ГДР, но и приступило к разработке мер, которые могли бы способствовать выходу ГДР из нарастающего кризиса. Фактически многие из мероприятий, в срочном порядке проведенных после июньских событий для нормализации положения в стране, были выработаны еще до событий.

В этот период формировалась и общая советская стратегия по укреплению внутренних и внешних позиций ГДР и будущих взаимоотношений с этой страной. В “Записке по германскому вопросу”, представленной Г.М. Пушкиным и М.Г. Грибановым В.М. Молотову 20 апреля 1953 г., предлагался целый комплекс неотложных и конкретных мер для укрепления внутренних и внешних позиций ГДР, поднятия авторитета ее правительства, а также активизации борьбы ГДР за единство Германии и за мирный договор. “Справка по германскому вопросу” В.С. Семенова от 5 мая 1953 г. обосновывала необходимость изменения отношений СССР с ГДР и предоставления ей большей самостоятельности, отмены контроля советских военных властей над органами власти ГДР⁸.

Еще до событий 17 июня Советский Союз начал реализовывать свою программу экономической и политической поддержки ГДР. После обращения ее правительства с просьбой об оказании экономической помощи советское правительство в апреле 1953 г. приняло решение об увеличении поставок в ГДР комбайнов и некоторых видов сырья и полуфабрикатов для немецкой промышленности, о сокращении немецких поставок в счет репараций того оборудования, которое было необходимо для развития экономики самой ГДР. Было решено сократить товарные поставки и денежные платежи ГДР по ее обязательствам Советскому Союзу на общую сумму 580 млн марок и удлинить сроки выплаты

оставшейся суммы. Подписанный 27 апреля 1953 г. протокол о взаимных поставках товаров между СССР и ГДР на 1953 г. предусматривал значительное увеличение товарооборота.

По инициативе МИДа на нескольких заседаниях Совета Министров СССР в мае 1953 г. обсуждалось положение в ГДР и разгорелась острая дискуссия, обусловившая впоследствии спор историков о позиции Л.П. Берия в отношении строительства социализма в ГДР. Правительство СССР пришло к выводу, что курс на ускоренное строительство социализма в ГДР являлся преждевременным, его форсированная реализация сопровождалась серьезными ошибками и способствовала дестабилизации положения в стране. Позднее, в июле на Пленуме ЦК КПСС, Молотов, говоря о майских заседаниях правительства, отмечал, что “в этих условиях мы считали своей обязанностью принять срочные меры к тому, чтобы помочь нашим немецким друзьям поскорее поправить явно левацкий курс, который был взят в ГДР, особенно начиная с лета 1952 года. Мы так и сделали”⁹. Именно этой цели служило принятое 27 мая постановление Президиума Совета Министров СССР “О мерах по оздоровлению политической обстановки в ГДР”. В тот же день Совет Министров СССР принял решение о ликвидации Советской контрольной комиссии в Германии, о разделении функций между военными и гражданскими властями в этой стране и о введении должности Верховного комиссара СССР в Германии, который стал там старшим советским представителем. На этот пост был назначен В.С. Семенов.

2 июня руководящие деятели ГДР на встрече в Москве фактически получили предписание срочно перейти к новому курсу, который по существу представлял собой некий немецкий вариант нэпа. 9 июня 1953 г. было принято решение политбюро ЦК СЕПГ, а 11 июня – постановление правительства ГДР о новом политическом и экономическом курсе в стране.

Это внезапное изменение политической линии правительства ГДР было настороженно встречено как мелкой буржуазией, так и рабочими. Мелкая буржуазия и единоличные крестьяне считали, что послабления и заигрывание с ними властей носили временный характер, а после нормализации положения в ГДР власти снова закрутят гайки и перейдут в наступление на “капиталистические элементы” в стране. Рабочие же выражали недовольство, что всю выгоду от нового курса должны были получить мелкая буржуазия и крестьяне, а положение рабочих ничуть не улучшалось. Обстановка в стране накалилась до предела и через неделю взорвалась событиями 17 июня.

Таким образом, изначально обреченное на неудачу в ГДР насаждение советской модели построения социализма сочеталось с

недостаточно компетентным хозяйствованием и крайним догматизмом, негибкостью политической линии руководства ГДР во главе с В. Ульбрихтом, неумением и нежеланием исправить ошибки и упущения в экономике, социальной сфере и во внутренней политике страны. Это и послужило основными причинами социального взрыва в июне 1953 г.

В документах АВП РФ подробно отражен ход событий в ГДР в середине июня 1953 г. в телефонограммах по "ВЧ" за подписью маршала В.Д. Соколовского и Верховного комиссара СССР в Германии В.С. Семенова, которые направлялись ежедневно по 3-4 раза в день министру иностранных дел В.М. Молотову и военному министру Н.А. Булганину¹⁰. В этих же делах содержится и переписка четырех Верховных комиссаров в Германии и Военных комендантов четырех секторов Берлина по поводу рассматриваемых событий. По этим документам можно подробно реконструировать как хронологию событий и действия советских оккупационных властей, так и реакцию оккупационных властей трех западных держав. Пользуясь этими официальными документами, остановимся кратко на ходе и размахе этих событий, которые у нас и в ГДР ранее замалчивались, а если и упоминались, то характеризовались лишь как вылазка империалистической и фашистской реакции против ГДР.

14 июня органы госбезопасности ГДР и горком СЕПГ получили сведения о подготовке забастовки строительных рабочих в Берлине против повышения норм выработки. Однако об этих сведениях не было доложено ни ЦК СЕПГ, ни правительству ГДР, ни СКК, и никаких превентивных мер принято не было.

Вечером 15 июня строительные рабочие в Берлине категорически потребовали отменить повышение норм выработки, о котором им не было объявлено заранее, и они узнали о нем лишь при получении зарплаты, урезанной в соответствии с новыми нормами.

Утром 16 июня строительные рабочие начали забастовку в центре города. Около 2 тысяч рабочих (это составляло 5% от общего числа около 40 тысяч строителей в Берлине) под руководством стачечного комитета, поддерживавшего связь с Западным Берлином, двинулись к зданию Дома правительства на Лейпцигерштрассе, на границе с западными секторами Берлина. У Дома правительства собралось уже около 5 тысяч человек.

На проходившем в это время рутинном заседании политбюро ЦК СЕПГ, где были получены сведения о крупной демонстрации рабочих, было принято решение об отмене повышения норм выработки. Это решение было объявлено через громкоговорители участникам демонстрации, и страсти постепенно начали утихать.

Большинство участников демонстрации, несмотря на призывы некоторых ораторов увеличить требования к правительству, спустя некоторое время разошлись от Дома правительства.

Днем 16 июня в столице и по стране начались брожение и агитация на многих предприятиях, выдвигались лозунги с требованиями проведения забастовки солидарности со строительными рабочими Берлина и всеобщей забастовки 17 июня. К вечеру положение в Берлине значительно осложнилось. Из Западного Берлина стали прибывать большие группы людей, преимущественно молодежи. Толпа в 4–5 тысяч человек двинулась к зданию Фридрихштадтпаласт, где в это время проходило плановое собрание партактива городской организации СЕПГ и присутствовали члены политбюро. На Сталиналлее также собрались около 2 тысяч человек. Полиции с участием подоспевших резервов с трудом удалось рассеять эти две большие группы демонстрантов. Начались бесчинства и погромы в разных частях города. Группы погромщиков опрокидывали автомобили, громили магазины, квартиры активистов СЕПГ на Сталиналлее, пытались вторгнуться на некоторые крупные предприятия города.

Поздно вечером 16 июня руководители СКК на встрече с руководством ЦК СЕПГ (В. Ульбрихтом, О. Гротеволем и др.) обратили внимание на серьезный характер беспорядков в Берлине и на необходимость принятия самых решительных мер для поддержания порядка в столице и в стране в целом, а также информировали немецких участников встречи о принятом решении ввести советские войска в Берлин. Немецкие руководители заявили, что не считают беспорядки настолько серьезными, чтобы принимать чрезвычайные меры. И лишь по настоянию СКК правительство ГДР к утру 17 июня вызвало в Берлин отряды немецкой казарменной полиции из Потсдама и Ораниенбурга.

Еще днем 16 июня СКК телеграммой предупредила своих представителей в округах о беспорядках в Берлине и предложила принять меры предосторожности на случай возникновения беспорядков в округах. В. Ульбрихту был дан совет предупредить об этом округа по линии ЦК СЕПГ. Но руководство СЕПГ не нашло ничего лучшего, как вызвать на 17 июня в Берлин первых секретарей окружных комитетов СЕПГ “для инструктажа”, и тем самым оставило округа без партийных лидеров в самый разгар событий.

Все сказанное свидетельствует о том, что началом событий в ГДР следовало бы считать 16 июня, поскольку именно в этот день состоялись первые крупные демонстрации и начались серьезные беспорядки в Берлине, охватившие на следующий день, 17 июня, уже всю страну.

В ГДР рабочий день на предприятиях начинался очень рано (в 6–7 часов утра), и около 7 часов утра 17 июня в Берлине и во многих других городах страны начались массовые забастовки и демонстрации, в ряде мест приобретающие характер бунта.

В Берлине, явившемся эпицентром событий, 17 июня полностью прекратили работу 15 предприятий, частично – 12. Всего в городе бастовали около 80 тысяч рабочих (это составляло 40% от общего количества – 200 тысяч). Проходили и массовые демонстрации, в которых, по данным СКК, приняли участие свыше 60 тысяч человек. Однако, судя по размаху демонстраций и количеству бесчинств, число участников на деле было значительно больше.

К 9 часам утра у Дома правительства собралась толпа в 30 тысяч. Мятежники сломали сопротивление полицейских, не применявших оружие, ворвались в здание и устроили в нем погром. Толпы демонстрантов осадили здания ЦК СЕПГ, берлинского полицейпрезидиума, главного телеграфа, городского правления профсоюзов и др., на Александрплатц и в Панкове строили баррикады, разгромили магазин “Международная книга”, центральный универмаг на Александрплатц, подожгли ряд общественных зданий, грабили магазины в разных районах города. По советским сведениям, переданным в Москву, из Западного Берлина прибыло не менее 10 тысяч человек, которые вели себя агрессивно и провокационно и часто были зачинщиками погромов.

В разгар беспорядков группой провокаторов из Западного Берлина в 15 часов был захвачен председатель ХДС и заместитель премьер-министра ГДР О. Нушке, проезжавший на машине по советскому сектору города на заседание блока партий ГДР. Он был увезен в американский сектор и подвергнут допросу. После решительного протеста советских военных властей американцы передали его 19 июня на секторной границе Западного и Восточного Берлина.

Пока советские войска не принимали активных действий по пресечению беспорядков, немецкой полиции не удавалось справиться с ситуацией. Советские военные власти сочли необходимым в 10 часов 30 минут вывезти в Карлсхорст в здание Верховного комиссара СССР в Германии членов политбюро ЦК СЕПГ и правительства ГДР. По приказу советского командования советские войска получили право открывать огонь по демонстрантам. После прибытия советских танков советские войска совместно с немецкой полицией освободили здание Дома правительства и прогнали толпу от здания полицейпрезидиума.

По советскому приказу в 12 часов было прекращено движение между Восточным и Западным Берлином по городской же-

лезной дороге и метро с целью затруднить переброску подкреплений из Западного Берлина. В 13 часов было объявлено военное положение в Берлине. Переходы через секторную границу между Восточным и Западным Берлином были закрыты для транспорта и пешеходов. К вечеру положение в Берлине постепенно начало улучшаться.

Крупные беспорядки возникли 17 июня и во многих других городах ГДР. Пик событий пришелся именно на 17 июня, когда общее число забастовщиков и демонстрантов достигло почти 500 тысяч человек и составило более половины общего официально объявленного количества участников беспорядков за все пять дней (с 16 по 20 июня). Тогда же были произведены и основные аресты зачинщиков беспорядков.

С 18 июня в Берлине и по всей стране демонстрации практически прекратились (в единичных акциях участвовало лишь по несколько сотен человек). Вместе с тем забастовки и митинги на предприятиях 18 июня еще активно продолжались по всей стране, и число забастовщиков вне Берлина даже возросло по сравнению с предыдущим днем. В Берлине забастовки в основном были непродолжительными, и рабочие вскоре приступили к работе. К вечеру 18 июня порядок в стране был практически восстановлен. 19–20 июня забастовки резко пошли на убыль, так что власти ГДР к 21 июня полностью восстановили контроль над положением в стране.

По официальным данным, 24 июня направленным высшему советскому руководству в большой аналитической записке, с 16 по 20 июня было всего: забастовщиков – 430 513; демонстрантов – 336 376 человек. Было убито 29 полицейских и 11 представителей партактива, ранено соответственно 350 и 83 человека. Среди советских войск пострадавших не было. Было задержано и арестовано (без учета данных министерства безопасности) 6521 человек.

По данным из различных немецких источников, во время событий было убито от 100 до 200 участников. Сразу после событий были осуждены и казнены 6 человек. Всего, по разным данным, было осуждено от 1280 до 2000 человек. В связи с 50-летием событий в ГДР в немецкую прессу выплеснулось огромное количество разноречивых данных. “Berliner Zeitung”, к примеру, писала 3 апреля 2003 г., что тогда на улицы вышло до 1,5 млн человек и беспорядки наблюдались в 560 населенных пунктах ГДР.

До сих пор ведется дискуссия о том, как же характеризовать события в ГДР в июне 1953 г.

В публичных советских оценках сразу по горячим следам эти события оценивались как вылазка против ГДР внешней и внут-

ренной реакции, как провокационные действия западных спецслужб и фашиствующих элементов.

В публичных, как и во внутренних оценках 17 июня характеризовалось как “день икс”, т.е. день открытого выступления против демократического строя в ГДР внешних и внутренних врагов с целью свержения правительства, ликвидации республики и присоединения к ФРГ. При этом отнюдь не бесосновательно подчеркивалась тщательная подготовка к этому дню как западных спецслужб и оккупационных властей, так и Западной Германии. Особая роль отводилась Западному Берлину с его открытой межзональной границей с Восточным Берлином, а через него – и с ГДР.

Если в публичных оценках событий в ГДР в июне 1953 г. преобладал мотив о провокации против ГДР международных империалистических и фашистских сил, то во внутренних советских оценках предпринимались попытки анализа действительных причин этих событий – несостоятельности политики властей ГДР. Но при этом умалчивалось, что деятельностью правящих сил ГДР руководила Москва и что курс на ускоренное строительство социализма в ГДР был объявлен с ее согласия и осуществлялся при тесном сотрудничестве с Москвой.

Интересно то, что в узком кругу, в частных беседах представители советского руководства реалистически воспринимали и оценивали события в ГДР и признавали ошибки советской политики, осложнявшие положение Восточной Германии. К примеру, Сергей Хрущев писал в двухтомнике воспоминаний об отце, что Н.С. Хрущев задумывался над тем, “почему рабочие идут против своей же рабочей власти”. Он считал, что “неправильно продолжать взимать с немцев репарации после того, как образовалось рабочее государство – Германская Демократическая Республика”, в то время как Западная Германия не несла подобного экономического бремени, говорил об ошибочности демонтажа многих заводов¹¹.

В конфиденциальных оценках обращает на себя внимание весьма нелюбезная критика ошибок и упущений руководства ГДР в выработке и проведении в жизнь политического и экономического курса страны, критика недооценки серьезности начавшихся 16 июня событий в Берлине, растерянности и бездеятельности руководства СЕПГ и правительства ГДР в разгар событий 17–18 июня, резкая персональная критика В. Ульбрихта.

О непонимании руководством ГДР всей серьезности положения в начале событий, о его растерянности и надежде лишь на защиту СССР говорят документы, послывшиеся в эти дни из Берлина в Москву. Днем 17 июня функционеры берлинского горкома партии и 200 слушателей берлинской городской партийной

школы СЕПГ были посланы на предприятия, в то время как демонстрации на улицах оказались во власти “провокаторов и погромщиков”. До 19 июня, как отмечалось в сообщениях Семенова в Москву, функционеры и руководство СЕПГ по существу пассивно наблюдали за развитием событий.

О характере оперативных официальных внутренних оценок этих событий наглядно свидетельствует один документ, с которым знакомились как российские, так и иностранные исследователи. Это справка “О предложениях гг. Соколовского, Семенова и Юдина в связи с создавшимся положением в ГДР”, представленная Г.М. Пушкиным А.Я. Вышинскому 9 июля 1953 г. В ней дословно перечислены 17 пунктов тех предложений, которые пошли за подписью указанных трех лиц высшему советскому руководству сразу после событий в ГДР, и дана информация, что сделано или предпринимается по каждому из этих предложений¹².

Эти конфиденциальные предложения по обновлению правительства ГДР и руководства СЕПГ были более радикальными, чем последовавшие затем реальные действия. Не были приняты обоснованные предложения Соколовского, Семенова и Юдина о необходимости существенных изменений в ЦК СЕПГ, в правительстве, в руководстве профсоюзами и молодежными организациями, об освобождении Ульбрихта от обязанностей заместителя премьер-министра ГДР и о введении коллективного руководства в СЕПГ. Не было принято и предложение о том, чтобы “считать нецелесообразным открытие секторной границы Восточного Берлина с Западным Берлином после отмены военного положения в Восточном Берлине”¹³. Уже в июле были сняты ограничения на секторной границе между восточным и западными секторами Берлина.

Нынешние оценки событий в ГДР в 1953 г. претерпели существенные изменения как среди западных, так и среди восточных представителей, и диапазон этих оценок все еще достаточно широк. Одна из участниц заседания за круглым столом в Берлине 2 июня 2003 г., представительница фонда Розы Люксембург доктор Вильфриде Отто поставила вопрос о том, что это было: революция, восстание рабочих, восстание народа, контрреволюционный путч или фашистский путч? С ее точки зрения, это было демократическое массовое движение. Профессор С. Дернберг, бывший директор Института общественных наук в Потсдаме, ушедший на пенсию еще до объединения Германии, считает, что это – не революция и не народное, рабочее восстание (Aufstand). Он считает правильным употребление термина “Erhebung”, что можно перевести как подъем, волнение и т.д. Профессор Б. Фауленбах из Бохума охарактеризовал 17 июня как прерванную ре-

волюцию. Некоторые западные представители говорят о дне освобождения, о неудавшейся попытке решить германский вопрос и т.д.

Российские участники дискуссий за круглым столом в Москве и Берлине пришли к общему мнению, что едва ли можно говорить о народном восстании или о революции, и сочли наиболее адекватным употребление нейтрального термина “события в ГДР”, поскольку они были весьма неоднородным и разноречивым явлением и несли в себе различные элементы. На предприятиях это были забастовки за экономические права рабочих. Митинги и демонстрации на улицах (при умелом закулисном руководстве определенных внешних и внутренних сил) приобретали элементы антиправительственных выступлений, нередко – бессмысленного бунта, неуправляемых, а зачастую и управляемых погромов. Интеллигенция и крестьяне практически не принимали участия в этих событиях.

События в ГДР явились первым открытым массовым выступлением трудящихся за улучшение своего материального положения и против собственных властей в странах народной демократии и имели важные военно-политические и экономические последствия для советской политики.

Сразу после этих событий Председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков в июле 1953 г. признал на Пленуме ЦК КПСС, что в ГДР “мы имеем налицо опасность внутренней катастрофы. Мы обязаны были трезво смотреть в глаза истине и признать, что без наличия советских войск существующий режим в ГДР непрочен”¹⁴. По существу это было признанием того, что этот режим держался лишь на советских штыках.

Советское руководство, которое взяло курс на сохранение и укрепление этого режима, вынуждено было в дальнейшем ориентироваться на длительное пребывание советских войск в ГДР. Было оперативно принято решение “улучшить дислокацию советских войск в Германии с учетом уроков событий 17 июня и, в частности, предусмотреть расквартирование в Берлине необходимого количества танковых частей” (17-й пункт предложений Соколовского, Семенова и Юдина). Была также увеличена численность советских войск в ГДР. На советский бюджет легло дополнительное бремя военных расходов по содержанию войск в ГДР. Кроме того были достигнуты договоренности с руководством ГДР об увеличении численности немецкой полиции и пограничных войск и о создании армии.

В советской политике по германскому вопросу ранее проводилась линия на достижение единства Германии на демократической, миролюбивой и нейтральной основе, а за месяцы, прошед-

шие с момента смерти Сталина и до событий 17 июня, наметилась новая активизация советских действий в этом направлении. После событий в ГДР дверь к достижению единства страны на этой основе захлопнулась, и Советский Союз за последовавшие два года постепенно переориентировался на длительное существование двух германских государств. При этом курс Москвы был определен предельно четко: СССР как держава-победительница несет ответственность за заключение мирного договора с Германией или с двумя германскими государствами и готов к любым конструктивным шагам в этом направлении. Вопрос же об объединении Германии должны решать сами немцы путем достижения договоренностей между ГДР и ФРГ.

Руководство обеих стран по-прежнему ориентировалось на построение социализма в ГДР и на углубление двустороннего экономического сотрудничества, что фактически означало продолжение внедрения в ГДР советской модели социализма. И в результате этого СССР вынужден был взять на себя как издержки при реализации этой модели в ГДР, так и растущее бремя экономической помощи этой стране. На долгие годы в практику вошли советская продажа продовольствия, сырья и энергии по льготным заниженным ценам, регулярное списание долгов ГДР, предоставление ей кредитов в свободной валюте с последующим частичным либо полным их списанием и т.д.

Были оперативно приняты краткосрочные меры с целью улучшения экономического положения ГДР: летом 1953 г. Советским Союзом была оказана помощь продовольствием и сырьем, а в целом за год рост поставок этих групп товаров в ГДР составил 1130 млн рублей. Также была разработана долгосрочная программа экономической стабилизации ГДР и был скорректирован текущий пятилетний план развития страны на оставшийся период до конца 1955 г.

Советским руководством был предпринят ряд мер по политической поддержке правительства ГДР, по повышению самостоятельности и престижа страны на международной арене. 20–22 августа 1953 г. в Москве состоялись первые официальные правительственные переговоры между СССР и ГДР, в результате которых были приняты важные решения. В октябре 1953 г. дипломатические миссии двух государств были преобразованы в посольства. С 1 января 1954 г. Советское правительство прекратило взимание репараций с ГДР (оставшейся суммы в 2537 млн дол.). В собственность ГДР были безвозмездно переданы находившиеся в Германии 33 советских предприятия. ГДР была освобождена от уплаты образовавшейся с 1945 г. задолженности по внешним оккупационным расходам. Германия была освобожден-

дена от уплаты Советскому Союзу послевоенных государственных долгов. Расходы ГДР на пребывание советских войск были сокращены до суммы не более 5% государственного бюджета ГДР (в 1954 г. это составляло 1600 млн марок).

Таковы были экономические, военные и политические последствия событий в ГДР в июне 1953 г. для СССР и ГДР. Возникает еще один вопрос: были ли эти события неизбежными? С моей личной точки зрения, при определенных условиях событий в ГДР вполне можно было бы избежать. ГДР могла бы пойти путем построения так называемого демократического, или либерального социализма (финского либо шведского образца), если бы еще при жизни И.В. Сталина Москва взяла курс на такое развитие Восточной Германии и от управления страной были своевременно отстранены деятели догматическо-бюрократического толка. Однако В. Ульбрихту и его окружению, недовольство правлением которых в стране было велико еще до июньских событий, удалось с помощью Москвы удержаться у власти и еще долгие годы насаждать в стране командно-административную систему, не решая коренных задач развития ГДР.

В заключение следует отметить, что Запад также извлек из событий в ГДР важные уроки для своей политики. Правящие круги западных держав осознали, что СССР будет всеми доступными ему средствами, вплоть до применения военной силы, защищать ГДР и не позволит силой присоединить ее к ФРГ, т.е. в будущем следовало полностью исключить из западной стратегии расчеты на силовой вариант решения германского вопроса. Из этого последовали выводы двоякого рода для западной политики. С одной стороны, окончательно возобладал курс на вовлечение ФРГ в экономическую, политическую и военную систему Запада даже ценой отказа от воссоединения Германии в обозримом будущем. С другой стороны, Западом была сделана ставка на экономическое и людское обескровливание ГДР, идеологическую обработку ее населения для усиления его недовольства своими властями и для расшатывания, дестабилизации режима в ГДР. С этой целью уже в конце июня 1953 г. в США была разработана программа психологической войны против ГДР.

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. П. 275. Д. 52.

² Все цифровые данные см. в кн.: *Новик Ф.И.* "Оттепель" и инерция холодной войны: (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2001. С. 52, 53.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12. П. 18. Д. 278. Л. 6, 9.

⁴ Запись беседы см.: АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. П. 275. Д. 52. Л. 127–138.

⁵ АВП РФ. Ф. 022. Оп. 6. П. 79. Д. 36. Л. 16.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 162.

⁷ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. П. 280. Д. 92. Л. 101, 102.

⁸ Там же. П. 271. Д. 19. Л. 17, 18, 35–36.

⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 144, 162.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 12а. П. 51. Д. 300; Ф. 082. Оп. 41. П. 280. Д. 93; Оп. 35. П. 125. Д. 37.

¹¹ Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты: Взгляд изнутри. М., 1994. Т. 1. С. 32, 33.

¹² АВП РФ. Ф. 082. Оп. 41. П. 280. Л. 93. Л. 63–68.

¹³ Там же. Л. 68.

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 144.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА

И.А. Хормач. Какова была степень воздействия западных стран на события в ГДР?

Ф.И. Новик. Это очень важный вопрос, которого я не смогла коснуться за неимением времени.

Конечно, западные страны – не такие незапятнанные белые овечки, какими они представляют себя в отношении событий 17 июня 1953 г. в ГДР. Они заранее просчитали возможности свержения демократического строя в ГДР и присоединения ее к Западной Германии и приложили руку к подготовке и реализации июньских событий. Проф. С. Дернберг в своей недавно изданной брошюре о проблемах объединения Германии в первое послевоенное десятилетие приводит данные о том, что уже в марте 1952 г. в ФРГ была создана комиссия, которая занялась разработкой программы срочных мер на случай, если придется принять на себя власть в ГДР, и как раз к июньским событиям 1953 г. разработала первый вариант такой программы. Эта программа преобразовывалась затем вплоть до присоединения ГДР к ФРГ, и некоторые положения еще первого варианта, как свидетельствуют изученные Дернбергом документы немецких архивов, вошли в западногерманскую программу санации экономики ГДР после объединения.

Что касается вовлеченности западных держав, ФРГ и Западного Берлина в июньские события 1953 г., то приведу лишь данные из хранящейся в АВП РФ записки представителя Верховного комиссара в Берлине “О влиянии Западного Берлина на политическую и экономическую жизнь советского сектора” от 21 октября 1953 г. Приведенные в записке факты свидетельствуют о том, что Западный Берлин был центром, из которого в течение долгого времени направлялась подготовка открытого выступления против правительства ГДР под прямым и непосредственным руководством американской разведки. Так, глава американской разведки в Европе Аллен Даллес и его сестра Элеонора Даллес,

возглавлявшая германский отдел госдепартамента США, посетила Западный Берлин и непосредственно занимались организацией подготовки путча в ГДР.

Осуществление этих планов, очевидно, намечалось на более поздние сроки. Однако, оно подверглось корректировке в связи с достижением пика недовольства населения политикой властей ГДР к середине июня, а также в виду того, что именно тогда же правительством ГДР было принято решение о переходе к новому политическому курсу, которое могло быстро привести к улучшению положения страны и свести на нет недовольство трудящихся.

Можно привести немало фактов непосредственной вовлеченности западных держав в события в ГДР. В ночь с 15 на 16 июня на американский аэродром в Темпельхофе каждые 30 минут прибывали тяжелые транспортные самолеты, которые доставляли боеприпасы в Западный Берлин, и доставка их продолжалась до 18 июня. Накануне 17 июня английские и американские оккупационные войска были приведены в полную боевую готовность, а с раннего утра 17 июня здание американской военной администрации в Западном Берлине охранялось танками. На крыше универмага "Херти", расположенного на границе французского и советского секторов, французские оккупационные власти установили стереотрубы и пулеметы. 17 июня в толпах демонстрантов на центральных улицах и площадях Восточного Берлина неоднократно появлялись автомашины с американскими офицерами. С 15 по 19 июня с американских военных самолетов ежедневно сбрасывались над советским сектором Берлина листовки, направленные против правительства ГДР и Советского Союза.

Готовились к июньским событиям в ГДР и власти ФРГ и Западного Берлина, которые точно знали дату начала беспорядков в ГДР. 14 июня в Западный Берлин прибыл эмиссар из Бонна – статс-секретарь по внутривластным вопросам О. Ленс, который координировал подготовку событий.

Западноберлинский сенат заранее знал и готовился к провокации 17 июня. Об этом свидетельствует хотя бы то, что вопреки правилу еженедельно выдавать пособия по безработице 13 июня на западноберлинских биржах труда пособие было выдано на две недели вперед. С 14 июня в Западном Берлине началось круглосуточное дежурство медицинского персонала в больницах и госпиталях, 15 июня вблизи секторной границы с Восточным Берлином были открыты пункты первой помощи. Утром 17 июня обитателям находившихся в Западном Берлине 35 лагерей для беженцев из Восточной Германии были розданы их паспорта ГДР и было предложено (за вознаграждение в 20 марок) отпра-

виться в советский сектор для участия в беспорядках. Группы по 40–60 человек подвозились на автомашинах к секторной границе, а затем переходили в Восточный Берлин. Свободный университет в Западном Берлине 16 и 17 июня был закрыт, и все студенты были направлены в советский сектор.

Можно привести интересное современное свидетельство о том, что американская радиостанция РИАС осуществляла вмешательство в события в ГДР. На международной конференции в Потсдаме в ноябре 1996 г. известный немецкий политик, член правления СДПГ Э. Бар, являвшийся в 1953 г. шеф-редактором этой радиостанции в Западном Берлине, признал, что РИАС 17 июня в своих передачах призывала население ГДР к восстанию до тех пор, пока американские власти через несколько часов запретили это делать.

Весьма красноречивым косвенным признанием участия западноберлинцев в беспорядках в Восточном Берлине может служить письмо трех комендантов западных секторов Берлина коменданту советского сектора от 18 июня, в котором они выразили свое неодобрение тем, что советские оккупационные власти “опрометчиво ввели в действие военные силы и вследствие чего было убито и тяжело ранено значительное количество берлинцев, включая жителей наших (то есть западных. – Ф.Н.) секторов”.

Представители Запада отрицали как свою причастность к событиям в ГДР, так и ответственность за эти события. Они высказывали мнение, что единственной причиной беспорядков в ГДР являлось негодование населения против невыносимых жизненных условий (недостаточное снабжение продуктами, низкая заработная плата, высокие производственные нормы, ущемление политических прав, прав человека). Это была попытка подменить два разных процесса: один – недовольство населения ГДР положением в стране как причина событий 17 июня, а другой – вмешательство Запада в эти события, против чего протестовал Советский Союз.

Приведенные факты, список которых можно было бы продолжить, с нашей точки зрения, достаточно наглядно свидетельствуют о вовлеченности западных держав, ФРГ и Западного Берлина в подготовку и реализацию июньских событий в ГДР. Ныне это признают даже многие западные исследователи. Так, К. Остерманн в статье о позиции США во время июньских событий в ГДР, опубликованной в журнале “Вопросы истории”, пишет, что американцы, начиная с 1949 г., стремились делать все, чтобы подорвать существовавший на территории Восточной Германии режим СЕПГ.

Е. БореЙша (профессор, Институт истории Польской Академии наук, Варшава). У меня – не вопрос. Позвольте мне, как гостю, сделать небольшое сообщение.

Польским Институтом национальной памяти издан сборник документов по познанским волнениям, которые наблюдались в июне 1956 г., три года спустя после событий в ГДР. Тогда в Познани тоже произошли такие столкновения, которые я не назвал бы восстанием. Они были стихийными, и нигде нет доказательств, что Запад помогал, готовил эти выступления. И наконец, последствия были совершенно иными, чем в ГДР: в дальнейшем в Польше наблюдалась либерализация режима и т.д.

Я думаю, что, используя эти документы, было бы интересно сопоставить эти национальные волнения в двух странах – в ГДР и Польше. Это, по моему мнению, тем более важно, что в обеих странах Москвой проводилась одна и та же схематическая политика. В принудительном порядке Польшу обязали с 1949 г. изменить трехлетний план развития экономики на шестилетний с упором на опережающий рост тяжелой промышленности, как и в ГДР, и т.д. И это сделали против воли большинства политбюро ПОРП. В общем, были те же самые советские схематические установки, хотя в Польше были другие традиции и иное положение. И в результате были волнения в Познани в 1956 г.

Кратко затрону вопрос о терминологии при определении волнений в ГДР. Вы охарактеризовали их нейтрально как “события в ГДР”, можно сказать, оставив в стороне главный вопрос. Но то, что было сказано в заключение доклада, убеждает меня: возможно, вы могли бы согласиться с тем, что это было восстание. Ведь разница между волнением и восстанием состоит в том, что восстание бывает подготовлено, у него есть организаторы. Как вы можете это определить?

Ф.И. Новик. Благодарю Вас, господин БореЙша, за участие в нашей дискуссии. Действительно, над определением того, какие же события произошли в ГДР в июне 1953 г., еще следует серьезно подумать. Если определять их как восстание, которое было тщательно подготовлено, то следует учитывать, что его готовили не только в ГДР. Здесь надо брать в расчет и международные факторы, активную разностороннюю вовлеченность Запада в подготовку и сам ход выступлений населения ГДР против собственных властей. А такое вмешательство извне во внутренние дела государств свидетельствует о попытках экспорта контрреволюции. И в этом случае волнения в ГДР едва ли можно характеризовать как восстание. Необходимо принимать во внимание и то, что не все слои общества участвовали в этих событиях: крестьянство и интеллигенция не принимали в них участия.

Спасибо Вам за интересные мысли по поводу того, как следует определять июньские события в ГДР. Этот вопрос, несомненно, еще требует тщательного изучения и проработки. Я согласна с Вами, что было бы полезно, пользуясь опубликованными документами о познанских волнениях 1956 г., сопоставить их с событиями в ГДР 1953 г.

Л.Н. Нежинский. Мы благодарим Ф.И. Новик за актуальный в политическом и научном отношении доклад. Эта тема в последние годы привлекает самое пристальное внимание вследствие того, что благодаря рассекречиванию архивов за 1950-е годы у нас в научной литературе и в прессе появились новые оценки событий этого времени. И здесь я особо хотел бы подчеркнуть вклад докладчика, ибо именно она преподнесла самый сильный сигнал в своей недавно вышедшей книге «“Оттепель” и инерция холодной войны (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.)». Там многое просто сенсационно по сравнению с тем, как освещались до этого и история ГДР, и ее отношения с СССР, и многие аспекты советской политики по германскому вопросу. Это очень важно. Поэтому было бы хорошо в будущем продолжать и расширять, по мере возможности, исследование.

Профессор Борейша затронул некоторые важные моменты. Польский коллега, конечно, знает, что в октябре 2003 г. мы проводим российско-польскую научную конференцию не только по истории отношений наших стран после второй мировой войны, но и в целом по истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Я намерен выступить там с докладом о процессе и последствиях сталинизации Восточной Европы до начала 1950-х годов. По первым послевоенным годам появились фундаментальные публикации, серьезные монографии наших коллег из Института славяноведения РАН.

Но вместе с тем сегодняшний доклад привел меня к выводу, что процесс сталинизации не закончился в 1949 г., как мы считали ранее. Он продолжался в разных формах, разных аспектах, разной степени. И те страницы истории ГДР во взаимосвязи с историей нашей страны, которые сегодня осветила в своем докладе Ф.И. Новик, были следующим этапом, очень сильным звонком, свидетельствующим о том, что не все было гладко в Центральной и Юго-Восточной Европе. Там продолжались очень сложные процессы. И существенный удар и звонок был как раз в июне 1953 г. в ГДР, а потом, на мой взгляд, не менее сильным звонком явились события летом 1956 г. в Польше и последовавшие за этим события в Венгрии. Это были мощные взрывы! В Польше при этом удалось не допустить кровопролития, а в Венгрии не смогли его предотвратить.

Важно подчеркнуть персональную роль послов в то время. В Польше советским послом был тогда П.К. Пономаренко, бывший в войну начальником Центрального штаба партизанского движения. Он почти каждый день посылал телеграммы в Москву с предостережением ни в коем случае не решать эти проблемы военной силой. Ю.В. Андропов, к великому сожалению, в своих телеграммах в Москву настаивал именно на военном решении в Венгрии. И к каким печальным результатам это привело! Это наглядный пример персональной роли наших дипломатов, наших крупнейших политических деятелей.

Г.А. Куманев. В том числе Первухина!

Л.Н. Нежинский. Согласен, и М.Г. Первухина! В настоящее время находят различные документы, которые очень интересны и проливают новый свет на его роль.

Таким образом, я думаю, что та страница международных отношений, всеобщей истории и истории взаимоотношений Советского Союза с его союзниками в Центральной и Юго-Восточной Европе, которая в особенности касается германской политики СССР в первой половине 1950-х годов, в значительной мере освещена в докладе. Но вместе с тем этот этап заслуживает дальнейшего углубленного изучения с привлечением новых данных, документов и материалов.

Наше общее отношение к докладу Ф.И. Новик, безусловно, позитивное. Мы заслушали очень интересный доклад. И вместе с тем мы будем рады, если она продолжит исследование этой проблемы, важной в целом для истории стран Европы этого периода.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безнин Михаил Алексеевич – доктор исторических наук, профессор Вологодского педагогического университета. Автор ряда статей по аграрной истории России.

Богданов Андрей Петрович – доктор исторических наук, академик РАЕН. Специалист по источниковедению, истории государства, Церкви и культуры России X–XVII вв. Автор 42 книг. Важнейшие монографии: “От летописания к исследованию”, “Русские патриархи”, “Московская публицистика последней четверти XVII века”, “В тени великого Петра”, “Стих и образ изменяющейся России”. Автор учебников, детских и историко-публицистических книг, знакомящих с российской историей широкий круг читателей.

Быстрова Нина Евгеньевна – кандидат исторических наук, автор публикаций: СССР и проблема создания безъядерных зон в Европе (середина 50-х – конец 80-х годов). М., 1995; Зарождение военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.) // Советское общество: Будни холодной войны. М.; Арзамас, 2000; СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе (1945–1955 гг.). М., 2005.

Бычкова Маргарита Евгеньевна – доктор исторических наук, специалист по генеалогии, источниковедению, археографии, политической истории России XV–XVI вв. Автор монографий: Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986; Русское государство и Великое княжество Литовское. М., 1995; Генеалогия в России: история и перспективы. М., 2004 (совм. с М.И. Смирновым) и др.

Денисова Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор. Специалист по истории крестьянства России XX в. Главные труды посвящены социально-экономическим и культурным проблемам российской деревни. Автор монографий: Всеоб-

щее среднее образование и социальный прогресс села. М., 1988; Невосполнимые потери: Кризис культуры села в 60–80-е годы. М., 1995; Rural Russia: Economic, Social and Moral Crisis” N.Y., 1995; Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960–1980-е годы. М., 1996; Женщины русских селений: Трудовые будни. М., 2003.

Димони Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент Вологодского педагогического университета. Автор ряда статей по аграрной истории России.

Иголкин Александр Алексеевич – доктор исторических наук. Специалист по истории энергетической политики России – СССР. Главные труды: Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 годах. М., 1999; Советская нефтяная промышленность в 1921–1928 годах. М., 1999; Источники энергии: экономическая история. М., 2001.

Мелихов Георгий Васильевич – доктор исторических наук, китаевед. Специалист по внешней политике России, советско-китайским и русско-китайским отношениям, истории и культуре российской эмиграции в Китае. Автор монографий: История внешней политики России. XVII–XIX вв. М., 1995–1999. Т. 1–4 (коллективная работа). Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; 2-е изд. М., 1994; Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг. М., 1997; Белый Харбин: середина 20-х”. М., 2003.

Михеев Вадим Иванович – кандидат исторических и юридических наук. Специальность – историография, источниковедение, методы исторического исследования. Монографии: Участие органов безопасности в борьбе с крестьянскими повстанческими выступлениями в Центрально-Черноземном регионе в 1922–1934 гг. М., 2003; Основные направления деятельности органов ГПУ – ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 гг. М., 2004.

Новик Фаина Ивановна – доктор исторических наук, специалист по истории послевоенной внешней политики и международных отношений, известный исследователь российско-германских отношений второй половины XX в. Ею опубликовано более 150 научных трудов в СССР/России и за границей по указанной проблематике. В их числе монографии: СССР – ФРГ: Проблемы сосуществования и сотрудничества. 1975–1982 гг. М., 1984 и “Оттепель” и инерция холодной войны: (Германская политика СССР в 1953–1955 гг.). М., 2002.

Самсонович Хенрик – профессор Варшавского университета (ректор в 1980–1988 гг.), академик ПАН. Крупный специалист по

истории Средневековья, автор монографий по истории городов, становлению средневековых государств, истории Польши.

Санин Геннадий Александрович – доктор исторических наук, специалист по проблемам истории внешней политики России XVII–XVIII вв. и русско-украинских отношений XVII–XVIII вв. Основные монографии: Отношения России и Украины с Крымским Ханством в середине XVII века. М., 1987; История внешней политики России с XV века до 1917 года. М., 1995–1998. Автор разделов и отв. редактор 1-го и 2-го томов.

Хевролина Виктория Максимовна – доктор исторических наук, специалист в области внешней политики России второй половины XIX в., русско-балканских связей, внешнеполитической общественной мысли. Основные монографии: Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международные отношения (конец 60-х – начало 80-х гг. XIX века). М., 1986; Власть и общество: Борьба в России по вопросам внешней политики. 1878–1894 гг. М., 1999; Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004.

Черевко Кирилл Евгеньевич – доктор исторических и филологических наук, академик Международной академии информатизации – ассоциированного члена ООН, член Совета Российской ассоциации японоведов. Основные работы: Несостоятельность территориальных претензий Японии к СССР. М., 1972; Японская советология: Критика внешнеполитических концепций М., 1983; Обзор советской исторической литературы по Китаю (1965–1970). М., 1981; Япония на дальневосточных рубежах России и СССР. XVIII–XX вв. М., 1987; История формирования границы Японии с Россией и СССР: Документы и материалы. М., 1988; Русская тихоокеанская эпопея: Сб. документов. Хабаровск, 1979 (совместно с В.А. Дивиным и Г.И. Исаенко); Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. М., 1999; Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001: пер. на японский язык. М., 2005.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 6

Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректоры *Д.Ю. Ментий, Т.А. Хромова*

Подписано к печати 10.07.2006
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 21,0
Усл.кр.-отг. 21,0. Уч.-изд.л. 20,0
Тип. зак. 3436

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ КНИГА:

Я.Н. Шапов

Справочный инструментарий историка России. 15 л.

Монография является уникальным трудом, раскрывающим перед исследователем-историком России, студентом, писателем, сценаристом все разнообразие справочников по истории России, которые были созданы в последние 150 лет, до начала XXI в., и являются необходимым пособием в работе по изучению ее прошлого. Она содержит методические указания об особенностях использования справочных изданий, вышедших в отдельные периоды истории страны, но основное ее содержание составляет перечень и характеристика справочников, начиная от издания общих и исторических энциклопедий, военных и политических справочников, указателей светских, церковных и религиозных учреждений, хронологических и терминологических справочников о России, изданных в стране и за рубежом. Отдельные главы посвящены общей и исторической библиографии и особенностям отражения ее в разные периоды истории страны, биографическим и биобиблиографическим словарям, в том числе типа “Кто есть кто”, словарям портретов, генеалогическим трудам, некрополям в России и за рубежом, литературным справочникам, региональным и географическим словарям и энциклопедиям, справочникам об архивах. В книге особое внимание уделяется возможностям и перспективам электронной справочной информации на настоящем этапе. Завершается монография библиографическим указателем справочников по истории России.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 www.LitRAS.ru E-mail:
info@litras.ru

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и
"Книга-почтой"**

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232)
45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433)
50-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел
125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)

113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 3833)
30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 277)
3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; (код 812) 297-91-86

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812)
323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-62 akademkniga@ufacom.ru

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09

www.LitRAS.ru

E-mail: info@litras.ru

zakaz@litras.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

---

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
www.naukaran.ru*

ISBN 5-02-035063-X

7 8 5 0 2 0 1 3 5 0 6 3 2